

И.В. Руднева

ХОРВАТСКОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ

конец 1960-х
начало 1970-х гг.

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт славяноведения

И.В. Руднева

ХОРВАТСКОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ

конец 1960-х

начало 1970-х гг.

Нестор-История
Москва • Санкт-Петербург
2014

УДК 94(4)
ББК 63.3(4)6
P83

Отв. редактор:
доктор исторических наук *Е.Ю. Гуськова*

Рецензенты:
доктор исторических наук *П.А. Искендеров*
кандидат исторических наук *Н.В. Бондарев*

Руднева И.В.

P83 Хорватское национальное движение в конце 1960-х — начале 1970-х годов. М. : Институт славяноведения РАН; СПб. : Нестор-История, 2014. — 332 с.

ISBN 978-5-4469-0315-3

Тема исследования связана с событиями в Социалистической Республике Хорватии в конце 1960 — начале 1970-х гг. В центре внимания автора сложное и неоднозначное общественно-политическое явление, известное в историографии как «Маспок» (Masovni pokret, в переводе с хорватского языка — массовое движение), «хорватская весна» или «массовое движение». Книга охватывает период с 1967 по 1971 гг. Хронологические рамки исследования обусловлены конкретными событиями, положившими начало и завершившими хорватское «массовое движение». В марте 1967 г. была опубликована «Декларация о названии и положении хорватского литературного языка», которая отразив хорватскую национальную идею, способствовала активизации всех общественных и политических сил в Республике. Верхний рубеж исследования — 1971 г., когда движение было свернуто после отставки руководства Республики и в ходе последовавших за ней массовых репрессий. Работа будет интересна студентам ВУЗов, занимающимся историей стран бывшей Югославии, ученым, изучающим данный регион и период, а также широкому кругу читателей, интересующимся новейшей историей Балкан.

УДК 94(4)
ББК 63.3(4)6

ISBN 978-5-4469-0315-3

9 785446 903153

© Институт славяноведения РАН, 2014
© И.В. Руднева, 2014
© Издательство «Нестор-История», 2014

ВВЕДЕНИЕ

Тема исследования связана с событиями в Социалистической Республике Хорватии в конце 1960 — начале 1970-х гг. В центре внимания сложное и неоднозначное общественно-политическое явление, известное в историографии как «Маспок» (Masovni pokret — хорватизм, в переводе с хорватского языка — массовое движение, «хорватская весна» или «массовое движение»). Понятие «Маспок» утвердилось во второй половине 1970-х гг., оно носило негативный оттенок, подразумевая хорватский «национализм». Очень часто, говоря об этом периоде, добавляют «так называемый «Маспок», это объясняется тем, что данное понятие в полной мере не устраивает исследователей, поскольку оно сильно политизировано. В начале 1990-х гг. стали говорить о «хорватской весне». Многие участники хорватского движения в это время вернулись на политическую сцену, и им было выгодно связать свои действия в прошлом с общеевропейскими тенденциями, предстать перед хорватской общественностью в роли смелых реформаторов и борцов за демократические ценности. Однако исторические предпосылки, причины, ход, этапы, содержание, участники и последствия событий в Чехословакии 1968 г. и в Хорватии в конце 1960-х — начале 1970-х гг. разные.

Стихийно возникшее в кругу непосредственных участников событий и закрепившееся в историографии терминологическое понятие «массовое движение» является на самом деле достаточно условным и не отражает всей сути явления. Прежде всего, движение не было массовым, имело сложную конфигурацию, неоднозначные проявления. Указанное понятие также не определяет национальный характер исследуемого нами явления. Но поскольку в историографии дефиниция «массовое движение» утвердилась достаточно прочно, а поиск новой терминологии пока не закончился, в книге использовалось

понятие «массовое движение», под которым понимается лишь национальный импульс, который хотя и закончился поражением, но имел важное значение для окончательного завоевания Хорватией независимости. При этом, желая подчеркнуть национальную составляющую движения, в зависимости от содержания материала, автор позволяет себе использовать и более широкое понятие «хорватское национальное движение» применительно к периоду с конца 1960-х до начала 1970-х гг.

В социалистической Югославии с начала 60-х гг. XX в. развернулся поиск универсальной экономической и политической модели, системы общественных отношений, определявшихся впоследствии как «самоуправление». Исследователи много внимания уделяли развитию этой системы во всех сферах жизни, однако практически не изученными остались межнациональные отношения, а также противостояние республик и союзного руководства в 1960–1970-е гг. Это было связано как с закрытостью архивных материалов, так и с господствовавшей в исторической науке исследовательской парадигмой, в соответствии с которой взаимоотношения наций и народностей в социалистическом обществе представлялись бесконфликтными, а любые возникавшие сложности объяснялись действиями контрреволюционных сил. Позже события социалистического периода отошли на второй план из-за кризисных явлений 1990-х гг.

А между тем исследуемые в монографии события не только имели сложный и многоплановый характер, но и оказали влияние на последующее развитие Хорватии и СФРЮ в целом. Именно на рубеже 1960-х -1970-х гг. мы наблюдаем возникновение и развитие в Хорватии движения со своей внутренней структурой, признанными лидерами и оппозицией, конкретными целями и программами. Благодаря архивным материалам, новым опубликованным документам, воспоминаниям участников, появилась возможность установить причины и проанализировать предпосылки возникновения в недрах социалистической системы хорватского «массового движения», более детально изучить все обстоятельства, связанные с событиями конца 1960-х — начала 1970-х гг.

Целью исследования является изучение общественного и политического феномена хорватского национального движения конца 1960-начала 1970-х гг. в Социалистической Республике Хорватии.

Для достижения указанной цели исследования предполагается решить следующие задачи:

- изучить исторические предпосылки «массового движения», причины и условия возникновения;
- определить его этапы;
- проанализировать цели, задачи, программы движения и показать, как они реализовывались на практике;
- исследовать роль хорватского партийного руководства в движении, а также позицию лидеров страны;
- установить причины свертывания «массового движения», его последствия и роль в развитии всего хорватского национального движения.

Монография охватывает период с 1967 по 1971 гг. Хронологические рамки исследования обусловлены конкретными событиями, положившими начало и завершившими хорватское «массовое движение». В марте 1967 г. была опубликована «Декларация о названии и положении хорватского литературного языка», которая отразив хорватскую национальную идею, способствовала активизации всех общественных и политических сил в Республике. Верхний рубеж исследования — 1971 г., когда движение было свернуто после отставки руководства Республики и в ходе последовавших за ней массовых репрессий.

В российской исторической науке данная тема не исследовалась. Югославскими историками она затрагивалась лишь частично. В научных работах можно найти описание или упоминание разрозненных событий этого периода, чаще в контексте исследований других тем. Поэтому вопрос «массового движения» в Хорватии заслуживает отдельного исследования.

Историография. В работе над книгой автор опирался на существующую научную литературу, работы югославских (хорватских, сербских), отечественных и западных ученых. Отличительной чертой историографии по данной теме является внимание исследователей к отдельным аспектам хорватского «массового движения»: взаимоотношениям внутри СКХ (Союза коммунистов Хорватии), деятельности Матицы хорватской (МХ), роли периодических изданий в тот период. В меньшей степени исследовались студенческое движение и хорватская политическая эмиграция. В изучении хорватского «массового движения» можно выделить несколько периодов:

оценки событий высшим партийным руководством в 1970-е гг., сделанные по горячим следам событий; попытки осмысления произошедшего в 1980-е гг., прежде всего, теми, кто имел к ним непосредственное отношение; активизация исследований в начале 1990-х гг. в целях аргументации закономерности распада Социалистической Федеративной Республики Югославия (СФРЮ); новый всплеск интереса к исследуемой теме с середины 1990-х — по настоящее время, особенно в Хорватии и Сербии. На этом этапе у ученых появилась возможность изучать архивные материалы, относящиеся к событиям в Хорватии в 1960–1970-х гг., опубликованы воспоминания участников хорватского «массового движения».

Оценки хорватского «массового движения» сербскими и хорватскими авторами отличаются многообразием и неоднозначностью. В 1970-е гг. преобладала официальная точка зрения, предложенная руководством страны. В феврале 1976 г. во всех центральных газетах было опубликовано интервью Президента СФРЮ И. Броз Тито шведской газете «Дагенс Нюхетер» о положении в стране и Союзе коммунистов Югославии (СКЮ) после XXI заседания Президиума СКЮ (декабрь 1971 г.)¹. Всю ответственность за события он возложил на часть руководства СКХ: «Оно разжигало самые опасные националистические и шовинистические тенденции и тем самым разрушало одно из самых больших завоеваний нашей революции — братство и единство наших народов»². В интервью И. Броз Тито назвал события в Хорватии «видом разрушительной деятельности». Эта одна из первых политических оценок хорватского «массового движения». В вышедшей в 1976 г. *«Истории Союза коммунистов Югославии»*³ содержалось лишь лаконичное упоминание о смене партийного руководства в Хорватии. Причины произошедшего не рассматривались. В этом же ключе выдержана работа С. Шувара *«Национальное и националистическое»* (Сплит, 1974 г.)⁴. Автор критикует «массовое движение», отмечая, что методы, использованные в нем (митинги и «иррациональное возбуждение масс») не отличались оригинальностью. Суть движения он видит в усилении роли в общественной и политической жизни Республики хорватской национальной элиты. По мнению С. Шувара, Хорватия в конце 1960-х — начале 1970-х гг. дала пример очередного традиционного для Европы обострения регионального национализма. В 1976 г. В. Бакарнич, один из активных участников тех событий, попытался несколько иначе

взглянуть на недавнее прошлое в книге «*Общественные классы, нация и социализм*»⁵. Автор считает, что «массового движения как такового не было. Это, скорее всего, было движение за конституционные поправки, а не борьба людей за что-то конкретное»⁶. С этой оценкой трудно согласиться, так как наше исследование показывает, что движение в Хорватии существовало, развивалось, формулировало свои конкретные задачи, выйдя далеко за рамки обсуждения возможных конституционных изменений. Одним из первых исследований 1970-х гг. непосредственно о хорватском «массовом движении» стала статья И. Перича «*Идеи «массового движения» в Хорватии*»⁷, (1974 г.). Уделив основное внимание анализу терминологии «Маспока», автор на основе доступных ему материалов пришел к выводу о националистическом характере движения.

Следующий этап в изучении хорватского «массового движения» относится к 1980-м гг., для него характерен серьезный анализ социалистической системы в целом, более пристальное внимание к деятельности хорватских коммунистов. Впервые исследователи обратили внимание на события в университетской среде и на оппозиционную печать исследуемого периода. Официальные издания не изменили своих оценок. В «*Истории Союза коммунистов Югославии*» (1985 г.)⁸, написанной новым авторским коллективом, говорилось об «ошибочном авангардизме» хорватских коммунистов в конце 1960-х гг. Общественная организация Матица хорватская (МХ) была охарактеризована как центр национализма, действовавший при поддержке лидеров Союза коммунистов Хорватии. Впервые были упомянуты некоторые лидеры движения, хотя в целом картина происшедшего оставалась фрагментарной.

В 1984 г. вышла книга И. Перича «*Современный хорватский национализм*»⁹. Автор сравнивал хорватский национализм межвоенного и социалистического периодов, отмечая, что первый был намного опаснее. Социалистическая система, по его мнению, в отличие от предыдущего режима была способна справиться с националистическими вызовами. Если в своей первой работе И. Перич искал доказательства националистического характера хорватского «массового движения», то в новом исследовании проявления национализма в социалистической Хорватии он связал с накопившимися в стране политическими и экономическими проблемами. Больше внимание в этой и последующих работах автор уделил студенческим волнениям 1971г.

В 1985 г. рассмотреть хорватское «массовое движение» попытался американский исследователь П. Рамет в книге *«Югославия в 1980-х годах»*¹⁰. Его работа интересна, прежде всего, всесторонним анализом хорватской периодической печати. П. Рамет пришел к выводу, что именно в годы подъема хорватского «массового движения» средства массовой информации в Югославии оказались в условиях максимальной свободы.

В начале 1990-х гг. в связи с событиями в бывшей Югославии изменился и подход к изучению хорватского «массового движения». На этом этапе очевидно стремление многих авторов связать события в Хорватии 1960–1970-х гг. с общеевропейскими процессами, завуалировать националистический характер движения, представляя участников движения борцами за общеевропейские ценности. В США была опубликована сначала брошюра хорватского эмигранта А. Чувало *«Хорватский национализм и хорватское национальное движение (1956–72) в англо-американских периодических изданиях»*¹¹, а позднее его монография *«Хорватское национальное движение: 1956–72»*¹². Брошюра — одно из редких исследований, благодаря которому мы можем судить о реакции западных СМИ на события в Хорватии. Что касается монографии, то вследствие ограниченной источниковой базы она вопреки названию не получила комплексного характера.

В 1990 г. вышла книга одного из участников событий М. Трипало под названием *«Хорватская весна»*¹³, в которой автор уделил особое внимание понятийному аппарату. Так, по его мнению, термин «Маспок» использовался в политической жизни после 1971 г. как выражение негативных оценок «политизации масс» в Хорватии. Автор попытался сравнить события в Хорватии в 1970-е гг. с «Пражской весной» 1968 г. После этого понятие «хорватская весна» стало широко использоваться в хорватской историографии. Сербские авторы скептически отнеслись к подобным оценкам. «В интерпретации событий 1971 г. в хорватской историографии есть только одно — искусственно преувеличенный размах хорватской «пражской» весны. При этом в Хорватии смотрят на себя как на инициаторов и инспираторов радикальных общественных реформ»¹⁴. отмечалось в предисловии к сборнику документов *«Генезис Маспока в Хорватии»*, изданном сербскими учеными в 1990 г.

В 1990-е гг. появились статьи сербских и хорватских авторов, посвященные отдельным аспектам исследуемой темы: идеологии

и терминологии движения, событиям в Университете Загреба, деятельности Матицы хорватской и ее периодическим изданиям, роли партийного руководства республики в «массовом движении», а также труды общего характера по истории хорватской государственности. Отдельную группу составляют работы хорватских эмигрантов, а также западных авторов.

Наиболее серьезный анализ движения принадлежит хорватскому историку Д. Биланджичу в труде *«Современная история Хорватии»*¹⁵. Автор рассмотрел предпосылки, причины, ход и последствия «массового движения». Причины возникновения движения он видит в десятилетнем «параличе власти», спровоцировавшем стремление республик к большей независимости. Следует, однако, заметить, что в исследовании Д. Биланджича явно ощущается нехватка архивных материалов. Он использовал в основном данные из сборника «Генезис Маспока в Хорватии», документы о «массовом движении» опубликованы с купюрами, что существенно снижает их ценность.

В 1990-е гг. продолжил свои исследования П. Рамет. В монографии *«Национализм и федерализм в Югославии 1962–1991 гг.»*¹⁶ он одним из первых попытался осветить роль хорватского коммунистического руководства в «массовом движении». Начало разногласий в СКЮ П. Рамет датирует мартовским 1962 г. пленумом Центрального комитета Коммунистической партии Югославии (ЦК КПЮ), выявившим глубокие разногласия между республиками по вопросам перспектив развития страны.

Об отдельных аспектах «массового движения» в 1990-е гг. писали: И. Шуте — *«Хорватская литературная газета» — между свободой и запретом»*¹⁷ (1999 г.), М. Кнезович — *«Демонстрации хорватских студентов осенью 1971 г. в печати того времени»*¹⁸, Б. Яндрич — *«Мнения о Декларации о названии и положении хорватского литературного языка»*¹⁹, К. Спехняк — *«Выборы в Хорватии 1967 и 1969 гг.»*²⁰.

Начиная с 2000 г., появилось немало серьезных работ по конкретным вопросам истории хорватского «массового движения». Авторы опирались на многочисленные воспоминания участников и архивные материалы. Исследования об участии студентов и преподавателей загребского Университета в движении осуществил хорватский историк Б. Яндрич²¹. Эту тему продолжил П. Маркович в статье *«Студенческое движение в Югославии в 60-х гг. XX века: между национализмом*

и интернационализмом, между реформизмом и догматизмом»²². Известному хорватскому политику, активному члену Матицы хорватской посвящена статья К. Спехняк «Вечеслав Холевац в политических событиях в Хорватии в 1967 г.»²³ На основе архивных материалов автор исследовала его деятельность во главе общества «Матица хорватских эмигрантов». В 2000 г. газета «Политика» опубликовала серию статей Й. Продановича «Жизнь и смерть доктора М. Жанко»²⁴. Рассказав о судьбе популярного хорватского политического деятеля Милоша Жанко, автор попытался дать оценку его деятельности в контексте истории не только Хорватии, но и Югославии в целом.

В последнее десятилетие возрос интерес исследователей к теме национальной идентичности. В связи с этим заслуживает внимания статья В. Пушич «Корни хорватской политической идентичности»²⁵. Статья является одной из немногих работ, в которой предпринята попытка объективно рассмотреть сложную картину политической жизни республики в начале 1970-х гг.

К работам общего характера, в которых исследуемые в книге вопросы затрагиваются в контексте более крупных проблем, относятся исследования хорватских историков Х. Матковича («История Югославии (1918–1991)»²⁶), И. Перича («Государственная мысль в Хорватии в IX–XX вв.»²⁷ и «Хорватия и мир в XX веке»²⁸), а также М. Куинджича и З. Диздара («Борьба Хорватии за самостоятельность 1918–1998»²⁹). Эти труды как нельзя лучше представляют позицию авторов, стремящихся в условиях независимой Хорватии, переосмыслить многие исторические события, особенно периода социалистической Югославии. За последние пять лет появились работы, обобщающего характера, освещающие, в том числе и хорватское «массовое движение». В первую очередь следует назвать монографию хорватского историка З. Раделича «Хорватия в составе Югославии 1945–1991»³⁰. Автор в своем исследовании использовал широкий круг источников, подробно осветил основные события хорватского движения, представил новую статистику по числу отставок и арестов в ходе проведения репрессивных мер против «массового движения» в Хорватии.

Авторы книг Х. Класич «Хорватская весна в Сисаке»³¹ и Т. Понош «На грани революции — студенты 1971 год»³² уделили внимание атмосфере, царившей в 1971 г. в студенческой среде. Х. Класич и Т. Понош не являются профессиональными историками, в их работах отсутствует научный аппарат, выводы не всегда обоснованы

и подкреплены документальными источниками. Однако отдельные приведенные авторами сведения представляются полезными для данного исследования.

Таким образом, в югославской историографии (сербской и хорватской) за прошедшие годы была проведена серьезная исследовательская работа по выявлению, публикации и систематизации источников, освещающих события хорватского «массового движения» в конце 1960-х-начале 1970-х гг. Делались попытки анализа отдельных аспектов этого общественно-политического феномена. Но серьезная политизация вопроса помешала ученым дистанцироваться от стереотипов региональных историографий, и осуществить комплексное исследование проблемы.

В российской историографии события 1960–1970-х гг. в Хорватии до настоящего времени не являлись предметом специального всестороннего рассмотрения: авторы ограничивались краткими упоминаниями или общепринятыми на тот период комментариями. В исследованиях, если данная проблема и упоминалась, то лишь несколькими фразами. Так, в вышедшем в 1985 г. академическом издании «Социалистическая Федеративная Республика Югославия»³³ под редакцией О. Т. Богомолова хорватское «массовое движение» было охарактеризовано как обострение межнациональных отношений, приведшее к кризисной ситуации. Авторы не указали даже, в какой именно из югославских республик возникли проблемы. Однако справедливости ради следует отметить, что информация по данному вопросу была ученым недоступна, и работали они на крайне ограниченной и неполной исторической базе.

В 1998 г. вышел в свет двухтомный учебник «Истории южных и западных славян»,³⁴ разработанный на Исторической факультете МГУ. В нем хорватское движение рассмотрено в контексте обострения межнациональных и социальных противоречий, в одном ряду с волнениями в Косове 1968 г., без раскрытия его специфических особенностей. К работам общего характера может быть отнесена «История Хорватии»³⁵ российского историка В. И. Фрейдзона, вышедшая в 2001 г. Автор ограничился рассмотрением деятельности Матицы хорватской, охарактеризовав ее как националистическую.

В 2008 г. была опубликована статья С. А. Романенко «Хорватская весна» и советско-югославские отношения на рубеже 1960–1970-х годов».³⁶ В центре внимания автора — внешнеполитический

аспект событий в Хорватии. Однако ряд положений статьи вызывает возражение. Так, проведение в статье параллелей с «Пражской весной», по нашему мнению, необоснованно. Исторические предпосылки, суть, участники, последствия у этих двух явлений общественно-политической жизни были разными. С. А. Романенко считает, что «хорватская весна» произошла в 1971 г., тем самым, выводя за скобки период 1967–1970 гг., представлявший собой ряд этапов становления и развития хорватского «массового движения», без анализа которых картина событий 1971 г. оказывается обрывочной.

Таким образом, обзор литературы, посвящённой хорватскому «массовому движению» в 1960–1970-х гг., показывает, что данная тема до последнего времени не была предметом всестороннего исследования.

Источниковая база исследования. Источниками для написания монографии стали материалы различного характера: документы из архивохранилищ Сербии, Хорватии, Словении и личных архивов участников и свидетелей событий: опубликованные документы по истории «массового движения», воспоминания и дневниковые записи участников событий, периодическая печать республик бывшей Югославии, служебные материалы агентства ИТАР-ТАСС.

С открытием архивов во второй половине 1980-х гг. создалась благоприятная ситуация для изучения проблемы хорватского «массового движения». В 1990-е годы начали публиковаться материалы закрытых партийных заседаний ЦК СКЮ и ЦК СКХ, Президиума СКЮ. Это было связано с развитием процесса становления государственности республик бывшей Югославии, а также пересмотром оценок исторических событий предшествующего периода.

При подготовке монографии автор в течение ряда лет работала в архивах Хорватии и Сербии. В *Хорватском Государственном Архиве* (ХГА) и в *Архиве Сербии и Черногории* (АСЧ) изучены, прежде всего, фонды ЦК СКЮ, ЦК СКХ, Социалистического союза трудового народа Югославии (ССТНЮ), в том числе секции Союза по межнациональным отношениям и Фонда Союзного исполнительного веча (СИВ), материалы заседаний комиссий ЦК СКХ по вопросам общественно-политической системы и внутренней политики. В исследовании были также использованы материалы *Архива Республики Словении*: документы Исполнительного комитета ЦК Союза коммунистов Словении и Республиканского

Секретариата внутренних дел, и документы фонда Э. Карделя, а также личный архив югославской журналистки, руководившей работой канцелярии М. Трипало, Лиляны Булатович. Особенно интересными представляются стенограммы бесед М. Трипало с корреспондентами различных югославских периодических изданий по национальному вопросу.

Среди опубликованных документов следует выделить сборник *«Генезис массового движения в Хорватии»*³⁷ (1990 г.), охватывающий события истории Хорватии 1967–1974 гг. Его составители — Й. Кесар, Д. Бильбия и Н. Стефанович, по их собственному утверждению хотели, прежде всего, представить через документы генезис, суть и динамику процессов общественной и политической жизни республики. Сборник содержит около 500 документов, расположенных по хронологическому принципу и разделенных на шесть тематических групп. Его позитивной стороной, несомненно, является многообразие представленных источников. Однако к составителям можно предъявить и ряд претензий. Например, чрезмерное внимание авторов к деятельности лишь одного из участников тех событий — М. Жанко. Кроме того, отсутствуют материалы за 1968 г., а ведь именно в это время шло становление будущей хорватской оппозиции. В сборник не вошли и другие важные материалы, например, о конфликте хорватского руководства с союзными органами, в ходе которого Хорватия сформулировала свои экономические требования. Вместе с тем, в целом вышеуказанный источник помогает исследовать механизмы функционирования государственной и партийной системы СФРЮ.

Большое значение для исследования имеют опубликованные материалы расширенного заседания Комиссии ЦК СКХ 1964 г. *«Югославия в Хорватии»*³⁸ (Белград, 2000 г.). Документы показывают, что в союзном руководстве не было единства взглядов по многим жизненно важным вопросам развития страны. Не было этого единства и в руководстве Хорватии.

Для раскрытия обозначенной темы, несомненно, важен сборник документов под характерным названием *«Расправа, учиненная над Хорватией в Караджорджеве в 1971 г.: материалы XXI заседания Президиума ЦК СКЮ»*³⁹, опубликованный в 1994 г. Он содержит в себе полную стенограмму встречи И. Броз Тито с хорватским руководством (30 ноября 1971 г.) и последовавшего за ним XXI заседания

Президиума ЦК СКЮ (1–2 декабря 1971 г.) в местечке Караджорджево. Инициаторами этой публикации стали идеологи и активные участники хорватского «массового движения», члены Матицы хорватской Ш. Джодан и М. Веселица. Документы в полной мере отражают противоречия между республикой и центром, показывают отношение И. Броз Тито к хорватскому движению и позиции хорватского руководства.

При исследовании хорватского «массового движения» были привлечены материалы британской миссии в Загребе, опубликованные М. Джиласом в 2002 г. под названием «*Секретные британские документы о хорватской весне*»⁴⁰. Представители посольства Великобритании внимательно отслеживали ситуацию в Хорватии, они регулярно отправляли донесения в Лондон, описывая в них происходившие в республике события и давая им свою оценку. Так, например, британские дипломаты не верили, что И. Броз Тито решится на отставку хорватского руководства; они считали также, что хорватские лидеры были способны оказать серьезное сопротивление попыткам сместить их с высоких постов.

В 2003 г. был опубликован важный для исследуемой темы архивный документ под названием «*Сообщение о положении в Союзе коммунистов Хорватии в связи с проникновением национализма в его ряды*»⁴¹. Это доклад специально созданной при ЦК СКЮ комиссии, подробно изучившей возникновение, развитие и последствия хорватского «массового движения», а также роль в нем СКХ. Доклад был заслушан на 28 заседании ЦК СКХ 8 мая 1972 г. и содержал последовательный анализ возникновения националистических тенденций, их распространения среди членов партии, и в некоторых общественных и культурных организациях.

В Сербии в 1999 г. Й. Бошковицем был издан сборник документов «*Возрождение Независимого государства Хорватии*»⁴². Автор представил материалы, свидетельствующие, по его мнению, о неравноправии и ущемлении прав сербского населения в Хорватии на протяжении более полувека. Одна из глав сборника описывает обстановку в республике в 1971 г. В ней отражены антисербские настроения в социалистической Хорватии, в частности приведены высказывания лидеров хорватского «массового движения».

При работе над монографией также использован сборник документов, подготовленный в 1985 г. известными сербскими историка-

ми Б. Петрановичем и М. Зечевичем: «Югославия. 1918–1984 гг.»⁴³. В него вошли документы, отражающие экономическую, политическую и культурную жизнь страны, материалы съездов СКЮ, пленумов ЦК СКХ, работу над конституционными поправками, а также статистику. «Массовому движению» в Хорватии посвящена отдельная глава, в которую включены материалы X пленума ЦК СКХ (1970 г.), выступление И. Броз Тито на заседании Президиума СКЮ (1–2 декабря 1971 г.). К сожалению, движение в Хорватии, хотя и получило на указанном заседании принципиальную оценку как «ключевая проблема страны», в сборнике заняло неоправданно скромное место.

Материалы зарубежных периодических изданий опубликовал И. Корски в книге «Хорватский национализм»⁴⁴. Эти источники дают представление об оценках событий в Хорватии в кругах хорватской эмиграции, показывает, какие планы в отношении Хорватии разрабатывались за границей в новых исторических условиях.

К сборникам опубликованных документов относятся также материалы Веча Сабора Социалистической республики Хорватия (СРХ)⁴⁵, отразившие основные задачи и программу этого органа в 1970 г., а также документы предвыборной Конференции СКХ 1973 г.⁴⁶, содержащие информацию о планах дальнейшего развития СКХ с учетом влияния хорватского «массового движения». К документам общесоюзного значения относятся материалы IX (1969)⁴⁷ и XI (1978)⁴⁸ съездов СКЮ, в рамках которых обсуждались вопросы взаимоотношений республик и центра.

Важным источником для характеристики «массового движения» и, что немаловажно, воссоздания атмосферы того времени являются статьи и интервью участников событий (выступления и заявления И. Броз Тито, М. Трипало, С. Дабчевич — Кучар, В. Бакарича, М. Веселицы, Ш. Джодана и многих других), появившиеся в 1960–1970-х гг., и в более поздний период. В работе широко использованы югославские периодические издания, находящиеся в фондах библиотек Москвы, Загреба и Белграда. Это, прежде всего, газеты «Виесник» и «Виесник у среду», выходившие в Хорватии. Газета «Виесник» стояла у истоков хорватского «массового движения». В ней активно работали журналист Б. Новак, главный редактор М. Балетич и редактор внутренних политических рубрик З. Жидовец. Эти газеты стали трибуной нового курса Хорватии.

Из числа общенациональных югославских газет были изучены «*Политика*» и «*Борба*». Особый интерес представляет журнал «*НИИ*», известный своей независимой позицией в тот период и достаточно смелой оценкой происходивших в стране событий и процессов. Именно это издание инициировало в конце 1960-х — начале 1970-х гг. социологические опросы по всей стране по вопросам межнациональных отношений. Некоторые из них использованы в работе над книгой.

Еще одним важным видом источников стали мемуары участников движения. Они могут быть разделены на три группы, в соответствии с принадлежностью авторов к трем политическим центрам. Первыми в этом жанре выступили представители хорватского руководства. В 1990-е гг. вышли воспоминания М. Трипало «*Хорватская весна*»⁴⁹ и С. Дабчевич-Кучар «*1971 год: Хорватские сны и реальность*»⁵⁰ и Д. Харамии «*25 лет спустя после большевистского удара. Воспоминания о хорватской весне*»⁵¹. Свидетельства этих деятелей очень важны и интересны для данной работы, поскольку, занимая высокие посты в Хорватии в указанный период, они были инициаторами изменений и проводниками политики, которая создала предпосылки для возникновения хорватского «массового движения». Для всех авторов общим является стремление представить события 1960–1970-х гг. частью общеевропейских демократических процессов, а свое участие в них — противостоянием так называемых «реформаторов» консервативной коммунистической элите. Подобная интерпретация «массового движения» объясняется тем, что бывшие лидеры Хорватии в 1990-е гг. вернулись в политическую жизнь, создали свои партии, и им было выгодно в предвыборных кампаниях позиционировать себя как политиков с богатым опытом борьбы за демократию. В монографии использованы и другие работы М. Трипало⁵². Последние воспоминания М. Трипало увидели свет в 2005 г. Представленные в виде его интервью журналисту Й. Шентии, они называются «*Беседы с Мико Трипало о хорватской весне*»⁵³. Особенностью этой книги воспоминаний является стремление политика пересмотреть свою роль в событиях 1960–1970-х гг. и представить себя человеком случайным в хорватском «массовом движении». К началу 2000-х гг. тема событий 1960–1970-х в Хорватии стала непопулярной, ее участники все чаще подвергались критике нового поколения хорватов, осуществивших вековую мечту о создании независимого государства.

Немало ценных данных по теме монографии содержится в воспоминаниях М. Врхунца *«Шесть лет с Тито (1967–1973). Взгляд изнутри»*⁵⁴. Будучи политическим деятелем из близкого окружения И. Броз Тито, он подробно описал ситуацию начала 1970-х гг. и переговоры И. Броз Тито с хорватским руководством в разгар «массового движения». В книге использованы также воспоминания сербских политиков Л. Перович *«Люди, события и книги»*⁵⁵ и М. Никезича *«Сербская хрупкая вертикаль власти»*⁵⁶, которые дают свое видение развития социалистической Югославии и взаимоотношений между республиками.

Не менее важным источником представляются дневниковые записи, в частности, историка Д. Биланджича *«История вблизи. Дневники: 1945–2005 гг.»*⁵⁷ и писателя Д. Чосича *«Заметки писателя (1951–1968)»*⁵⁸. Эти два автора являются выдающимися представителями своих интеллектуальных национальных элит, поэтому столь важны их дневники, отражающие атмосферу того времени. Кроме того, эти люди привели много новых сведений и конкретных фактов, которые отсутствуют в официальных документах.

К дневниковым записям относится и книга З. Вуковича *«От деформации УГБ до Маслопа и либерализма: мои стенограммы 1966–1972 гг.»*⁵⁹. Автор книги в указанный период являлся генеральным директором Радио и телевидения и членом ЦК СК Сербии. Он лично присутствовал на многих партийных форумах, стенографировал их. В его записях отражены реакция сербских руководителей на события в Хорватии, оценки их как попытки нарушить целостность федерации.

В конце 1990-х гг. появились воспоминания членов Матицы хорватской. Многие из этих деятелей возвращались из мест заключения с запретом на общественную деятельность, но публиковать воспоминания и давать интервью им разрешалось. Прежде всего, выделяются дневниковые записи Й. Билича *«1971 год — что это было»*⁶⁰, М. Балетича *«Хорватский сеанс одновременной игры»*⁶¹ и З. Комарицы *«Записки узника 1972 года»*⁶². Й. Билич и М. Балетич подробно, день за днем, описали, как развивались события в ходе «массового движения». В их воспоминаниях хорошо передана атмосфера, царившая в хорватских интеллектуальных кругах в 1971 г. В книге З. Комарицы уделено значительное внимание последствиям хорватского «массового движения», тому, в каких условиях оказались

его участники после того, как оно было свернуто. Интересна книга Х. Шошича «Поражение хорватской коммунистической весны 1971 года»⁶³. Автор являлся непосредственным участником событий, одним из самых активных членов Матицы хорватской. Его воспоминания дают возможность сравнить оценки событий «массового движения» партийными деятелями и представителями хорватской интеллигенции. К более поздним воспоминаниям относится книга М. Кастратовича «Весна современной Хорватии»⁶⁴, из которой можно почерпнуть сведения о студенческом движении и деятельности Матицы хорватской.

Ряд воспоминаний вышел из-под пера преподавателей и студентов университетов Загреба и Белграда. Среди них выделяется книга И. Миладиновича «Тайна и напоминание. 1968: спустя тридцать лет. Все секреты студенческой революции»⁶⁵. Автор представил новые факты событий 1968 г., попытался разобраться и снять некоторые спорные вопросы. В частности, он отделил события в университетах Загреба и Белграда, подчеркнув различия в настроениях, царивших в студенческой среде двух югославских республик.

С начала 1990-х гг. появилась практика проведения круглых столов по случаю годовщин событий 1971 г. На эти мероприятия приглашались участники хорватского «массового движения», а их выступления публиковались⁶⁶. Эти материалы также были использованы в монографии. Нельзя обойти вниманием и весьма интересный проект, инициатором которого в 1990 г. стал хорватский историк Д. Биланджич. Он собрал главных участников хорватского движения (М. Трипало, В. Готовац, М. Веселица, Д. Будиша, К. Джебба, Б. Новак, Д. Харамия, Ш. Джодан, П. Кристе, Ф. Туджман, Й. Шентия, И. З. Чичак и другие) и проинтервьюировал каждого из них. Так появилась книга «Прерванное молчание: люди из 1971 года»⁶⁷. Участники данного проекта, теперь уже с исторической дистанции, представили собственное видение и оценку хорватского движения, обозначили свою роль в нем. Весьма интересны подробности их встреч с И. Броз Тито, сведения о контактах хорватского руководства со студентами и преподавателями Загребского университета и Матицей хорватской.

Таким образом, источниковая база нашего исследования позволяет решить поставленные в работе задачи: выделить этапы хорватского

«массового движения», обозначить его политические центры, проанализировать их программы и деятельность, сделать обоснованные выводы о сути и последствиях национального движения в Хорватии в период 1960–1970-х гг.

Примечания

¹ Броз Тито И. Интервью газете «Виесник» // Югославия — актуальные проблемы общественного развития. М.: 1977. 236 с.

² Там же. С. 70.

³ Istorija Saveza komunista Jugoslavije. P. Morača, Dr. D. Bilandžić, Dr. S. Stojanović. Kratak pregled // Beograd: 1976. 346 s.

⁴ Šušvar S. Nacionalno i nacionalističko. Split: 1974. 397 s.

⁵ Bakarić V. Društvene klase, nacija i socijalizam. Zagreb: 1976. 250 s.

⁶ Ibid. S. 240.

⁷ Perić J. Ideje «Masovnog pokreta» u Hrvatskoj. Zagreb: 1974. 274 s.

⁸ Историја Савеза комуниста Југославије. Аутори — Ј. Плетерски, Д. Кецић, М. Васић, Б. Петрановић, Д. Биландић. Београд: 1985. 487 с.

⁹ Perić I. Savremeni hrvatski nacionalizam. Zagreb: 1984. 318 s.

¹⁰ Ramet P. Yugoslavia in the 1980 s. L.: 1985. 354 p.

¹¹ Čuvalo A. Croatia nationalism and the Croatian national movement (1956–72) in Anglo-American publications. New York: 1990. 20 s.

¹² Čuvalo A. The Croatian national movement: 1956–72. New York: 1990. 275 s.

¹³ Tripalo M. Hrvatsko proljeće. Zagreb: 1990. 267 s.

¹⁴ Geneza maspoka u Hrvatskoj. Kesar J., Bilbija Đ., Stefanović N. Beograd. 1990. 1202 s.

¹⁵ Bilandžić D. Hrvatska moderna povjest. Zagreb: 1999. 836 s.

¹⁶ Ramet S.P. Nationalism and federalism in Yugoslavia: 1962–1991. Bloomington: Indiana University Press, 1992. 346 s.

¹⁷ Šute I. Hrvatski književni list — između slobode i zabrane // Hrvatski zbornik. 1999. № 52. S. 71–104.

¹⁸ Knezović M. Štraik hrvatskih sveučilistaraca u jesen 1971 u onodobnom tisku // Zagreb: Radovi zavoda za povjest znanosti FF. 1995. Vol.28. S. 230–241.

¹⁹ Jandrić B. Pogledi na Deklaraciju o nazivu i položaju hrvatskog književnog jezika // Povjesni prilozi. Zagreb: 1999. № 18. S. 325–371.

²⁰ Spehnyak K. Izbori u Hrvatskoj 1967 i 1969 // Časopis za savremenu povjest. Zagreb: 1998. № 30. S. 317–346.

²¹ Jandrić B. Sveučilišni nastavnici Filozofskog fakulteta u Zagrebu u obrani sastavljača i potpisnika Deklaraciji o nazivu i položaju hrvatskoga knjiženog jezika // Dijalog povjesničara-istoričara. Zagreb, 2000. 20–22 oktobra. S. 393–409;

Jandrić B. Stajalište članova SKH Filozofskog fakulteta u Zagrebu u povodu studentskih nemira od 3 do 11 lipnja 1968 g. // *Časopis za savremenu povjest*. Zagreb, 2002. № 1. S. 7–40; Jandrić B. Izbor iz inozemnog tiska o studentskih demonstracija u Jugoslaviji 1968 godine // *Dijalog povjesničara-istoričara*. Zagreb, 2001. 5–7 listopada. S. 297–313; Jandrić B. Stajališta hrvatske komunističke emigracije u Hrvatskom proljeću u najznačajnjem emigrantskom časopisu Hrvatskoj reviji // *Časopis za savremenu povjest*. Zagreb: 2003. № 2. S. 431–461; Jandrić B. Uloga Matici hrvatske u događajima 1971 godine // *Dijalog povjesničara-istoričara*, Zagreb, 2002. 20–22 septembra. S. 415–433.

²² Marković P. J. Studentski pokret u Jugoslaviji 60-tih godina 20 veka: između nacionalizma i internacionalizma, između reformizma i dogmatizma // *Dijalog povjesničara-istoričara*. Zagreb, 2002. 20–22 septembra. S. 393–413.

²³ Spehňjak K. Većeslav Holjevac u političkim događajima u Hrvatskoj 1967 godine // *Časopis za savremenu povjest*. Zagreb, 2000. № 32. S. 567–593.

²⁴ Продановић Ј. Први сукоби са хрватским националистима (сећања: живот и смрт др. Милоша Жанка) // *Политика*, 08.02.2000. С. 13; Продановић Ј. Критика Декларације о хрватском књижевном језику (сећања: живот и смрт др. Милоша Жанка 2) // *Политика*, 09.02.2000, С. 19; Продановић Ј. Политичка ликвидација у телевизијском преносу (сећања: живот и смрт др. Милоша Жанка 3) // *Политика*, 10.02.2000. С. 17; Продановић Ј. Највећи фајаско у Титовој каријери (сећања: живот и смрт др. Милоша Жанка 4) // *Политика*, 11.02.2000. С. 17.

²⁵ Pušić V. Korišeni hrvatskog političkog identiteta // *Erasmus*. 1996. № 15. S. 3–8.

²⁶ Matković H. *Povjest Jugoslavije: 1918–1991*. Zagreb: 2003. 444 s.

²⁷ Perić I. *Hrvatska državotvorna misao u XIX –XX stoljeću*. Zagreb: 2002. 521 s.

²⁸ Perić I. *Hrvatska i mir u XX stoljeću*. Zagreb: 1996. 219 s.

²⁹ Kujundžić M., Dizdar Z. *Hrvatska borba za opstojnost 1918–1998*. Zagreb: 2000. 428 s.

³⁰ Radelić Z. *Hrvatska u Jugoslaviji 1945–1991.: od zajedništva do razlaza*. Zagreb: 2006. 702 s.

³¹ Klasuč H. *Hrvatsko proljeće u Sisku*. Zagreb: 2006. 218 s.

³² Ponoš. T. *Na rubu revolucije-studenti 1971*. Zagreb: 2007. 219 s.

³³ Социалистическая Федеративная Республика Югославия / Гл. ред. О.Т. Богомолов. М.: 1985. 320 с.

³⁴ История южных и западных славян: в 2 т.: Учебник. Т.2: Новейшее время / Под ред. Г.Ф. Матвеева, З.С. Ненашевой. М.: 1998. 272 с.

³⁵ Фрейдзон В.И. *История Хорватии. Краткий очерк с древнейших времен до образования республики (1991 г.)*. Санкт-Петербург: 2001. 318 с.

³⁶ Романенко С.А. «Хорватская весна» и советско-югославские отношения на рубеже 1960–1970-х годов // *Славяноведение*. № 3. 2008. С. 60–75.

- ³⁷ Geneza maspoka u Hrvatskoj. Beograd: 1990. 1202 s.
- ³⁸ Babić G. Jugoslavija u Hrvatskoj. Beograd: 2000. 215 s.
- ³⁹ Sječa Hrvatske u Karadorđevu 1971: 21 sjednica. Autorizarani zapisnik. Glavni odgovorni urednik Pišković M. Zabreb: 1994. 363 s.
- ⁴⁰ Britance oduševila Titova odluka da slomi Hrvatsko proljeće // РЕЖИМ доступа: Tajni britanski dokumenti o Hrvatskom proljeću. Urednik M. Đilas // <http://nacional.hr/hr/articles/view/12886>
- ⁴¹ Savez komunista Hrvatske. Centralni komitet. Sjednica (28, Zagreb, 1972), Izvještaj o stanju u Savezu komunista Hrvatske u odnosu na prodor nacionalizma u njegove redove (usvojen na 28 sjednici CK CKH, 8 svibnja 1972). Zagreb: 2003. 314 s.
- ⁴² Bošković J. NDH drugi put. Beograd: 1999. 468 s.
- ⁴³ Petranović. B., Zečević M. Jugoslavija 1918–1984. Zbirka dokumenata. Beograd: 1985. 1144 s.
- ⁴⁴ Korsky I. Hrvatski nacionalizam. Zagreb: 1991. 400 s.
- ⁴⁵ Osnovni zadaci i programi rada Sabora SR Hrvatske, Vjeća Sabora, odbora i komisija Sabora, Zagreb: 1970. 145 s.
- ⁴⁶ Nacrt izvještaja za XXII izbornu konferenciju SK Hrvatske. Zagreb, Veljača, 1973, 24S.; Savez komunista Hrvatske. Izborna konferencija. Zagreb, 1973. 96 s.
- ⁴⁷ Deveti Kongres SKJ. Dokumenti. Beograd: 1969. 447 s.
- ⁴⁸ Jedanaesti Kongres Saveza komunistov Jugoslavije. Dokumenti. Beograd: 1978. 542 s.
- ⁴⁹ Tripalo M. Hrvatsko proljeće. Zagreb: 1990. 267 s.
- ⁵⁰ Dabčević-Kučar S. 1971 g. hrvatski snovi i stvarnost. Zagreb: 1997, 2 sv.
- ⁵¹ 25 obljetnica boljševičkog udara i sjećanje na hrvatsko proljeće. Zagreb: 1997. 180 s.
- ⁵² Tripalo M. Bez kompromisa u ostvarivanju samoupravnog socijalizma. Zagreb, 1969; Tripalo M. S poprišta. Zagreb: 1971. 404 s.
- ⁵³ Šentija J. Razgovori s Mikom Tripalom o hrvatskom proljeću. Zagreb: 2005. 187 s.
- ⁵⁴ Vrhunec M. Šest godina s Titom: (1967–1973): pogled s vrha i izbliza. Zagreb: 2001. 375 s.
- ⁵⁵ Perović L. Ljudi, događaji i knjige. Beograd: 2000. 250 s.
- ⁵⁶ Nikezić M. Srpska krhka vertikala. Beograd: 2003. 343 s.
- ⁵⁷ Bilančić D. Povijest izbliza. Memuarski zapisi 1945–2005. Zagreb: 2006. 738 s.
- ⁵⁸ Ђосип Д. Пишчеви записи (1951–1968). Београд: 2000. 419 с.
- ⁵⁹ Vuković Z. Od deformacija SDB do maspoka i liberalizma: Moji stenografski zapisi 1966–1972 godine. Beograd: 1996. 400 s.
- ⁶⁰ Bilić J. 1971 koja je to godina. Zagreb: 1990. 328 s.
- ⁶¹ Baletić M. Htvatska simultanka: prsinac sedamdeset prve. Zagreb: Naklada Pekulić, 2003. 366 s.

⁶² Komarica Z. Uznički zapisi 72. Zagreb: 1999. 332 s.

⁶³ Šošić H. Slom hrvatskog komunističkog proljeća 1971. Zagreb: 1997. 311 s.

⁶⁴ Kastratović D. Proljeće moderne Hrvatske. Zagreb: 2002. 330 s.

⁶⁵ Миладиновић И. Тајна и опомена: 1968.: тридесет пет година касније: Све модрице студентске револуције. Београд: 2003. 179 с.

⁶⁶ Šošić H. Hrvatski tjednik u 1971 g. // Kolo Matice Hrvatske. 1994, № 11/12. S. 1163–1190; Šošić H. Godina 1971 // Hrvatska obzorja. 1997. № 5. S. 13–36; Roboteg M. Vrijeme romantike i preporodnog zanosa o hratskom proljeću u Splitu // Hrvatska obzorja: Časopis Matici Hrvatskoj. Split. 1996. № 4. S. 821–830; Trošelj D. Hrvatsko proljeće i Matica hrvatska // Hrvatska obzorja. 1996. № 4. S. 71–81; Bošković I. Hrvatsko proljeće i splitski kulturni život // Hrvatska obzorja. 1996. № 4. S. 765–767; Jelavić A. O zbivanjima na splitskom Pravnom i Ekonomskom fakultetu // Hrvatska obzorja. 1996. № 4. S. 797–798; Petrić D. Hrvatsko proljeće u Splitu godine 1971 // Hrvatska obzorja. 1996. № 4. S. 807–810.

⁶⁷ Bilandžić D. 1971 godina u Hrvatskoj // Prekinuta šutnja: ljudi iz 1971 g. Zagreb: 1990. S. 9–21

ГЛАВА 1

ПРЕДПОСЫЛКИ ХОРВАТСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ

§1. Основные этапы развития хорватской национальной идеи

Одним из основных хорватской национальной идеи являлся вопрос территорий. Первое упоминание о хорватах мы встречаем у византийского историка Константина Багрянородного (Порфирогенета) в первой половине X в., который записал, что царь Ираклий поселил хорватов на территории от Цетинья до Истры. Называет автор земли хорватов Приморская Хорватия. Позднее историк отмечает, что часть хорватов заселила территории от Илирики до реки Савы¹. Эти территории получили название Панонская Хорватия. В VII в. эти земли находились под властью аваров, а потом до конца VIII в. здесь властвовали франки.

Хорватские племена оказались в окружении недружественного местного романского и романизованного населения, считавшего новых соседей «варварами-язычниками». Хорваты долго сохраняли древние культы. Принятие христианства на территории Далмации и Славонии растянулось с VII по XI век. На этот процесс оказывали влияние различные силы, прежде всего Рим, Византия и Аквилейский патриархат.

Усиление хорватских земель произошло при князе Томиславе в 910–930 гг., когда хорваты провозгласили королевство. Однако, по данным латинского источника, писателя раннего средневековья Анхарда, в 1000 г. Приморская Хорватия оказалась под властью Венеции, а Панонская Хорватия присоединилась к венгерскому королевству. Войдя в состав другого государства, хорватские земли потеряли четкие границы. На территориях Неретвлянской области (Пагания), Требинья (Травуния) и Захумья (Хум), впоследствии вошедших в состав современных Хорватии и Боснии, жили сербы. Этнические границы между хорватами и сербами проходили в районе Сплита.

Хорватские земли испытывали влияние двух церковно-политических центров — Рима и Константинополя. Постепенно влияние Рима стало преобладать и окончательно закрепилось в 1054 г. после разделения церквей. Раннесредневековое хорватское государство находилось на землях Салонской епископии, и церковь Сплита стала ее наследницей. Но хорватские правители стремились к созданию собственной церковной организации, поэтому в государственную идеологию изначально заложили мысль о прямой связи хорватской церкви с Римом. Ориентация на Святой престол способствовала распространению на хорватских землях латинского языка и сделала католическую принадлежность одним из основных признаков отличающих хорватов от сербов. После вхождения в 1102 г. Хорватского королевства в состав Венгрии авторитет латинского языка укрепился еще больше. Однако уже с XII вплоть до XIV века хорваты вели борьбу с Римом за право использовать глаголическую письменность, которую использовали в литургических, литературных и деловых текстах на всем протяжении Средних веков и Нового времени жители Далматинской Хорватии. Язык глаголических текстов оказал серьезное влияние на попытки разработать единый для всех хорватов литературный язык. Подобные проекты разрабатывали немногочисленные хорватские протестанты, которые группировались вокруг типографий и способствовали развитию глаголического книгопечатания. Задача создания и развития хорватского литературного языка стала еще одной важной составляющей хорватской национальной идеи.

В XIV в. Балканский полуостров начали завоевывать турки, и территории, на которых проживали славянские народы, стали ареной многочисленных войн. Хорватское население оказалось на территории северной Далмации в Венецианской республике, а также в пограничных районах Австрии и Венгрии. К концу XV в. Далмация была заселена и сербами, и хорватами. В северной части от Цетинья и Полицы до Истрии жили хорваты, на юге и в центре от Полицы до Драча — сербы. Постепенно, в ходе военных действий хорваты были полностью вытеснены турецкими войсками из северной Далмации. Эти данные подтверждает А. Барбариго, представитель Венецианской республики в Далмации, 74 венецианский дож, который пишет: «Города стоят пустые. Католики бросили свои храмы. На побережье Далмации не осталось ни одного представителя католической церкви.

Книн и Книнска Краина были провозглашены Римской курией своей территорией, но здесь нет ни храмов, ни верующих»².

Под натиском турецких войск сербское население бежало в приграничные районы Австрийской империи, где в 1630-х гг. была создана Хорвацко-Славонская военная граница, особая административно-территориальная единица, подчиненная непосредственно австрийским властям. Завершились австро-турецкие войны в 1699 г. Карловацким миром. По мирному договору Габсбургская империя получила области Славонию, часть нынешней Воеводины (земли в Среме и Бачке), а позднее весь Срем и Банат. Хорваты сохранили область в приграничных районах Австрии и Венгрии, австрийская часть называлась Цивильная Хорватия, а венгерская — Банская Хорватия. После войны они обратились к имперским властям с просьбой о присоединении к ним Славонии, но получили отказ. В Славонии жили сербы и венгры, которых хорватские политические круги настойчиво называли славонскими католиками. Присоединить Славонию удалось в 1745 г., но даже после этого в Венгерском парламенте депутаты из Банской Хорватии и Славонии были разделены. Довольно быстро хорваты переименовали Славонию в Северную Хорватию, подчеркивая ее давнюю принадлежность к хорватским землям. В том же 1745 г. Банская Хорватия присоединила западный Срем, в котором преобладало сербское население. В 1797 г. в состав Австрийской империи вошла Далмация, которую хорватские власти также мечтали видеть в составе своих территорий. Эти чаяния нашли свое отражение в самоназвании хорватских земель — Триединое королевство Хорватия, Славония и Далмация. Австро-венгерские власти никогда не признавали эту формулировку, так как никогда не передавали хорватам управление Далмацией. Таким образом, уже на этом историческом этапе в сознании хорватской элиты появляется представление о необходимости присоединения территорий со смешанным населением, осуществляются попытки обосновать на них свои права, подменяя одни названия исторических областей другими.

Идеи о создании единого славянского королевства появились у хорватских авторов еще в XVII в. Дубровчанин М. Орбини написал сочинение «Королевство славян», в котором рассуждал о вкладе славянских народов в развитие европейской цивилизации. И. Лучич из Трагира создал труд на латинском языке по истории хорватских земель. В начале XVIII в. начинает развиваться хорватская

политическая мысль. П. Риттер-Витезович считается предшественником иллирийского движения. В своем труде «Всемирные хроники» он стал автором первой программы политического объединения славян под скипетром Габсбургов. Всех югославян П. Риттер-Витезович называл хорватами. Также нельзя не упомянуть еще одного автора Ю. Крижанича, написавшего работу «Политики или Беседы о правлении». Автор размышляет об исторических судьбах славянских народов. Эти размышления славянских авторов о своем прошлом и будущем были вызваны постоянными попытками мадьяризации со стороны Венгрии. Так, еще в 1790 г. венгерские власти попытались сделать венгерский язык официальным языком Банской Хорватии и Славонии вместо латыни и немецкого языка. В начале XIX в. хорватская элита начала борьбу за национальный язык и культуру.

После поражения Австрийской империи в войнах с наполеоновской Францией в 1809 г. часть австрийских территорий — Далмация, Истрия, Горица, Краина, Банская Хорватия и Славония, а также Военная граница южнее реки Савы отошли Франции и получили название Иллирские провинции. В 1815 г. по решению Венского конгресса эти провинции были возвращены Австрийской империи. Они вошли в ее состав отдельной административной единицей как Королевство Иллирия.

В период существования Иллирских провинций хорватской знатью была сделана попытка создания единого народа со своим языком. Жители провинций стали называться «иллирами», у них был свой славянский литературный язык «лингваиллирика». Создавались учебные заведения, где преподавали «иллирский» язык. Началось издание школьных учебников, выпускались газеты и журналы. Просуществовав до 1816 г., этот язык способствовал развитию идеи государственности у славян. С возвращением территорий Иллирских провинций Австрийской империи использование «иллирского» языка было запрещено. Но его недолгое существование стало прецедентом для дальнейшего национального единения по языковому признаку. Язык стал основой в процессе национальной интеграции, важнейшим средством пропаганды национальных идей.

В начале XIX в. за реформу славянских языков взялись славянские ученые лингвисты. Словенец Е. Капитар опубликовал первую словенскую грамматику, призванную унифицировать словенские диалекты в один литературный язык. Его последователи пытались

вести и новый алфавит — смесь латинских и кириллических букв, против чего выступила большая часть словенских филологов. У сербов вопрос реформирования литературного языка взялся решать В. Караджич. Он стремился сделать язык доступным народу. В 1814–1818 гг. он издал первую сербскую грамматику и словарь. В. Караджич разработал сербский литературный язык на базе герцеговинского диалекта, основываясь на сравнении и сопоставлении сербских говоров. В основу алфавита он положил кириллическое письмо, несколько видоизменив его для того, чтобы каждому звуку соответствовала буква. Это новое правописание стали использовать сербы в Воеводине, Боснии и Герцеговине. Хорваты в это время использовали семь различных правописаний.

Мы выделяем начало *первого этапа* в становлении хорватской национальной идеи 1830-м г., когда в Хорватии началось национальное движение «иллиризма». Это название было обусловлено тем, что его сторонники рассматривали всех югославян как единый народ с общим наречием. Они называли этот народ и этот язык — иллирским. Развивалось движение, главным образом, в области культуры. Основными идеологами этого движения стали Людевит Гай и граф Янко Драшкович, одни из самых образованных людей своего времени.

В 1830 г. Л. Гай написал «Краткую основу хорватско-славянского правописания», осуществив задачу создания хорватского литературного языка на основе штокавского наречия, близкого к сербскому языку. Алфавит он создал на основе латиницы и ввел туда чешские надстрочные знаки. На новом языке началось издание газет и журналов. Деятели «иллиризма» стремились всеми средствами популяризировать свое движение. С этой целью открывались клубы и читальни. В 1838 г. Л. Гае в Загребе была основана Иллирская читальня, как культурное и научное общество. В 1842 г. она была переименована в Матицу Иллирскую. В ее задачи, прежде всего, входила издательская и просветительская деятельность. С 1844 г. Матица начала публикацию книг по хорватской истории и словарей. В 1850 г. она отделилась от читальни и стала самостоятельным учреждением. В 1874 г. организация получила свое современное название — Матица хорватская. Отстаивая права хорватского языка, национальные общественные и политические деятели выступали за политическое равноправие хорватов с венграми. Однако венгерский и немецкий

языки оставались более важными в повседневной жизни, при получении образования, в карьере.

И. Сакцински в своей брошюре в 1843 г. задается вопросом: «Почему мы называем себя иллирами, а не хорватами? Потому что мы хотим иметь свою литературу, но знаем, что наши три жупании и Военная граница, где живут те, кто говорит на кайкавском диалекте, не могут иметь свою собственную литературу. Наша литература должна охватить славонцев, далматинцев, сербов, граничар, и всех юго-западных славян»³. Таким образом, деятели хорватского национального возрождения пошли на определенную хитрость. Стремясь к административному объединению перечисленных территорий и понимая, что на данном историческом этапе это маловероятно, они озвучили задачу создания единого культурного пространства.

В своей работе «Диссертация или Беседа» в 1832 г. Я. Драшковиц впервые сформулировал хорватскую политическую программу, которая легла в основу программ будущих хорватских политических партий. Он разработал теорию общности югославян и выдвинул проект создания Великой Иллирии, в состав которой вошли бы земли хорватов, словенцев и, возможно, территории Боснии. Эта идея стала основой для формирования национального самосознания у хорватов, которые до этого осознавали себя лишь жителями той области, на которой проживали. Кроме языкового объединения, Я. Драшковиц стремился к территориальному объединению областей Далмации, Славонии, Военной границы с Банской Хорватией.

Национальную идею поддерживали и развивали вместе с хорватскими политиками католические церковные круги. Католическая церковь, игравшая огромную роль в Хорватии, стала мощным консолидирующим фактором. Она стремились к религиозному единению католического населения в Австрии и Венгрии. Католические священники активно участвовали в хорватском национальном движении. Священнослужители имели возможность получения хорошего образования, и именно они вошли в число первых хорватских интеллектуалов, которые впоследствии активно пропагандировали национальные идеи. Они настолько активно пытались обратить православных сербов в католическую веру, что власти Австрийской империи были вынуждены принять специальный «Влашский закон» (1629 г.), сделавший сербское население полноправными гражданами империи со свободой вероисповедания.

В 40-е гг. XIX в. движение «иллиризма» приобретает ярко выраженный политический характер. Хорватская элита создала первую политическую партию (с 1943 г. Народная партия), которая противостояла объединению провенгерски настроенного хорватского дворянства (так называемых унионистов). И в результате в 1843–1845 гг. под сильным давлением венгерских властей Вена запретила деятельность движения «иллиризма». Политическая жизнь в хорватских землях на время затихла. Однако за десять лет существования «иллиризма» были заложены основы для дальнейшего развития хорватской национальной идеи. Конкретным достижением деятельности движения стало провозглашение хорватским Сабором в 1847 г. хорватского языка в качестве официального на территории Банской Хорватии и Славонии.

Во время буржуазной революции 1848–1849 г., охватившей всю Западную и Центральную Европу мы выделяем начало *второго этапа* развития хорватской национальной идеи. Участники революционных событий выдвинули социально-экономические требования (уничтожение феодальной системы, как в политике, так и в экономике) и национальный вопрос (прежде всего итальянский и венгерский). Венгерские лидеры отстаивали принцип «единого венгерского политического народа», не учитывая интересы других народов Империи. Поэтому Хорватия встала на сторону Габсбургов за сохранение целостности Австрийской империи, против стремления Венгрии обрести независимость. Сначала хорваты пытались договориться с венграми о создании Триединого королевства, однако переговоры провалились. Фактически, произошло столкновение двух национальных движений — венгерского, выступавшего за централизм, и хорватского с планами собственной автономии. Революционные события в Австрийской империи стали условиями, в которых у хорватов вновь появилась возможность озвучить свои национальные интересы.

В революционные годы в Хорватии активно обсуждалось возможное федеративное переустройство Австрийской империи. Началась борьба хорватов за автономию в рамках Габсбургской монархии. В этом направлении были сделаны конкретные шаги: хорваты провели заседания первого в истории Хорватии выборного Сабора (раньше он был сословно-представительным органом), а также создали собственное национальное правительство. При правительстве были сформированы отделы: внешних и внутренних дел, финансовый,

торговый и военный — фактически самостоятельные министерства. В 1848 г. баном Хорватии стал полковник барон Йосип Елачич, ставший инициатором разрыва отношений с Венгрией, а позже возглавивший военные действия против венгерского восстания. Придя к власти, Й. Елачич сформулировал хорватскую политическую программу («Требования народа»), которая включала пункты: объединение хорватских земель в Триединое королевство; политическая самостоятельность в отношении с Венгрией; создание хорватской национальной армии; употребление хорватского языка в образовании и администрации; выборный характер хорватского Сабора; политические свободы⁴. Эти требования были удовлетворены лишь частично. Хорватский язык был введен в общественную и политическую жизнь хорватских земель и, в целом, было ослаблено венгерское влияние. Революционные события 1948–1949 гг. для хорватов закончились разочарованием. Австрийские власти не оценили их помощи в подавлении венгерского восстания. Задачи получения автономии и создания Триединого королевства решены не были. Однако хорваты получили богатый опыт политической борьбы, который использовали в дальнейшем.

После революции хорватские политические силы разделились в отношении будущего пути Хорватии. Унионисты в ходе революции потерпели сокрушительное поражение, но сумели сохранить свою партию. Народная партия раскололась на демократов — республиканцев и либералов — монархистов. Разочарование и растерянность в хорватских политических кругах снова сделало актуальным культурный аспект в развитии хорватской национальной идеи. Л. Гай заявил в одной из своих статей, что важнее создать языковое, литературное и культурное единство всех славян, а политическое объединение отложить на будущее. В 1850 г. в подтверждение этой идеи хорватские и сербские филологи в Вене заключили договор, по которому приняли реформу В. Караджича, заложив тем самым основы развития единого сербскохорватского языка и литературы на основе штокавского наречия.

Политика Австрийской империи в 60-е гг. XIX века, ставившая своей целью большую централизацию страны, вызвала резкий протест части населения Хорватии. Она не соответствовала хорватским национальным интересам. В начале 1860-х гг. мы отмечаем начало *третьего этапа* развития хорватской национальной

идеи. Его отличительной особенностью стал переход от задачи создания автономии к созданию независимого государства. В Хорватии окончательно сформировались и приступили к разработке своих программ политические партии. Каждая из них строила планы, обосновывала и отстаивала разные варианты дальнейшего развития в рамках Австрийской империи. Либеральное крыло хорватской политической элиты, представители Народной партии (народняки) во главе с джаковским архиепископом И. Штросмайером и каноником Ф. Рачки, стали идеологами нового направления в хорватском национальном движении — югославизма. Продолжая традиции «иллиризма», они предложили новую концепцию — союз с югославянскими народами империи — сербами и словенцами. Единение должно было происходить, прежде всего, на основе культурного и политического сотрудничества. Но, прежде чем объединиться с другими славянскими народами, хорватские югослависты считали нужным укрепить свою национальность и государственность. Их отношение к межнациональным отношениям звучало: «Нет народов, предназначенных править другими. Любой народ имеет право бросить под ноги договор его поработивший»⁵. Тем самым, югослависты оставляли за собой право при возникновении неблагоприятных с их точки зрения условий в каком-либо государстве выйти из него.

Вторую позицию представляла Партия унионистов или мадяронов, состоявшая из крупных славонских помещиков, лидером которых являлся барон Л. Раух. Они выступали за союз с Венгрией.

На хорватской политической сцене появляются новые силы, выступавшие за самостоятельность Хорватии. Третью позицию озвучили молодые юристы А. Старчевич и Э. Кватерник, создавшие Партию хорватского государственного права (праваши). Они выдвинули требование полного суверенитета объединенного Хорватского королевства на основе «хорватского государственного исторического права», которое заключалось в том, что существовавшее в Средние века хорватское государство дает им право вернуть утраченную самостоятельность. А. Старчевич уверял, что хорваты никогда не отказывались от своего суверенитета, а просто передали его на время венгерской династии. Он утверждал: «Пока нация желает оставаться нацией, она будет бороться за свою самостоятельность и независимость»⁶.

Правашаи отвергли венский литературный договор 1850 г. и в дальнейшем активно противостояли любым югославянским программам. Они отстаивали тезис о том, что все югославы являются хорватами. Их активная политическая деятельность началась в начале 1860-х гг., когда А. Старчевич и Э. Кватерник выступили в Саборе с требованием полной государственной независимости Хорватии. Они активно пропагандировали идею «Великой Хорватии», включающей сербские земли, Словению, Боснию. Именно в этот период в 60-х гг. XIX в. был сформулирован тезис Хорватской Партии Права, вошедший в основу всех последующих хорватских национальных программ: «Все земли, принадлежащие хорватам по историческому, государственному и собственному национальному праву, объединить в единое целое»⁷.

В 1863 г. периодическое издание Народной партии «Позор» констатировало, что «за небольшим исключением люди, ранее поддерживающие «иллиризм», примкнули к «хорватизму», ибо с помощью нехорватского этнонима нового дома не построить, а фундамент старого был бы разрушен»⁸. Тезис о наличии особой хорватской этнической общности стал доминирующим в общественном сознании католического населения — сначала в Банской Хорватии, а затем в Славонии, Далмации, Истрии, а в начале XX в. и в Боснии и Герцеговине.

Для Партии права была характерна пропаганда превосходства хорватской нации. Сербобобия, как отличительная черта идеологии правашей, позволяет определить ее как националистическую. В 1871 г. Э. Кватерник попытался осуществить тактику вооруженного сопротивления режиму, возглавив восстание на территории Военной границы. Его целью было создание независимого хорватского государства. Он рассчитывал на поддержку сербского населения, но не получил ее. В ходе восстания Э. Кватерник был убит, а его единомышленники арестованы. После этих событий в Банской Хорватии начались репрессии. И после этого вплоть до начала XX в. вопрос хорватской государственности не поднимался.

В 1867 г. между Австрией и Венгрией было заключено Соглашение о создании дуалистического государства. По первому австро-венгерскому Соглашению 1867 г., трансформирующему Австрийскую монархию в Австро-Венгрию, югославянские земли были поделены между Австрией и Венгрией: в состав Австрии (Цислейтании) вошли — Далмация, словенские земли (Горица, Штирия, Каринтия, Крайна), Истрия, Триест и Военная граница; в состав Венгрии

(Транслейтании) — Воеводина (Бачка, Банат, Бараня), Хорватия, Славония, Срем, Междумурье и порт Фиуме (Риека). Австро-венгерское Соглашение было воспринято в хорватских политических кругах негативно. Хорватский Сабор выразил протест в адрес императора, после чего был распущен. В 1868 г. после победы на выборах в Сабор сторонников союза с Венгрией, начались переговоры о новом государственном образовании.

По второму, венгерско-хорватскому Соглашению 1868 г., Хорватия и Славония фактически превращались в составную часть короны св. Стефана, разделяющуюся на Гражданскую Хорватию (Банская Хорватия), состоящую из трех округов (Загребский, Вараждинский и Крижевацкий) и Гражданскую Славонию, также состоящую из трех округов с центрами в городах Вировитица, Пожега и Осиек⁹. Хорватские территории сохраняли очень скромные атрибуты государственности: территорию, границы и, на местном уровне, законотворчество и управление внутренними делами. Автономные права Хорватии и Славонии выражались в том, что главой правительства Хорватии являлся бан, назначаемый императором по представлению венгерского премьер-министра. Бан мог обращаться к австрийскому императору только при посредничестве венгерского министра по хорватским делам. Хорватия и Славония были практически полностью исключены из участия в законодательных и исполнительных органах власти Австрийской империи: в состав венгерской делегации (60 депутатов) в имперский парламент — Рейхсрат — входили только 5 депутатов от Хорватии и Славонии, причем избирал их не сабор Банской Хорватии, а венгерский парламент. Хорватский сабор должен был без обсуждения принимать все законопроекты венгерского парламента. Исполнительной властью для Хорватии являлись венгерские министерства, полностью контролировавшие хорватскую экономику. Статья 52 австрийской Конституции власть бана определяла как исключительно гражданскую (т. е. она не могла соединяться с военной властью). На протяжении второй половины XIX — начала XX в. входившие в состав владений Короны св. Стефана славянские земли все больше превращались в венгерскую колонию. Несмотря на ряд народных волнений (в Кривошеях 1869 г., Раковцах 1871 г. и в Хорватии в 1883 г.) в целом дуализм представлял собой прочную систему с эффективным политическим механизмом.

В ведении Хорватии оставались общественная безопасность, здравоохранение, общественные работы, строительство, учреждения культуры, церковные и школьные дела, а также судопроизводство. Вопросы национального объединения и государственной самостоятельности решены не были. Поэтому Хорвато-венгерское соглашение не поддержали ни Народная партия, ни Партия права. На предложения хорватских политиков из Банской Хорватии объединиться с Далмацией, последняя заявила о планах собственной автономии.

Военная граница объединилась с Хорватией и Славонией в венгерскую административно-территориальную единицу — Королевство Хорватия и Славония. Таким образом, после ликвидации Военной границы Королевство Хорватия и Славония было расширено на значительную часть сербского пространства, поскольку в середине XIX в. население этих территорий, в совокупности насчитывающее примерно 673 000 человек, на 90 % состояло из сербов.¹⁰ В самих Хорватии и Славонии хорватский характер населения в славонской и сремской частях был также выражен слабо. Область Воеводина состояла из Бачки, Баната, Барани и Срема. Сербско-хорватский спор вокруг территории Срема начался еще в XVIII в., когда в 1745 г. была оформлена Сремская жупания как часть Хорватии и Славонии. Сербские претензии на эту землю, учитывая крайне смешанную структуру ее населения и, особенно, различный в национальном отношении состав католиков, встречали сакраментальный ответ хорватов: «ваши желания — наши желания, наши желания — ваши желания. То есть сербы хотят Срем, и хорваты хотят Срем»¹¹.

В 1890 г. население Загреба составляло 40 000 человек, из которых четверть приходилась на иностранцев, в первую очередь, немцев. Немецкий язык был доминирующим в употреблении даже на бытовом уровне семей, не являющихся по происхождению немцами. Осиек являлся городом, подвергшимся сильнейшей германизации, Риека — мадьяризации и италинизации. Одновременно число сербского населения уменьшалось: от трети населения в 1880 г. до четверти в 1890 г. В 1890 г. население Хорватии и Славонии составляло 1 841 000 человек, в 1910 г. — более 2 600 000, из них римокатоликов различного национального состава было 1 863 847 (с 1869 по 1910 г. отмечается значительное увеличение католического населения на 600 000 человек), римокатоликов-славян (сербов, буневцев, шокцев и хорватов) — 1 550 000, православных — 649 453 человека. В результате

проведения баном Куэном-Хердервари (1883–1903) политики мадьяризации хорватов, сербов и словенцев произошло значительное увеличение венгерского населения: если по переписи 1880 г. венгров насчитывалось 41 417, 1890 г. — 68 794, 1900 г. — 90 180, то в 1910 г. — уже 103 000 человек¹².

С окончательным присоединением Военной границы в 1881 г. в Банской Хорватии выросло число сербского православного населения. Его активное участие в политической и культурной жизни способствовало усилению римокатолического клерикализма и национализма. С этого времени в хорватской национальной идее появился вопрос межнациональных отношений.

Более успешно хорватская национальная идея реализовалась в области образования, науки и культуры. Развитию хорватского языка способствовало основание в 1866 г. Академии наук в Загребе (Югославянская академия наук и искусств), а в 1874 г. открытие университета в Загребе — первого у югославян. Одновременно были созданы многочисленные просветительские, культурные и спортивные организации.

К концу XIX в. многие хорватские политические деятели стали сомневаться, что смогут воссоздать государство своими силами. Идеи «иллиризма» о создании единого народа с общим языком и культурой и последующим их объединением становились все более популярными. На политической сцене появляются новые сильные политические организации. Из состава Народной партии выходит в 1873 г. Самостоятельная партия («самосталцы»). Оживлению политической жизни способствовало требование Будапешта всем чиновникам Королевства знать венгерский язык. Часть депутатов хорватского Сабора выступила с протестом, усматривая в этих действиях очередную попытку мадьяризации хорватских земель. Народная партия реагировала на действия венгерских властей достаточно сдержанно. Группа во главе с М. Мразовичем не поддержала позицию коллег и вышла из состава партии, основав Независимую народную партию. Новая партия потребовала для хорватских земель финансовую самостоятельность и объединение всех территорий с хорватским населением. К ним примкнули И. Штросмайер и Ф. Рачки. Партия права А. Старчевича продолжала выступать с критикой власти Габсбургов. Однако, после арестов руководства партии в середине 1880-х гг., она заняла умеренные позиции. В 1895 г. от партии Права

отделилась Чистая партия права во главе с идеологом крайнего хорватского национализма Иосипом Франком (франковцы). Партия вела антисербскую и антисемитскую пропаганду, призывая к погромам. Ее программа предусматривала реорганизацию империи Габсбургов на основе триализма, то есть выделение австрийской, венгерской и югославянской составляющих.

Для большей части хорватских политических сил на этом этапе характерны требования: защита национального языка, территориальное единство и самостоятельность (полная или ограниченная) в рамках Австро-Венгрии.

Четвертый этап в развитии хорватской национальной идеи можно отнести к первой трети XX в. Идея югославянской взаимности набирала силу, поэтому идея хорватской государственности стояла перед трудным выбором: или приспособиться к историческим условиям и вобрать в себя новые идеи и планы, или усилить отстаивание идей независимости, сделать их привлекательными в программах политических партий.

В Банской Хорватии в это время усиливается национальный характер политических процессов. Так, в 1904 г. создается новая партия — Хорватская народная крестьянская партия (ХНКП) во главе с братьями Антуном и Степаном Радичами. Партия выступала за создание независимой Хорватии, которая, прежде всего, должна была стать «крестьянским государством» и развиваться по аграрному пути. Эта партия стала самой массовой в Хорватии. Кроме того, Радичи одной из приоритетных задач своей партии поставили право Хорватии на территории БиГ, которую Австро-Венгрия аннексировала в 1908 г. Они рассчитывали, что произойдет новое деление страны на автономные земли со свободой национальных культур.

Это было трудное время для политического выбора отдельных партий и движений. В Австро-Венгрии усиливались процессы консолидации югославянских народов. Кульминацией хорвато-сербского единения в Австро-Венгрии стали Риекская (3 октября 1905 г.) и Задарская (17 октября 1905 г.) резолюции, в которых была выражена идея совместной борьбы хорватской и сербской нации за свое освобождение, стремление к противодействию германской экспансии на Юго-востоке Европы. Авторы обеих резолюций, исходя из государственно-правового положения и исторических судеб хорватов и сербов, четко сформулировали принцип самоопределения «своих»

наций. Хорватские либералы подразумевали под этим «право каждой нации свободно и независимо определять условия своего существования и решать свою судьбу». В конкретных исторических условиях не имели в виду частичное политическое объединение этнических хорватских территорий в границах монархии. Сербские представители в свою очередь высказывались в поддержку «стремления каждой нации самой определять свое бытие и решать свою судьбу». Они полагали, что обретение Венгрией государственной самостоятельности в полном объеме сделает возможным соглашение мадьярской нации с невенгерскими народами королевства, в первую очередь с сербами. Условием поддержки хорватских национальных требований являлось признание с их стороны равноправия хорватов и сербов.¹³

Еще одним шагом к единению хорватов и сербов стало формирование в октябре — декабре 1905 г. Хорватско-сербской коалиции (ХСК) во главе с лидером Сербской народной независимой партии С. Прибичевичем. В новое политическое образование вошли Хорватская партия права и Хорватская прогрессивная партия, а также Сербская независимая партия и Сербская радикальная партия. Коалиция выступала за сохранение системы дуализма Австро-венгерской монархии при проведении ряда реформ, за национальное самоопределение. Решение хорватско-сербских разногласий было названо «одним из условий нормального развития национальной жизни».

Непримиримым противником Хорватско-сербской коалиции стала Чистая партия права. Она обвинила коалицию в сотрудничестве с Сербией и попытках отторгнуть хорватские земли от Габсбургской империи и объединить их в одно государство во главе с Сербией. Подобные настроения преобладали и в партии С. Радича. Их также не устроило и сотрудничество с венграми. Партия права Миле Старчевича, отделившаяся от франковцев в 1908 г., выступала за хорватское государство или в составе империи, или вне ее.

Клерикальные партии (Христианско-социальная партия права и франковцы) считали самой важной задачей объединение Хорватии со Словенией и создание, таким образом, Великой Хорватии на католической основе. Такая Хорватия мыслилась в отличие от идей коалиции как база экспансии Австрийской империи на Балканах. Словенских и хорватских клерикалов поддерживали австронемецкие христианские социалисты, одна из опор великоавстрийских кругов.

Это был еще один вариант триалистической идеи, которая была неприемлема для сербов Австро-Венгрии.

Попытки венгерских и австрийских властей в союзе с франковцами разжечь межнациональные споры, разрушить Хорватско-сербскую коалицию не удалось. Но накануне Первой мировой войны в ХСК возникла напряженность. Сербьы Австро-Венгрии выразили поддержку Королевству Сербия. Представители хорватов разделились. Поддержавшие возможное объединение с Сербией, подверглись нападкам со стороны тех, кто стремился к созданию независимой Хорватии. Из планов коалиции по объединению сербского и хорватского народов оставалось неясно, шла речь о двух нациях или об одной с двумя наименованиями. Многие хорватские политики в составе коалиции в связи с этим опасались, что сербы могут в будущем поставить вопрос о разделении хорватских территорий на две самостоятельные части хорватскую и сербскую. Территориальные разногласия по Боснии, на территории со смешанным населением претендовали и сербы и хорваты, а также религиозный аспект (православие и католицизм) создателями этой коалиции с обеих сторон намеренно замалчивались. Ее участники считали, что сербы и хорваты преодолеют разногласия перед лицом внешней угрозы.

В таких трудных политических условиях формировались и укреплялись как идеи югославизма, так и идеи хорватской государственности. Все большую популярность завоевывала идея создания федерации или конфедерации югославянских народов. Перед угрозой венгерского и австрийского наступления на автономные права других народов большинство партий Банской Хорватии, Славонии и Далмации пришли к выводу о необходимости объединения политических усилий. Этот процесс получил название «политики нового курса», его возглавили хорваты из Далмации Ф. Супило и А. Трумбич.

К 1915 г. идеология Чистой партии права стала менее радикальной. Ее члены все чаще шли на сотрудничество с представителями идей югославизма и даже выступали с собственными инициативами в этом направлении. Так, депутаты Сабора от правашей из Истрии и Далмации выступили с требованием об объединении и самоопределении югославян. Этот пункт депутатами хорватского Сабора был принят единогласно. Партия права также поддержала требование основанного в Лондоне Югославянского комитета, политической организации югославянских эмигрантов из Хорватии, Славонии, Дал-

мации, Боснии, во главе с А. Трумбичем об отделении хорватских земель от империи Габсбургов.

Между югославистами и правашами возникли разногласия по вопросу о будущем государственном образовании. А. Трумбич уговаривал А. Старчевича отказаться от идеи независимости, так как она, по его мнению, была нереальной. Лучшим решением для хорватов М. Трумбич считал объединение с Сербией, которая бы гарантировала в будущем государстве всем народам равноправие. При этом Югославянский комитет видел во главе нового объединения Хорватию, как «главного культурного центра югославян Австро-Венгрии»¹⁴. Это, по его мнению, являлось главным залогом будущего хорватского лидерства и влияния.

Славяне австрийской части Габсбургской империи (Словения, Истрия и Далмация) сформировали Югославянский клуб, который возглавил представитель клерикальных кругов А. Корощец. Клуб разработал свой план будущего славянских народов Австро-Венгрии, получивший название Майская декларация. В этом документе говорилось об объединении славянских земель в одну самостоятельную территориальную единицу в составе Габсбургской империи. В основу объединения была заложена идея триализма. В Хорватии эту идею поддержала партия Права А. Старчевича, франковцы и клерикалы во главе с архиепископом И. Штадлером и епископом А. Махничем.

В ответ на Майскую декларацию в июле 1917 г. на острове Корфу председателем министерского совета Сербии Н. Пашичем и председателем Югославянского комитета А. Трумбичем была подписана Декларация о принципах создания единого государства в составе Сербии и югославянских областей Австро-Венгрии. Согласно этому документу было решено создать «свободное государство сербов, хорватов и словенцев, независимое королевство с единой территорией и единым гражданством. Это государство будет конституционной, демократической парламентской монархией с династией Карагеоргиевичей во главе»¹⁵. В данном проекте, изначально, ни о какой федерации речи не шло.

В условиях распада Австро-Венгрии в Загребе политическими партиями Хорватии, Словении, Истрии и Далмации 5–6 октября 1918 г. было создано Народное вече словенцев, хорватов и сербов, как орган власти для объединения этих народов в суверенное

государство. 29 октября Хорватский сабор объявил о разрыве отношений с Австро-Венгрией и о создании самостоятельного Государства словенцев, хорватов и сербов. Одновременно сообщалось, что Далмация, Хорватия, Славония и Риека создают общее национальное суверенное государство. Это событие стало реальным воплощением хорватской национальной идеи, к которой хорваты стремились с середины XIX в. Верховным органом власти нового государственного образования стало Народное вече в Загребе во главе с А. Корошецем, заместителем стал С. Прибичевич. Это государство просуществовало только месяц. Из всех политических партий его не поддержали только франковцы, выступающие за Великую Хорватию в составе Габсбургской империи. Продолжавшиеся революционные выступления, оккупация Италией прибрежных районов Далмации, отсутствие собственных вооруженных сил, массовое возвращение военнослужащих с фронта создавали хаос в новом государстве. Население требовало наведение порядка. Все это привело к тому, что большая часть ведущих политических партий Далмации и БиГ решилась на объединение с Сербией.

Хорватские политические силы разделились по вопросу будущего Хорватии. Хорвато-сербская коалиция отстаивала централистское устройство и полное слияние территорий с большинством хорватского населения. Партия права А. Старчевича защищала идею федерализации. Югославянский комитет попытался заручиться гарантиями равноправия в будущем государстве. На Женевском совещании (6–9 ноября 1918 г.) представители Народного Веча и Комитета добились согласия Н. Пашича на создание общего кабинета для ведения военно-политических дел в составе представителей обеих сторон. Согласно принятой Декларации учреждалось общее министерство сербов, хорватов и словенцев, при этом сохранялось «правительство королевства Сербии» и «Народное вече в Загребе» для управления всеми внутренними делами. По мнению российского историка А. Л. Шемякина, это был тактический шаг со стороны Н. Пашича¹⁶. Тем самым создавалась видимость равноправия в будущем общем государстве. Декларацию не поддержало сербское правительство и большинство Народного веча, где преобладали члены Хорвато-сербской коалиции.

24 ноября 1918 г. Народное вече в Загребе приняло решение об объединении Государства словенцев, хорватов и сербов с Коро-

леством Сербия. Против объединения выступила Хорватская крестьянская партия во главе со С. Радичем, которую поддержало сербское население Хорватии. Позднее участник переговоров с Сербией А. Павелич вспоминал: «Перед нами стояла дилемма: либо сохранить самостоятельную Хорватскую республику, состоящую всего из четырех областей вокруг Загреба, либо присоединиться к Сербии. Бачка, Банат, Срем, Далмация и Славония, БиГ были за объединение. Что нам оставалось делать? Нам нельзя было идти на раздел территорий, как того хотели сербы Срема. Это могло вызвать гражданскую войну. Мы составили адрес, где содержались требования, чтобы монархия стала такой же свободной, как республика, и чтобы хорваты получили равные права с сербами»¹⁷. Переговоры Хорватии перед присоединением показывают, что шла она в состав Югославии со своими условиями, требованиями и представлениями о роли в будущем государстве.

Король Александр Карагеоргиевич не захотел менять характер своего государства. Славянские земли бывшей Австро-Венгрии вошли в состав Югославии на его условиях. Не успело появиться новое государство Королевство сербов, хорватов и словенцев, как по хорватским городам прокатилась волна манифестаций под лозунгом: «Да здравствует самостоятельная Хорватия!»¹⁸. Новое государство не приняли ни франковцы, ни Хорватская Крестьянская партия С. Радича. Бан Хорватии был ограничен в своих правах, а компетенции областных правительств Хорватии, Словении, Далмации, БиГ урезаны. Ситуация еще больше осложнилась после того, как был издан закон «О защите общественной безопасности и порядка в государстве» (2 августа 1921 г.). Предлогом для издания этого закона послужили террористические акты против принца-регента Александра и министра внутренних дел М. Драшковича. Закон серьезно ограничил общественную и политическую жизнь в стране.

С середины 1920-х до конца 1930-х гг. мы выделяем *пятый этап* в истории развития хорватской национальной идеи. Хорватские земли становятся центром борьбы за федерализм. В январе 1922 г. С. Радич обратился к мировой общественности. Апеллируя «правом нации на самоопределение», он подверг критике политику Белграда и настаивал на создании хорватского государства в рамках конфедерации. Поддержки он не получил. Европейские державы не были заинтересованы в разрушении Югославии. Как мы видим, противоречия

между хорватами и сербами обозначились уже в самом начале существования их в едином государственном образовании.

Согласно Конституции 1921 г., было провозглашено унитарное монархическое государство. В ответ на действия властей Хорватская народная крестьянская партия была переименована в Хорватскую республиканскую крестьянскую партию (ХРКП), целью которой было создание Хорватской крестьянской республики без применения противозаконных методов. Однако на заседании скупщины 20 июня 1928 г. произошли трагические события, когда в результате конфликта были ранены несколько депутатов, и один из них (лидер ХРКП С. Радич), вскоре умер. Это происшествие вызвало всплеск национализма и шовинизма в Хорватии. Король Александр объявил чрезвычайное положение в стране, распустил Скупщину. В январе 1929 г. были запрещены все политические партии.

Демонстрируя существование в Югославии парламентаризма, король Александр провозгласил в 1931 г. новую, так называемую Октроированную конституцию («дарованную сверху»). Она предусматривала создание выборного двухпалатного парламента, состоящего из Народной скупщины и Сената. Половина членов Сената назначалась королем. Правительство несло ответственность также перед королем, а не перед Сенатом или Народной скупщиной. Согласно новой Конституции, было запрещено основание партий по национальному или религиозному признаку. Однако новому лидеру Хорватской крестьянской партии (ХКП) В. Мачеку удалось сохранить политическое влияние своей партии, которая пользовалась широкой поддержкой хорватского общества

В 1930-е гг. в стране установилась военно-монархическая диктатура короля Александра, по сути, абсолютистская власть. По Конституции 1931 г. все ее территории были поделены на 5 административных единиц — бановин, которые не учитывали национальную специфику. Монархический режим не решал национальные проблемы, чем вызывал рост оппозиционных настроений и возникновение антисербских движений. В конце 1930-х гг. в ходе становления усташеского движения всплыл вопрос национального литературного языка. Ряд хорватских филологов выступили против «сербизации» хорватского языка.

Еще одной политической силой, отстаивавшей национальные интересы хорватов, стала Хорватская партия права (ХПП), воссозданная

в конце 1918 г. во главе с адвокатом А. Павеличем. Она ставила своей целью сохранение национальной самобытности и государственной самостоятельности хорватского народа. ХПП поддерживал немногочисленный электорат, состоящий из националистически настроенных хорватских интеллектуалов. А. Павелич критиковал югославизм и пропагандировал хорватское государство на основе «принципа хорватского исторического права». В 1928 г. им была создана боевая организация «Хорватский домобран», осуществившая несколько террористических актов. После введения в Югославии в январе 1929 г. чрезвычайного положения, А. Павелич эмигрировал. За границей он наладил связи с Партией чистого права И. Франка.

Усташеская организация, которую возглавил А. Павелич, ведет свое начало с 1932 г., когда начала выходить газета «Усташа» («Повстанец»). А Павелич и его сторонники называли себя «хорватским революционным движением» или «освободительным движением», подчеркивая свою массовость и отрицая террористическую направленность. Согласно разработанному организацией «Уставу», в задачи усташей входила борьба любыми средствами «во имя освобождения Хорватии из-под иноземного ярма за создание полностью самостоятельного и независимого хорватского государства»¹⁹.

Идеология усташеского движения унаследовала идеи Хорватской партии права. Самым важным в ней был тезис о самобытности хорватского народа. Он включал в себя утверждение о неизменности самоназвания «хорваты», что означало отрицание идей югославизма и непризнание Югославии своим государством. Называть хорватов югославами, по мнению усташей, означало подменять одну идентичность другой. Хорватские усташеские идеологи отстаивали тезис о неславянском происхождении хорватов. Из этого утверждения проистекало противопоставление хорватов другим югославянским народам. В годы существования Независимого государства Хорватии (1941–1945 гг.) оно вылилось в геноцид над сербами. основополагающий принцип национальной политики усташей гласил: «Принимать решение в государственных и народных делах в самостоятельном и независимом государстве Хорватии не может никто, кто по происхождению и по крови — не член хорватского народа»²⁰.

Центром усташеской деятельности стала Германия, помощь так же оказали Италия и Венгрия, претендовавшие на территории Югославии. За границей создавались лагеря для подготовки диверсионных групп.

Обращения в Лигу наций с описаниями плачевного положения хорватского народа в Югославии результатов не дали, и усташы все чаще стали применять методы вооруженной борьбы. В усташеской листовке 1937 г. говорилось, что «цели можно достичь только вооруженной борьбой», переговоры, соглашения и компромиссы с Белградом отвергались в принципе²¹. В 1934 г. усташы участвовали в убийстве короля Александра. После этого деятельность усташеских лагерей за границей была свернута. Вплоть до начала Второй мировой войны усташы вели переговоры с Италией, больше не обращаясь к мировой общественности.

В 1930-е гг. активно подогревало националистические настроения в республике хорватское католическое духовенство. Многие католические монастыри служили местом собраний усташей. Иезуитские и францисканские гимназии, а также Геологический факультет Загребского университета готовили усташеские кадры.

Высшей точкой развития хорватской национальной идеи на этом этапе стала попытка 29 августа 1939 г. осуществить федерализацию Югославии. Главой Сербского правительства Д. Цветковичем и лидером Хорватской крестьянской партии В. Мачеком было подписано Соглашение о создании Бановины Хорватия. Ее территория охватывала большую часть исторически сложившихся хорватских регионов, которые включали в себя земли с преимущественно хорватским населением. Это был кратковременный, но серьезный прецедент, благодаря которому Хорватия впоследствии неоднократно поднимала вопрос о ранее принадлежавших ей территориях. Хорваты получили также широкие права самоуправления, своего правителя и парламент. По сути, это Соглашение означало раздел Югославии на сербскую и хорватскую автономии. Однако начало Второй мировой войны положило конец процессу формирования нового государственного образования в рамках Югославии.

Одновременно в рамках хорватской национальной идеи разрабатывались новые цели и задачи. Расширение прав в рамках Югославии уже казалось национальным лидерам лишь этапом на пути к созданию независимого государства. Параллельно В. Мачек вел секретные переговоры с Италией о помощи хорватскому восстанию, если Хорватская крестьянская партия его поднимет²². Создание собственной военизированной организации — «Хорватской крестьянской и гражданской самообороны» и переговоры с Италией были призваны показать югославским властям серьезность намерений хорватов

обрести самостоятельность. В случае обострения ситуации не исключалось непосредственное использование этих возможностей.

Пятый этап (1941–1945 гг.) приходится на Вторую мировую войну. В это время в Хорватии осуществился самый радикальный, националистический вариант хорватской национальной идеи — было создано профашистское Независимое государство Хорватия (НГХ).

В апреле 1941 г. Югославия была оккупирована Германией. На территории Хорватии было провозглашено Независимое государство Хорватия во главе с А. Павеличем, в которое летом 1941 г. были включены БиГ, часть Далмации и Срем. Границы НГХ были определены в соответствии с договорами, заключенными с Германией и Италией в мае 1941 г. Восточная часть страны считалась германской, западная — итальянской. Таким образом, несмотря на пафосные заявления в годы войны о независимости и единстве Хорватии, земли оказались снова разделены на сферы влияния союзников. А, учитывая развернувшееся партизанское движение, существование территорий неподконтрольных властям НГХ, то и единство страны было весьма условным.

В политическом плане за поддержку, которую усташам оказала Италия, так же пришлось платить. 15 мая А. Павелич официально предложил хорватскую корону одному из представителей Савойской династии. Этот шаг объяснялся средневековой хорватской традицией, но, на самом деле, означал, что Хорватия в очередной раз в своей истории получила лишь формальную самостоятельность. Стараясь следовать хорватским национальным идеалам, усташами в феврале 1942 г. был учрежден так называемый Хорватский государственный Сабор, но представительным органом он так и не стал. Его использовали в пропагандистских целях.

С первых дней войны усташаи проводили политику дискриминации в отношении представителей сербского народа. Для них был введен запрет на службу в армии, закрыты православные школы, введен комендантский час, ограничена свобода передвижения. Все сербское население должно было носить отличительные повязки. Министром просвещения НГХ М. Будаком была озвучена формула в отношении сербского населения: «Одну часть сербов мы уничтожим, другую высылем, остальных переведем в католическую веру и превратим в хорватов. Таким образом, скоро затеряются их следы, а то, что останется, будет лишь дурным воспоминанием о них»²³.

Вслед за А. Старчевичем усташи повторили тезис о принадлежности к хорватской нации боснийских мусульман. Симпатии к исламу были связаны с территориальными претензиями Хорватии, а также с желанием видеть босанцев в качестве своих союзников. Осенью 1941 г. в Загребе началось строительство мечети. Вскоре боснийские мусульмане поставили вопрос о статусе мусульманской религии в Независимом государстве Хорватии. Уже в июле 1941 г. А. Павеличу был передан «Проект исламского закона и устава», но принят он так не был, поскольку инициативы в области религии были тесно связаны с планами боснийских мусульман по созданию своей особой автономии под протекторатом Германии.

Католическая церковь занимала привилегированное положение в НГХ и не хотела его уступать. Когда в 1941 г. усташи пришли к власти в Хорватии, первыми их поддержали влиятельное католическое духовенство и многочисленные молодежные католические организации. Однако Ватикан занял по отношению к усташескому режиму осторожную позицию, так и не признав Хорватию независимым государством.

Иное отношение было в НГХ к православию. Стремясь к хорватскому моноэтничному государству, усташи в качестве метода ассимиляции сербского населения осуществляли обращение православных сербов в католицизм. Идеологи усташества уверяли, что сербы являются теми же хорватами, и их нужно только вернуть к «дедовской» (католической) вере. Развязанный в годы войны террор против сербов, насильственное обращение в католицизм, массовые убийства мирных жителей, насильственные депортации спровоцировали активное движение сопротивления. Чтобы успокоить православное население была создана марионеточная Хорватская православная церковь. Тем самым населению давалось понять, что против самого православия власти ничего не имели. Новая церковная организация загонялась в узкие национальные рамки с целью вытеснить с хорватских территорий влияние Сербской православной церкви.

А. Павелич наряду с другими законами НГХ принял «Постановление о хорватском служебном языке». Усташеский лидер активно «чистил» тогда хорватский язык от сербизмов и уверял, что это два различных языка. Использование кириллицы было запрещено. Снова был поднят вопрос об исключительности хорватского языка, который является «достоянием хорватского народа». Прежние попытки

создания единого сербскохорватского языка назывались попыткой уничтожить хорватскую самобытность, ассимиляционной политикой. В связи с этим была введена жесткая цензура при составлении учебников. В данном случае вопрос языка являлся элементом националистической политики.

В усташеском Независимом государстве Хорватии за годы войны ее руководству не удалось создать жизнеспособную регулируемое государством экономическую систему. Попытка милитаризовать экономику провалилась. Под контроль было поставлено имущество сербов и евреев, хорватскую собственность не тронули. В результате разрастания партизанского движения, отдельные части страны вообще вышли из-под контроля усташей.

В ходе упорных боев Народной Освободительной Армии Югославии и частей Красной Армии и армии Болгарии 15 мая 1945 г. Независимое государство Хорватия прекратило свое существование. Однако на его территории еще оставались очаги сопротивления. Эти группы назвали себя «крижарами» (крестоносцами). Они боролись против новой власти самостоятельно. Вскоре эмигрировавшие на Запад и в США в конце войны усташа наладили с ними связь, планируя использовать эти силы для внедрения в страну диверсионных групп. Эмигрантское руководство усташеского движения планировало организовать массовое восстание на территории Хорватии. К 1948 г. сопротивление «крижаров» было подавлено, попытки проникновения на территорию Югославии пресечены.

После падения НГХ католическая церковь способствовала укрытию военных преступников, делала невозможными их аресты. Любое силовое вмешательство в дела религиозных учреждений было чревато негативной реакцией общественного мнения стран, где были сильны католические круги. Благодаря этой поддержке усташеское движение не было окончательно уничтожено. В новых центрах — Аргентине, Испании, Австралии, ФРГ и других странах — происходило активное становление организационных форм усташеского движения. В 1950-е гг. усташа серьезно модернизировали свою программу. И, прежде всего, планы по созданию хорватского государства «с республиканским способом правления», в котором бы гарантировалась свобода личности и вероисповедания». Усташа понимали, что их прежние националистические позиции не пользовались поддержкой ни внутри страны, ни, тем более, на Западе.

* * *

Таким образом, хорватская национальная идея с момента зарождения в 1830-е гг. прошла несколько этапов. Ее развитие началось с движения «иллиризма» в области культуры, которое постепенно приобрело политический оттенок в плане вовлечения в орбиту интересов своих прав на территории со смешанным населением. Затем хорватская национальная идея проявилась в борьбе за автономию в рамках Австрийской империи в годы революции 1848–1849 гг. В ходе формирования хорватских политических партий в 1860-е гг. можно говорить о появлении элементов будущей национальной политической программы, которая пополнилась задачей создания независимого хорватского государства.

В первой трети XX в. все более популярная идея славянской взаимности разделила хорватское общество на тех, кто пытался адаптировать ее к национальным задачам и тех, кто занимал непримиримую позицию в отстаивании идей независимости. В 1918 г. после падения Австро-Венгрии лишь на месяц хорватам вместе со словенцами и сербами удалось провозгласить независимое государство — Королевство словенцев, хорватов и сербов. Однако в тяжелых послевоенных условиях возобладали тенденции к объединению югославян бывшей Габсбургской монархии с Сербией. Разочарование в Королевстве Югославии, нерешенный национальный вопрос привели к тому, что выразителями хорватской национальной идеи стали экстремистски настроенные круги, использующие методы террора. В 1939 г. хорватам удалось воплотить идею дуализма в рамках Югославии, когда была создана Бановина Хорватия. Однако политические круги Хорватии готовы были идти дальше, вплоть до создания независимого государства. Этой возможностью они воспользовались в годы Второй мировой войны в Независимом государстве Хорватии, созданном Гитлером. Однако полной независимости они не достигли, фактически оставаясь немецким и итальянским протекторатом.

Во время и после окончания Второй мировой войны вновь стали популярными идеи объединения славян. К середине 1940-х гг. хорватами был накоплен богатый опыт существования в многонациональном государстве, борьбы за национальные интересы, пройден путь от автономии до независимого государства. При этом попытка осуществить идею создания этнически чистой «хорватской» территории приняла формы государственного геноцида сербского населения.

Проиграв в двух мировых войнах, но, внося свой вклад в антифашистское освободительное движение, Хорватия сумела войти в состав вновь созданной социалистической Югославии полноправным членом.

Сутью хорватской национальной идеи было: объединение территорий с большинством хорватского населения, закрепление права на использование во всех сферах жизни хорватского литературного языка, достижение политической автономии как этапа к независимому государству. В конкретных исторических условиях она то актуализировалась, то ослабевала, осуществляясь в виде того или иного общественного, идеологического движения. На основе представленного проблемно — хронологического описания мы можем констатировать, что к середине XX в. в хорватской национальной идее сформировалась четкая система взглядов на будущее развитие хорватского народа. Менялись государства, в которые входила Хорватия, трансформировались общественные системы и политические устройства, но национальная идея продолжала существовать и пестоваться хорватскими общественными деятелями разных поколений и судеб.

§2. Итоги развития Хорватии в составе Социалистической Югославии до начала 1960-х гг.

Вхождение Хорватии в состав Социалистической федерации не было простым. Прежде всего, это было связано с тем, что Хорватия во время войны, имея формально статус независимого государства, находилась на стороне фашистской Германии. Отсюда проистекали сложности взаимоотношений с сербским населением, над которым в годы войны совершался невиданный геноцид. Присоединение к социалистической Югославии автоматически означало необходимость осуждения деятельности НГХ и приспособление к новым историческим реалиям.

Особенно трудными были первые послевоенные годы, когда И. Броз Тито обещал союзникам, что продолжит традиции многопартийной системы, поэтому первые выборы в новой стране были многопартийными. Это давало надежду и силам в эмиграции, и в стране выразить свои устремления, придавало уверенности, что хорватское политическое многоголосие будет услышано. В первые послевоенные

годы в Хорватии мы наблюдаем тесное сотрудничество довоенных (так называемых «гражданских») партий и коммунистов. Главной защитницей хорватских национальных интересов традиционно считалась Хорватская крестьянская партия. Лидеры этой партии после войны вели активные переговоры со странами Европы по вопросу будущего государственного образования. Сначала они надеялись на восстановление Соглашения 1939 г. Когда стало очевидно, что это невозможно, к середине 1940-х гг. произошел раскол на тех, кто искал поддержки у западных союзников (ориентация на Запад, независимое государство) и тех, кто выступал за сотрудничество с коммунистами (югославянское единство, федеративное государство). На основе договора между лидером коммунистов И. Броз Тито и лидером Хорватской крестьянской партии (ХКП) И. Шубашичем в 1944 г. временное многопартийное правительство нового государства возглавил И. Броз Тито.

После эмиграции во Францию прежнего лидера Хорватской крестьянской партии В. Мачека авторитет этой партии в республике стал стремительно падать. Во многом этому способствовала пропагандистская компания, инициированная коммунистами против В. Мачека и его сторонников. В противовес ХКП была создана Хорватская республиканская крестьянская партия (ХРКП). Это название появилось еще в 1943 г., когда была сделана попытка создать хорватскую партию в Боснии и Герцеговине. ХРКП являлась марионеточной партией под контролем коммунистов для имитации многопартийности. В ней не было даже как такового членства, использовался термин «принадлежности» к партии.

В. Мачек был категорически против сотрудничества в правительстве с коммунистами. В своих интервью он недоумевал: «Я не могу понять, зачем И. Шубашич вошел в правительство И. Броз Тито. Наверное, им дали гарантии соблюдения демократии»²⁴. Его опасения вскоре подтвердились. В октябре 1945 г. члены ХКП в знак протеста против монополизации коммунистами власти вышли из правительства, бойкотировали выборы в Учредительную скупщину в октябре 1945 г. В результате бойкотов и скандалов, а также откровенных подлогов избирательных бюллетеней победу на выборах одержали коммунисты. После заявления В. Мачека о непризнании законности коммунистического руководства, прошли аресты членов этой партии.

Республиканские выборы были отложены с весны на осень 1946 г. Коммунистическое руководство решило за это время упрочить свои позиции в республиках. В августе 1946 г. был издан «Закон о выборах народных представителей» в Законодательный Сабор Народной республики Хорватии, по которому баллотироваться в депутаты могли только граждане Хорватии, проживающие в республике более десяти лет. Тем самым, возможности представителей «гражданских» партий, многие из которых в годы войны находились в эмиграции, были сведены к минимуму. Явка избирателей в Хорватии составила около 90%. И это не случайно, если учитывать выпущенный накануне выборов формуляр: «Кто не придет на выборы — тот враг существующей власти, тот не сын Народного фронта. Он не сможет обратиться к этой власти за какой-либо помощью. После выборов мы проверим явку и примем меры против тех, кто не голосовал»²⁵. В Законодательный Сабор было избрано 176 депутатов — 140 хорватов, 34 серба и 2 чеха. Все депутаты являлись членами Народного фронта, около 30 человек были указаны как члены ХРКП. В состав правительства Народной республики Хорватии вошли 14 хорватов и 3 серба. 10 членов правительства являлись коммунистами, 4 человека шли от марионеточной ХРКП. Трое остальных считались беспартийными²⁶. Таким образом, вся полнота власти в Хорватии сосредоточилась в руках представителей Коммунистической партии.

Те, кто принял коммунистическую идеологию, участвовал в Народно-освободительной войне за освобождение страны от фашизма, перешел на сторону партизан, были разными людьми. Даже среди коммунистов в Компартии Хорватии позиции не совпадали, особенно по вопросу будущего республики. Многие хорватские коммунисты опасались, что, войдя в состав нового государства, Хорватия может потерять свою самобытность, ее интересы в Югославии будут каким-либо образом ущемлены. Еще в 1943–1944 гг. позиция хорватских коммунистов во главе с генеральным секретарем ЦК КПХ А. Хебрангом вызвала критику высшего руководства страны в лице Э. Карделя и М. Джиласа, которую поддержал И. Броз Тито. На третьем заседании Антифашистского веча народного освобождения Югославии (АВНОУ) в 1944 г. А. Хебранг заявил: «Хорватия имеет право сама управлять собой, у нее есть свой Сабор, как верховный законодательный орган и носитель суверенитета, и свое народное

правительство»²⁷. За это высказывание он был смещен с поста лидера партии, обвинен в сепаратизме.

В первые послевоенные годы А. Хебранг выступал в защиту хорватов от обвинения в геноциде в годы войны и оправдывал сопротивление переделу собственности и конфискациям в пользу сербского населения²⁸. Защищая хорватские интересы, Он активно включился в спор по поводу республиканских границ со Словенией и Воеводиной. Занимаясь экономическими вопросами, А. Хебранг не раз упрекал союзное руководство в несправедливой экономической политике в отношении Хорватии, а именно: критиковал установленный курс куны к динару, экономическое развитие по советскому образцу. На волне репрессий и чисток 1948 г. после конфликта с СССР многие сторонники А. Хебранга эмигрировали или были арестованы.

Так, на некоторое время было обезглавлено идейное движение за суверенитет Хорватии. Новому государству, которое строилось на социалистических основах, идеях братства и единства были нужны новые люди. Они должны были безоговорочно верить в победу коммунизма, интернационализма, окончательное расставание с прошлым, не думать о своем личном, в том числе и национальном, строить светлое будущее на основах полного равенства всех народов и народностей, которых собрала на своей территории новая Югославия. И такие люди среди хорватов нашлись.

Новым лидером хорватских коммунистов в 1944 г. стал юрист по образованию Владимир Бакарич. Родился он в 1912 г. в Великой Горице, в рабочем движении участвовал с 1932 г., член КПЮ с 1933 г. Некоторое время занимал должность секретаря студенческой организации университета в Загребе. Во время Второй мировой войны В. Бакарич стоял у истоков восстания в Хорватии, был комиссаром Генерального штаба Народно-освободительной Армии Хорватии, членом президиумов II и III АВНОЮ, членом Национального комитета освобождения Югославии, сформированного в 1945 г. В 1948–1969 гг. он был председателем Союза коммунистов Хорватии.

В. Бакарич считал, что с окончанием войны все прежние хорватские нерешенные вопросы (национальный, территориальный, языковой) потеряли свою актуальность. Этот человек имел огромное влияние не только в Хорватии, но и являлся одним из самых приближенных людей к И. Броз Тито, входил в так называемый «ближайший круг». М. Врхнунец, проработавший много лет в канцелярии

И. Броз Тито, вспоминал: «Эти люди пользовались его полным доверием и имели возможность легко с ним встретиться — В. Бакарнич, Э. Кардель, М. и В. Поповичи, В. Влахович, П. Стамболич. Например, В. Бакарнич, было время, имел право даже ночью приехать к И. Броз Тито. Для этого не нужно было ждать или заранее созваниваться через соответствующие службы. Тито не принимал ни одного стратегического решения без предварительной консультации с В. Бакарничем. У них были доверительные отношения, мне кажется, что они были настоящими политическими единомышленниками»²⁹.

Упрочение политической системы ФНРЮ после 1945 г., укрепление лидирующей роли Коммунистической партии Югославии, а затем создание монолитной однопартийной системы, жесткая централизация власти не оставили места противникам федерации. Многие хорваты эмигрировали. По данным ЦК КПХ за 1949 г. в США эмигрировало 800 000 хорватов, в Аргентину — 40 000, в Канаду — 10 000. В Бразилии большую часть эмигрантов, более 10 000, составляли выходцы из Хорватии. В Чили хорваты составляли 90% от общего числа иностранцев³⁰. Вместе с ними за границу переместилась и идея независимости Хорватии, где она пестовалась и поддерживалась на протяжении четверти века. Именно там строили планы о присоединении к Хорватии Боснии, о восстановлении справедливости в разграничении территорий после войны, о создании самостоятельного хорватского языка и сохранении самобытной хорватской культуры.

Согласно Конституции ФНРЮ 1946 г., Народная Республика Хорватия стала одной из шести республик югославской федерации. Конституция провозглашала суверенные права республик, равноправие и национальную свободу всех народов. Народная скупщина Федеративной Народной Республики Югославии становилась представителем народного суверенитета, верховным органом государственной власти, осуществляющим исключительную законодательную власть в делах, входящих в компетенцию федерации. Высшим исполнительным и распорядительным органом власти являлось Правительство ФНРЮ, избираемое Народной скупщиной и ответственное перед ней и ее Президиумом. Система органов власти в республиках была аналогична федеральной системе.

Первые послевоенные годы развития страны (1945–1950 гг.) известны как годы строительства командно-административной системы

власти, во многом копиравшей советскую систему образца 1936 г. Отношения между республиками и федерацией строились на приоритете центральной власти. Союзные органы наделялись широкими полномочиями. Республики не имели политической и экономической самостоятельности, но народ в первые послевоенные годы за демократию принимал всеобщее избирательное право, тайное голосование, республиканское представительство в одной из двух палат парламента (Вече национальностей).

Основные принципы Конституции 1946 г. роднили ее с Конституцией СССР 1936 г. После конфликта 1948 г. в Югославии начались конституционные преобразования. И. Броз Тито старался отойти от сталинской модели государства в сторону большей демократизации, продемонстрировать неповторимость и оригинальность югославской модели государственного устройства. В начале 1950-х гг. в конституционной системе страны произошли существенные перемены, связанные, прежде всего, с принятием в 1950 г. «Основного закона об управлении государственными хозяйственными предприятиями» и введением на этих предприятиях системы рабочего самоуправления. Еще через два года, в соответствии с «Общим законом о Народных комитетах», система самоуправления из экономической сферы была перенесена и в область общественно-политической жизни.

Поскольку нововведения, проводимые в стране, затронули сферу конституционного регулирования, в 1953 г. был принят «Конституционный закон об основах общественного и политического устройства ФНРЮ и о союзных органах власти», ставший, по сути дела, второй Конституцией социалистической Югославии. Он закрепил и расширил систему органов самоуправления и в производстве, и в общественно-политической системе, введя, в частности, Вече производителей в вышестоящие представительные органы. Конституционный закон предусмотрел некоторое уменьшение компетенции федерации и расширение прав республик, перенос на местные органы власти ряда важнейших государственных функций, предоставление предприятиям значительной самостоятельности в хозяйственной деятельности и в распоряжении своими доходами.

Введение в состав Союзной Народной скупщины Веча производителей привело к временной ликвидации Веча национальностей, которое по Конституции 1946 г. было самостоятельной палатой скупщины. Тем самым, федеральному органу придавалось новое

«наднациональное» содержание. Дальнейшие преобразования усилили этот процесс. Согласно концепции коммунального устройства середины 1950-х гг., главное место в системе самоуправления отводилось общине. Все эти изменения несколько не расширили самостоятельности республик, наоборот, происходило расширение компетенции союзных органов за счет сужения республиканских, хотя первые изменения создавали ощущения больших перемен, демократизации, их социальной направленности.

Конституционный закон, далее, ликвидировал Президиум Народной скупщины и впервые провел функциональное разделение органов, осуществляющих исполнительную власть и административную деятельность. Функция исполнительной власти была вручена председателю ФНРЮ и Союзному Исполнительному Вечу (СИВ), ставшему по Конституционному закону органом самой скупщины. Административную функцию должны были выполнять секретариаты и другие органы управления, ответственные и перед Скупщиной, и перед СИВ. Изменились, во всяком случае, на бумаге, и функции Председателя ФНРЮ — они стали считаться исключительно исполнительными. Первым Председателем ФНРЮ был избран И. Броз Тито.

Конституционный закон 1953 г., хотя и не отменил целиком Конституцию 1946 г., прекратил действие важнейших ее разделов. Существование одновременно двух конституционных актов породило серьезную несогласованность в правовой системе. Непоследовательными и противоречивыми оказались и нормы, регулирующие федеративное устройство, а также взаимоотношения представительных, исполнительных и административных органов.

Необходимо отметить особенность общественного и политического устройства Югославии. Коммунистическая элита формировалась в двух разных общественных системах — капиталистической и социалистической. Старшее поколение начинало свою деятельность в условиях капиталистического строя, который оно стремилось разрушить посредством революционного движения. Одержанная в ходе Народно-освободительной войны победа и создание федеративного социалистического государства для многих являлось решением ранее существовавших проблем, прежде всего, национального вопроса. Многим казалось, что все прежние разногласия в этой области преодолены.

Однако нужно иметь в виду тот факт, что во время войны погибла треть из числа старых коммунистов, которые являлись носителями партийных традиций. Ряды партии пополнялись за счет участников партизанского движения, в основном сельского населения. Несмотря на потери к концу войны Коммунистическая партия Югославии насчитывала 141 066 человек и 51 612 кандидатов, а так же 331 940 членов Союза молодежи Югославии. Рост партии был огромным, учитывая, что в 1941 г. ее численность составляла всего 6455 человек, а Союза молодежи — 30 000³¹.

Послевоенная коммунистическая элита менялась в процессе социалистической реконструкции югославского общества. Как и во многих странах, в Югославии начала складываться партийная бюрократия, которая в свою очередь и становилась новой общественной элитой. В процессе социалистической индустриализации и модернизации начался процесс перемещения населения из села в город, в сферу производства. Однако исследователь М. Обрадович считает, что в Югославии, в отличие от Западной Европы, промышленный пролетариат так не сформировался, а появился класс «рабочих крестьян», достаточно традиционный по своему характеру. Именно из этого слоя и пополнялись новые национальные коммунистические элиты, социальное происхождение которых во многом влияло на политические позиции и принимаемые решения.

Уровень образования коммунистических кадров был достаточно низким. Из всех членов Коммунистической партии Югославии в 1948 г. 55,3% имели среднее образование, а 8% не окончили даже средней школы³². Коммунистическая идеология провозгласила, что партия стоит в авангарде классового движения пролетариата и ее историческая миссия — союз с народом. Был взят курс на модернизацию кадров, начался процесс формирования новой партийной элиты.

Согласно материалам V съезда КПЮ (21–26 июля 1948 г.) с 1948–1952 г. число членов партии выросло с 311 207 до 779 382 человек. За этот же период были исключены из партии 121 860. Это означает, что за время с V по VI съезды в партию было принято 433 035 новых членов³³. На VI съезде (2–7 ноября 1952 г.). Коммунистическая партия Югославии была преобразована в Союз коммунистов Югославии.

Одновременно с процессами конституционных преобразований и кадровых изменений в Югославии с 1952 г. началось обсуждение

общественных проблем, инициаторами этих дискуссий стали словенцы Э. Кардель и В. Кидрич.

Совершенствование политической и экономической систем на время оттеснили на второй план проблему межнациональных отношений, однако она продолжила оставаться актуальной все последующие годы. Коммунисты, создавая многонациональную Югославию, обещали народам, которые войдут в ее состав, равноправие и самостоятельность. В ходе народно-освободительной войны на территории Югославии был создан высший орган власти — Антифашистское вече народного освобождения Югославии, которое уже на своем втором заседании в Яйце 29–30 ноября 1943 г. приняло решение о принципах формирования многонационального государства после победы. Скрепить федерацию должна была идея «братства и единства» народов Югославии.

После тяжелой и кровопролитной войны идеи единения народов были очень сильны. В резолюции VI съезда КПЮ (2–7 ноября 1952 г.) было отмечено: «Рабочие Югославии не имеют и не могут иметь никаких своих местных «национальных» интересов, которые были бы противопоставлены классу в целом»³⁴. Однако в большинстве югославских республик национальные проблемы продолжали существовать. Межнациональные столкновения во время войны оставили глубокий след в душах народов, особенно на территории Хорватии, Боснии и Герцеговины. В первые послевоенные годы еще имели место случаи кровной мести, взаимной неприязни, недоверия. Натянутыми были македонско-албанские, а также сербско-македонские отношения из-за запрета возвращения в Македонию изгнанных во время войны сербов³⁵. В социалистической Югославии о военных преступлениях решено было не вспоминать, и начать жить в новом государстве с чистого листа. Межнациональные разногласия пытались преодолеть, создавая общую «югославскую нацию».

В Сербии, в Автономном крае Косове и Метохии нарушало спокойствие албанское меньшинство. Руководство КПЮ в конце войны столкнулось с серьезным сопротивлением албанских националистов, и вынуждено было с декабря 1944 по февраль 1945 г. вести с ними вооруженную борьбу. И. Броз Тито пытался успокоить ситуацию, с одной стороны, заявлением о предполагаемом вхождении Косова в состав Албании, а с другой — освобождением албанцев от ответственности за преступления против сербского населения, совершенные

во время войны. Весной 1945 г. И. Броз Тито говорил албанцам Косова: «Мы знаем, что вы пошли в немецкую армию, что вы боролись против нас, но это не значит, что мы призываем вас к ответственности. Мы знаем, что вы были обмануты, что не все из вас убийцы и преступники, что 90 % из вас заблуждались, и что сейчас настало наше время вам помочь, объяснить, к чему мы стремимся. Мы не хотим, чтобы албанцы в Косове были людьми второго или третьего сорта. Мы хотим, чтобы у вас были свои права, равноправие, был свой язык, свои учителя, чтобы вы ощущали себя в своей стране»³⁶. Албанцам разрешили использовать албанский язык в делопроизводстве наравне с сербскохорватским языком.

Однако через весь послевоенный период албанцы пронесли неизменные цели создания на территории Косова и Метохии самостоятельной республики, с последующим выходом из состава Сербии. На протяжении всего послевоенного периода они выражали нелояльное отношение к югославскому государству и, соответственно, политической власти; неприязненное отношение к неалбанскому населению края³⁷.

С Сербией связывают еще одну проблему, которая выражалась в борьбе против «великосербского гегемонизма» или «великосербского национализма». Во время войны борьба против фашизма сопровождалась классовой борьбой за свободу трудящихся против угнетателя предшествующего периода. При этом особенностью Югославии было то, что угнетатель имел не социально-классовый облик, а национальный. И. Броз Тито подчеркивал, что борьба не была бы успешной, если бы народы не объединились не только в борьбе против фашизма, но против тех, кто их угнетал, прежде всего, против «великосербского гегемонизма». Именно в этом И. Броз Тито видел «национальный смысл» народно-освободительной борьбы, которая несла свободу и равноправие всем народам страны³⁸. По мнению российского историка Е. Ю. Гуськовой в результате подобной национальной политики И. Броз Тито у сербов сформировался комплекс вины, сохранявшийся вплоть до конца 1980-х гг.³⁹ Серию, а затем сербский народ начали отождествлять с гегемонистской идеологией, проявлением которой была идея «Великой Сербии». Часто употребляемое выражение «гегемония великосербской буржуазии» в первые послевоенные годы постепенно уступало место выражению «великосербская гегемония». Одну из своих задач СКЮ видел в борьбе

с этим явлением. Чтобы никто не обвинил их в национализме, коммунисты Сербии сами готовы были активно сражаться с идеологией «великосербизма» и гегемонизма. Один народ в многонациональном государстве стал «бояться» сделать неосторожный шаг в отношении любой другой нации или слишком открыто проявлять свои национальные чувства. На этом фоне понятен рост, а затем и успех, например, хорватского национализма в Хорватии, албанского — в Косове⁴⁰.

В Македонии сложность межнациональных отношений определялась присутствием значительного числа мусульманского населения — турок, албанцев и исламизированных македонцев. В течение всего 1945 г. в горах Македонии продолжалась борьба партизан с теми, кто выступал против новой власти. Албанцы были уверены, что они должны осуществить свои национальные чаяния в рамках самостоятельного государства. Представители албанского и турецкого нацменьшинств входили и в состав правительства, избирались и назначались в другие органы власти. В западной части Македонии и после освобождения проживало много албанцев, часть из которых имела гражданство Албании. Правительство Македонии в основу своей национальной политики по рекомендации партии положило лозунг «братства и единства» и особенно боялось шовинизма и сепаратизма, которые ожидало от национальных меньшинств — сербов, болгар и албанцев.

В послевоенной Македонии турки, албанцы и исламизированные македонцы составляли достаточно многочисленную прослойку населения. Согласно переписи 1948 г., в Македонии общая численность населения составляла 1 152 986 человек. Из них македонцев было 789 648, албанцев — 197 389, турок — 95 940 человек⁴¹.

В Македонии существовала и проблема сербского населения. Об этом почти не писали историки социалистической Югославии. Но в исторических работах последних лет можно прочесть о том, что после запрета колонистам возвращаться на свои исконные земли, в Македонии произошла искусственная ассимиляция около 140 тысяч сербов, которые были вынуждены менять свои фамилии с «ич» на «ски», если хотели найти работу и нормально жить в республике⁴².

Многонациональную Боснию и Герцеговину характеризовала относительно высокая внутренняя стабильность, в том числе и в плане межнациональных отношений. В 1950 г. число смешанных браков составляло 9,1%⁴³, хотя определенные противоречия проявлялись

и там. В годы Второй мировой войны территории БиГ входили в состав Независимого Государства Хорватии, поэтому населения этой республики (сербов, мусульман и хорватов) коснулись проблемы межрегионального переселения, взаимного уничтожения, ненависти, разрушения устоев и хозяйственной жизни. Сербы и евреи в Боснии и Герцеговине, как и на территории Хорватии, были подвергнуты страшному геноциду со стороны усташей и немцев, а мусульмане — со стороны четников. Аресты, убийства и выселение невинных людей начались в 1941 г. и продолжались в течение всей войны.

Партизанское движение объединило представителей всех слоев населения. Для многих это было единственным средством избежать столкновения с четниками или усташами. Учредительное собрание, создавшее Краевое антифашистское вече народного освобождения БиГ, состоялось в ноябре 1943 г. Собравшиеся на нем представители разных народов и вероисповеданий выступили за братство всех народов, за полное равноправие сербов, мусульман и хорватов, за полную свободу, социальное равноправие, поддержали решение о федеративном устройстве будущей Югославии.

Выделение Боснии и Герцеговины в самостоятельную федеративную единицу произошло скорее не по этническому, а по территориально-историческому принципу. В то время не существовало «боснийского» этноса, жители республики считались или сербами, или хорватами разной веры. В 1948 и 1953 гг. при переписи населения они могли себя определять или как сербы, или как хорваты, или как «югославы-неопределившиеся». В 1948 г. из 2 847 459 жителей Боснии и Герцеговины сербами себя записали 44,3%, хорватами — 22,9%, неопределившимися — 31,3%⁴⁴. Термин «мусульмане» для определения этнической принадлежности боснийцев на территории республики употребляется, начиная с переписи 1961 г.

Словенцы за годы оккупации пережили насильственную депортацию, уничтожение, расселение. Окончание войны ознаменовалось возвращением тысяч словенцев в свою республику. Национальный вопрос в Словении не стоял так остро, как в других республиках, из-за однородности национального состава населения. Лишь по прошествии ряда лет стал проявляться словенский национализм, который не был направлен против национальных меньшинств, а носил выраженные черты сепаратизма. Известный югославский писатель и политический деятель Добрица Чосич в 1958 г. записал в дневнике, что

«в Словении до критических, до очень критических размеров развит сепаратизм. Все подряд выражают презрение к ФНРЮ, Сербии, всем нациям... Это шовинизм огромных размеров. Они презирают сербский язык, убеждены, что имеют самую богатую культуру, ощущают себя под угрозой, обворованными и обманутыми. Так думают все — от официанта до Бориса Крайгера, от горничной до Иосипа Видмара»⁴⁵. По его мнению, сразу с формированием нового государства в 1945 г. началась «тайная, кабинетная, кулуарная идеологическая борьба между националистами-сепаратистами и югославскими федералистами — «централистами»⁴⁶. Под первыми он подразумевал словенцев и хорватов, а под вторыми — сербов.

Еще одной многонациональной территорией была Воеводина. В годы войны эти территории были разделены между Независимым Государством Хорватией (НГХ) и оккупированной Сербией. В Воеводине в годы войны сербы составляли 33% населения, венгры — 26%, немцы — 21%, хорваты — 7%⁴⁷. Во время войны в Воеводине сербам удалось сохранить единую краевую партийную и военную структуру, поэтому уже тогда Воеводина именовалась не иначе как «автономия», без определения, какой республике она будет принадлежать. В 1945 г. Воеводина вошла в качестве автономной области в состав Сербии.

Выселив, проживавших на этих территориях немцев, и конфисковав их земли, власти начали переселять в Воеводину жителей других республик Югославии. До середины июля 1947 г. в Воеводину переселились 37 616 семей или 225 969 человек. Всего за время аграрной реформы и колонизации в Воеводину перебралось более 40 тыс. семей. Среди них большинство составляли сербы (16 2447 чел.) и черногорцы (40 176), затем шли македонцы (12 000.) и хорваты (7134). Меньше всего среди переселенцев насчитывалось словенцев (около 2000) и мусульман (1800)⁴⁸.

Единственное национальное меньшинство на территории Югославии, положение которого регулировалось международными актами, составляли итальянцы. В соответствии с мирным договором с Италией, подписанным 10 февраля 1947 г. в Париже, а также итало-югославскому договору 1954 г., Югославия брала на себя ряд обязательств в отношении итальянского населения на территориях, отошедших к Хорватии. Им гарантировалось равноправие со всеми народами Югославии, они получили право издавать газеты

и журналы на родном языке, открывать культурные, спортивные и общественные организации, использовать родной язык в детских садах, начальных, средних и специальных школах.

В Хорватии сербско-хорватские противоречия являлись постоянным фактором напряженности в межнациональных отношениях этой республики. Сербское население компактно размещалось на 32 % территории и составляло 12,2 % от общего числа жителей республики. В 1941–1945 гг. на территории созданного усташами при поддержке Гитлера и Муссолини Независимого государства Хорватии осуществлялись самые большие этнические чистки сербского населения. В социалистической Хорватии старались забыть и не вспоминать события Второй мировой войны.

Но уже с самого начала правового оформления Народной Республики Хорватии (НРХ) были заложены будущие межнациональные противоречия. В Конституции 1947 г. НРХ говорилось: «В результате своей Освободительной борьбы, в братском единстве с сербами в Хорватии, в общей борьбе всех народов Югославии, создавая свое народное государство — Народную Республику Хорватию, хорватский народ, выражает свою свободную волю, основываясь на праве на самоопределение, включая право на отделение и объединение с другими народами. Объединяется республика на основе равноправия с остальными народами Югославии и их народными республиками»⁴⁹. Таким образом, подразумевалось, что до вхождения в состав Югославии хорваты создали свое государство и уже потом, по своей доброй воле, объединились с другими народами. Необходимо отметить и тот факт, что понятие «сербского народа» в 11 статье Конституции было заменено на сочетание «сербы в Хорватии», тем самым, поставив сербское население в неравноправное положение с правовой точки зрения. Получается, что хорваты освободительную борьбу вели вместе с сербами, а республику создали сами. Исходя из чего, и правом на самоопределение и отделение мог воспользоваться именно хорватский народ.

Межнациональные противоречия в Хорватии проявились достаточно быстро. Так, в 1950 г. имели место, так называемые «дело Бркич, Жигич и Опачич». Суть этих событий в том, что министры хорватского правительства Р. Жичиг, Д. Бркич и С. Опачич на заседании ЦК СКХ 26–29 августа заявили о несправедливом отношении к бывшим повстанческим сербским районам Хорватии, что они оказались в неравноправном положении по отношению к территориям,

где проживали хорваты. Жители этих районов активно участвовали в Народно-освободительной войне, а после подверглись национализации, поборам и конфискациям. Министры считали, что сербы заслужили уважение за свои военные заслуги, а подобные действия только создавали угрозу национальной самобытности сербского народа. ЦК СКХ осудил подобные высказывания и обвинил инициаторов в «сентиментальности к славянству» и в сотрудничестве с Информбюро. Все трое были смещены со своих постов и осуждены на пребывание на острове Голи Оток⁵⁰. Коммунистические власти республики не допускали озвучивание национального вопроса.

В 1950-е гг. несколько раз происходили столкновения футбольных болельщиков с полицией, сопровождавшиеся исполнением национальных песен и националистическими выкриками. Авторы плаката с намеком на великохорватские идеи «Загреб — Сплит — Сараево — Земун» были арестованы и предстали перед судом. Однако наказания были мягче, чем требовало обвинение. Сначала им инкриминировалась попытка переворота с целью возрождения независимости Хорватии. После этих случаев В. Бакарич вынужден был констатировать: «Хорватско-сербская антипатия в нашем обществе достаточно сильна»⁵¹.

Власти Хорватии подключили к решению межнациональных и межконфессиональных противоречий даже церковь. Так, в 1950 г. общество священников «Добрый пастырь» проповедовало национальное единство: «Мы — хорваты и сербы, православные и католики, братья по крови и языку, и по вере в Господа. Мы все являемся родственниками. Мы — один народ, у которого два имени. У нас общая христианская вера в двух церквях»⁵². Влияние католической и православной церкви в СФРЮ существенно снизилось, но в определенной степени продолжало существовать. Первые послевоенные годы Союз коммунистической молодежи Югославии (СКМЮ) через структуры созданного в годы войны Союза социалистической антифашистской молодежи Югославии боролся против влияния на молодежь католической церкви. Например, в Словении в 1945 г. священники основали организацию «Конгрегация Марии», привлекая молодежь в рамках культурно-просветительской деятельности. Эти действия были расценены СКМЮ как попытка разобщить молодежь социалистической Югославии. Наибольшего успеха действия католической церкви имели в областях, где население было традиционно набожным. Во время первых послевоенных выборов были случаи, когда священники агитировали

на проповеди за тех или иных кандидатов, после молитвы вели прихожан на выборы. Известны примеры, когда священнослужители прилюдно ставили значок в графе за Народный фронт, а потом уже прихожане повторяли это в ходе тайного голосования. Руководство СКМЮ отмечало, что подобных крайностей следует избегать⁵³.

Потребовалось вмешательство СКМЮ и в Воеводине, где венгерский клир призывал молодежь выйти из молодежного движения. В Боснии и Герцеговине молодежная организация столкнулась с сопротивлением усташеских формирований, а так же с реакционной организацией «Молодые мусульмане». Не обошлось и без перегибов в самом СКМЮ в работе с молодежью. Вызывала критику в обществе его жесткая позиция в отношении молодежи, которая симпатизировала «крижарам».

В 1952 г. И. Броз Тито, выступая на VI съезде СКЮ, отметил скрытую, а порой и явную враждебную политику Ватикана в отношении Югославии. Он обвинил католических иерархов в клевете и вмешательстве во внутренние дела другого государства. Конкретные действия, по словам И. Броз Тито выражались в том, что когда Югославия просила ей помочь, то Ватикан делал все возможное, чтобы ей в этой помощи отказали или ставил те или иные условия. Кроме того, возмущало главу Югославии вмешательство Ватикана в переговоры с Италией в отношении Триеста, а также проводимая пропаганда в Америке, направленная на создание неблагоприятного отношения к Югославии, призывы вернуть старый режим. Отношения с Ватиканом были налажены только в 1970 г.

В Хорватии Католическая и Православная церкви в конце 1958 г. пережили национализацию, в результате которой потеряли достаточно много объектов, которые не использовались по прямому назначению. Эти действия подрывали материальную основу церквей. Статистические данные показывают, что больший приоритет в республике отдавался Католической церкви (табл. 1).

Таблица № 1

**Данные по строительству
и реконструкции церковных объектов
в Хорватии в 1945–1960 гг.**⁵⁴

Церковь	Разрушены	Восстановлены	Новые
Католическая церковь	133	587	5
Сербская православная церковь	341	91	0

К 1960 г. Идеологическая комиссия ЦК СКЮ

констатировала рост атеизма в обществе. Однако в Хорватии Католическая церковь продолжала играть важную роль: участвовала в учебном процессе, занималась издательской деятельностью («Глас концила»), вела активное международное сотрудничество.

Вернемся к вопросу национального самосознания. Сербский исследователь П. Маркович считает, что в Югославии во всех республиках сложились в равной степени территориальное, республиканское и федеративное самосознание, кроме Словении и Косова, где население во всех социологических опросах называло только принадлежность к своей нации. В остальных республиках люди ощущали себя как представителями своей национальности, так и югославами. Несмотря на заявления югославских властей о «братстве и единстве» народов, факты межнациональной напряженности фиксировались с середины 1940-х до распада социалистической Югославии. О них не было принято говорить, это была «табу» тема в многонациональном государстве. Словенскому народу было проще заявить о принадлежности к своей нации, так как это не расценивалось проявлением национализма со стороны других народов. Об особенностях национального вопроса в Косове мы уже упоминали. В остальных республиках громко заявлять о национальной принадлежности означало бы вызвать возмущение представителей других национальностей.

Данные социологических опросов по стране показывают, что стремление быть югославом преобладало среди молодежи. Именно на молодое поколение надеялся И. Броз Тито, выступая перед молодежью в 1952 г.: «Между нами нет границ, все равно кто человек — серб, хорват, словенец или еще кто-то — он югослав»⁵⁵. В этом же году в интервью иностранным журналистам И. Броз Тито заявил, что придет время, и все пять народов станут одной нацией⁵⁶. Интересно, что при жизни главы государства это заявление в Югославии не придали гласности. Отношение к понятию «югослав» было противоречивым. Возможно, это было вызвано резкой критикой со стороны ряда республик при упоминании о создании югославской нации. Так, в переписи 1948 г. этого определения не было, в 1953 г. появился пункт «югослав-неопределившийся», а в 1961 г. была четко указана категория «югослав». Распределение по республикам тех, кто считал себя югославами, выглядело в начале 1960-х гг. следующим образом (табл. 2).

Против планов по созданию единой нации в 1957 г. выступил Э. Кардель в своей книге «Развитие словенского национального

Таблица № 2

**Данные о территории
проживания «югославов»⁵⁷**

Республика	1961 год	
	Число	%
Босния и Герцеговина	275883	8,4
Сербия	20079	0,3
Хорватия	15557	0,4
Остальные республики	5603	0,0
Югославия	317124	1,7

вопроса»⁵⁸. Ссылаясь на позицию СКЮ в отношении югославизма, он отмечал, что «по всему миру идет процесс объединения наций, но он не подразумевает объединения языка и культуры. Создание новой нации только усилит национализм и шовинизм в уже существующих нациях, которые реальны и останутся в дальнейшем»⁵⁹. В начале 1958 г. слова

Э. Карделя нашли свое подтверждение в забастовке шахтеров Словении в Трбовли. Кроме требований большего самоуправления, звучали утверждения о неравноправном положении Словении в Югославии. На закрытом заседании Исполнительного комитета ЦК СКЮ 6 февраля 1958 г. югославскими коммунистами был сделан вывод о разделении общества по национальным интересам. И. Броз Тито тогда отметил опасность распада Югославии⁶⁰.

На VII съезде СКЮ в 1958 г. обсуждения вопроса о месте нации в Югославии продолжились. Представители БиГ выразили озабоченность в связи с ростом централистских тенденций, которые в свою очередь находят себе оправдание в «разных националистических или унитаристских аргументах». На съезде была принята программа СКЮ, в которой подтверждалось намерение дальнейшего социалистического объединения наций и развитие «социалистического югославского самосознания», что предполагало свободное развитие национальных языков и культуры. В этом смысле социалистический югославизм, как вид социалистического интернационализма и демократического национального самосознания, по решению съезда — «это неразделимые понятия, это две стороны одного процесса»⁶¹. Тогда же была определена позиция партии по отношению к негативным проявлениям в стране. Всеми идейными и политическими средствами решили бороться против националистических, шовинистских и сепаратистских тенденций, а также против бюрократического централизма и великосерского гегемонизма.

Сербский исследователь П. Маркович утверждает, что именно на VII съезде СКЮ словенский ученый и политический деятель Б. Крайгер впервые использовал термин «унитаризм», вкладывая

в него негативный смысл. Позже им стали обозначать попытки укрепления федерации в ущерб другим республикам.

Сопrotивляясь тенденциям укрепления югославизма, преобладания классового над национальным, вслед за словенцами и часть руководства Хорватии стала чаще использовать национальные лозунги, пытаться противостоять попыткам уравнивания наций и создания единой югославской нации, усматривая в ней угрозу хорватскому народу, его самобытности.

В федерации обозначились два подхода к решению вопроса существования и взаимоотношений наций. Одним виделось необходимым укреплять самостоятельность республик, и, тем самым, поддерживать национальную самобытность народов и народностей. Другие усматривали в этом опасность сепаратизма и выступали за укрепление федеративного центра.

На расширенном заседании Исполнительного комитета ЦК СКЮ в марте 1962 г. в рамках обсуждения вопроса централизма и федерализма в Югославии И. Броз Тито выразил свое беспокойство ростом национализма, который мог привести к сепаратизму: «Разве вас не настораживают уже ставшие очевидными националистические выпады в средствах массовой информации? Например, по национальному вопросу — куда дальше двигаться Югославии — в сторону интеграции как социалистическому сообществу или дезинтеграции? Децентрализация все больше понимается нашими гражданами как дезинтеграция. Для нашего общества подобный сценарий очень опасен»⁶².

В начале 1960-х гг. и Хорватия озвучила свою позицию по национальному вопросу. На заседании Исполнительного комитета ЦК СКХ (1963 г.) проблема югославской нации была поставлена в один ряд с унитаризмом и централизмом, которые считались консервативными и реакционными проявлениями. Участники заседания решили настаивать на том, что больше нет никаких наций, кроме уже существующих. Заявлять обратное, по их мнению, означало «снижать уровень демократии и увеличивать централизм»⁶³.

Решение национальных проблем хорватские коммунисты видели в достижении высокого уровня экономического развития. Первые послевоенные годы в экономическом плане для Хорватии были непростыми. За годы войны в республике были полностью разрушены около 300 сел. Наиболее пострадавшими от войны городами были Задар, Книн и Славонский Брод. Всего разрушено 260 000

промышленных и административных объектов, из них 150 000 разрушено до основания. Около 400 000 человек остались без жилья. В период существования НГХ из Хорватии и БиГ в Сербию бежали от 140 000 до 180 000 сербов. После войны многие из них вернулись⁶⁴.

Вплоть до 1948 г. в Хорватии в основном принимались чрезвычайные законы — «Закон о конфискациях», «Закон о военных возмещениях», «Закон о борьбе с саботажем» и другие. Власть сконцентрировала в своих руках 80 % крупной промышленности республики, а также банковский и торговый капитал. Все экономические мероприятия контролировала Центральная государственная комиссия во главе с Э. Карделем. В марте 1948 г. прошла вторая национализация с целью поддержать, так называемую, малую экономику. Ликвидация мелких предприятий была представлена как окончательная победа над «остатками капитализма». Часть хорватских коммунистов во главе с генеральным секретарем КПХ А. Хебрангом выступили против тотальной национализации в республике, плановой экономики, против развития общества по советскому образцу. Они пытались сохранить частную собственность и сильные крестьянские хозяйства.

Дальнейшие шаги в разработке возможностей для осуществления демократического самоуправления трудящихся во второй половине 1950-х гг. были направлены на поиск соответствующих органов управления на производстве и в других сферах политической и общественной жизни. Так возникли рабочие советы, коммуны, хозяйственные ассоциации, общественные органы управления. Страна призвала осуществить программу «трех Д»: демократизация, децентрализация, деbüroкратизация. Такая программа, хотя и не решала многие экономические вопросы, позволила распространить идеи самоуправления с производственной сферы на политическую.

С середины 1940-х гг. до начала 1960-х гг. Хорватия в составе СФРЮ прошла сложный путь послевоенного восстановления, а позднее масштабного реформирования. Хорватские политики сделали очень много, чтобы республика заняла в социалистической Югославии равноправное положение, но им так и не удалось до конца решить территориальные споры с соседними республиками и вопрос статуса хорватского литературного языка.

После войны, войдя в состав Федеративной Народной Республики Югославии, Хорватия сумела сохранить целостность своих довоенных территорий. В отличие от других республик Югославии, ее

территории не подверглись серьезным изменениям. Заветной мечтой хорватов остались земли в Боснии, которые после войны вошли в состав Республики БиГ. Были недовольны они и границей со Словенией и Сербией, что давало повод говорить о несправедливом разграничении территорий после войны в отношении Хорватии. Спор с Сербией касался срезов: Суботица, Сомбор, Апатин, Оджаци, Банина, Дарда, Шид, Илок, Срем. Проблема состояла в том, что население этих областей было национально неоднородным. Например, в срезе Сомбор относительное большинство в 1945 г. имели венгры, а до войны — немцы. В городе большинство составляли сербы, а в селах — хорваты. Каждая национальность тяготела к своей республике — сербы к Сербии, хорваты к Хорватии, а венгры вообще были против любого деления.

Вопрос национального литературного языка также оставался открытым. В 1944 г. И. Рибар как председатель и Р. Чолакович как секретарь Президиума Антифашистского веча народного освобождения Югославии (АВНОЮ) подписали акт, на основе которого все решения этого нового органа власти должны представляться на сербском, хорватском, словенском и македонском языках. Созданное в 1942 г. АВНОЮ стало высшим органом политического руководства освободительной войной — год спустя было преобразовано в верховный представительный, законодательный и исполнительный орган Югославии, являющийся высшим выражением суверенитета народа. В период между сессиями АВНОЮ все его законодательные и исполнительные функции должен был осуществлять Президиум Антифашистского Веча, а в качестве правительства был учрежден Национальный Комитет Освобождения Югославии. Политической программой этих органов власти было освобождение страны и построение Югославии «на демократической федеративной основе как государственного содружества равноправных народов».

В Конституции ФНРЮ 1946 г. языки сербов и хорватов назывались сербский и хорватский: «Законы и другие общие документы Федеративной Народной Республики Югославии составляются на языках народных республик»⁶⁵. С небольшими изменениями это положение было закреплено в Конституции 1953 и 1963 гг. В 1954 г. в рамках шагов по созданию югославского единства среди народов сербско-хорватского языкового пространства в Нови-Саде был подписан договор, который закреплял существование одного языка,

содержащего двойное название (сербскохорватский и хорватскосербский), два письма и два диалекта. Его подписали наиболее уважаемые хорватские лингвисты и литераторы. В Новосадском договоре говорилось: «Язык хорватов, сербов и черногорцев — это один язык и, несмотря на то, что существуют два диалекта экавский и екавский, они полностью равноправны, как и оба письма, такое же условие распространяется на преподавание в школах»⁶⁶. Была сделана еще одна попытка создать общий литературный язык.

* * *

Таким образом, уже во второй половине 1940-х гг. в Хорватии проявилось идейное движение за суверенитет, были озвучены опасения утратить свою национальную идентичность и не использовать в должной мере возможности экономического развития в условиях строительства социалистической системы. Однако создание монолитной однопартийной системы, жесткая централизация власти не оставили места противникам федерации. Идея независимости Хорватии переместилась за границу, где ее взращивали и культивировали на протяжении четверти века.

С середины 1940-х гг. до начала 1960-х гг. Хорватия в составе СФРЮ прошла сложный путь послевоенного восстановления, а позднее масштабного реформирования. Хорватские политики сделали очень много, чтобы республика заняла в социалистической Югославии равноправное положение, но им так и не удалось до конца решить территориальный, языковой и национальный вопросы. Спорными оставались границы со Словенией, Сербией и Боснией. Вопрос национального литературного языка также оставался открытым. В рамках шагов по созданию единства среди югославских народов Новосадский договор 1954 г. закреплял существование одного языка, содержащего двойное название (сербскохорватский и хорватскосербский), две графики написания (кириллица и латиница) и двумя нормами произношения (экавское и иекавское).

Рассмотренный материал показывает, что в послевоенной Югославии межнациональные противоречия не были преодолены, что касалось и Хорватии. В 1950-е гг. появилось недовольство сербского населения Хорватии несправедливым отношением к ним как в экономическом, так и в культурном плане. Они критиковали власти за то, что к ним, победителям в тяжелой и кровопролитной войне, применяются суровые карательные меры, что они ощущают проявлениями

национализма и шовинизма на бытовом уровне. Разным в Республике было отношение к Православной и Католической церквям. Несмотря на напряженные отношения СФРЮ с Ватиканом, в Хорватии восстанавливались в основном католические храмы.

Сопrotивляясь тенденциям укрепления югославизма, преобладания классового над национальным, часть руководства Хорватии пыталась противостоять попыткам уравнивания наций и созданию единой югославской нации, усматривая в ней угрозу самобытности хорватского народа.

В Хорватии в первые послевоенные десятилетия национальный вопрос характеризовался определенной напряженностью в: отношениях между сербами и хорватами в республике, отношениях и пограничных спорах с другими республиками федерации, отношениях республики с центральными органами власти. В последующем на первый план выдвинется проблема положения Хорватии в федерации, а формой ее выражения станет борьба за экономическое равноправие, культурную самобытность и языковую самостоятельность.

§3. Условия возникновения хорватского национального движения в 1960-е гг.

В начале 1960-х гг. Югославия искала новые возможности экономического и политического развития для преодоления кризисных явлений, охвативших страну. В политической системе надеялись на новую Конституцию, в экономике — на широкие реформы. Необходимость изменений признавали все, но их содержание виделось по-разному. Уже в начале 1960-х гг. проявляются два взгляда на будущее федерации: одни предложили усилить централизацию и поддержать центристские тенденции. Другие считали, что выходом из кризиса должно стать усиление самостоятельности республик, рост рыночных отношений, развитие демократии и децентрализации. Сербия, Черногория и Босния и Герцеговина стремились сохранить Югославию на идейных основах завоеваний социалистической революции, на идее братства и единства, интернационализма и равенства. Словения и Хорватия выступали за большую самостоятельность республик сначала в экономической, а затем и в других сферах.

В 1960-е гг. внедрялась и постепенно укреплялась концепция рабочего самоуправления, которую разрабатывал Э. Кардель. Именно через идею самоуправления предполагалось расширить демократию не только экономической, но и социальной, политической и других сферах. Однако первая половина 1960-х гг. — это период поиска прочных ориентиров развития страны, споров и дискуссий, проб новых демократических возможностей в республиках и колебаний руководства. Попытка реформ в политической и экономической сферах создавала иллюзию демократизации, борьбы с бюрократизмом, расширения прав республик. Эти иллюзии стали *первым условием* возникновения хорватского «массового движения».

В первой половине 1960-х гг. в словенских и хорватских журналах появляются статьи об острых общественных вопросах, культурной политике и национальной экономике. Уже в это время обсуждалась проблема равноправного употребления словенского языка. Началу этого процесса во многом способствовали результаты VIII съезда СКЮ (7–13 декабря 1964 г.). На нем впервые в СФРЮ был поставлен вопрос о национальных проблемах, звучал тезис о том, что «нация должна быть независима»⁶⁷. И. Броз Тито стал откровеннее говорить о необходимости сохранения и укрепления наций и их союзе в период строительства социализма: «В нашем обществе еще есть люди, которые считают, что на социалистическом этапе развития национальности уже ушли в прошлое, и им следует исчезнуть. Они смешивают единство народа с ликвидацией нации и созданием единой югославской нации, что подразумевает ассимиляцию, бюрократическую централизацию, унитаризм и гегемонизм. Югославская социалистическая интеграция представляет собой тип общественного содружества, в которой все национальности находят общие интересы»⁶⁸. Если в 1962–1963 гг. И. Броз Тито в своих выступлениях использовал понятие «братства и единства» 30 раз, то уже в 1964–1965 гг. только 16.

VIII съезд СКЮ 1964 г. стал одним из переломных этапов в истории сложных взаимоотношений республик и центра. До сих пор нет единого мнения о его результатах. Сербский исследователь П. Маркович считает, что в том споре победила линия республик, а центр проиграл. Один из самых крупных хорватских историков Д. Биладжич, наоборот, уверяет, что республики не смогли на нем отстоять свои интересы. Для хорватских ученых было выгодно отрицательно

оценивать результаты съезда для обоснования дальнейших шагов своего руководства в русле общей борьбы с централизмом и унитаризмом. Самое важное в результатах этого съезда то, что И. Броз Тито принял сторону тех сил, которые выступали за национальные приоритеты. Именно на VIII съезде начали указывать национальную принадлежность участников. Впервые в документах рядом с именем И. Броз Тито появилось определение — «хорват».

На волне актуализации национального вопроса и споров о роли нации в Югославии, в Хорватии произошли события, которые во многом предопределили расстановку сил в будущем хорватском «массовом движении», задали тон будущим политическим разногласиям и настроениям в обществе. Иллюзия демократизации придала уверенности хорватским деятелям науки и образования, которые решили, что пришло время озвучить проблемы национальной истории.

На рубеже 1963–1964 гг. ЦК СКЮ обратился к хорватскому партийному руководству с просьбой выработать замечания ко второму изданию «Очерков истории СКЮ». Хорватская сторона неоднократно критиковала «Очерки» за необъективное освещение истории Хорватии, поскольку в ее написании сами хорваты не участвовали. Институт истории рабочего движения (ИИРД) настаивал на переводе их на хорватский язык.

В заседании специально созданной комиссии по этому вопросу приняли участия сотрудники ИИРД, а также самые влиятельные и уважаемые партийные функционеры: В. Бакарнич, А. Берус, член Исполнительного веча Союзной Народной скупщины, член ЦК, М. Белинич, член Центрального веча Союза профсоюзов Югославии, депутат Народной скупщины, Р. Чолакович, председатель правительства до 1948 г, с 1953 г. — член Исполнительного Союзного веча. Предметом внимания комиссии стали события межвоенного периода, участие в Народно — освободительной войне и, неожиданно, по инициативе ИИРД, национальный вопрос. Это мероприятие важно по нескольким причинам. Во-первых, на заседании впервые после войны проявили активность националистически настроенные представители исторической науки, обозначившие наличие в республике точки зрения, которая отличалась от официальной коммунистической идеологии. Подняв национальный вопрос, они встретили серьезный отпор со стороны части партийного хорватского руководства во главе с В. Бакарничем. Во-вторых, это заседание имело большое значение,

поскольку на нем впервые после окончания войны была поднята тема о месте хорватов в составе Югославии, которая после ареста в 1948 г. А. Хебранга была под запретом.

На встрече 1964 г. хорватские историки предложили пересмотреть роль в истории лидера Хорватской крестьянской партии В. Мачека и главы Сербского правительства Д. Цветковича, подписавших в 1939 г. Соглашение о создании Бановины Хорватии. После войны коммунистическая пропаганда обвинила этих политических деятелей в предательстве. Однако с точки зрения хорватской национальной идеи, именно они сумели достичь соглашения, которое в наибольшей степени отвечало чаяниям хорватского народа. В ходе обсуждения «Очерков» выдвигались предложения полностью их реабилитировать.

Так, М. Цветкович, председатель Союзного Веча Народной скупщины, заявил, что Договор Цветкович-Мачек был судьбоносным событием предвоенного времени. К тому же похожие процессы шли по всей Европе, поэтому их следует рассматривать с учетом практики тогдашней политической жизни бановины и белградского режима⁶⁹. Мы наблюдаем у хорватских историков ностальгию по политическим успехам хорватов в рамках Королевства Югославии, сомнения в объективности коммунистического режима, который в конце войны осудил создателей Бановины Хорватии.

Еще дальше пошел Ф. Туджман, историк, генерал Югославской Народной Армии, директор Института истории рабочего движения (1961–67), профессор факультета Политических наук Университета в Загребе, 1992–2000 президент Республики Хорватии. Он настаивал на том, что политику Цветковича-Мачека нужно рассматривать в реальном международном контексте. Ф. Туджман обращал внимание на существование пакта между Германией и СССР. «Это первое правительство находилось под давлением международных событий и внутренних обстоятельств», — утверждал он⁷⁰. Стремление к обобщению исторических событий, рассмотрение их в глобальном масштабе, апелляция к общеевропейскими и мировым процессам становятся традиционными для хорватской историографии.

Ш. Шенович попытался выделить исключительный вклад хорватов в Народно-освободительную войну, считая, что борьба за освобождение в Хорватии началась уже в 1942 г, как значительный фактор для всей Югославии. В то время, когда освободительная

борьба в Сербии, Черногории, Герцеговине была в стагнации, Хорватия со Словенией и Боснией стала центром Народно-освободительной войны и социалистической революции во всей Югославии⁷¹. Это была существенная правка устоявшихся стереотипов. В очередной раз в своей истории Хорватия, в данном случае в лице историков, пыталась пересмотреть свое место в многонациональном государстве.

Напряжение нарастало с каждым выступлением. Яков И. Блажевич заявил, что хорватский народ долгое время угнетался, и у сербских коммунистов не было никаких проблем, кроме классовых, в отличие от хорватских коммунистов, которым предстояло решать еще и национальный вопрос. В. Бакарич, представлявший высшее руководство Хорватии, согласился с тем, что до войны национальный вопрос являлся единственным нерешенным вопросом в Югославии. Но при этом В. Бакарич добавил, что необходимость противостоять фашизму в Европе определила интернациональные задачи. Он сумел свести к минимуму обсуждение национального вопроса, а на попытки сотрудников ИИРД озвучить его вновь, заявил: «Институт в Загребе, которому благоволит ЦК СКХ, является сторонником националистических взглядов. Это наша самая точная его оценка»⁷². Уже второй раз глава Союза коммунистов Хорватии пытался пресечь попытки сторонников хорватской национальной идеи говорить о своей самобытности, исключительности и тем самым обозначить какой-либо свой, самостоятельный путь развития Хорватии.

Текст стенограммы заседания отражает накаленную атмосферу обсуждений. В частности, В. Бакарич постоянно прерывал Ф. Туджмана, не давая ему закончить фразы, резко переводил разговор на другую тему, ограничивал время обсуждения того или иного вопроса. Историков поддержала часть партийного руководства. В активную полемику вступили П. Грегориц, Р. Чолакович, А. Берус, М. Почуча, И. Рукавина и М. Ивекович. Двадцать пять лет спустя Ф. Туджман охарактеризовал ситуацию так: «Вокруг Института собрались революционеры — И. Рукавина, В. Холевац, И. Шибл, П. Грегориц из далматинско-чиновничьих кругов. Это было расценено как создание параллельного ЦК»⁷³.

Оценивая эти события, следует сказать, что они стали своего рода пробой сил в постановке национального вопроса. Это было начало формирования круга националистически ориентированных функционеров уже в новых исторических условиях. Все они были

выходцами из Далмации, этот регион всегда считался кузницей хорватских национальных лидеров. Результаты заседания показывают, что условия для этого уже сложились. Еще несколько лет назад подобные действия историков члены ЦК СКХ строго бы осудили единогласно. Однако в 1964 г. уже часть хорватского руководства поддержала подобные инициативы.

В газетах о заседании Комиссии ЦК СКХ по вопросам истории не было сказано ни слова. Только через несколько дней в газете «Коммунист» появилась статья М. Груич «Националистический поворот Института» с критикой позиции сотрудников. Г. Бабич в своем сборнике документов «Югославия в Хорватии» привел слова З. Бркича, секретаря ЦК: «Впервые случилось, что В. Бакарич остался в меньшинстве. Он этого не простит»⁷⁴. Действительно, позднее В. Бакарич часто вспоминал это заседание. Для него и его сторонников глубокий пересмотр истории Хорватии в явном национальном контексте стал неожиданностью, еще более неожиданной оказалась поддержка инициатив ИИРД со стороны ряда крупных хорватских партийных деятелей, таких как И. Рукавина, В. Холевац. Позднее, подводя итоги событиям в Хорватии, В. Бакарич отмечал, что рост национализма начался еще в 1952 г., но его усиление произошло именно в начале 1960-х гг.

В последующие годы националистически настроенные деятели науки воздерживались от комментариев на столь высоком уровне и использовали в основном периодические издания. Эта встреча — один из немногих примеров выражения позиции сторонников хорватской национальной идеи после 1945 г. по вопросам исторического развития.

Сотрудники Института истории рабочего движения стали инициаторами регулярных обсуждений хорватской истории. Но если раньше эти обсуждения проходили в закрытом режиме и редко становились достоянием общественности, то теперь они стали систематично публиковаться на страницах газет и журналов Матицы хорватской. В научных кругах начинается поиск национальных героев, знаменательных событий хорватской истории. Так, например, бан Й. Елачич, активный участник Революции 1848 г., политический лидер XIX века, был назван «самым патриотичным хорватом своего времени», а так же «самым прогрессивным государственным деятелем своей эпохи». Возвращения в прошлое постоянно сопровождались

сравнениями с современностью. Ф. Туджман на торжественном собрании по случаю 100-летия лидера Хорватской крестьянской партии С. Радича заявил, что можно было избежать больших жертв во время войны, если бы общество внимательнее относилось к национальному хорватскому движению.

Пересмотру подверглась и послевоенная история Хорватии. Инициировал эти исследования также ИИРД. Подчеркивая важную роль хорватского народа в Народно-освободительной войне и революции, сотрудники института указывали на то, что исторические заслуги Хорватии после войны не были оценены в должной мере, наоборот, «клеймо усташества» было применено ко всей Хорватии. Статья сотрудника Института Б. Бушича о жертвах в ходе Второй мировой войны перевернула всю ранее существовавшую историографию. Прежде всего, ее автор изменил соотношение сил народно-освободительного движения, главную роль в нем отводя хорватскому народу. В конце исследования был сделан вывод о том, что самые большие демографические и военные потери пережила СР Хорватия⁷⁵. Автор сравнивает описание понятия «четник» и «усташа» в Военной энциклопедии и приходит к выводу, что четничество историография пощадила, ничего не написав о массовых преступлениях четников в отношении македонцев и албанцев перед Первой мировой войной, о преступлениях против несербского населения в монархической Югославии, о действиях партизанского движения во время Второй мировой войны в районах Вишеграда, Фочи. В отличие от этого, считает Б. Бушич, преступления усташей преувеличены, на них возложена непосредственная моральная и правовая ответственность, которая переносится на весь хорватский народ.

В других исследованиях сотрудников Института были внесены серьезные изменения в число погибших в ходе войны на территории Хорватии. По мнению молодых историков, потери не превышали 60 000 человек. Однако авторы ранее изданной Энциклопедии лексикографического института не согласились с этими цифрами, считая, что новые данные серьезно занижены, так как, по их подсчетам, только в лагере Ясеновац содержались 700 000 заключенных, в лагере Баница — 80 000, Земун- 60 000, Шабац- 30 000, Митровица- 10 000⁷⁶. Статья Б. Бушича о жертвах войны была перепечатана в эмигрантской газете «Хрватска ревия» (1969) и в книге «Блайбургская трагедия хорватского народа» (1976).

Некоторые хорватские политики поддержали националистические круги в попытке преодолеть комплекс вины хорватов, оправдать их перед другими народами Югославии. Так, председатель правительства Д. Харамия подчеркивал: «Хорватия никому ничего не должна. Свои обязательства она выполнила в ходе Народно-освободительной войны, выполняла она их и после войны. Наш народ обвинили в геноциде и оболгали. Я об этом говорю не из каких-то националистических убеждений, а потому, что это правда. Мы должны открыто смотреть в будущее»⁷⁷.

Вторым условием для возникновения хорватского «массового движения» стало изменение роли республик в сторону расширения их прав по Конституции 1963 г. Страна получила новое название — Социалистическая Федеративная Республика Югославия (СФРЮ). В ней закреплялись традиционные права и свободы граждан. Верховным органом самоуправления должна была стать Скупщина, поэтому и изменялась ее структура. Чтобы подчеркнуть усиление роли трудящихся в парламенте кроме Союзного веча, создавались еще 4 самоуправленческих: хозяйственное, культурно-просветительское, здравоохранения и социальной защиты, организационно-политическое (по 120 человек).

Новая Конституция являлась достаточно противоречивым законом. Республики получили право непосредственно сотрудничать между собой, минуя федерацию: основывать хозяйственные организации, предпринимать какие-либо совместные действия. С одной стороны, в ней поднимался статус национальных меньшинств, которых стали называть народностью, а с другой стороны, принижалось значение нации в системе социалистического самоуправления. Конституционные изменения значительно ограничивали права республик в отстаивании своих прав на уровне федерации. Вече народов собиралось лишь по мере необходимости и становилось структурой Союзного веча.

В Конституции 1963 г. впервые было сказано о том, что в политическую систему общества Союз коммунистов Югославии входит как основная движущая сила политической активности. Важным институтом политической системы был объявлен Социалистический союз трудового народа Югославии (ССТНЮ) как самая широкая опора общественно-политической активности и общественного самоуправления трудового народа. ССТНЮ отводилась роль общественной

трибуны, с которой можно было заявить о каких-либо возникших проблемах, внести свои предложения, разрешить конфликты. Однако важные решения все же принимались союзными и, прежде всего, партийными органами.

42 поправки к Конституции 1963 г., принятые во второй половине 1960-х гг., существенно сузили компетенции федерации. Она была лишена каких-либо инвестиционных функций, не могла брать на себя финансовых обязательств. Кроме того, в соответствии с поправками был создан Президиум федерации, выполняющий функции коллективного руководящего органа. В его состав входили представители республик (по 3 человека) и автономных краев (2 человека). Были расширены права предприятий, а также Веча народов. Возобновлялись его прежние самостоятельные заседания, которые не проводились с 1953 г.

Во второй половине 1960-х гг. в стране произошло окончательное разделение на сторонников сохранения существующего федеративного устройства и сторонников дальнейшего реформирования политической системы, вплоть до создания конфедерации. Основой для споров стала XX поправка к Конституции. В этой поправке дано определение республики: «Республика — это государство, основанное на суверенитете народа и на власти и самоуправлении рабочего класса, социалистического самоуправляющегося демократического сообщества рабочих людей, граждан и равноправных народов и народностей»⁷⁸. В результате стирались границы между определениями республики и государства.

Третьим условием для будущего хорватского «массового движения» стал процесс смены поколений. Изменения в партии, политике, культуре, экономике предстояло осуществить молодому поколению коммунистов, что должно было отражать позитивные перемены. Для задуманных масштабных преобразований стране нужны были образованные кадры, способные реагировать на быстроменяющиеся условия. Старшее поколение опасалось радикальных шагов. Кроме того, разросшаяся за послевоенные годы бюрократия вызывала недоверие у населения.

Во всех республиках Югославии появились молодые лидеры, выступающие за реформы, большую демократизацию и либерализацию: в Сербии это были М. Никезич и Л. Перович, в Воеводине — М. Теповац, в Македонии — К. Црвенковски и С. Милославски, в Словении

С. Кавчич. В 1964 г. И. Броз Тито принял решение об отставках республиканских руководителей старшего поколения. Молодое поколение было более восприимчиво к новым веяниям в социальной и экономической жизни страны. В руководстве Хорватии после кадровых перестановок остались только два представителя старшего поколения — В. Бакарич и секретарь ЦК СКХ М. Цветкович. Эти люди обладали огромным влиянием и авторитетом в СКЮ и внутри республики. На V съезде СКХ (26–29 апреля 1965 г.) была сделана попытка сместить и В. Бакарича. Коммунист из Далмации В. Крстулович предъявил ему обвинение в том, что именно по вине В. Бакарича привлечение в партию молодых кадров замедлено.

На хорватской политической сцене появились новые люди. Одной из центральных фигур партийной и политической жизни Хорватии стал Мико Трипало. Родился он в 1926 г. в Сини. Закончил Юридический факультет и Высшую партийную школу. Член КПЮ с 1943 г., участвовал в освободительной борьбе на территории Далмации и боснийской Краины. Являлся секретарем Областных комитетов Коммунистической партии Югославии в Далмации, Краине и Истрии. После войны М. Трипало долгое время возглавлял Центральный комитет Союза молодежи Югославии. В 1962 г. он переехал из Белграда в Загреб, где стал секретарем Городского комитета СКХ Загреба, сменив на этом посту В. Холеваца, который ушел в Республиканское Исполнительное вече. Первое свое политическое задание М. Трипало получил во время подготовки VIII съезда СКЮ (1964 г.), сделав доклад в поддержку нового курса. Именно на этом съезде В. Бакаричем была озвучена формулировка о «федерализации федерации», то есть изменений федеративного устройства СФРЮ в сторону большей самостоятельности республик. Следующая возможность проявить себя у М. Трипало появилась в 1966 г. на VI пленуме ЦК СКЮ, в ходе которого он вошел от Хорватии в состав Комиссии, занимавшейся расследованием деятельности Управления Государственной безопасностью (УГБ). Являясь секретарем Городского комитета СКХ Загреба, М. Трипало получил доступ к материалам «Аналитического исследования негативных и враждебных проявлений в области культуры и искусства»⁷⁹. Однако уже на этом этапе своей политической карьеры он отказался от критики представителей интеллигенции и СМИ, многие из которых были упомянуты в этом исследовании УГБ. М. Трипало не придавал гласности эти материалы, сославшись на то, что это

не его дело. Мотивом для подобного шага было то, что он видел в СМИ и представителях интеллигенции силы, которые будут полезны ему в будущем. Молодой и амбициозный политик пользовался популярностью в республике и считался главным приемником В. Бакарича. Л. Булатович, являвшаяся главой канцелярии М. Трипало, вспоминала: «Молодежь его обожала. У него был стиль народного лидера, обаятельного человека из высокой политики»⁸⁰.

Молодой политик стремился преодолеть закрытость партийной системы. Отличительной чертой его деятельности стала апелляция к общественности. Первой попыткой проявить самостоятельность стали статьи М. Трипало в соавторстве с В. Темпо о реорганизации в партии в конце 1967 г. в газете «Борба». И. Броз Тито был тогда за границей. Этот поступок был расценен Э. Карделем, С. Миятовичем, В. Влаховичем как нарушение внутренней партийной дисциплины. Они считали, что обнародование закрытой информации будет иметь негативные последствия. М. Трипало и В. Темпо были названы антипартийными элементами. Однако личный секретарь И. Броз Тито успел сообщить о происходящем главе государства и тот, прочтя статьи, поддержал инициативу молодых политиков.

Первые после начала реформирования выборы в Хорватии в 1967 г. были значительно более демократичными, чем ранее. Но неожиданно для СКХ ими воспользовались силы, настроенные против реформ, а также националисты. В результате в Далмации кандидаты от партии проиграли. Обычно выборы жестко контролировались партией. Существовали комиссии Социалистического союза трудового народа или так называемые «политические избирательные комиссии», которые выдвигали «лучших» кандидатов. В обществе таких кандидатов называли «служебными». Были и «неслужебные» кандидаты, которые не фигурировали в списках Социалистического союза, но выполняли роль поддержки первых в предвыборной борьбе. Перед выборами М. Трипало обратился с просьбой к избирательным комиссиям «способствовать» выбору не только «хороших», но и «способных» претендентов в интересах, проводимых в стране реформ. Официально не вмешиваясь в ход выборов, Союз коммунистов и ССТН, неофициально все же влияли на результаты, считая это своим «священным долгом». Особенно это было заметно в краях, где местные «авторитеты» встречались и просто договаривались, кто будет их депутатом⁸¹.

На местах имели место злоупотребления, когда на общинных выборах кандидаты назначали себя на второй срок. В Имотской общине был случай, когда на место депутата претендовало 44 человека, многие из которых не фигурировали в «служебных» списках. Подводя итог этим выборам, В. Бакарич назвал их «более слабыми», чем он ожидал, поскольку во многих областях партия проиграла, а к власти пришли «не те» люди. В целом эти выборы стали, по его мнению, шагом назад⁸².

Политика омоложения партийных кадров продолжилась в 1968 г. Накануне IX съезда СКЮ было принято решение о создании новых партийных органов — Президиума и Исполнительного комитета ЦК СКЮ, в которые бы вошли самые влиятельные люди из республик. Из Хорватии в Белград были назначены в Исполнительное бюро ЦК СКЮ М. Трипало, в Президиум — В. Бакарич. При назначении секретаря в Исполнительное бюро выбор стоял между М. Трипало и М. Шпиляком, являвшимся председателем республиканского Исполнительного веча. У последнего были серьезные разногласия с В. Бакаричем. В тоже время В. Бакарич продвигал на эту должность секретарей ЦК С. Дабчевич-Кучар и Д. Катича. Однако выбор И. Броз Тито пал именно на М. Трипало. В своих воспоминаниях М. Трипало пишет, что это назначение стало для него полной неожиданностью. Первое, что пришло ему в голову, что из республик убирают авторитетных политиков⁸³. Возможно, И. Броз Тито действительно боялся, что популярность и влияние республиканских лидеров превзойдут его собственный авторитет. Однако эти перемещения способствовали тому, что на политической сцене появились новые национальные лидеры еще более решительные и амбициозные.

На VI съезде СКХ (5–7 декабря 1968 г.) был завершен процесс обновления партийных кадров. Средний возраст членов ЦК был около 45 лет. На место председателя ЦК СКХ М. Трипало рекомендовал Д. Харамию, председателя Исполнительного веча СКХ, бывшего градоначальника города Риеки, но В. Бакарич и И. Броз Тито предложили С. Дабчевич-Кучар. Родилась она в 1923 г. в Корчуле. Училась в Сплите и Загребе, доктор экономических наук, преподаватель университета. В 1943 г. присоединилась к партизанскому движению. В 1967 г. стала председателем Исполнительного веча СР Хорватии. До 1969 г. С. Дабчевич-Кучар занимала пост председателя правительства республики. Одним из ее главных достоинств окружающие

считали умение ярко и убедительно выступать перед аудиторией. Кроме этого, в отличие от многих хорватских функционеров она не была замешана в конфликтах и выступала за политические перемены и экономические реформы, отстаивала интересы Хорватии. В отличие от М. Трипало новые назначения 1968 г. она оценивала положительно: «Это был настоящий тандем — М. Трипало в партии, я в правительстве, при поддержке С. Биелича, П. Пиркера, Д. Харамии и И. Шибла»⁸⁴.

Став лидером СКХ, С. Дабчевич-Кучар собрала вокруг себя команду молодых политиков. Секретарем Исполнительного комитета ЦК СКХ стал Перо Пиркер, председателем Исполнительного веча — Драгутин Харамия. Новых хорватских политиков также поддержали председатель Сабора СР Хорватии Яков Блажевич, председатель Союза организации участников народно-освободительной войны Иван Шибл, заместитель председателя Союза профсоюзов Хорватии Юре Шарич (председателем был Милутин Балтич), председатель Социалистического Союза трудового народа Хорватии Степан Ивич, председатель Союза молодежи Хорватии Мирко Маджор, позднее Ивица Вркич и председатель Союза коммунистов СКХ Загреб Сречко Биелич. В руководстве СКХ в Исполнительном комитете команде С. Дабчевич-Кучар симпатизировали М. Корптла, Д. Драгославац, М. Планинц, Й. Врховец, А. Йосипович, Э. Дороси-Биелац, Е. Радойчевич и Ю. Билич. В своих воспоминаниях она отмечала, что не все пошли за ней, некоторые прошли лишь половину пути, испугавшись перемен. Отставшие выбрали партийную дисциплину, те же, кто не испугался, по мнению С. Дабчевич-Кучар, были ближе к процессам либерализации и демократизации. «Мы получили все рычаги власти, кроме армии и УГБ. Везде наши люди. Нас поддерживают Загреб, Сплит, Осиек и другие»⁸⁵ — писала она в своих воспоминаниях об это времени. Вне партии своими союзниками С. Дабчевич-Кучар считала директоров предприятий, Матицу хорватскую, Общество писателей Хорватии и университет.

На выборах 1969 г. были учтены просчеты 1967 г., вызванные пассивностью партийных органов, правда, без проблем и в этот раз не обошлось. Так, в общине Шибеник избиратели не хотели принимать кандидата, который пользовался поддержкой всех политических организаций. В нескольких местах кандидатов переизбирали несколько раз.

В Сабор Республики Хорватии, благодаря новым поправкам в избирательные законы, смогли пройти молодые кадры. Республиканское правительство в Хорватии возглавил Драгутин Харамия, Пиро Пиркер — стал секретарем ЦК СКХ, в Исполнительный комитет вошли: Душан Биланджич, Милка Планнинц, Юре Билич, Йелица Радойчевич, Марко Коритла, Душан Драгославац, Эмма Дороси-Биелац, Антэ Йосипович. Новое руководство республики взяло курс на демократизацию и либерализацию в общественной жизни, которая подразумевала привлечение новых людей, особенно из числа молодежи, основание новых периодических изданий, элементы критики, ослабление цензуры. Процесс либерализации экономического устройства касался ослабления государственного контроля.

Четвертым не менее важным условием для постановки национальных вопросов в конце 1960-х гг. стали результаты экономической реформы, которая начала проводиться с 1965 г. и была направлена на дальнейшее развитие рыночных отношений и увеличение производственной и коммерческой самостоятельности предприятий, усиление эффективности хозяйствования.

Ориентация на широкое использование товарно-денежных отношений оказала решающее воздействие на формирование программы реформы, в которой одной из главных предпосылок развития самоуправления стала хозяйственная самостоятельность предприятий как независимых товаропроизводителей. Важнейшим условием и первоочередной задачей реформы стало превращение предприятий в основных носителей расширенного воспроизводства, для чего были значительно уменьшены их финансовые обязательства перед государством, проведена дальнейшая децентрализация управления и расширены prerogatives самоуправленческих органов предприятий.

Автор реформы Э. Кардель ввел понятие «экономический аспект национальной политики». Он был убежден, что национальный вопрос «можно решать только на основе самоопределения — в виде национального государства или в виде добровольного государственного союза равноправных народов»⁸⁶. В этих новых условиях Хорватия увидела для себя перспективы большей экономической самостоятельности.

Результаты проведения в жизнь экономической реформы оказались далеко неоднозначными. С одной стороны, произошел переход экономики на путь интенсификации, предприятия энергичнее

подтянулись к мировому уровню. Вместе с тем, в ходе реализации реформы стали нарастать такие отрицательные тенденции, как нестабильность экономического роста, увеличение структурных диспропорций, усиление инфляции, рост цен. Еще более серьезными оказались негативные социально-экономические последствия реформы. Обострение проблемы занятости, рост числа рабочих, вынужденных выезжать на работу за границу, ухудшение материального положения трудящихся, усиление социальной дифференциации.

Хозяйственная реформа должна была создать новые предпосылки для преодоления экономической замкнутости отдельных регионов и включения их в общенациональный рынок. Однако за годы реформы разрыв в уровне экономического развития между слаборазвитыми и развитыми республиками не только не сократился, но, напротив, значительно увеличился. Государство все больше задействовало рыночные механизмы, которые диктовали свои условия развития. При этом общий план перспективного развития экономики так и не был принят. В результате в хозяйственной системе использовались как командно — административные, так и рыночные механизмы. Особенно активно новые отношения развивались в Словении и Хорватии, традиционно ориентированные на внешние рынки, особенно на хорватском побережье, которое развивалось за счет туризма и торговли.

Самоуправление способствовало расширению активности на предприятиях, в общинах, городах и портах. Производитель самостоятельно распоряжался значительной долей своих доходов и сам принимал решение о распределении их между рабочими и служащими. Выросло число банков, которые аккумулировали средства предприятий, финансировали рабочие организации своей области, давали кредиты на развитие местной экономики. Национальные элиты не устраивало существование федеральных банков, через которые проходили доходы республик, а также планы федерального центра по созданию фондов для поддержки слаборазвитых регионов, экономическое отставание которых стремительно росло. Например, участие в инвестиционных проектах к концу 1960-х гг. по сравнению с началом 1960-х гг. у развитых частей страны выросло и составило 70,6%, у неразвитых уменьшился до 12,9%. А по планам на 1966–1970 гг. соотношение должно было составлять 65,6:34,4⁸⁷.

Недовольство результатами экономического развития, попытка самоуправленческого уравнивания производителей в политической

сфере вызвали резкое недовольство в Хорватии, которая стремилась к экономическому усилению и укреплению национальной самобытности. Она активно включилась в споры между теми, кто выступал за расширение прав республик во всех областях, и теми, кто отстаивал усиление единства федерации через размывание республиканских границ и расширение пространства «производителей» в ущерб национальным интересам. Первые обвиняли вторых в унитаризме и централизме, а те, в свою очередь, своих оппонентов — в национализме и шовинизме.

По данным за 1969 г. бюджет Федерации пополнялся на 18 миллиардов динаров за счет трех республик — Сербии, Хорватии и Словении, обеспечивших 85 % всех средств. Сербия вложила в бюджет 37,6 %, Хорватия — 27,1 %, Словения — 20,2 %, БиГ — 8,9 %, Македония — 4,9 %, Черногория — 1,3 %⁸⁸. Разногласия между республиками начались по вопросу распределения доходов, финансирования проектов и валютного регулирования. Большая часть средств уходила в экономически более слабые республики. А развитые были недовольны количеством денег, возвращавшихся из Федерации в их бюджеты. Так, если в 1968 г. Хорватия получила 273 миллиона, Словения — 381, то БиГ — 380⁸⁹.

В этой ситуации становится вполне понятным стремление Союза коммунистов Югославии пересмотреть во второй половине 1960-х годов некоторые концептуальные положения экономической реформы и встать на путь реорганизации хозяйственной системы. Первые шаги в этом направлении были предприняты IX съездом СКЮ (март 1969 г.), в документах которого отмечались определенные деформации, возникшие в процессе проведения реформы, и намечались меры по их преодолению. И. Броз Тито в конце 1960-х гг. выделил основные проблемы в экономике страны: «Неликвидность и высокий уровень инфляции, рост цен, что вместе взятое в значительной мере ведет к снижению роста жизненного уровня. Нестабильность экономики имеет серьезные последствия для общей политической обстановки в стране»⁹⁰.

Пятым условием можно считать ослабление в стране органов Государственной безопасности после ареста в 1966 г. его главы А. Ранковича. Первый заместитель маршала И. Броза Тито, заместитель председателя Союзного правительства, он активно выступил против планов Э. Карделя по децентрализации страны. В силу своей должности этот человек, как ни кто другой, знал о настроениях в стране,

о положительных и отрицательных тенденциях в каждой из республик. Известно, что в УГБ только по Хорватии хранилось около миллиона личных досье политически неблагонадежных лиц:

Таблица № 3

Досье Управления государственной безопасности за 1966 г.⁹¹

Республика	Число учтенных	Число трудоспособных граждан согласно переписи 1961 г.	% учтенных
Хорватия	1 300 000	1 954 000	67
Словения	200 000	769 000	28
Сербия — без Косова	200 000	2 465 000	8
БиГ	172 274	1 286 000	13
Косово	120 000	335 000	36
Македония	96 531	554 000	17
Черногория	36 000	162 000	22

При подготовке VIII съезда (1964 г.) во все отделения Управления этого ведомства были разосланы анкетные листы с вопросами о политической ситуации в стране, результаты этих опросов остались тайной. Подобные действия вызывали раздражение республиканских элит. Ходили слухи, что наблюдение ведется и за самим И. Броз Тито. Влияние А. Ранковича было настолько велико, что он был первым, кого прочили в приемники И. Броз Тито⁹². Однако решающую роль в судьбе этого человека сыграла не его профессиональная деятельность, а позиция, которую он занял в отношении проводимых в стране реформ.

А. Ранкович обращал внимание соратников по партии на то, что появилась тенденция превращения Союза коммунистов в коалиционную партию, и что таким образом можно потерять единство страны. В это же время Э. Кардель, разрабатывая шаг за шагом теорию самоуправления, тяготел больше к самостоятельности республик и их праву на самоопределение. Автор системы самоуправления упирал на то, что в стране существует опасность великодержавного гегемонизма и ликвидации самоуправления народа. И. Броз Тито колебался, какую из указанных тенденций поддержать. Сначала он был на стороне А. Ранковича, таким образом, выступая за жесткое единство страны. Но, затем поддержал Э. Карделя, сместив в 1966 г. А. Ранковича со всех его постов. После его отставки значительно больше полномочий получили республиканские УГБ.

Благодаря новым архивным документам, мы можем утверждать, что в Хорватии сразу после отставки А. Ранковича в 1966 г. сторонники децентрализации страны из числа коммунистов начали разрабатывать планы будущего «массового движения». В материалах III пленума ЦК СКЮ (мае 1969 г.) сохранилось полуанонимное письмо на имя И. Броз Тито, В. Бакарича, Э. Карделя и «всех ответственных руководителей», в котором на одиннадцати страницах изложена оценка ситуации в Хорватии. Подписали его коммунисты Боснии и Хорватии. В частности, в письме говорилось о территориальных спорах с Сербией, об ограниченных возможностях хорватской молодежи на образование и военную службу по сравнению с сербами, о непропорциональном распределении должностей по национальному признаку, особенно в рядах милиции, о несправедливом распределении федерального бюджета, о предвзятости судов в отношении подсудимых хорватской национальности.

Так же в этом документе поднимались вопросы языка: вытеснения латиницы и насаждения кириллицы, недостаток учебников на хорватском языке. Авторы письма обратили внимание на ущемления своих прав в области культуры: запрет на установку памятников хорватским историческим деятелям, невозможность петь национальные песни из-за опасения быть названными шовинистами, двойные стандарты в религиозном вопросе. Далее следовало предложения об усилении влияния хорватской культуры, использовании в образовательных учреждениях сербскохорватского языка, а не только сербского. Ставился вопрос о повышении удельного веса хорватов в структуре МВД и государственном аппарате республики. Авторы письма предложили ввести латиницу в Югославской Народной Армии, усилить контроль за судебными решениями, помнить и чтить крупных исторических деятелей независимо от их национальности⁹³. Таким образом, мы видим четко сформулированные претензии и недовольство существующим положением в Югославии. И исходят они от членов партии, которым следовало делать все для укрепления «братства и единства», а не выискивать примеры несправедливости, способные спровоцировать межнациональную напряженность. Это может означать только одно — ситуация после 1966 г. существенно изменилась, югославская федерация изменила курс от построения государства на основе централизма к конфедеративному устройству.

Шестым условием мы считаем начавшееся в 1960-е гг. расширение связей с Западом. Это было обусловлено, прежде всего,

экономическими интересами в связи с выездом югославских граждан на заработки за границу. В Хорватии в 1963 г. было подано 28 120 прошений на работу на Западе. Количество желающих уехать росло⁹⁴. Деньги тех, кто работал за границей, стали значительной статьёй дохода республики. Увеличилось и число туристов. По данным Загреба за 1964 г. было выдано 47 479 разрешений на въезд в страну. Так, только за 1964 г. Югославия заработала на туристах и рабочих за границей более 60 миллионов долларов⁹⁵.

У лидеров Хорватии появилось желание самостоятельно распоряжаться этими средствами, а не делить их с более отсталыми в экономическом плане частями Югославии. Свои требования они основывали на цифрах. По данным анкет Министерства по эмиграции и народностям в Загребе во второй половине 1966 — начале 1967 гг. возраст около 82 % граждан, временно работавших в западной Европе, составлял 21–40 лет. Это была самая активная и трудоспособная часть общества. Из них 63 % были хорватами, 24 % — сербы, 13 % — остальными народностями. Если число рабочих из Сербии составляло 26 %, то из Хорватии — 54 %⁹⁶. Люди ехали на заработки, но по возвращении их нужно было трудоустроить, решать жилищные проблемы. Все это требовало больших финансовых затрат.

На фоне общей либерализации общественной и культурной жизни в стране Хорватия наладила связи с хорватской эмиграцией через Матицу эмигрантов Хорватии, культурно-просветительское общество, основанное в 1951 г., которое осуществляло культурное и научное сотрудничество с соотечественниками за границей. С 1964–1968 гг. его возглавлял В. Холевац. Эта организация получила большую свободу действий и финансирование. Исполнительный комитет ЦК СКХ официально выделил это направление в числе приоритетных, так как следовало иметь представление о количестве, структуре хорватских эмигрантов⁹⁷. Начался активный обмен литературой, фильмами, организовывались туристические визиты соотечественников в Хорватию; для студентов были открыты шесть стипендий в университете Загреба. Матица эмигрантов Хорватии начала издавать ежемесячный журнал «Матица» и ежегодный «Календар», подписка на которые постоянно увеличивалась.

За счет этой организации директор Института истории рабочего движения Ф. Туджман осуществил поездку в США, где читал лекции по истории, а когда вернулся, начал активно выступать в общинах,

стараясь как можно шире популяризировать свои взгляды. Институт так же активно участвовал в культурных мероприятиях внутри республики, используя памятные даты из исторического прошлого, чтобы лишний раз напомнить обществу о хорватской самобытности.

Постепенно в республике меняется отношение к эмиграции, считавшейся прежде враждебной по отношению к социалистическому режиму. В хорватской эмиграции было несколько волн. Первая волна относится к 1941–1945 гг. Тогда эмигрировало много представителей Хорватской крестьянской партии. В годы войны партия разделилась. Одна ее часть не стала возвращаться в Хорватию, вторая попыталась в первые послевоенные годы сотрудничать с коммунистами и даже участвовала в первых послевоенных выборах, но в условиях укрепления власти И. Броз Тито и его сторонников также предпочла уехать из страны (Ю. Крневич, И. Шубашич, И. Юкич, Р. Бичанич). Много эмигрантов было в 1945 г. Они эмигрировали нелегально после падения профашистского режима НГХ (И. Реберски, И. Пернар, Р. Мишетич и др.). В годы Второй мировой войны представители усташеского режима возглавляли Матицу хорватскую. После войны, эмигрировав, А. Павелич, В. Вранчич, И. Оршанич, И. Девчич и другие не прекращали оказывать этой организации помощь и, в свою очередь, видели в ней политическую силу, с помощью которой можно было попытаться ликвидировать ненавистный им коммунистический строй. В выпускаемых хорватскими эмигрантами периодических изданиях, таких как «Республика Хрватска», с начала 1960-х гг. подчеркивалась невозможность существования Хорватии в рамках югославской федерации, право республики на самостоятельность, а так же недопустимость превращения самой республики в некий вид федерации, тем самым сербскому населению отказывали в возможности стать автономной территориальной единицей в рамках Хорватии. Вторая волна эмиграции из Хорватии относится к 1946–1964 гг. накануне хорватского «массового движения», то есть — политическая эмиграция из числа активных хорватских политических деятелей.

Первая волна в основном уехала в США, Канаду и Аргентину. Обладая большими материальными и финансовыми средствами, разрабатывая планы по свержению коммунистического режима в Югославии, она была наиболее опасна и представляла реальную угрозу единству федерации. Вторая волна поселилась в Европе,

и деятельность ее касалась издательской, научной и культурной областей.

В марте 1962 г. вышел «Закон об амнистии», по которому представителям политической эмиграции разрешили въезд в Хорватию. Паспорта были выданы 50 000 эмигрантам, но в Хорватию вернулось около 200 человек. У многих семей, наконец, появилась возможность объединиться. Из Хорватии уехали 35 000 человек⁹⁸.

Однако возможностью вернуться воспользовались и враждебно настроенные по отношению к Югославии силы. По данным спецслужб только в 1964 г. в Биеловаре, Осиеке, Сплите, Загребе и других городах Хорватии были проведены 11 нелегальных собраний «проустанешкого» характера. В них участвовали более 200 человек. В ходе расследований к суду по политическим обвинениям были привлечены 500 человек с формулировками «за национализм»⁹⁹.

В 1968 г. комитет по миграции и народностям выступил с обзором деятельности эмиграции в отношении СФРЮ. В частности, в нем была представлена информация о прошедшем с 20 августа по 1 сентября 1968 г. в Европе симпозиуме хорватских интеллектуалов. Речь на нем шла о будущем Хорватии. Газета «Хорватска ревия» в Мюнхене в 1969 г. взялась опубликовать все материалы симпозиума под названием «Хорватия сегодня и завтра». Хорватские интеллектуалы демонстрировали свою любовь хорватскому народу, заявляя, что лучше всего знают хорватскую действительность. Например, один из участников симпозиума Б. Радица заявил: «Наступит время, когда мы сможем перекинуть мосты Хорватии в мир, в котором мы все сейчас живем. Особую идейную эволюцию пережил ЦК СКХ, который сегодня стремится к прогрессивным тенденциям в экономике и национальном самоопределении»¹⁰⁰. Эмиграция в тот период уже признавала, что Югославия на международной арене имела твердые позиции. Начало реформ в Хорватии вызвало в среде эмигрантов ликование, для них открывались невиданные ранее возможности сотрудничества, влияния и финансирования своих сторонников.

* * *

Таким образом, постановка вопроса о хорватском национальном движении в конце 1960-х гг. не случайна. К этому времени в обществе происходили процессы во многом этому способствующие. Прежде всего, в стране шел поиск путей преодоления кризисных явлений

в экономике, демократизации политической системы, реформирования федерации. Именно к концу 1960-х гг. в республике сложились условия для постановки вопроса об осуществлении хорватских национальных чаяний:

— атмосфера споров и дискуссий по поводу демократизации страны и расширения прав республик, что выразилось в постановке вопроса о роли хорватской нации и в пересмотре многих положений хорватской истории;

— расширение прав республик в связи с принятием Конституции 1963 г.;

— завершившийся к концу десятилетия процесс омоложения партийных кадров, приход к руководству СКХ представителей молодого поколения, готовых возглавить хорватское «массовое движение»;

— неоднозначные результаты экономической реформы, позволившие ставить вопрос о расширении экономической самостоятельности республики;

— ослабление органов государственной безопасности после смены их главы А. Ранковича;

— появление возможностей более тесных контактов с хорватской эмиграцией, где бережно сохранялась и развивалась хорватская национальная идея.

* * *

Подводя итог, мы приходим к выводу, что хорватское «массовое движение» появилось не на пустом месте, оно имело исторические корни и длительный период самовыражения. Когда хорватская национальная идея, постепенно наполняясь новым содержанием и приобретая законченный облик, начинала воплощаться в жизнь, возникает хорватское национальное движение, существование которого насчитывает уже около 160 лет. Понятие «национальное движение» применительно ко всем формам борьбы хорватского народа за достижение целей, отраженных в национальной идеологии, начиная с формирования политических партий и первых проявлений борьбы за автономию в рамках Австро-Венгрии.

Национальное движение на разных этапах исторического развития хорватского народа проявлялось в разных видах: в борьбе за национальный язык и культурную самобытность, за политическую автономию в рамках многонационального государства, за создание югославянского государства и стремление его возглавить и, наконец,

за независимое самостоятельное хорватское государство. Иногда хорватская национальная идея вообще никак не обозначалась, ожидая благоприятных условий для нового проявления. Именно такие условия сложились в СФРЮ уже в 1960-е гг.: демократизация экономической и политической жизни, поиск путей расширения прав республик и краев, приход к руководству республики молодых партийных кадров, стремившихся бороться за национальные интересы Хорватии, расширение контактов с эмиграцией, ослабление органов государственной безопасности, неудачи экономической реформы.

Поэтому долго молчавшая хорватская интеллигенция, как носитель хорватской национальной идеи, вновь поставила традиционные для хорватов вопросы перед всем обществом, обозначив новый этап, так называемое «массовое движение» на длительном пути осуществления хорватской национальной идеи, определяемом нами как хорватское национальное движение.

Примечания

¹ Богрянородный К. Об управлении империей // Режим доступа: http://pagan.ru/lib/books/0source/kbimperia_4.php#0

² Цит. по: Милић Б. Велика Хрватска на српском тлу. Београд: 1992. С. 13.

³ Там же. С. 21.

⁴ История южных и западных славян... С. 466.

⁵ Цит. по: Фрейдзон В. И. Борьба хорватского народа за национальную свободу. М.: 1970. С. 75.

⁶ Цит. по: Беляков С.С. Идеология усташеского движения как историческая форма хорватского этнического национализма. Кандидатская диссертация. Рукопись. Екатеринбург. 2006. С. 72.

⁷ Цит. по: Фрейдзон В. И. Борьба хорватского народа за национальную свободу... С. 164–165.

⁸ Цит. по: На путях к Югославии: за и против. Очерки истории национальных идеологий югославянских народов. Конец XVII — начало XX вв. / Отв. редактор И.В. Чуркина. М.: 1997. С. 215.

⁹ Филимонова А. Хорватские земли и Воеводина // Югославия в XX веке: Очерки политической истории / Отв. ред. К.В. Никифоров. М.: 2011. С. 83.

¹⁰ Цит. по: На путях к Югославии: за и против... С. 215.

¹¹ Radojević M. Srpsko-hrvatski spor oko Bosne i Hercegovine i Vojvodine // Dialog povjesničara-istoričara. Zagreb: 2000. Knj. 2. S. 327.

¹² Филимонова А. Хорватские земли и Воеводина ... С. 84.

¹³ Романенко С.А. Национальное сознание югославян Австро-Венгрии (конец XIX — начало XX века) // Институт экономики. Центр политических исследований. Москва. http://eprints.tversu.ru/3569/1/3-22_%D0%98%D1%81%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%B8%D1%8F_2011_3.pdf

¹⁴ Цит. по: Гуськова Е.Ю. История Югославского кризиса (1990–2000). М.: 2001. С. 50.

¹⁵ Там же.

¹⁶ На путях к Югославии: за и против... С. 379.

¹⁷ Цит. по: Гуськова Е.Ю. История Югославского кризиса... С. 52.

¹⁸ Цит. по: Беляков С.С. Идеология усташеского движения ...С. 85.

¹⁹ Там же. С. 99.

²⁰ Цит. по: Ромов Р.Б. Усташа: теория и практика борьбы за национальные интересы // в Сб. Югославянская история в новое и новейшее время. Материалы научных чтений, посвященных 80-летию со дня рождения профессора В.Г. Карасева (1922–1991). М.: С. 224.

²¹ Цит. по: Беляков С.С. Идеология усташеского движения... С. 110.

²² Там же.

²³ Гуськова Е.Ю. Независимая Хорватия с независимыми сербами // Югославия в XX веке: Очерки политической истории / Отв. Ред. К.В. Никифоров. М.: 2011. С. 776.

²⁴ Цит. по: Radelić Z. Hrvatska seljačka stranka:1941–1950.Zagreb: 1996. S. 47.

²⁵ Цит. по: Spehňjak K. Javnost i propaganda. Narodna fronta u politici i kulturi Hrvatske 1945–1952. Zagreb: 2002. S. 140.

²⁶ Radelić Z. Hrvatska u Jugoslaviji 1945–1991.: od zajedništva do razlaza. Zagreb: 2006. S. 80.

²⁷ Цит. по: Kisić-Kolanović N. Andrija Hebrang (1899–949): iluzije i otrežnjenja. Zagreb: 1996. S. 168.

²⁸ Ibid. S. 146.

²⁹ Цит. по: Vrhunec M. Šest godina s Titom: (1967–1973): pogled s vrha i izbliza. Zagreb: 2001. S. 363.

³⁰ Radelić Z. Hrvatska u Jugoslaviji 1945–1991... S. 47.

³¹ Obradović M. Društveni koreni komunističke partijske elite u Jugoslavije posle Drugoga svetskog rata // Istorijski zapisi, Podgorica, 1999. br.4–5. S. 378.

³² Ibid. S. 383.

³³ Ibid. S. 385.

³⁴ Petranović. B., Zečević M. Jugoslavija 1918–1984. Zbirka dokumenata. Beograd: 1985. S. 872.

³⁵ Гуськова Е.Ю. Особенности национальной политики в Югославии // Национальная политика в странах формирующегося советского блока (1944–1948) / Отв. ред. В.В. Марьина; Институт славяноведения. М.: 2004. С. 353.

- ³⁶ Там же. С. 457.
- ³⁷ Косово и Метохија у великоалбанским плановима 1878–2000. Београд: 2001. С. 460.
- ³⁸ Тито Броз И. Избранные статьи и речи. М.: 1987. С. 454–455.
- ³⁹ Гуськова Е.Ю. Особенности национальной политики в Югославии ... С. 444.
- ⁴⁰ Тито Броз И. Избранные статьи и речи... С. 454–455.
- ⁴¹ Цит. по: Гуськова Е.Ю. Особенности национальной политики в Югославии ... С. 465.
- ⁴² Нова историја српског народа / приредио Душан Т. Батаковић. Београд: 2002. С. 466.
- ⁴³ Цит. по: Гуськова Е.Ю. Особенности национальной политики в Югославии ... С. 471.
- ⁴⁴ Там же. С. 470.
- ⁴⁵ Ђосиф Д. Пишчеви записи (1951- 1968). Београд: 2000. С. 472.
- ⁴⁶ Ibidem.
- ⁴⁷ Цит. по: Гуськова Е.Ю. Особенности национальной политики в Югославии ... С. 461.
- ⁴⁸ Там же. С. 464.
- ⁴⁹ Ustavotvorni sabor Narodne Republike Hrvatske (28.11.1946–18.01.1947). Stenografski zapisnici // Komunist, Beograd, 1985. S. 4–19.
- ⁵⁰ Radelić Z. Radelić Z. Hrvatska u Jugoslaviji 1945–1991... S. 199.
- ⁵¹ Ibid. S. 266.
- ⁵² Ibid. S. 250.
- ⁵³ Petranović. B., Zečević M. Jugoslavija 1918–1984... S. 725.
- ⁵⁴ Radelić Z. Hrvatska u Jugoslaviji 1945–1991... S. 304.
- ⁵⁵ Identitet: srbi i / ili jugoslaveni. Svetlana Ljuboja. Beograd: 2001. S. 40.
- ⁵⁶ Цит. по: Radelić Z. Hrvatska u Jugoslaviji 1945–1991... S. 342.
- ⁵⁷ Ibidem.
- ⁵⁸ Kardelj E. Razvoj slovenačkog nacionalnog pitanja. Beograd: 1960
- ⁵⁹ Identitet: srbi i / ili jugoslaveni. Svetlana Ljuboja. Beograd: 2001.S. 17.
- ⁶⁰ Bilandžić D. Hrvatska moderna povjest. Zagreb: 1999. S. 401.
- ⁶¹ Petranović. B., Zečević M. Jugoslavija 1918–1984... S. 908–909.
- ⁶² Цит. по: Identitet: srbi i / ili jugoslaveni... S. 23.
- ⁶³ Bilandžić D. Hrvatska moderna povjest... S. 448.
- ⁶⁴ Radelić Z. Hrvatska u Jugoslaviji 1945–1991... S. 46.
- ⁶⁵ Ustavni zakoni. Zagreb, 1953. S. 97.
- ⁶⁶ Jandrić B. Pogledi na Deklaraciju o nazivu i položaju hrvatskog književnog jezika // Povjesni prilozi, 1999. № 18. S. 329–330.
- ⁶⁷ Petranović. B., Zečević M. Jugoslavija 1918–1984... S. 928.
- ⁶⁸ Identitet: srbi i / ili jugoslaveni... S. 27.
- ⁶⁹ Babić G. Jugoslavija u Hrvatskoj. Beograd: 2000. S. 36–37.

- ⁷⁰ Ibid. S. 49.
- ⁷¹ Ibid. S. 129.
- ⁷² Ibid. S. 98.
- ⁷³ Ibid. S. 144.
- ⁷⁴ Ibid. S. 146.
- ⁷⁵ Šute I. Hrvatski književni list – između slobode i zabrane // Hrvatski zbornik, 1999. № 52. S. 86.
- ⁷⁶ Zanko M. U toj (nacionalističkoj) ludosti ima sistema // Geneza maspoka u Hrvatskoj. Kesar J., Bilbija Đ., Stefanović N. Beograd: 1990. S. 225.
- ⁷⁷ Haramija D. Nisam želio biti statist // Prekinuta šutnja: ljudi iz 1971 g. Zagreb: 1990. S. 350.
- ⁷⁸ Petranović. B., Zečević M. Jugoslavija 1918–1984... S. 978.
- ⁷⁹ Radelić Z. Hrvatska u Jugoslaviji 1945–1991... S. 364.
- ⁸⁰ Булаговий Л. Исповести. Београд: 1995. С. 39.
- ⁸¹ Spehњak K. Izbori u Hrvatskoj 1967 i 1969 // Časopis za savremenu povijest. Zagreb: 1998. № 30. S. 327.
- ⁸² Ibid. S. 332.
- ⁸³ Tripalo M. Hrvatsko proljeće. Zagreb: Globus, 1990. S. 109.
- ⁸⁴ Dabčević-Kučar S. '71 hrvatski snovi i stvarnost. Zagreb: 1997. 2 sv. S. 108.
- ⁸⁵ Ibid. S. 117.
- ⁸⁶ Arhiv Republike Slovenije (ARSI). F. 1589. SK ZKS. Š. 193. S. 7.
- ⁸⁷ Стојановић П. Арифметика једног фонда // НИИ, 1970 г. 07 јун. С. 10.
- ⁸⁸ Стојановић П. Плус и минус у каси федерације // НИИ, 1970 г. 05 апр. С. 11.
- ⁸⁹ Стојановић П. Арифметика једног фонда ... С. 10–11.
- ⁹⁰ Социалистическая Федеративная Республика Югославия / Гл. ред. О.Т. Богомолов. М.: 1985, С. 25.
- ⁹¹ Radelić Z. Hrvatska u Jugoslaviji 1945–1991... 702 s.
- ⁹² Tripalo M. Hrvatsko proljeće... S. 77.
- ⁹³ Митровић М. Југославска дејствителност у анонимних посланијих И. Броз Тито // Славјановедение. 2008, № 3. С. 48–59.
- ⁹⁴ Perić I. Hrvatska državotvorna misao u XIX –XX stojeću. Zagreb: 2002. S. 442.
- ⁹⁵ Radelić Z. Hrvatska u Jugoslaviji 1945–1991... S. 318.
- ⁹⁶ Dabčević-Kučar S. '71 hrvatski snovi i stvarnost... S. 228.
- ⁹⁷ Spehњak K. Većeslav Holjevac u političkim događajima u Hrvatskoj 1967 godine // Časopis za savremenu povijest. Zagreb: 2000. № 32. S. 568.
- ⁹⁸ Radelić Z. Hrvatska u Jugoslaviji 1945–1991... S. 318.
- ⁹⁹ Bilančić D. Hrvatska moderna povjest. Zagreb: 1999. S. 444.
- ¹⁰⁰ HDA. Zavod za Migracije i naronosti. Kraci osvrt programa neprijateljske emigracije prema SFRJ. D 4351 16, S. 4.

ГЛАВА 2

БУНТ НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ

§1. Матица хорватская во главе языковых баталий в Республике в 1967–68 г.

Иллюзия демократизации, приход в руководство партии молодых образованных кадров, изменение роли республик по Конституции 1963 г. в сторону расширения их прав, замах на серьезную экономическую реформу со свободой экономических субъектов, становление рыночных отношений, ослабление контроля органов государственной безопасности, расширение связей с Западом, легализация выезда граждан на работу за границу, связи с эмиграцией — все эти условия способствовали росту национального самосознания у хорватов. В хорватских общественных и научных кругах появилось желание пересмотреть роль и место Хорватии в Югославии. Этот процесс, как уже было не раз в истории хорватского народа, начался с обсуждения вопроса развития национального литературного языка.

Одновременно Союз коммунистов Югославии все больше терял монолитность, а ощущение свободы и демократии придавало уверенности в возможности постановки разных вопросов, требований, высказываний по самым острым проблемам. Среди партийцев появились группы, течения, направления. Весь 1967 г. проходил под знаком большей свободы, дискуссий, обсуждений.

Лидерство в постановке старых вопросов в новых условиях принадлежит Матице хорватской, организации с давними культурными и научными традициями. МХ после 1945 г. официально считалась общественной организацией, которая занималась вопросами культуры. Под этим подразумевалось изучение хорватского исторического наследия, языка, сотрудничество с другими культурными и общественными организациями в стране и за рубежом, проведение лекций, круглых столов, научных конференций, но затем в ее действиях стали просматриваться и политические моменты.

Главными органами управления МХ были Центральная скупщина, Центральный комитет и Президиум. В их состав в конце 1960-х гг. входили деятели науки, культуры и образования Ш. Джодан, В. Готовац, Л. Йонке, В. Павлетич, П. Шегедин, Ф. Туджман и другие. Существовали также в МХ Ревизионный комитет и суд чести. Руководили организацией председатель и его заместитель, главный секретарь, секретари по экономическим вопросам, по делам ячеек, секретари по вопросам членства в организации. В 1953 г. основываются подкомитеты Матицы, которые с 1970 г. получили название — ячейки. К 1970 г. существовало 55 ячеек МХ. Они обладали самостоятельностью в рамках общих правил организации и имели идентичное устройство. Ячейки также могли основывать более мелкие представительства. Выборы на должности всех уровней проходили каждые четыре года. Устав Матицы хорватской серьезно менялся и дополнялся несколько раз: в 1958, 1963 и 1970 гг. Изменения были связаны с увеличением численности организации, оформлением ее структуры. В 1967 г. Матица стала местом обсуждения поправок к союзной Конституции.

Хорватские ученые вместе с коллегами из других республик готовили ряд изданий общесоюзного значения — монографии об истории югославской литературы, единой орфографии и толковый словарь. В марте 1967 г. на одном из заседаний экспертного совета, где заслушивался вопрос об этапах работы над изданиями, ученые решили обсудить хорватские предложения по изменению Конституции. Результаты заседания было решено оформить в виде «Декларации о положении и названии хорватского литературного языка».

По словам историка Мирослава Брандта, текст «Декларации» был написан спонтанно. Присутствующие диктовали, проверяли, правили содержание, а затем текст «Декларации» был быстро обсужден и принят¹. Такая поспешность была вызвана тем, что именно в 1967 г. обсуждались важные для республики и Югославии в целом конституционные поправки, серьезно реформировавшие федеративное устройство государства, вносившие изменения в экономические отношения между республиками и центром. Так, согласно III поправке федерация лишалась возможности инвестировать средства в крупные проекты, кроме условий, утвержденных по решению специального закона, при этом каждая инвестиционная операция обсуждалась и утверждалась отдельно². Авторы «Декларации» увидели для себя реальную возможность скорректировать положение республики

в рамках Югославии. К тому же конституционные изменения совпали с выборами с Союзную скупщину и хорватский парламент — Сабор. Подобная инициатива МХ стала своего рода подготовкой общественного мнения, элементом предвыборной кампании.

На специально созванной скупщине Матицы хорватской, где присутствовали около тридцати человек, были избраны ответственные за проект будущей «Декларации»: М. Брандт (историк), Р. Катичич (лингвист), Т. Далан (литературовед), С. Павечич (лингвист), В. Павлечич (литературовед). По словам В. Бабича «Декларацию» написали Д. Брозович, Я. Равлич (председатель МХ), В. Блашкович (секретарь МХ), В. Калев (литературовед). Когда текст был составлен, его подписали Матица хорватская, Общество писателей Хорватии, представители ведущих научных лингвистических институтов Югославской академии наук и искусств в Загребе, кафедры Филологического факультета Загребского университета.

«Декларация» была посвящена роли языка в многонациональной федерации. Эта тема быстро приобрела политическое звучание. В «Декларации о положении и названии хорватского литературного языка» отмечалось, что хорватский литературный язык вытесняется и ставится в неравноправное положение местного наречия. Причины сложившегося положения виделись в недостатках политической системы. В частности, в ней говорилось: «Известно, при каких обстоятельствах в нашей стране оживились тенденции к унитаризму и гегемонизму. В связи с этим появилась концепция о необходимости единственного «государственного языка», причем с этой целью за основу был взят сербский литературный язык»³. Создатели «Декларации» открыто заявили, что хорватский народ должен иметь собственное национальное название языка, так как это неотъемлемое право любого народа. Они критиковали использование сербского языка в Югославской Народной Армии (ЮНА), в средствах массовой информации, в документации союзной администрации, в законодательстве и дипломатии. Далее следовало предложение внести изменения в Конституцию СФРЮ, конкретно в статью 131, чтобы закрепить равноправное использование четырех литературных языков — словенского, хорватского, сербского и македонского. Вопрос языка тесно связывался с положением хорватского народа в рамках Югославии и являлся, по мнению авторов, основой национального суверенитета и полного равноправия.

Матица хорватская в одностороннем порядке фактически перечеркнула Новосадский договор 1954 г., который создавался при ее непосредственном участии. Текст «Декларации» был распространен по всем хорватскими средствами массовой информации.

Однако необходимо отметить, что Хорватия была не первой в стране, кто поднял вопрос использования национального языка. С подобными инициативами выступали и другие республики. В первой половине 1960-х гг. в словенских журналах обсуждалась проблема равноправного употребления словенского языка. Словенцы критиковали тех, кто в союзных органах и организациях говорил на сербскохорватском языке. В 1966 г. Республиканская скупщина Словении обратилась в Конституционный суд с предложением потребовать от всех государственных органов и организаций использовать в Словении словенский язык. В следующем году в отдельных словенских школах начали преподавать на словенском языке. В 1967 г. словенец М. Рибичич, председатель Союзного исполнительного вече в интервью газете «Экономска политика» в разговоре о словенском языке заявил, что национальный язык является основным подтверждением существования нации и отличает ее от других. Движение за чистоту словенского языка, за его развитие он назвал прогрессивным и своевременным⁴.

Вслед за Словенией в Конституционный суд обратилась Македония по поводу неуважения македонского языка. Ее не устраивало, что такие учреждения, как банки, таможня, налоговые службы и бухгалтерия ведут документацию только на сербскохорватском языке.

Однако эти действия республик не вызвали такого широкого резонанса, как вопрос использования сербскохорватского языка в Хорватии. Дело в том, что в Хорватии вопрос хорватского литературного языка затронул болезненную для республики тему взаимоотношений сербского и хорватского народов. По словам одного из авторов «Декларации», тогдашнего секретаря Общества писателей Хорватии (ОПХ) С. Михалича: «Хорваты 20 лет боролись за хорватский язык, то есть за свободу называть его «хорватским», и стали отстаивать это право сразу же после отставки А. Ранковича в 1966 г.»⁵. Это говорит о том, что постановка вопроса национального языка была неслучайной. Она стала еще одним этапом осуществления хорватской национальной идеи во вновь создававшихся благоприятных условиях.

В историографии существуют несколько точек зрения на положение, в котором оказалось хорватское руководство после выхода «Декларации». Историк Д. Биланджич придерживается мнения, что документ стал революционным шагом со стороны хорватской интеллигенции, который закончился провалом и репрессиями со стороны республиканских властей. Хорватский журналист Т. Понош считает, что документ стал для хорватских лидеров серьезным вызовом и неприятной неожиданностью. Очевидно, что «Декларация» стала исходной точкой хорватского «массового движения». Именно на этом этапе мы выделяем и первые едва уловимые расхождения в рядах коммунистов по отношению к тем вопросам, которые поставила «Декларация», в мерах, которые принимались к ее авторам, в реакциях на критику в свой адрес. В это время закладываются основы будущей хорватской политики. Эти различия раньше исследователями не рассматривались. Хорватские историки конфликт в СКХ определяли 1971 годом. Однако именно на этом этапе происходит дистанцирование части молодых политиков со своим новым взглядом на проблемы республики, на национальные традиции от общей массы хорватских коммунистов. Время публикации документа было выбрано неслучайно. «Декларация» вышла накануне выборов в Союзную скупщину и хорватский Сабор. Обсуждение проблем, затронутых в «Декларации» во всех средствах массовой информации, на партийных заседаниях, в рамках различных общественных организаций и научных форумов, было для предвыборной кампании отдельных коммунистов даже выгодно.

Более того, нельзя исключать намеренного сокрытия от части высшего хорватского руководства планов МХ. В этой связи интерес для нас представляют воспоминания генерального директора издательского дома «Виесник» Б. Новака, который уверяет, что когда появилась «Декларация», они, как и полагается, распространили это сообщение в газетах. В. Бакарнич в это время находился на острове Хвар. Во время их разговора глава ЦК СКХ поинтересовался, что происходит в Загребе, и Б. Новак ответил, что ничего серьезного, так как якобы не придавал значения выходу «Декларации». Однако отметил, что в последние дни сильное беспокойство проявляют сербы во главе с Д. Драгославацем. На что В. Бакарнич ответил: «Не обращайтесь на них внимания»⁶. Когда стало понятно, что просто игнорировать события вокруг «Декларации» не удастся, Б. Новак и директор Радио

и телевидения Загреба поехали к М. Трипало выяснить, как именно средства массовой информации реагировать на «Декларацию». Мы видим, что журналисты обратились за консультациями не к главе партии В. Бакаричу, обладавшему огромным влиянием в республике и на союзном уровне, а к молодому секретарю Городского комитета Союза коммунистов М. Трипало.

Архивные материалы, свидетельства очевидцев, которыми мы располагаем, говорят о том, что часть коммунистов принимала непосредственное участие в создании «Декларации». Это существенно меняет картину произошедшего в Хорватии события. В хорватских партийных кулуарах ходили упорные слухи, что сами хорватские лидеры, в частности, М. Трипало участвовал в создании «Декларации». Ю. Билич заявил, что слухи о «Декларации» ходили уже накануне: «Очевидно, что кто-то из тогдашнего политического руководства все это готовил. Я уверен, что М. Трипало знал обо всем. А генералы И. Рукавина и И. Шибл заверили его, что все будет в порядке»⁷. Те же данные приводит М. Шпиляк, председатель союзного правительства, описывая поездку М. Трипало в Словению, где он якобы заявил, что если бы знал, что все так обернется с «Декларацией», не ввязался бы в эти события. Также он уверял, что М. Трипало заранее был ознакомлен с несколькими вариантами «Декларации»⁸.

Сам М. Трипало говорил, что узнал о «Декларации» случайно, не имея представления о ее содержании. Он присутствовал на собрании группы коммунистов из состава Исполнительного комитета, где она обсуждалась, но был категорически против ее публикации. Получается, что руководство республики вполне допускало создание подобного документа, более того, готово было сотрудничать с представителями МХ в работе над формулировками и единственное, что его не устраивало — это огласка, и именно в марте 1967 г.

Возможно сокрытие важной информации и причастность ряда коммунистов к событиям, заставили представителей старшего поколения во главе с В. Бакаричем занять выжидающую позицию. Поэтому обсуждение «Декларации» началось не сразу после ее публикации, а только через пять дней. В 1967 г. началась реорганизация в партийных кругах, поэтому старшее поколение в целом старалось воздерживаться от громких высказываний. Скорее всего, многие надеялись, что шум, поднятый «Декларацией» затихнет сам собой, как это было в других республиках. Сначала руководство СКХ и СК

Загреба реагировало на «Декларацию» традиционно в рамках партийной риторики. Тем временем стало известно, что Владо Готовац повез документ в Белград. «Декларация» перестала быть внутренним делом Хорватии. Несколько слов об этом человеке. В. Готовац — писатель и журналист, главный редактор журнала «Хрватски тьедник» с июля 1971 г., арестован в январе 1972 г., в октябре осужден на 4 года строгого режима, вернулся в 1976 г. без права общественной деятельности. В 1990 г. стал председателем МХ.

События вокруг «Декларации» могли бы не получить такого резонанса и не иметь таких последствий, но нерешительность одних хорватских политиков и неоднозначность позиции других вызвали озабоченность части коммунистов старшего поколения. Свои опасения по поводу последствий для Хорватии публикации «Декларации» выразил депутат Союзной скупщины доктор Милош Жанко, член КПЮ с 1941 г. В 1946 г. Жанко стал главным секретарем правительства Хорватии. В 1950–56 гг. — министр просвещения и культуры в правительстве Хорватии. В 1963 г. он стал заместителем председателя хорватского Сабора. В своей статье «О различных путях и методах решения национального вопроса и межнациональных отношений» в газете «Виесник» (20–21 марта 1967 г.) он отметил, что «Декларация» не имеет с наукой ничего общего, и ее публикация является политическим актом.

М. Жанко так же заметил, что при активной поддержке Матицы хорватской началось издание крайне оппозиционных периодических изданий «Хрватско Коло», «Дубровник», «Критика», «Хрватски литературни лист», в которых шло обсуждение национального вопроса, исторического прошлого хорватского народа. М. Жанко обвинил эти издания во влиянии на формирование националистической политической платформы под крылом Матицы хорватской.

Он подверг критике и Институт истории рабочего движения (ИИРД) во главе с Ф. Туджманом, призывая к более внимательному анализу их деятельности, особенно в вопросах истории хорватского народа. Например, он писал: «Разве не случайно, что в Институте в момент, когда у нас есть безработные интеллектуалы, желающие заниматься историей, работают пять человек, которые участвовали во враждебной деятельности и были ранее осуждены»⁹. Отдельные претензии у М. Жанко были лично к Ф. Туджману, который побывал в 1966 г. в Хорватской Академии в Нью-Йорке¹⁰, а по возвращении

читал лекции в Матице хорватской. М. Жанко считал, что эта поездка оказала огромное влияние как на взгляды самого Ф. Туджмана, так и на настроения в Институте.

М. Жанко обратил внимание общественности на то, что в борьбе за независимость и равноправие хорватского народа, хорватские коммунисты опираются не на «те силы»: «Я считаю, что социалистические силы нашего общества не должны недооценивать деятельность националистов и шовинистов, так, чтобы это не имело негативных последствий для развития нашего сообщества, братства и единства наших народов и народностей»¹¹. Это была робкая критика в адрес хорватского руководства. Он призывал республиканские власти осудить не «Декларацию», а тех, кто за ней стоит.

Как только хорваты подняли вопрос о своих правах в Югославии, сербы из Хорватии сразу же начали обсуждать свои права в Республике. Они поддержали М. Жанко. Более того, им казалось, что в адрес «Декларации» было сделано недостаточно замечаний: «Дорогой Милош, меня (автор письма С. Дубаич) удивляет твой идеализм и тактичность в статье по поводу «Декларации». Я хотел бы встретиться с тобой здесь в Буковице, чтобы ты увидел своими глазами, как выглядит братство и единство в этом несчастном крае, для которого национальное равноправие — далекий сон о счастье, которое наступит уже после нас. Дух захватывает от твоей прекрасной патетики старого уважаемого югослава.... Нужны нечеловеческие усилия. Этот твой труд имеет эффект только между нами, сербами в Хорватии, Боснии и Герцеговины. То есть среди тех, кто больше всего платит за братство и единство, тех, кто называет себя гордо югославами... Необходимо выступить против «Декларации», с этим мы согласны, но нужно также сербам дать возможность защищать свой язык с атрибутом «государственный». Особенно нам в Хорватии, иначе мы с этой «Декларацией» опять окажемся в неравноправном положении»¹². Происходили в республике и конкретные действия в ответ на публикацию «Декларации». Так, по инициативе бывшего партизана С. Дубаича в Кистани на окраине Книна группа численностью 250 человек сняла все надписи на латинице.

Председатель Сабора Яков Блажевич выступил в защиту прав сербов. Он заявил, что самоуправленческой Хорватии не добиться равноправия в Югославии без полного равноправия сербского народа в СР Хорватии. По его мнению, необходимо создать условия,

чтобы сербы в Хорватии свободно и равноправно осуществляли образование на своем языке и развивали свою культуру, а также соответствующим образом участвовали в представительских и других органах власти¹³.

Разумеется, хорватское партийное руководство не могло признать факт, что упустили из виду серьезные процессы в республике, а тем более допустили их всеобщую огласку. В. Бакарич сразу поехал к И. Броз Тито и заявил, что руководство «предвидело возможные враждебные действия в области культуры или науки, но где именно они произойдут, не знало»¹⁴. Причины появления «Декларации» он объяснил тем, что в Хорватии сложились условия, которые некоторым силам кажутся революционными настолько, что они игнорируют мнение руководства. Более того, он предупредил, что подобные акции готовятся по религиозному вопросу, а дальше можно ожидать подобных шагов в области экономики, по отношению к реформам. Все это делается для того, считал В. Бакарич, чтобы вызвать неадекватную реакцию республиканских властей, что станет поводом для их отставки.

21 марта 1967 г. состоялось заседание Исполнительного комитета ЦК СКХ, на котором «Декларацию» обвинили в двусмысленности содержания и в том, что она провоцирует националистические настроения в Хорватии. Участники заседания поддержали осуждение «Декларации» общественным мнением. М. Жанко выступил с инициативой о срочном созыве Социалистического Союза трудового народа Хорватии. Его инициативу поддержали Д. Драгославац, М. Балтич и многие другие. Однако их просьбу в ССТНХ проигнорировали и не поставили на повестку дня вопрос о «Декларации», и только уже в ходе Пятого пленарного заседания Главного комитета ССТНХ 23 марта М. Жанко и поддержавшему его Д. Гиздичу удалось поднять волнующий их вопрос отдельным пунктом повестки дня. Участники этого заседания вслед за Исполнительным комитетом ЦК СКХ осудили «Декларацию», назвав ее «политической диверсией». В то же время ССТНХ выразил мнение, что проблема языка действительно существует, но заниматься этими вопросами должна партия. Дальнейшие обсуждения подхлестнула информация о том, что в создании «Декларации» участвовало большое количество членов партии. Если сначала речь шла об общественной ответственности ряда научных институтов, то после заявления И. Шибла о причастности

к созданию документа ряда членов партии, заговорили о политической ответственности конкретных лиц.

Одновременно руководству хорватских коммунистов не понравилась острая критика М. Жанко, в которой он обвинил лидеров Хорватии в бездействии против нарождающихся националистических сил. В полемику с М. Жанко вступили заместитель председателя Исполнительного веча Сабора Й. Шентия и В. Холевац. Они настаивали на том, что утверждения о росте национализма в Хорватии сильно преувеличены. Интересно замечание, сделанное Й. Шентией в адрес М. Жанко: «Жанко, ты не прав, так как ситуация изменилась»¹⁵. Здесь имеется в виду не что иное, как изменение расклада сил в хорватском руководстве, намек на то, что М. Жанко и его сторонники остались в меньшинстве, и потому критика бессмысленна. На что В. Гиздич резко возразил Й. Шентии: «Вот именно такие, как ты, и стоят за «Декларацией!»¹⁶ В принятом Заключении участники заседания ССТНХ решили настаивать на политической ответственности подписавших документ, а также потребовать у авторов «Декларации» объяснений о настоящей сути предпринятого ими действия.

Республиканское руководство всеми силами пыталось остановить М. Жанко, доказывая ему, что пора прекращать критику «Декларации». Выводы сделаны, виновные наказаны. 25 марта состоялось заседание Городского комитета Союза коммунистов, на котором были подтверждены решения Исполнительного комитета ЦК СКХ и внесено предложение о созыве ЦК СКХ, на котором можно было бы обсудить вопросы межнациональных отношений. Также всем первичным организациям было поручено оценить степень ответственности авторов «Декларации» и на своем уровне дать оценку документу. В рамках заседания последовало первое исключение из состава Городского комитета Союза коммунистов и СКЮ В. Павлетича, являвшегося главным редактором журнала «Критика» с формулировкой «за недостаточную бдительность и безответственность, которую он проявил во время принятия «Декларации»¹⁷.

В ответ на «Декларацию» группа из 42 сербских ученых, членов Общества писателей Сербии, опубликовала 16 марта 1967 г. статью в «Борбе» «Предложения для размышления»¹⁸, а через несколько дней она была перепечатана в «Виснике». Автором «Предложений» считают академика А. Исаковича. Сербские писатели поддержали хорватскую инициативу о национальном языке. В статье,

в частности, говорилось, что любой народ имеет право на свой собственный национальный язык, и аргументы хорватских ученых вполне обоснованы. Далее напоминалось, что у сербского и хорватского языков одна филологическая основа, что это, по сути, один язык и что они были разделены искусственно. Однако если народы желают, то ничего не мешает их разделить, при соблюдении прав других народов, проживающих в Хорватии и Сербии. Сербские ученые поддерживали предложения о внесении поправок в Конституции республик.

Реакция на «Предложения» была более жесткой, чем на «Декларацию». Сербские авторы тут же были обвинены в национализме и подверглись жесткой критике со стороны сербского руководства и федерального центра. А. Исаковича был исключен из Союза коммунистов. П. Джаджич, участник и свидетель тех событий, назвал все, что происходило в те дни «примером огромной мистификации». В своих воспоминаниях он пишет, что после того, как на заседании скупщины Сербии эта статья была зачитана, «разразилась буря». Статью сочли примером сербского гегемонизма, бомбой против братства и единства. Ходили слухи, что «Декларация» и «Предложения» написаны в одном месте, а именно у М. Трипало¹⁹. Причастность к принятию «Декларации» части хорватских коммунистов могла стать причиной разницы в реакциях на документы по вопросу языка в Сербии и Хорватии. Некоторые хорватские лидеры разделяли мнение, изложенное в «Декларации» и «Предложениях». Также различия в позициях сербского и хорватского руководства могли быть связаны с упоминавшимся ранее комплексом вины в Сербии, которого не было в Хорватии. Для хорватов, также как и для словенцев и македонцев бороться за свои национальные права считалось естественным и даже вызывало симпатию в национально настроенных кругах. Сербские же политики боялись обвинений в сербском национализме и гегемонизме.

«Декларация» была направлена в Сабор СР Хорватии, Союзную скупщину СФРЮ и всей общественности для того, чтобы ее содержание было принято во внимание в предстоящей работе над союзной Конституцией. Обращение в Сабор вызвало новую волну негодования, появились мнения призвать к ответственности авторов документа. Многих настораживало то, что документ был составлен тайно, не обсужден заранее, и представлен на суд общественности как свершившийся факт. Вторым, не менее важным вопросом, оставалось

авторство, поскольку перечень учреждений в конце «Декларации» не объяснял, кто же именно ее составил. Неясными до конца оставались и цели, которые преследовали ее составители. Хорватский Сабор предложения из «Декларации» отверг.

Подписавшиеся под «Декларацией» организации на своей встрече 24 марта 1967 г. с озабоченностью рассмотрели неожиданные политические выпады в свой адрес и приняли заявление, которое на следующий день было опубликовано в «Виеснике». В нем они попытались объяснить мотивы принятия «Декларации»: «Реакция на нее для нас оказалась неожиданной. Документ создан в атмосфере общей демократизации нашего общества и в ситуации, когда заканчивается принятие предложений по изменению Конституции СФРЮ. Подписавшись под этим документом, научные институты выделили проблемы, о которых в наших средствах массовой информации говорится уже несколько лет. Основы Новосадского договора требуют общественного обсуждения и консультаций с другими научными институтами из других республик, где используется хорватский язык. Подписавшие лишь внесли предложения в свете будущего изменения Конституции. Мы лишь хотели укрепить братство и единство равноправием в языке»²⁰. Очевидно, что авторы рассчитывали на более единодушную поддержку, как со стороны партийного руководства, так и общества в целом. И, судя по реакции, они не ожидали настолько жесткой критики части коммунистов и, встретив ее, испугались последствий.

И. Броз Тито в своем выступлении в Приштине 26 марта 1967 г. осудил «Декларацию» и «Предложения»: «Союз коммунистов уделял недостаточно внимания некоторым интеллектуалам, которые считают возможным что-то у нас менять. Кто посмел выступить от имени всего народа? У нас есть Скупщина, где можно обсудить все проблемы. Почему именно там нельзя было сделать? Но они составили ее тайно, чтобы ударить неожиданно. Вы смотрите на запятые и точки, на письмо или вас интересует нечто другое? Руководства Хорватии и Сербии должны скоординировать компанию против авторов обоих документов»²¹. Понимая, что затронут болезненный для республик национальный вопрос, он потребовал предпринять меры против инициаторов создания напряженности в стране. И. Броз Тито увидел в этих документах проявление национализма, который считал опасным для развития социалистического общества.

Однако отметим, что конкретных виновных названо не было, МХ продолжала свою деятельность. Критика и предостережения высшего руководства особой тревоги в Хорватии не вызвали. И все же, МХ решила обезопасить себя. 30 марта на заседании Центральной скупщины она сама осудила «Декларацию». Хорватское руководство колебалось и лукавило, маневрировало, пытаясь задобрить центр и сохранить авторитет в республике. Как выразился П. Пиркер: «Ситуация серьезная. Все зависит от решения руководства. Националисты скажут: «это отступление», а унитаристские круги: «опять руководство демонстрирует нежелание идти до конца»²².

3 апреля 1967 г. состоялось заседание Президиума ЦК СКХ. Интересно, что И. Броз Тито просил отложить его на несколько дней, за это время следовало вместе с властями Сербии обсудить кардинальные меры против авторов «Декларации» и «Предложений». Однако В. Бакарнич решил проанализировать ситуацию в Хорватии и создать очередную комиссию, которая бы и выработала меры против возмутителей общественного спокойствия. Он заверил присутствующих, что ситуация в республике стабилизируется и обсуждать содержание документов бессмысленно. Подобный подход вызвал недоумение и возмущение М. Жанко: «Необходимо установить причины произошедшего. В стране некими силами осуществляется поиск различий между рабочими, между Исполнительными комитетами, между секретариатами. Сам по себе этот процесс не закончится, поэтому нужны более конкретные меры»²³. Он настаивал на том, что события 1967 г. не просто случайность, стечение обстоятельств или результат определенных исторических условий, а тщательно спланированная и осуществленная акция. Люди, которые ко всему этому причастны, пытаются проникнуть во власть, баллотируются на выборах в Сабор (В. Холевац) и Вече народов (И. Шибл), в Городскую скупщину (И. Франгеш), в Культурно-просветительское вече (Й. Шентия). Приводимые М. Жанко примеры столкновений на национальной почве В. Бакарнич обсуждать отказался. Тогда И. Рукавина констатировал, что заседание совершенно не подготовлено. Он привел данные об участии коммунистов в работе над «Декларацией» и заявил, что речь идет о доверии хорватскому руководству. Критику в адрес М. Трипало поддержала Милка Планинц, председатель Республиканского веча Сабора, член ИК ЦК СКХ. Она вообще заявила, что М. Трипало недостоин представлять Хорватию в Белграде.

На требование А. Берус поименно назвать всех коммунистов, кто подписал «Декларацию», В. Бакарич ответил, что эта история уже заканчивается, и необходимости такой нет. Глава хорватской партии еще раз подчеркнул, что знал о готовящейся акции, но категорически отвергал факт роста национализма в Хорватии. По его мнению, хорватская интеллигенция не была враждебной, просто она заблуждалась²⁴. То, что документ подписали коммунисты, он объяснить не смог, ссылаясь на революционную атмосферу реформ.

Для В. Бакарича и М. Трипало было важно успеть до шести часов подготовить решение заседания Президиума ЦК СКХ, они торопили выступающих, не давали закончить доклады. Само же заключение носило достаточно формальный характер, оно еще раз включало в себя осуждение «Декларации» и призыв обсудить ее, а за тем принять необходимые меры. Мы видим стремление одной части хорватского руководства серьезно разобраться в причинах кризиса в республике, проанализировать последствия в будущем, и попытки другой части поскорее закрыть тему, оказаться вне критики, чтобы не лишиться своих постов. В рамках этого заседания была создана Специальная комиссия Президиума и Исполнительного комитета ЦК СКХ по выявлению коммунистов, участвовавших в составлении «Декларации» и определению мер наказания. В ее состав вошли В. Бакарич, М. Трипало, М. Балтич, М. Божич, Д. Катич, П. Пиркер. Понятно, что в подобном составе работа комиссии не могла быть достаточно эффективной.

Со своей стороны, И. Броз Тито пытался разобраться в причинах появления «Декларации», он встречался с теми, кто ее подписал. Его, например, интересовало мнение известного писателя М. Крлежи, чья подпись стояла под документом, когда И. Броз Тито предложил М. Крлежи отозвать свою подпись под «Декларацией». М. Крлежа предпочел выйти из состава Союза коммунистов, ответив: «Если я откажусь от подписи, все скажут — посмотрите на эту старую обезьяну, он не знал, что подписывает»²⁵. Конечно, отказ от «Декларации» такого крупного общественного деятеля серьезно обесценил бы замысел ее авторов. В своем дневнике Д. Биланджич приводит размышления М. Крлежи о процессе распада единства СКЮ и Югославии как единого государства. Писатель считал, что ошибки, допущенные при создании как Первой, так и Второй Югославии привели к созданию множества сильных республиканских центров, между

которыми разразится борьба. Ученый и писатель, М. Крлежа не без оснований полагал, что национальная энергия и исторически сложившийся менталитет будут определяющими факторами будущих кризисов²⁶.

Руководство хорватских коммунистов должно было реагировать на критику И. Броз Тито. Однако даже старая гвардия коммунистов пыталась защитить тех, кто выступил с инициативой «Декларации». Верный соратник главы государства В. Бакарич усмотрел в этом документе попытку скомпрометировать хорватское политическое руководство и его лично, но сомневался, стоит ли возбуждать общественное мнение и начинать судебные процессы против подписавших его. Он считал, что это «неразумная и сектантская компания», которой не следует уделять слишком пристальное внимание: «Даже если мы приведем кого-то в суд, я уверяю вас, он будет освобожден. Да ему еще будут рукоплескать»²⁷. Тем самым В. Бакарич встал на сторону авторов «Декларации», осуждая тех, кто настаивал на наказании за ее публикацию.

19–20 апреля 1967 г. состоялся VII пленум ЦК СКХ. На повестке дня стояла «Декларация о положении и названии хорватского литературного языка» и результаты работы Специальной комиссии Президиума и Исполнительного комитета ЦК СКХ, созданной 3 апреля. Во вступительном слове В. Бакарич отчитался, что комиссия провела консультации с Исполнительными комитетами Сербии и БиГ. Он еще раз заявил, что СКХ не знал о «Декларации», а только догадывался о возможной акции. Комиссией было установлено, что в принятии документа участвовали 70 членов Союза коммунистов. М. Трипало представил предложения по определению степени ответственности каждого подписавшего, но имен снова не назвал. Их исключение из партии М. Трипало назвал необходимым шагом.

Говоря об интеллигенции, он отметил, что речь не идет об осуждении ее в целом. Всем организациям Союза коммунистов в учреждениях, подписавших «Декларацию», было поручено провести анализ ситуации, определить степень участия отдельных лиц и принять адекватные меры. В Заключении VII пленума говорилось о том, что работа Союза коммунистов Хорватии на местах была недостаточной. «Декларация» была признана политическим актом, далеким от проблем лингвистики и тем более от борьбы хорватского народа за равноравие, как ее изначально старались представить²⁸.

Под мощным давлением партийной организации и общественно-го мнения подписавшие «Декларацию» начали выступать с самокритикой. При этом они сожалели ни столько о содержании документа, сколько о своей подписи под ним и придании ему гласности. В чем их, собственно, и обвиняли на каждом из состоявшихся ранее заседаний партийных органов. Кроме того, эти покаяния помогли многим продолжить свою профессиональную деятельность. Так Л. Йонке из Отдела югославянских языков и литературы писал: «Я совершил ошибку.... Признаю свою вину, что принял «Декларацию», хотя я не думаю, что хорватский язык не заслуживает равноправного положения наряду с сербским литературным языком»²⁹. С. Ласич, из Отделения югославянского языка и литературы, вспоминал: «Я подписал «Декларацию», так как очень хотел, чтобы открытый вопрос был решен. В любом случае, я ошибся. Это действие оказалось политической ошибкой.... Я поставил свою подпись, чтобы в глазах других людей иметь какое-то влияние, уважение. Во всех других действиях МХ я не участвовал. Я был только на одном заседании Общества писателей Хорватии, где «Декларация» была прочитана, и я, как и многие другие люди, с ней согласился. Моя степень ответственности иная. Мы виноваты в том, что никто из нас, коммунистов, не подумал, до чего могут довести наши действия, какую сложную политическую ситуацию они создадут»³⁰.

Другие участники принятия «Декларации» также отмечали, что считали на тот момент работу не совсем зрелой и серьезной и подписывали без злого умысла, не думая о последствиях. Например, они описывают, что на пленуме Общества хорватских писателей, когда голосовали за документ, многие из участников в это время играли в шахматы. По этим заявлениям легче выделить случайных участников и непосредственных организаторов. Так, М. Брандт, наоборот, не отрицал своего участия: «Я подписал Декларацию как член МХ, затем как член ОПХ, и сотрудник кафедры и считаюсь одним из ответственных людей, которые в этом участвовали»³¹.

Стремясь избежать увольнений и исключений из партии, свое участие в принятии «Декларации» начали оспаривать кафедры Загребского университета. Например, Философский факультет заявил, что у них нет кафедры Старой и Новой литературы, как указано в подписи под «Декларацией», а есть только кафедра Югославской литературы, и вообще с ними никто по поводу этого документа

не консультировался. Общество литературных переводчиков раскрытиковало и отправило в отставку своего председателя Л. Йонке, тем самым, доказывая свою лояльность³².

Решением партийной комиссии М. Брандт был исключен из СК, Л. Йонке получил последнее предупреждение, М. Ваупотич — предупреждение, И. Франгеш, И. Пупачич — выговоры. В ходе обсуждения наказания были смягчены. Предупреждения были сделаны всем, кто поддержал «Декларацию». Однако, недовольный решением партийной организации Философского факультета, Университетский комитет СКХ ужесточил наказания и принял новое решение: исключить из партии М. Брандта, И. Франгеша и Л. Йонке. Многим были сделаны последние предупреждения.

Результатом работы Специальной комиссии Президиума и Исполнительного комитета ЦК СКХ стали исключения из партии 10 человек, а 34 были наказаны согласно партийным нормам. Центрами национализма были названы кроме Матицы Хорватской, Матица эмигрантов Хорватии, ИИРД, а его директор Ф. Туджман смещен со своего поста и выведен из состава ЦК, но при этом сохранил место депутата Сабора СР Хорватии. Кроме Ф. Туджмана под удар попал В. Холевац несмотря на то, что ни один, ни другой не были ни авторами «Декларации», ни членами правления МХ. В свою очередь Ф. Туджман и В. Холевац обвинили Исполнительный комитет СКХ в предательстве интересов хорватского народа.

Отдельное расследование Специальная комиссия Исполнительного комитета ЦК СКХ провела по деятельности Матицы эмигрантов Хорватии. Были тщательно изучены архивы организации, проанализирована ее деятельность за последние годы. К руководителю Матицы В. Холевцу были претензии в связи с отказом провести заседание Главного комитета своей организации по поводу отставки подписавших «Декларацию». Однако он уверял, что его действия были согласованы с В. Бакаричем³³. Снова прослеживается поддержка руководства хорватских коммунистов тех, кого осуждали за националистические проявления. Следующим пунктом шло обвинение в попытках переименовать Матицу эмигрантов Хорватии в Матицу хорватских эмигрантов, тем самым, подчеркивая хорватский характер эмиграции. Отмечены были также статьи в журнале Матицы, в одной из которых была изменена формулировка с «Риека — самый крупный югославский порт» на «самый крупный хорватский порт».

В заключении было отмечено недопустимое исполнение народных песен, таких как «Вставай, бан Елачич, Хорватия зовет» и «Хорватия еще не погибла» во время различных культурных мероприятий.

По поводу деятельности Ф. Туджмана так же было проведено расследование. Комиссию интересовало содержание его лекций по истории, однако нигде не удалось найти печатного варианта, а также установить количество слушателей. Попытки реконструкции со слов свидетелей также не увенчались успехом. Стало лишь известно, что лекции касались жизни эмигрантов в США. Были собраны жалобы, касающиеся преподавания Ф. Туджманом в Сплите (1964 г.), в Карловце (1965 г.) и ряде средних школ республики, где уроки носили пропагандистско-националистический характер.

Из Союза коммунистов были исключены не только многочисленные преподаватели университета, но и люди, занимавшие высокие политические должности: М. Ивекович, И. Рукавина, И. Шентия, И. Шибл и другие. Изолировали и наказали не столько авторов «Декларации», сколько те силы, которые могли воспользоваться эффектом, вызванным ее публикацией. Многие из этих людей собирались баллотироваться в Сабор и Союзную скупщину на выборах 1967 г.

«Декларацией» Матице хорватской удалось привлечь к себе внимание общества, инициировать обсуждения по вопросам истории и месте Хорватии в Югославии. И, несмотря на то, что многие партийные и республиканские деятели ее инициативу назвали «политической диверсией против братства и единства», сама организация в ходе разбирательств вокруг скандального документа не пострадала, свободно основывая новые ячейки, выпуская периодические издания. К этому времени она уже располагала поддержкой части коммунистов, многие из которых занимали достаточно высокие посты в руководстве республики. С. Дабчевич-Кучар позднее написала: «С появлением «Декларации» началась важная общественная деятельность, в которую мы все окунулись вместе с МХ, студентами, интеллигенцией. Интонации всему происходящего задавали именно мы»³⁴.

После волны отставок в республике Матица хорватская продолжила проведение культурных мероприятий, постепенно меняя их содержание. Манифестации стали носить ярко выраженный национальный характер. Кроме того, МХ вышла на улицы с культурными манифестациями. Например, ее активисты провели фестиваль кайкавского наречия в Крапини, культурные смотры Винковской осени

и другие мероприятия. В 1967 г. МХ организовала крупный симпозиум по случаю 130-летия хорватского национального возрождения, всеми силами, с одной стороны, пытаясь показать свою приверженность национальным хорватским традициям, с другой стороны, демонстрируя, что ее деятельность касается только сферы культуры.

На партийных заседаниях всех уровней преобладало мнения о том, что никакой узкий круг научных учреждений не вправе брать на себя решение о языке, что эту проблему должны решать граждане, так сказать, непосредственные производители. Д. Кастратович, журналист из газеты «Виесник у сриеду», язвительно заметил по этому поводу: «Последнее слово за рабочими. Они настоящие труженики, которые заявляют в свою очередь, что им не до языка, был бы хлеб»³⁵. Действительно, события вокруг «Декларации» затрагивали довольно узкий круг ученых, общественных деятелей, преподавателей университета, партийное и республиканское руководство.

Общественное мнение по поводу «Декларации» отражают письма, опубликованные в периодических изданиях в разделе «Трибуна читателя», обращения и письма, направленные непосредственно к участникам событий (М. Жанко, в МХ, на заседания партийных органов).

Хорватская общественность очень живо отреагировала на «Декларацию». В реакциях на нее отразились все умонастроения того времени, отношение к существующему порядку и событиям в республике. Пока одни в письмах поздравляли Матицу хорватскую за «храбрость, порядочность и коммунистическую последовательность», другие обвиняли авторов в предательстве хорватского народа, утверждая, что она находится «на службе великосербских интересов, выраженных в форме унитаризма»³⁶. Нужно заметить, что последняя формулировка постепенно стала основной в политическом лексиконе Хорватии.

Отрицательные оценки «Декларации» аргументировались тем, что разделение языка и культуры по национальному признаку неизбежно ведет к разделению и самих народов, к разрушению «братства и единства» народов Югославии. В основном это были представители старшего поколения, участники войны, представители сербского народа, проживающие в Хорватии. Положительные оценки звучали от представителей хорватской интеллигенции, пришли отзывы из-за границы. Критики «Декларации» писали: «Своим выпадом ее

авторы придали храбрости самым реакционным и шовинистическим элементам, которые приняли «Декларацию», как свое знамя»³⁷. Многие с самого начала отметили ее политическую направленность. Так, член ЦК СКХ М. Билич в одном из интервью прямо отметил: «Эта борьба за хорватский литературный язык не что иное, как политика, это не только лингвистика»³⁸. Уже сама форма документа в виде декларации наводит на мысль о ее политическом значении. Обращение во вступлении ко всему обществу, Союзной скупщине и Сабору, разбор причин недовольства хорватского общества не отвечали структуре рекомендаций к конституционной поправке, а скорее напоминали требование о расширении прав самым решительным образом.

В обществе развернулась дискуссия по вопросу использования сербскохорватского языка в армии СФРЮ. В «Открытом письме друзьям литераторам» один эмигрант спрашивал: «Зачем в вашей Конституции 1963 г. решено, что югославская армия использует хорватскосербский язык? Почему военные должны делать то, что вы хотите, а не то, что сами они хотят? По-моему, нужно разграничить федерацию, чтобы каждый был сам себе господин, сам решал свои проблемы, как хочет, и так, чтобы никто не садился другому на шею»³⁹. В ответ на подобные заявления в «Виеснике» от имени военных выступил С. Релич. В статье «Наши народы никогда и никому не позволят ослабить единство армии» он написал, что сербохорватский язык преподается только в одной армейской школе в Загребе, и что «в армии никто специально не осуществляет языковой унитаризм». Далее он объясняет подробно: «В армии преимущественно говорят и пишут на екавском диалекте (но на латинице). Это объективные и специфические особенности жизни и работы в вооруженных силах. Мы издаем внутреннюю газету, в которой представлены статьи в разных языковых вариантах»⁴⁰. Председатель Союза организации участников Народно-освободительной войны М. Белинич призвал авторов «Декларации» снять анонимность и нести за нее полную ответственность, поскольку все они стоят на позициях сепаратизма, национализма, шовинизма.

Статьи М. Жанко вызвали недовольство многих представителей хорватской эмиграции. Из Мюнхена пришло гневное анонимное письмо. Оно отражало негативное отношение автора к существующей Югославии и крайние националистические взгляды. Он поддержал «Декларацию», которая, по его мнению, выступила в защиту

прав хорватского народа в Югославии, а критику М. Жанко посчитал необоснованной. Анонимный автор раскритиковал и других политиков, кто не поддержал «Декларацию», особенно сербов по национальности: «Ощущаешь себя сербом — поезжай в Сербию!»⁴¹

Эмигрант из Мюнхена отрицал какую-либо возможность равноправия хорватов и сербов, так как хорваты являются «носителями западной культуры», а «сербы только и знают, что их используют». Такие высказывания были нередкими. Он изложил свое мнение о мотивах антифашистской борьбы сербов и хорватов во Второй мировой войне, заметив: «Несмотря на то, что хорваты во время войны боролись за независимость Хорватии и за ее права, они все же выступили за сербов и за Великую Сербию, и за гнилой коммунизм...»⁴². Автор считает, что хорваты надеялись, что за свою помощь они будут вознаграждены, но сербы оказались «неблагодарными» и, мечтая о создании Великой Сербии, заранее разработали вероломные планы, которые не предусматривали возвращения хорватам самостоятельности. Далее в письме говорилось, что руководящие посты преимущественно занимают сербы, а все хорваты «как куклы, которыми манипулируют». Возмущала автора и система образования в Республике: «... Что учат сегодня хорватские дети? Только подумайте, они учат сербскую историю..., а хорватской истории не существует или она недооценивается»⁴³. Такие отзывы дают нам представление о настроениях, имевших место за границей. И, что важно, подобную риторику хорватских политиков мы встретим уже в самой Хорватии в последующие годы.

В целом за границей «Декларация» была воспринята спокойно. Более того, Матица эмигрантов Хорватии обратилась к председателю Хорватского братского сообщества В. Мандичу в США с просьбой официально поддержать «Декларацию». На письмо из Хорватии В. Мандич ответил, что считает такую поддержку документа политической ошибкой⁴⁴.

Не успели затихнуть обсуждения «Декларации», МХ сделала попытку пересмотра исторических событий, представленных в программах средних школ. Директор издательства «Школска книга» А. Марина, одновременно являвшаяся членом Центрального комитета Матицы и совета газеты «Хрватски тьедник» без консультации с Министерством образования выступила с инициативой пересмотра методологии преподавания истории. Это же издательство

опубликовало «Новую хорватскую орфографию» при полной поддержке МХ, что упростило ее утверждение. Этот учебник был предназначен для школ со смешанным национальным составом, где предполагалось открыть специальные отделения для сербских детей. Были примеры еще более радикальные: МХ подготовила списки сербских партизан, которых следует судить за преступления против усташей⁴⁵.

«Декларация о положении и названии хорватского литературного языка», националистические акции МХ, пересмотр хорватскими историками оценок отдельных исторических событий стали выражением стремления хорватской политической, научной и культурной элиты к пересмотру места Хорватии в Югославии. Эти намерения приобретали все более отчетливые формы. Д. Кастратович отмечал: «Декларация» была серьезным моментом в развитии хорватского общества. Был использован небольшой запас свободы. Теоретически, выступая за социализм югославского типа с судьбоносными изменениями, партия должна была преобразоваться в движение. Но движения нигде не было. Попытки расширить свободу исходили из самой партии, ее реформаторского крыла. Это была дозированная свобода»⁴⁶. Уже в следующем году в Хорватии заговорили о создании национального движения во главе с партийным руководством.

Говоря о последствиях выхода «Декларации», нельзя не упомянуть о скандале вокруг «Словаря сербскохорватского языка». Это был общий проект Матицы сербской и Матицы хорватской, в рамках которого к 1967 г. издали первые два тома. После начала дискуссий по поводу национального языка главный редактор издания дал интервью журналу «Критика», в котором назвал будущий словарь элементом унитаризма и представил на него четыре отрицательные рецензии, одна из которых принадлежала критику Т. Ладану. В этой рецензии были приведены девять причин, по которым данный проект нужно было прекратить. Автор назвал проект «духовным ребенком этатизма и централизма»⁴⁷. Т. Ладан закончил свою рецензию вопросом: «Кому нужен этот словарь?». Однако в защиту словаря выступил директор Института языка Югославской Академии Наук и Искусств в Загребе Л. Йонке. 3 июня 1968 г. комитет МХ направил письмо Матице сербской (МС) с предложением встретиться и обсудить дальнейшую судьбу словаря. В январе 1969 г. участники проекта констатировали, что «словарь современного сербскохорватского языка необходим сербской, хорватской, черногорской и мусульманской

культуре, и необходимо возобновить его публикацию⁴⁸. Но, после того, как хорватская сторона стала настаивать на формулировке «хорватосербский литературный язык», Матица сербская приостановила работу над словарем.

В начале 1970 г. МХ предложила ввести равноправное использование двух вариантов названия литературного языка — «сербскохорватский» и «хорваткосербский». После очередного отказа Матицы сербской, дальнейшее осуществление проекта стало невозможным. Всю ответственность за срыв публикации словаря МХ возложила на сербскую сторону. В объяснении говорилось также о финансовых проблемах издания. МХ обвинила МС в неуважении ее права на национальный язык и самобытность, объявила Новосадский договор устаревшим и не отвечающим требованию времени. Каждая из сторон настаивала на своих формулировках, пыталась акцентировать внимание на национальном компоненте этого события. Для хорватской стороны это была еще одна попытка в процессе работы над словарем разделить хорватский и сербский языки, закрепить отдельно название «хорватский». Подобный шаг затрагивал интересы других народов, проживающих в Хорватии. Сербская сторона не пошла на уступки, предпочтя свернуть проект.

Как мы видим, деятели хорватской культуры, сделали решительные шаги по пересмотру вопросов исторического развития, роли языка, стандартов образования. Инициативы эти исходили от достаточно узкого круга лиц, о массовости процессов в области культуры говорить сложно. Однако настроения, которые они создавали, оказывало непосредственное воздействие на общество в целом. Возвращение национальной хорватской идеологии спровоцировало обострение национального вопроса.

Условия, созданные в ходе реформирования страны, демократизация общественной и политической жизни способствовали оживлению национального самосознания. Мы наблюдаем этот процесс в активизации националистических кругов, которые в начале 1960-х гг. искали возможности занять свое место в политической жизни Хорватии. Встречая противодействие со стороны партийного руководства, они постепенно меняли тактику и методы.

«Декларация о названии и положении хорватского литературного языка» стала исходной точкой движения, своего рода проверкой хорватского общества. Она сделала очевидными расхождения

позиций в общественных и политических кругах по принципиальным вопросам дальнейшего развития республики и ее месте в Югославии. Одним она давала повод открыто заговорить о чаяниях хорватского народа, другим, последовательным интернационалистам, высказать свою приверженность коммунистическим идеалам.

* * *

Таким образом, на первом этапе становления хорватского «массового движения» в 1967 г. мы отмечаем стремление хорватской интеллигенции и части партийных лидеров дать новые оценки своему историческому прошлому и скорректировать восприятие настоящего, опираясь на национальные традиции и культурную самобытность. В то время как Союз коммунистов Югославии все больше утрачивал монолитность, а ощущение свободы и демократии придавало уверенности в возможности высказываний по самым острым проблемам постановки разных вопросов, требований, в хорватских общественных и научных кругах появилось желание пересмотреть роль и место Хорватии в Югославии. Инициатором этого процесса выступила Матица хорватская, предложившая обсудить право хорватского народа на свой национальный литературный язык. Началом «массового движения» во второй половине 1960-х гг. стала публикация «Декларации о положении и названии хорватского литературного языка» в рамках обсуждения новой Конституции. Тема языка быстро приобрела политическое звучание. Результатом публикации «Декларации» для Матицы хорватской стало изменение ее роли и места в общественной, а позднее и политической жизни республики. Ее лидеры стремились занять посты в высших республиканских и союзных органах власти — в Саборе, Вече народов, Городской скупщине, Культурно-просветительском вече, что создавало им еще больше возможностей для озвучивания и в дальнейшем воплощения в жизнь своих идей.

На этом этапе движения мы различаем первое едва уловимое расхождение в рядах хорватских коммунистов по отношению к тем вопросам, которые поставила «Декларация», к характеру мер, которые принимались к ее авторам, к реакции на критику в свой адрес. Меры, предпринимаемые против подписавших этот документ, создавали лишь иллюзию готовности вступать в спор с хорватской интеллигенцией. Действия хорватских властей были непоследовательны. Выступая с критикой в ее адрес, они, тем не менее, поддержали документ,

оправдывая его создание правом Хорватии на равноправное положение в Югославии. Тем самым, было обозначено направление будущей хорватской политики в сторону отстаивания национальных интересов. Под давлением критики деятели Матицы хорватской отказались от «Декларации», но, чувствуя поддержку своих инициатив со стороны руководства республики, активизировали и расширили культурно-просветительскую деятельность своей организации.

Архивные материалы, свидетельства очевидцев, которые мы использовали в исследовании, говорят о том, что часть хорватских коммунистов принимала непосредственное участие в создании «Декларации». Это объясняет нежелание хорватского руководства придавать гласности подробности создания документа и серьезно подвергать наказанию ее авторов. Старшее поколение во главе с В. Бакаричем находилось в растерянности, ожидая, скорее всего, реакции руководства СКЮ. И. Броз Тито и лидеры других республик осудили действия МХ, поэтому партийная дисциплина требовала от хорватского руководства адекватных мер в отношении авторов «Декларации». Но неожиданно В. Бакарич столкнулся с нежеланием значительного числа хорватских коммунистов вступать в конфликт с интеллигенцией, поддерживавшей «Декларацию».

«Декларация» стала своего рода «зеленым светом» для хорватского национального движения на этом этапе. Поддержка документа руководством республики стала сигналом для националистических сил о том, что можно предпринять и другие шаги в направлении пересмотра места Хорватии в Югославии и не только в области культуры и филологии.

На данном этапе произошло первое совпадение интересов МХ и части СКХ. Начался процесс формирования двух будущих сил хорватского «массового движения».

§2. Подъем «массового движения» в 1968–69 гг.: от лингвистики и истории к экономике и политике

В стране в 1968–1969 гг. продолжился курс на либерализацию и демократизацию общественной и экономической жизни. Одновременно в политической жизни страны произошли такие крупные события, как студенческие забастовки, волнения албанцев в Косове

и Метохии, первые столкновения Словении с федеральным центром по поводу инвестиций. В то же время стали ощущаться кризисные явления в экономической сфере, что было результатом неудач в осуществлении экономической реформы 1965 г.

Отличительной чертой этого этапа развития хорватского «массового движения» стала постановка на повестку дня экономических вопросов, обсуждение которых, в свою очередь, обострили межнациональные противоречия, спровоцировали рост национализма. В это время в руководство республики и партии пришло новое поколение со своими идеями и представлениями о будущем развитии Хорватии.

С. Дабчевич-Кучар, М. Трипало, П. Пиркер и другие успели проявить себя во время обсуждения «Декларации». Выступая с критикой в ее адрес, они, тем не менее, поддержали документ, оправдывая его создание правом Хорватии на равноправное положение в Югославии. Тем самым, уже на этом этапе было обозначено направление будущей хорватской политики в сторону отстаивания национальных интересов. На пути осуществления своих планов С. Дабчевич-Кучар своими союзниками называла директоров предприятий, МХ, Общество писателей Хорватии и университет. Следующим шагом в направлении большей самостоятельности республики стал вопрос экономического развития в рамках федерации.

Экономическая реформа, которая началась в 1965 г., к 1967 г. так и не имела положительных результатов. Ее серьезными последствиями стали: безработица, отток граждан из страны. По данным Хорватского республиканского института по трудоустройству, рост безработицы с 1964 по 1968 г. по стране составил 14,6%, а в Хорватии — 15,3%:

Таблица № 4

Показатели роста безработицы в Хорватии в 1964–1968 гг. ⁴⁹

	1964	1965	1966	1967	1968
СФРЮ	15%	16,2%	20,1%	24,5%	29,6%
СР Хорватия	16,3%	18,3%	24%	27,9%	31,6%

29–30 мая 1968 г. на заседании секретарей общинных комитетов СКХ по инициативе Б. Бакрача, Д. Катича и Й. Радойчевич Исполнительный комитет ЦК СКХ решил обсудить экономическое положение в Югославии. М. Трипало, являвшийся тогда секретарем

Городского комитета СКХ Загреба, поставил вопрос о дальнейшем развитии самоуправления, которое заключалось: в реформировании банковской системы, передаче власти рабочим организациям, от общины до республики, децентрализации валютных фондов. Также была затронута тема о неравномерном представительстве республик в союзной администрации, и впервые после VIII съезда СКЮ (1964 г.) прозвучал тезис о «чистых доходах», то есть о том, чтобы все заработанные средства оставались в республике. Фактически речь шла об усилении экономической самостоятельности Хорватии. Хорваты выразили недовольство существующим принципом распределения финансовых средств между республиками, несправедливым, по их мнению, инвестированием в крупные экономические проекты.

М. Трипало пишет в своих воспоминаниях, что В. Бакарич был против экономических инициатив молодых хорватских политиков, пытался удержать их от постановки серьезных экономических вопросов⁵⁰. В заседании в мае 1968 г. он предпочел не участвовать, сославшись на болезнь. Исследователь Т. Понош отмечает, что глава хорватской партии всегда так поступал, когда дело было заранее проигранным⁵¹. В. Бакарич не ошибся в своих опасениях и на этот раз.

Заседание секретарей общинных комитетов СКХ было тщательно подготовлено. Накануне хорваты встретились с представителями всех республик. Помощь обещали оказать С. Кавчич, председатель Исполнительного вече Словении, С. Вукманович, председатель Союза профсоюзов Югославии, Д. Кекич, член Исполнительного комитета ЦК Воеводины. Поддержать хорватские инициативы по политическим вопросам обещали члены руководства Македонии и Косова. В ходе обсуждения экономических вопросов союзное руководство хорватские инициативы отвергло. Вопреки обещаниям против Хорватии выступили все пять республик.

Самая острая критика хорватских предложений шла от Э. Карделя, М. Тодоровича и М. Шпиляка. Они обвинили хорватов в том, что те подняли несущественный вопрос, который не заслуживает столько внимания, спровоцировав тем самым политический кризис. Сам Э. Кардель еще в начале 1960-х гг. делал все для усиления экономической самостоятельности республик, подчеркивая, что экономическая самостоятельность является особым видом самоуправления, а не национальным эгоизмом⁵². Однако именно сейчас постановка экономических вопросов для него была несвоевременна. Дело в том, что

в 1968 г. словенское руководство оказалось замешанным в так называемой «дорожной афере», когда стало известно, что при распределении инвестиционных средств имел место сговор между Союзным исполнительным вече (СИВ) и Исполнительным вече Словении. С. Кавичу обещали выделить международный кредит на строительство дороги Постойна-Врхник, а он за это поддерживал данные СИВ по экономическому балансу федерации. По мнению С. Дабчевич-Кучар, существовал и личный момент, который влиял на позицию Э. Карделя в отношении хорватских инициатив. У него были напряженные отношения с С. Кавичем, которого прочили в его приемники.

М. Шпиляк, председатель союзного правительства, жаловался Д. Биланджичу на то, что молодые хорватские коммунисты отказываются с ним разговаривать. Связь с Хорватией поддерживается только через В. Бакарича, не согласного со своими коллегами по партии⁵³. Другие республики поддержали союзное правительство. Македония даже пригрозила отозвать своего министра, если союзные власти не найдут управы на Хорватию.

Не получив поддержки других республик, молодые хорватские политики использовали уже проверенную предыдущими годами практику обращения к общественности. На страницах центральных газет и журналов были подробно изложены хорватские предложения. Отметим, что они шли в русле общих экономических преобразований в стране. Выступая в Загребе в октябре 1969 г., И. Броз Тито озвучивал те же тезисы по вопросам инвестиций, большей роли рабочих организаций, переустройству банковской системы и другие⁵⁴.

Стремясь обосновать свои требования, хорватские политики запросили у СИВ данные о структуре доходов в СФРЮ. М. Трипало считал, что Хорватия вносила в союзный бюджет больше всего средств: «Хорватия — 25,77 %, Сербия — 24,33 %, Словения — 14,96 %, БиГ — 13,59 %, Воеводина — 11,77 %, Македония — 5,22 %, Косово — 2,32 %, Черногория — 2,04 %. По этому вопросу возник новый конфликт, так как официальные данные по экономическим показателям в СИВ им предоставить отказались. С. Дабчевич-Кучар, тогда председатель Исполнительного вече Хорватии, потребовала полной информации об экономических показателях в республике. Однако, по ее словам, просьба о предоставлении подобной информации воспринималась в то время, как дестабилизация межнациональных отношений, как угроза единству всей Югославии⁵⁵.

Хорватия выступила с критикой СИБ за непоследовательность в осуществлении утвержденной экономической политики. Это вызвало полемику вокруг внебюджетного баланса федерации. Хорваты недоумевали, откуда берется дефицит в федерации при постоянно растущих доходах и крупных инвестиционных проектах. Они обвинили союзные власти в предоставлении нереального уровня роста национального дохода. В запросе, направленном в СИБ, говорилось о необходимости изменения монопольного положения союзных банков, о новых подходах к планированию и перераспределению средств. В этом вопросе Хорватия снова не нашла поддержки в других республиках.

Тогда хорватские политики снова обратились к общественности, обнародовав подробности своих переговоров с союзным правительством. Представители СИБ ответили хорватской стороне обвинением в нарушении договорной политики. Они утверждали, что данные по дефициту, представленные Хорватией и союзными органами не совпали. Союзное правительство заявило, что дефицит появился от нереального составления хорватами годовых планов роста национального дохода.

В стране в 1968 г. продолжалась работа над поправками к союзной Конституции. Первые шесть поправок были приняты в апреле 1967 г. Они касались скупщин республик и федерации, продолжительности мандата председателя страны. Следующие тринадцать поправок были приняты в конце 1968 г. — вводились новые палаты парламента (вече республик и краев), определялись правила употребления языков и алфавитов (сербскохорватский язык перестал называться общеюгославским). Поправки, касающиеся отношений республик и федерации, были приняты в марте 1969 г. и в октябре 1970 г. А в середине 1971 г. были сделаны еще двадцать три поправки по проблемам самоуправления.

У Хорватии и по поводу конституционных изменений было свое мнение. В октябре 1968 г. республика выступила против поправки о Вече народов, против паритетного представительства от каждой из республик без учета численности ее населения. После дискуссий при ее принятии, депутаты из Хорватии за эту поправку не голосовали. П. Пиркер на заседании экономической палаты заявил: «Конституционная реформа, по сути, реформой не является»⁵⁶. Тем самым, он дал понять, что хорватские реформаторы рассчитывают на большее.

На фоне борьбы части хорватского руководства с союзной администрацией за расширение политической и экономической самостоятельности в 1968 г. начинает зарождаться хорватское университетское движение. В историографии события конца 1960- начала 70-х гг. в Хорватии называли студенческим движением, редко упоминая, что в нем участвовали не только студенты, а также многие преподаватели, которые чаще всего и являлись выразителями новых идей. Сами участники событий предпочитали называть себя «свеучилищчарами» по аналогии с национальным движением прошлого века. Поэтому в нашей работе мы будем говорить об университетском движении. Активное участие в движении преподавателей, многие из которых являлись членами Матицы хорватской, говорит о тесной взаимосвязи университета с этой организацией.

К концу 1960-х гг. среди белградских студентов стали популярными идеи международного студенческого движения. Под влиянием европейских студенческих волнений в Белграде начало формироваться свое неформальное студенческое движение. 3 июня 1968 г. студенты ряда факультетов Белградского университета вышли с акциями протеста на улицы города. Студенческие волнения стали следствием неуспеха реформ, волнений албанцев в Косове, нестабильности политической системы. В СМИ появились статьи «Против уравниловки», «Рынок — это единственный и наиболее правильный судья». Для всех этих процессов существовали объективные причины: уровень жизни снижался, зарплата в государственном секторе не росла, особенно заработки профессоров, пенсионеры едва сводили концы с концами, молодым стало тяжело найти работу. За неполных десять лет после принятия «самой прогрессивной» программы СКЮ, цели, которые были в ней изложены, провалились⁵⁷. Социальное расслоение, проблемы с трудоустройством, бытовая неустроенность привели к разочарованию по отношению к власти. Студенты требовали «тот социализм, который был обещан обществу, но до сих пор не осуществлен».

В других республиках студенты также проявили себя, но скорее в виде выражения солидарности с белградскими студентами. Так, студенты Любляны собрались в студенческой столовой Студенческого городка 6 июня с «профсоюзной» проблематикой. Поводом послужили увеличение платы за общежитие и необходимость выселяться из комнат некоторых корпусов студенческого общежития для

потребностей туризма. На этом собрании присутствовало около 3000 студентов со всех факультетов. Когда словенские студенты узнали о волнениях в Белграде, они расширили свои требования, например, выступили против обогащения руководящих кадров. Позже студенты технических факультетов вышли из этого движения, и его стали составлять только студенты-гуманитарии.

В Македонии также внимательно следили за развитием событий в Белграде. В Скопье была отмечена широкая активность в университете, но она выражалась в относительно мирных дискуссиях и дебатах на ряде факультетов. Обсуждались общественные, университетские и студенческие проблемы. Чтобы не дать студенческому движению разрастись, коммунисты создали Комиссию для разработки платформы решения Городской и Университетской конференций Союза коммунистов Македонии. Македонские студенты в большинстве своем были против уличных демонстраций, но осуждали вмешательство милиции в события в Белграде.

В Загребе волнения зарождались среди студентов Медицинского факультета. Однако руководство СКХ решило упредить студентов. В. Бакарич на IX заседании Президиума и Исполнительного комитета ЦК СКЮ (9 июня 1968 г.) рассказывал, что партия знала о готовящихся демонстрациях, а также о состоявшейся скупщине медиков, на которой были выдвинуты три основных требования (докторантура, оплачиваемая стажировка, вопрос трудоустройства). Понимая, что ситуация обостряется, коммунисты внедрились в ряды студентов «своих» людей и «помогли им правильно сформулировать требования»⁵⁸. Власти республики обещали решить все проблемы студентов и тем самым избежали белградских событий, повлекших столкновения с милицией. Кроме того, коммунисты разработали программу работы со студенчеством и начали ее обсуждать с руководством университета.

На самом большом студенческом митинге 7 июня 1968 г. коммунисты совместно со студентами приняли компромиссную Резолюцию, в которой отразились, по мнению ее авторов, основные проблемы хорватского общества: демократизация во всех сферах общественной жизни, реформа управления университета, участие студентов в жизни высшей школы и в политической жизни страны, решение проблемы социальной дифференциации студентов, принятие в высшее учебные заведения большого количества детей крестьян

и рабочих, трудоустройство молодых кадров, обязательное проведение экономической и общественной реформы⁵⁹. Полную солидарность с белградскими студентами выразили факультеты Загребского университета: Философский, Юридический, Прикладной математики, Политических наук.

По аналогии с Белградом хорватские студенты потребовали встречи с представителями власти В. Бакаричем или С. Дабчевич-Кучар, но их в это время не было в Загребе. Тогда на встречу со студентами пошел М. Трипало, секретарь Исполнительного комитета ЦК СКХ. После этой встречи он сделал заявление о том, что студенческие волнения являются показателем кризиса в стране и пообещал оказать им полную поддержку.

Молодое хорватское руководство не хотело, чтобы загребские студенты поддерживали своих товарищей в Белграде. Уже тогда, в 1968 г., было заметно их стремление, с одной стороны, минимизировать студенческое движение в Хорватии, а с другой стороны, направить его в «республиканское», то есть национальное русло. В хорватском студенческом движении отчетливо проявились два течения — «левые» и националисты. Отметим, что подобное деление студенческого движения в Хорватии осуществляется нами впервые, ранее в историографии этот аспект событий в университете не рассматривался.

В то время, как старшее поколение коммунистов во главе с В. Бакаричем формулировало социальные и экономические требования Медицинского факультета, М. Трипало, С. Биелич, М. Веселица и П. Пиркер от лица университетского руководства и городских властей вели переговоры с обществом «Праксис» на Философском и Юридическом факультетах, убеждая студентов, что лозунги «левых» — не для Хорватии. В. Бакарич знал об этих параллельных переговорах и даже приветствовал их, поскольку не хотел, чтобы партия напрямую общалась с представителями «Праксиса». Но, скорее всего, он не предполагал о национальной риторике этих переговоров. С. Дабчевич-Кучар позднее назвала взгляды В. Бакарича слишком оптимистичными, отмечая существенные различия в оценках ситуации⁶⁰.

С. Дабчевич-Кучар в своих воспоминаниях написала: «Мы разговаривали с нашими, прохорватски ориентированными студентами и пришли к выводу, что левые позиции не подходят для Хорва-

тии»⁶¹. В Загребе республиканское руководство пыталось убедить студентов в том, что национальные требования более важны, чем социальные. М. Трипало был еще более категоричен, когда сравнивал студенческое движение, утверждая, что белградские демонстрации проводят экстремистские «левые» силы, частично унитаристски и сталински ориентированные, поэтому в Загребе акценты надо представлять иначе.

Наше мнение о попытке преодолеть разделение студентов подтверждают свидетельства члена университетского комитета Союза студентов Ш. Вранича, который вспоминал, что он и еще несколько студентов решили поехать в Белград и своими глазами увидеть, что там происходит. Сообщениям СМИ и политикам они не верили⁶². В требованиях загребских студентов не было пунктов о защите прав человека, о нарушениях свобод граждан страны, которые звучали в Сербии. Хорватские студенты поддержали требования белградских студентов о ликвидации всех привилегий в стране, сокращении безработицы, повышении квалификации руководства, демократизации СКЮ и общественных организаций, повышении жизненного уровня студентов, участии студентов в управлении университетом.

Митинг в Загребе был проведен в атмосфере аплодисментов, свиста, песен и скандирования «Белград — Загреб». Это было трудно вынести национально ориентированным преподавателям. И именно они попытались направить мысли митингующих в другое русло. Во время выступления, посвященного событиям в Белграде, профессор Юридического факультета Ш. Джодан громко заявил: «Что они делают с шиптарами и венграми!». Большинство присутствовавших не поняли, зачем он это выкрикнул, и с мест начали скандировать «братство-единство». Тогда профессор вышел на трибуну и сказал, что «демонстрация идет рука об руку со сторонниками Ранковича», заметил, что хорваты не могут больше оставаться как «слепые котята», что хорваты в своей истории всегда «подвергались эксплуатации», поэтому сейчас стремятся установить равноправие. Д. Биланджич также внес смятение и раздор в ряды загребских студентов, заявил, что в Белграде акции студентов носят «проранковичевский и прочетнический характер».

Тридцатитрехлетний Марко Веселица, профессор Экономического факультета Университета в Загребе, депутат Общественно-политического веча в Союзной скупщине, член Президиума Союза

студентов Хорватии, член профсоюзного руководства, после этих событий написал статью «Хроника политической битвы», в которой описал, как шла борьба с «ультралевыми экстремистами, где он представил себя и Ш. Джодана как лихих борцов против ультралевых элементов»⁶³. М. Веселица на встрече Университетского комитета Союза студентов и Союза коммунистов призвал хорватских студентов сохранять спокойствие, пообещал студентам Медицинского факультета докторские звания и во многом способствовал тому, чтобы они не вышли на уличные манифестации. Ш. Джодан и М. Веселица также являлись членами Матицы хорватской. У хорватской интеллектуальной и научной элиты, которые они представляли, были другие методы и цели, для которых еще не пришло ни время, ни место.

Мы наблюдаем вмешательство преподавателей и общественных деятелей в действия студентов, попытки озвучить собственные взгляды, привнести в ряды молодежи националистические настроения. М. Веселица позднее вспоминал: «Я участвовал в тех событиях, но думаю, что они были непродуктивными и не получили еще адекватной оценки. Эти события стали отражением процессов, происходящих в Европе. Уже тогда в студенческой среде наметились два направления: европейское — демократическое, характерное для Югославии в целом, и проблемы межнациональных отношений и рыночных отношений, характерные именно для Хорватии. Я выступал против тех событий. В то же время в хорватском обществе и его руководстве начались серьезные изменения, которые несли в себе элемент новизны»⁶⁴.

Деление Загребского университета отразилось и на процессе принятия обращений по поводу событий в Белграде. Часть студентов и преподавателей примкнули к Союзу молодежи Югославии, поддерживающих «левые» силы, в то время как официальная организация Союза коммунистов в университете под руководством М. Веселицы, Ш. Джодана, сформулировала свое обращение по поводу произошедшего в Белграде. В последующие годы это разделение на «левых» и сторонников национальных интересов усилилось. Внутренний раскол определил дальнейшее развитие хорватского «массового движения».

Таким образом, мы видим, что в Загребе студентов удержали от демонстраций, поддержали их требования, но подход отдельных групп коммунистов бы разным. Коммунисты старшего поколения

в лице В. Бакарича, а также Союз молодежи Югославии прислушивались к И. Броз Тито, считая, что студенческие волнения стали результатом колебаний и непоследовательности в осуществлении обещаний VIII съезда СКЮ 1964 г.⁶⁵ Тогда студентам пообещали помогать с трудоустройством и повысить их уровень жизни. М. Трипало, С. Дабчевич-Кучар и их единомышленники, а также партийная организация в университете, многие из которой являлись членами МХ, пользовались национальными лозунгами и считали прогрессивной только ту часть студентов, которая была настроена прохорватски. С. Дабчевич-Кучар призвала «правильно» оценить то прогрессивное недовольство огромной массы студентов, которая показала себя как одна из сил, которая может быть использована в развитии социалистического общества⁶⁶. Эта часть хорватских политиков, на самом деле, думала не о помощи студентам, а о возможности использовать сложившуюся ситуацию в своих интересах.

В Тезисах II Университетской конференции Союза коммунистов в Загребе 9 июня 1968 г. было отмечено, что недовольство всех слоев хорватского общества вызывает недостаточно быстрое и очевидное осуществление общественных и экономических реформ и, в результате, отсутствие ясных перспектив решения многочисленных общественных проблем. Предлагалось расширить возможности Союза коммунистов, больше информировать общество о сути реформ, а также использовать всю силу университета. Планировалось дать больше свободы каждому факультету Загребского университета, проводить постоянные встречи с Союзом коммунистов Хорватии, на которых будут обсуждаться все процессы и события, происходящие в обществе⁶⁷. С одной стороны, СКХ собирался контролировать университет во избежание повторения студенческих беспорядков, с другой, использовать его для поддержки своих идей.

Студенческие волнения в Загребе продолжались с 3 по 10 июня 1968 г. Самыми упрямыми оказались студенты факультетов Философского и Политических наук. Наиболее активные участники волнений были подвергнуты наказаниям. 8 июня с формулировкой «за анархолиберализм» из Союза коммунистов были исключены Г. Петрович, М. Чалдаревич и Ш. Вранич. Однако в хорватском руководстве не было единого мнения в отношении событий в Загребском университете. На состоявшемся 9 июня заседании Президиума СКЮ Д. Радосавлевич обвинил М. Трипало, что он в программе «Диалоги»

по телевидению призывал студентов выйти на улицу. М. Трипало категорически отверг это обвинение, заверяя, что его неправильно поняли, и перевел разговор на вопросы экономического развития. Фраза на самом деле звучала так: «Среди нас много тех, кто говорит, что студентам и рабочим нужно выйти на улицы»⁶⁸. Этот инцидент еще раз подчеркивает отсутствие единства в СКХ уже на этом этапе, а не в 1971 г. как считает Д. Биланджич и многие другие исследователи.

Результатом студенческих волнений в Хорватии стала смена кадров в руководстве университета и в студенческих организациях. Поддержка молодыми лидерами хорватской партии национально настроенной части студентов и преподавателей обусловила и характер этих перемен. К власти пришли люди из числа сторонников защиты хорватских национальных интересов. Необычным в их приходе было то, что эти люди не были предложены СКХ. Они поддерживали планы реформ молодого поколения хорватских политиков, но, вопреки прежней практике, многие из них не были коммунистами.

Первый раз на пост ректора Загребского университета был избран кандидат вопреки воле партийного комитета Союза коммунистов в университете. Им стал Иван Супек, известный в международных кругах ученый и общественный деятель. Как только он вступил в свою должность, то заявил, что причиной студенческих волнений были бюрократические манипуляции и лицемерие в стране, а также «зараза» из Германии, Франции и Чехословакии. Однако мы не согласны с утверждением исследователя Т. Поноша, который назвал приход И. Супека последствием либерализации⁶⁹. Появление в общественной жизни Хорватии таких людей было обусловлено другими факторами, а именно — ростом популярности хорватской национальной идеи, которая благодаря «Декларации», экономическим дискуссиям и студенческим волнениям набирала силу.

И. Супек начал борьбу за автономию университета в соответствии с европейской концепцией развития высшего образования. Автономия была задумана как некое противостояние власти, как самостоятельность, которая должна была касаться, прежде всего, научной деятельности. Университет представлялся новому руководству высшей школы как очаг культуры отдельного народа, как основа нации. Эти планы не понравились представителям старшего поколения коммунистов. Осенью 1969 г. в Хорватском Народном театре проходили праздничные мероприятия по случаю 300-летия университета.

И Супек выступил с докладом по истории, в которой затронул проблемы Хорватии и перспективы развития высшей школы. Присутствовавшему в театре И. Броз Тито, по словам его секретаря Й. Смоле, речь ректора показалась до такой степени вызывающей, что он еле сдержался, чтобы не устроить скандал⁷⁰.

В период пребывания И. Супека на посту ректора, в университете упрочили свои позиции националистические круги, заявив о себе как о самостоятельном направлении, которое ничего общего не имело с так называемыми «шестидесятниками», участниками событий 1968 г. Усилился этот процесс с приходом в университетскую жизнь Дражена Будиши. Родился он в 1948 г. в Дрнише, окончил в 1967 г. гимназию в Сплите. В этом же году поступил на Философский факультет Загребского университета, кафедру философии и социологии. Представитель послевоенного поколения, Д. Будиша впервые на политической сцене проявил себя в процессе исключения Ф. Туджмана из партии. Также он активно выступал в защиту «Декларации», называя ее издание «храбрым поступком», критиковал И. Броз Тито за неправильную социальную политику. В конце 1960-х гг. он открыто поддерживал как националистов, так и «левых». Им совместно с А. Параджиком, Ю. Буричем, Я. Шупе, Г. Додигом была сформирована оппозиционная молодежная группа в студенческом доме имени Нины Маракович. Д. Будиша вспоминал: «Мы разошлись с этим поколением «шестидесятников» в разные стороны. Они не видели проблем Хорватии и не говорили о них. Я же был национально ориентирован, и для меня было совершенно неприемлемо, что они игнорировали эти вопросы. Мы ходили по студенческим общежитиям и факультетам и поднимали, прежде всего, национальный вопрос»⁷¹.

1969 г. для хорватского «массового движения» стал определенным рубежом. Это связано с тем, что именно в этот год произошла смена партийного руководства, и к власти пришли новые партийные кадры. Они были переполнены идеями, искренне верили в то, что власть существует для народа. В свою очередь, народ должен верить в нее, доносить свои чаяния до руководства через средства массовой информации, на общественных мероприятиях. И. Броз Тито были симпатичны молодые люди, энергичные, уверенные в себе партийные лидеры, способные, по его мнению, осуществить задуманные реформы в стране. Рядовые граждане также с воодушевлением

и надеждой смотрели на новых руководителей, связывая с ними надежды на перемены к лучшему.

М. Трипало позднее вспоминал: «Это определенно было явление, которое зародилось после долгого бюрократического безразличия. Оно стало причиной пробуждения масс, которые захотели участвовать не только в проведении, но и в осуществлении политики»⁷². Новые первые лица республики стали очень популярными. М. Врхунец, шесть лет проработавший у И. Броз Тито, отмечал, что популярность хорватских политиков в республике превосходила популярность самого главы государства. Во время массовых мероприятий присутствовавшие скандировали вместе с «Тито» имена С. Дабчевич-Кучар и М. Трипало. Они становились не только партийными, но и национальными лидерами.

Все проблемы в республике, в том числе и межнациональные, по мнению М. Трипало и его единомышленников, имели экономическую основу. Исходя из этого, следовало решать, прежде всего, экономические вопросы. Остальные же должны были разрешиться сами собой в результате грядущей стабильности и процветания, если реформы принесут позитивные результаты. Как мы помним, экономические инициативы молодых хорватских лидеров не получили поддержки в других республиках. В 1968 г. заняв ключевые посты в хорватской партии и в руководстве республики, хорватские коммунисты начали выступать от имени народа.

Царившие в обществе настроения, в свою очередь, формировались не без помощи деятелей МХ. Пользуясь сложившимися условиями, Матица хорватская стала активно расширять свою издательскую деятельность. Журналы и газеты, которые она выпускала, наполнялись больше политическим, чем культурным содержанием. Организация сменила тактику. Помня опыт «Декларации», она перешла к ежедневным комментариям по поводу событий в республике, критике ее экономического развития, сравнениям с прошлым, скептическим замечаниям по поводу перспектив. И в этом во многом подражала хорватским коммунистам, которые на протяжении 1968 г. критиковали союзные власти. Тем самым создавалось ощущение сплоченности и совместной борьбы за общие цели. По данным Д. Биланджича, поддержка политических союзников хорошо оплачивалась. На встрече с делегацией МХ в апреле 1969 г. М. Трипало пообещал Матице помощь в размере 300 миллионов динаров. А те,

в свою очередь, напомнили, что оказали огромную услугу хорватско-му руководству тем, что опубликовали «Декларацию»⁷³.

Если в период с 20 мая 1966 по 31 марта 1968 г. Матица хорватская издавала 9 журналов, то к осени 1971 г. их число возросло до 25. Эти издания носили не только литературный или культурно-исторический характер. Во всех номерах можно выделить и политические темы: решение национального вопроса в республике, создание национального государства, создание национальной армии, идея национальной культуры, реформа начальной школы, нетерпимость в отношении к другим народам Югославии, особенно к сербам, проживающим в Хорватии (вопросы соотношения сербов и хорватов в органах власти, разделение по национальному признаку в образовательных учреждениях, проблема смешанных браков).

В начале мая 1965 г. по инициативе писателей З. Томича, Б. Никпаля, М. Машича было образовано литературное общество. В конце 1967 г. эта группа вместе с Обществом рабочих писателей в Загребе основали Общество независимых писателей «ТИН». В апреле 1968 г. вышел первый номер газеты «Хрватски книжевни лист» как ежемесячное издание этого общества. После того, как газета была запрещена, МХ создала еще одну с тем же названием, которая выходила с 16 апреля 1970 г. и была запрещена в декабре 1971 г.

Перечислим периодические издания Матицы хорватской. Самой крупной по тиражу (100 000 экземпляров) и самой скандальной по содержанию была газета «Хрватски тьедник». Ее издатели уверяли, что речь идет об издании, посвященном вопросам культуры и общества. Матица хорватская издавала ряд журналов, в которых в рассматриваемый период также преобладала политическая тематика. Журнал «Критика» (главный редактор В. Павлетич) был основан Обществом писателей Хорватии и издательством МХ. Журнал сначала заявил о широкой программе в области литературной критики на высоком научном уровне. Однако на его страницах этой теме уделялось мало места. Авторы журнала доказывали угрозу хорватскому языку, опасность от унитаристской блокады Хорватии, представляли данные экономических показателей, которые, по их мнению, служили самым веским доказательством унижения и ограничения Хорватии. На страницах «Критики» отстаивался тезис о том, что хуже положения Хорватии, чем в социалистической Югославии, не было даже в Австро-Венгрии.

Не менее известным изданием МХ, наследовавшим культурные и литературные традиции, был журнал «Коло». На рубеже 1960–70-х гг. и в нем стали преобладать статьи националистического содержания. С журналом в этот период сотрудничали преимущественно такие авторы, как Ш. Джодан, Ф. Туджман, П. Шегедин, З. Комарица, В. Павлетич и Х. Шошич. Именно «Коло» первым опубликовал взгляды экономиста Ш. Джодана на федерацию и национальную экономику. Так, он считал, что Хорватия имеет огромный потенциал и может развиваться быстрее, но при условии, что будет свободной и самостоятельной в рамках конфедерации в составе Югославии или какой-то другой европейской конфедерации, и, возможно, достигнет самостоятельности как Швейцария⁷⁴. В ответ на подобные статьи читатели журнала спрашивали, почему все банки находятся в Белграде, и почему это дает Белграду исключительную монопольную позицию и финансовую силу? В одном из писем читателя читаем: «Белград живет за счет рабочего класса всей СФРЮ, и в первую очередь хорватского, чья экономика самая сильная. Этот вопрос очень важен. Никто кроме народа Хорватии не может распоряжаться средствами, которые зарабатывает республика»⁷⁵.

Кроме этого, на страницах журнала началось обсуждение того, какая форма государственного устройства подходит для Югославии — федерация и конфедерация или еще какой-либо вид содружества. После статей в «Коло» Д. Драгославац, заместитель секретаря Исполнительного комитета ЦК СКХ, сторонник В. Бакарича, потребовал ареста Ш. Джодана за подобные публикации, но М. Трипало, П. Пиркер и Д. Биланджич настояли на том, чтобы написать на статьи критические рецензии. В полемику с Ш. Джоданом вступили экономисты С. Шувар и Б. Хорват. Однако они опубликовали свои отзывы в газете «Виесник», которая их оппоненту не дала возможности ответить в том же издании. Интересно, что никто из других республик в эту полемику не вступил.

Слово в периодических изданиях дали эмигрантам, чьи позиции раньше считались враждебными. Профессора М. Мештровича, сын покойного И. Мештровича, знаменитого хорватского скульптора и художника, эмигрировавшего в Америку, очень активно публиковала газета «Хрватски глас» с 1969 г. Именно он поднял в прессе вопрос о количественном соотношении сербов и хорватов в армии, на государственной службе, во властных структурах. В частности, он

утверждал, что во время Второй мировой войны в коммунистической партии было большинство хорватов, и только после окончания войны их «вытеснили сербские оппортунисты, карьеристы», не имеющие ничего общего с идеологией марксизма». В послевоенные годы, считал он, такой же процесс проходил в рядах хорватской армии и милиции. М Мештрович привел цифры по составу аппарата федерации, утверждая, что сербов там 80 %, а хорватов — только 5 %⁷⁶.

Причиной всех проблем СФРЮ он считал нерешенность национального вопроса в Хорватии: «...Белград не может урегулировать постоянный государственный кризис. Он идет на уступки словенцам, албанцам или македонцам за счет хорватов... Развитие национальной самобытности у любого народа требует создания национального государства. Это происходит и в случае с хорватским народом... Хорват — это не какое-то племя или «полународ». Это народ в полном смысле слова, который обладает языком и культурой»⁷⁷. М. Мештрович использовал такие понятия как: проблема хорватского суверенитета на хорватском государственном пространстве, проблема экономического расцвета одних за счет других. Многие из этих рассуждений поддерживались и развивались многими хорватскими общественными деятелями.

Не менее популярной стала в это время газета «Хрватски гласник», издание Общества экономистов Загреба, которая выходила с мая 1971 г. Основали ее В. Веселица и А. Глибот. На ее страницах экономисты из числа членов МХ доказывали, какие перспективы могут открыться перед Хорватией, если она перестанет вкладывать финансовые средства в развитие других республик Югославии.

Журнал «Дубровник» издавался местной ячейкой МХ. В нем публиковались подробности о деятельности организации в данном регионе. В 1971 г. вышли три номера, посвященные мероприятию под названием «Конгресс хорватской культуры». Около двадцати авторов на 113 страницах представили темы, ставшие идеологической основой хорватского «массового движения». О культуре здесь говорилось мало, в основном речь шла о месте Хорватии в Югославии. Также в «Дубровнике» постоянно публиковались материалы об «эксплуатации республики со стороны федерального центра», о том, как хорваты «унижены» в СФРЮ: «Наша республика ничья,.... хорват сравнивается с усташем..., а наша нация объявлена криминальной.

Братства нет, если нет брата. Нужно привыкнуть к каторге, к войне, к смерти... и к битвам за Хорватию»⁷⁸. Все эти утверждения перекликались с заявлениями молодых хорватских коммунистов.

Исследователь этого периода П. Рамет, анализируя периодические издания Хорватии, пришел к заключению, что 1960-е гг. стали временем наибольшей свободы прессы, что еще никогда СМИ в СФРЮ не были так независимы в своих оценках⁷⁹. Специально подобранными материалами хорватское общество убеждали в том, что оно несправедливо унижено, что необходимы изменения в сторону большей самостоятельности, что нынешнее хорватское партийное руководство и поддерживающая его МХ — именно те силы, которые способны изменить существующее положение вещей.

Хотя в целом, позиция нового руководства республики и МХ встречала поддержку у широких масс, были и те, кто видели в этих явлениях признаки национализма, республиканского сепаратизма и даже оппозиционности. Среди них — М. Жанко, свято веривший в идеи братства и единства, интернационализма, партийной дисциплины, социалистических идеалов. Именно он обратил внимание на то, что никаких мер по борьбе с национализмом за два года принято не было. Мартовские и апрельские решения Исполнительного комитета ЦК СКХ и VII пленум ЦК СКХ 1967 г. остались на бумаге. Ни радио, ни телевидение, ни газета «Виесник», самое крупное издательство в республике, не перестали давать возможность националистам выступать публично и пропагандировать свои идеи.

В феврале 1969 г. в газете «Борба» М. Жанко опубликовал подробное описание оппозиционных сил в республике в статье «О газете, которая ни хорватская, ни литературная». По его мнению, националистическая деятельность в Хорватии началась пару лет назад с создания Общества независимых писателей «ТИН». Эта организация начала издавать «Хрватски литературни лист», тираж которого составлял 30 000 экземпляров, в то время как тираж республиканского выпуска «Борба» был 23 000 экземпляров, а «Виесник» — 90 000.⁸⁰ В статье перечислялись действия «ТИН»: издание словаря различий хорватского и сербского языков, обсуждение вопроса «исторических территорий» и претензии хорватов на территории БиГ, описание тяжелого положения хорватов в Воеводине, призыв молодежи вступать в организованные Союзы католической молодежи. М. Жанко писал также, что «Хрватски литературни лист» опасен для хорватского

народа, так как нетерпим к федерации, выискивает негативные моменты жизни.... Кроме того, он связан с эмигрантами в США, Австралии и Западной Европе. Никто еще не осмеливался на страницах центральной газеты выступить с такой откровенной и разоблачительной критикой проявлений национализма в Хорватии.

Эта статья вызвала большой интерес у читателей. Одни благодарили автора и разделяли его обеспокоенность ситуацией в республике, другие, наоборот, не понимали причин, по которым он «набросился» на всеми уважаемое периодическое издание. Газета «Борба» опубликовала письмо своего читателя, члена ЦК, инвалида войны из Загреба, в котором он выразил обеспокоенность ситуацией, сложившейся в Хорватии после прочтения статей М. Жанко: «...Этот «Хрватски литературни лист» объявил о провозглашении некоего нового хорватского государства. Кто в этом виноват? Перед нами настоящий национализм и шовинизм. Кому за это отвечать? Я требую принять энергичные меры, чтобы остановить подобные настроения. Мне кажется, что оппортунизм захватил наше руководство, и большая его часть заботится только о своих частных интересах. Необходимо прислушаться к народу. Я боюсь, что такая позиция властей будет иметь для всех нас серьезные последствия»⁸¹. Ветераны войны разделяли опасения М. Жанко, так как не понаслышке знали о последствиях межнациональной розни на территории Хорватии.

Сразу после публикации статьи, М. Жанко пригласил к себе И. Броз Тито. Разговор длился почти пять часов. Глава государства попросил проинформировать его подробно о проявлениях национализма, о материалах, не вошедших в статью. Речь шла и о негативной реакции части хорватского руководства на реформы. И это очень важный момент, который объясняет дальнейшую позицию главы государства. Национализм, конечно, был опасен, но статьи М. Жанко не просто разоблачали его сторонников, они углубляли конфликт представителей старшего и молодого поколения в хорватском руководстве и партии, начавшийся еще в 1967 г. М. Жанко поддержали члены Исполнительного комитета ЦК СКХ Ю. Ивезич, М. Груич, Б. Бакрач, М. Планинц и другие. У них появился серьезный повод говорить о несостоятельности реформаторского крыла хорватского руководства и потребовать его отставки, а это нарушило бы единство СКЮ, и тем самым могло помешать наметившимся в стране переменам. Во время беседы И. Броз Тито не высказал своего мнения

по поводу полученной информации. Стенограммы этой встречи не велось. Позднее о ней рассказал сам М. Жанко на страницах «Борьбы».

Выражая свое мнение на страницах белградских газет, встречаясь с высшим руководством страны и критикуя хорватский национализм, М. Жанко нажил себе серьезных врагов в руководстве Хорватии. По словам историка Д. Биланджича, в феврале 1969 г. на III заседании ЦК СКХ хорватское руководство приняло решение ответить на критику национализма со стороны М. Жанко, противопоставив ей критику унитаризма. Тогда же М. Трипало заявил: «Жанко надо политически уничтожить. Я ему на выборах противопоставлю свою кандидатуру. Я заиграю в хорватскую пастушью свирель и смогу победить его»⁸². Эта тактика принесла результаты. На IX съезде СКЮ (11–15 марта 1969 г.), посвященном реорганизации Союза коммунистов, И. Броз Тито отметил решительность и инициативность партийной молодежи: «Я все больше убеждаюсь, что в существующем составе нам проблемы общества не решить. Нужно создать монолитное руководство. Чем больше будет самостоятельность республик, тем больше нам нужно единство СКЮ. Я готов идти дальше с теми, кто, как и я готовы решать вопросы оперативно. Наша задача провести оздоровление нашего руководства, а затем приступить к оздоровлению экономики»⁸³. Активные и энергичные молодые хорватские политики, выступавшие за реформы, постоянно поднимавшие вопросы экономического развития как раз и отвечали новым требованиям. Критика со стороны М. Жанко нарушала то единство, к которому стремился И. Броз Тито, ставила под сомнение авторитет республиканского руководства.

На IX съезде СКЮ (1969 г.) у М. Жанко нашлось много сторонников. Присутствующие официально выразили ему благодарность за принципиальную позицию. Статьи М. Жанко снова привлекли внимание к Хорватии. Особенно та их часть, где М. Жанко призывал руководство «перейти от слов к делу» и, наконец, осуществить задачи, поставленные съездом СКЮ в марте 1967 г.: бороться против проявлений национализма, изоляционизма и сепаратизма. Несмотря на то, что на съезде прозвучал анализ деятельности националистических сил в Хорватии, вмешательства националистов из-за границы, хорватское руководство понимало ситуацию по-своему. Молодые партийные лидеры уверяли, что имеют широкую поддержку народа,

что призваны думать и заботиться о нем, отстаивать свободу слова и самовыражения.

В мае 1969 г. на III пленуме ЦК СКЮ представители сербской и македонской партийных организаций раскритиковали хорватское руководство за национализм и «экономический провинциализм». В ответ на критику С. Дабчевич-Кучар и М. Трипало придумали тезис о «политизации масс», под которым подразумевали поддержку гражданами проводимой в Хорватии политики и их готовность участвовать в процессе перемен⁸⁴. После того, как В. Бакарнич и его сторонники поставили под сомнение этот тезис, молодые политики заговорить о существовании в Хорватии «массового движения». С. Дабчевич-Кучар называла главным героем движения народ, который способствовал разрушению устаревших стереотипов и создавал условия для свободы. Себя же она называла «инструментом той народной энергии, без которой они ничего не смогли бы сделать»⁸⁵.

Чтобы продемонстрировать массовость движения и участия в нем народа, хорватские коммунисты решили в мае — июне 1969 г. провести ряд встреч с представителями науки, культуры и образования. На этих заседаниях поднимались разные вопросы, такие как: межнациональные отношения, экономическое развитие, роль и задачи руководства. Однако критика была скорее осторожная, а среди причин недостатков чаще звучал унитаризм. Так, на заседании ЦК СКХ в мае главный идеолог МХ М. Веселица констатировал, что республиканское руководство мало занимается национальными проблемами. Среди главных врагов он чаще всего называл унитаристов. По его мнению, помочь в разрешении многих проблем республики может Матица хорватская⁸⁶.

М. Веселица призвал интеллигенцию проявлять больше активности в жизни республики. На одной из встреч в ЦК СКХ (17 июня 1969 г.) он отметил, что партия наивно подходит к экономическим вопросам, в то время как МХ смогла бы более эффективно их решать, более успешно вести «теоретические битвы» на уровне федерации. То есть, Матица хорватская, фактически раскритиковав хорватское руководство, предложила ему свою помощь, претендуя на более значительную роль в политической жизни Хорватии. Ставка была сделана на ключевые вопросы — национальный и экономический. В таких дискуссиях отношения между сербами и хорватами не затрагивались, но подразумевалось, что централизм связан с Белградом,

и бюрократия в Хорватии — сербская, поэтому с ней надо бороться⁸⁷. А опираться надо, по мнению М. Веселицы, на новые интеллектуальные силы послевоенного поколения, которое поддерживает руководство СКХ.

Подобные встречи давали молодым хорватским коммунистам уверенность в правильности своих действий. Поэтому они предлагали говорить не о национализме, а о росте национального самосознания и призывали даже к сотрудничеству с хорватской эмиграцией, которая «дистанцировалась от экстремистских групп, мечтающих о Югославии без коммунистов»⁸⁸.

Летом 1969 г. И. Броз Тито совершил поездку по Далмации. Везде его сопровождали представители нового хорватского руководства С. Дабчевич-Кучар, П. Пиркер, Д. Харамия, Я. Блажевич и другие. В ходе встреч глава государства выражал поддержку выступлениям молодых политиков, на которых они поднимали вопросы экономического развития. После этого в партийных кругах заговорили о том, что И. Броз Тито находится под влиянием хорватского руководства. Председатель Вече народов М. Шпиляк утверждал, что группа коммунистов во главе с М. Тодоровичем готовила отставку молодых хорватских лидеров, но сделать это было непросто, так как их поддерживали В. Бакарич, Я. Блажевич и сам И. Броз Тито⁸⁹.

М. Жанко все еще пытался предупредить о растущих негативных явлениях в республике. Он писал и звонил С. Дабчевич-Кучар, М. Трипало, добивался встречи с В. Бакаричем. В хорватских изданиях ему опубликоваться не удавалось. «Виесник», к которому он обратился с просьбой разместить статью, вернул ее автору. Опубликовать материал под названием «У этой (националистической) глупости есть система» (О националистической платформе и деятельности Матицы Хорватской, ее периодике «Коло», «Критика», «Дубровник») удалось только в «Борбе» в ноябре 1969 г., прежде всего, потому, что М. Жанко был председателем Совета этой газеты. К тому же это издание являлось общесоюзным официальным органом Социалистического союза трудового народа Югославии. Именно в рамках этой организации предполагалось обсуждать важные общественные и политические проблемы. Но в последние годы у редакции «Борбы» были сложные отношения с руководством Хорватии, Словении и Македонии, которые обвиняли газету в интригах и предвзятости, а также искажении информации. Выход статей М. Жанко стал еще

одним поводом для критики этого периодического издания. Так, уже в апреле 1968 г. после первой статьи М. Жанко на 53 заседании Исполнительного комитета ЦК СК Словении при оценке политической ситуации в стране по статьям в «Борбе» было отмечено искажение фактов и создание негативного представления о республике. ЦК СК Словении потребовал отставки главного редактора газеты в Словении⁹⁰.

В упомянутой статье М. Жанко «У этой (националистической) глупости есть система» содержались упреки в адрес руководства Хорватии в бездействии по отношению к националистическим проявлениям, призыв перейти от слов к более детальному анализу национализма. М. Жанко указывал на то, что националисты уже проникли в государственные структуры и на предприятия, что они хорошо организованы. Он полемизировал с Ш. Джоданом и В. Готовцем, а также с другими постоянными авторами МХ, отмечая националистический характер их заявлений.

Материалы газеты «Хрватски литературни лист» вызвали беспокойство в БиГ. На заседании Конференции ЦК БиГ в ноябре 1969 г. Б. Микулич, член Исполнительного комитета ЦК СК БиГ, раскритиковал статью З. Томича «Хорватская Босния» о хорватских мусульманах. Все это напомнило ему попытки усташей в годы Второй мировой войны доказать принадлежность боснийских мусульман к хорватскому народу. Недовольство руководителей БиГ вызвала также активизация деятельности МХ на территории их республики. Открытие новых представительств этой организации, основание обществ друзей Хорватии Б. Микулич назвал попыткой разобщить народы БиГ⁹¹. На состоявшемся сразу за этой Конференцией заседании ЦК СКХ также обсуждалась обеспокоенность ростом национализма. Представитель Далмации В. Ковачевич предложил обсудить статьи М. Жанко. Однако заседание свелось к общим рассуждениям о самоуправлении.

Обеспокоенность положением в Хорватии росло как внутри республики, так и по стране в целом. В своих воспоминаниях С. Дабчевич-Кучар так описала осень 1969 г.: «Мы ощущаем себя в изоляции внутри Югославии. Нас не поддерживают ни Словения, ни Македония. Мы стараемся изменить эту ситуацию. Часть словенского руководства во главе с Э. Карделем обвиняют нас в авангардизме и лидерстве. Македония не хочет поддерживать Хорватию, так как получает

именно от нас основную часть финансовых средств, а мы против финансирования других республик. Сербское политическое руководство в большинстве своем нас поддерживает, но против СКХ Матица сербская и Общество сербских писателей. Д. Чосич выступает с четнических позиций и ему рукоплещут. Общее их отношение является антихорватским. И. Броз Тито все чаще критикует национализм»⁹².

Содержание последней статьи М. Жанко С. Дабчевич-Кучар и ее единомышленники расценили, как попытку окончательно дискредитировать СКХ. Весь декабрь 1969 г. в республике проходили закрытые заседания ЦК СКХ, на которых обсуждалась «неправильная» позиция М. Жанко. Его пытались успокоить заверениями о том, что идет обсуждение проблем национализма, проводятся консультации с другими республиками. Но проблема достаточно серьезная и требует времени, при этом деятельность ЦК СКХ в этом направлении более чем активна. Эти доводы казались М. Жанко неубедительными, он хотел видеть конкретные действия. Не слушая просьб руководства Хорватии больше не делать громких заявлений, тем более через «Борбу», М. Жанко вступил в ожесточенную полемику с руководством Матицы хорватской и хорватскими эмигрантами, в частности И. Мештровичем. Он обвинял их в национализме и стремлении разрушить Югославию, а они, в свою очередь, обвиняли его в унитаризме и ложных обвинениях.

Зная негативное отношение югославской общественности к унитаризму и централизму, хорватские лидеры постарались сформировать образ М. Жанко как убежденного унитариста и централиста. М. Трипало писал свое мнение о М. Жанко: «Если бы я жил в Сербии, то после его статей подумал бы, что в Хорватии у власти усташа. Он взял и переписал публикации Матицы хорватской и взгляды усташеской и мачековской эмиграции. Это плевок в лицо руководству, ЦК СКХ и всему хорватскому народу»⁹³. В средствах массовой информации была осуществлена пропагандистская компания против М. Жанко. Особенно активно в этом направлении действовали периодические издания МХ, на страницах которых с осуждением М. Жанко выступили деятели науки, культуры и образования. Постепенно отношение к работам М. Жанко менялось. Уже 12 декабря 1969 г. на 26 заседании Исполнительного бюро Президиума СКЮ К. Црвенковски заявил, что не знает ни одного человека, кто бы одобрил статьи М. Жанко⁹⁴.

13 декабря на заседании Республиканского политического актива хорватское руководство признало, что в Хорватии существует проблема национализма, но в отличие от М. Жанко, придерживалось мнения, что он не настолько организован, как описывается в статье, и в данный момент не имеет тенденции к росту. В заключительном слове В. Бакарич констатировал: «Я глубоко уверен, что Жанко не понимал, о чем писал. Однако, что написано, то написано. Его публикации привели к определенным последствиям. Каждый должен быть готов нести ответственность за свои действия. Жанко имеет право критиковать руководство своей республики, где хочет, как хочет. Мы не можем ему этого запретить. Но только если его критика не противоречит Конституции. Дело в том, что его выступления вызвали другие проблемы, прежде всего, в области межнациональных отношений»⁹⁵.

Хорватским коммунистам удалось убедить и И. Броз Тито в том, что статьи М. Жанко были направлены именно против хорватского руководства. 19 декабря на встрече с Исполнительным комитетом и председателями комиссии ЦК СКХ глава государства заявил: «Никто не смеет вас критиковать. Данные Жанко беспочвенны. Я считаю, что вы хорошо работаете и не должны отвечать за проявления национализма и шовинизма, с которыми успешно боритесь, насколько мне известно»⁹⁶. Поддержка И. Броз Тито подтолкнула часть хорватского руководства, занимавшего до этого нейтральную позицию, перейти на сторону С. Дабчевич-Кучар и М. Трипало.

Накануне X пленума ЦК СКХ (8 января 1970 г.) партийное руководство в составе С. Дабчевич-Кучар, В. Бакарича, П. Пиркера, Д. Харамии и Я. Блажевича пригласило М. Жанко на разговор. Это была попытка выяснить позиции в узком партийном кругу. С. Дабчевич-Кучар оценила статьи М. Жанко как «нападение» на руководство, на курс СКХ. По ее мнению, из статей напрашивался вывод, что ЦК СКХ ни на что не способен и сам является националистическим⁹⁷.

Далее С. Дабчевич — Кучар отметила, что унитаристы приняли статьи М. Жанко и активно используют их против хорватского руководства. Она считала, что «унитаризм пагубен для Югославии, поскольку разрушает сотрудничество народов на основе равноправия, не признает их национальных прав. Именно унитаризм порождает сепаратизм и реакционный шовинизм, с которыми трудно

бороться⁹⁸. Усугубляло ситуацию, по ее мнению, высокое положение автора статей, то, что он являлся представителем Хорватии в Союзной скупщине, да еще и опубликовал свои статьи в газете «Борба», которая «была известна своими интригами». Она обвинила М. Жанко в том, что он вводит в заблуждение людей и способствует росту недоверия между сербами и хорватами. В. Бакарич и С. Дабчевич-Кучар утверждали на встрече, что национализм в Хорватии пошел на спад, что автор статей ошибся в своих прогнозах. На это М. Жанко ответил: «Я остаюсь на принципиальных позициях. Я всегда защищал свои идеалы»⁹⁹. Если бы подобные статьи написал человек другой национальности, то они вряд ли бы вызвали такую бурную реакцию, и, скорее всего, шум вокруг них быстро стих, а автора бы обвинили в мнительности и предвзятости. Но заявление хорвата, который как никто другой считался информированным о ситуации в республике и представлял ее интересы в Союзной скупщине, расценивалось очень серьезно. Хорватское руководство это понимало.

Примечательно, что хорватские лидеры старались на этой встрече избегать разговора о сути статей, обсуждали только последствия. С. Дабчевич-Кучар заявила, что статьи вызвали крупные политические проблемы, которые она уже месяц пытается урегулировать. На возражение М. Жанко, что критика национализма не может быть источником проблем, П. Пиркер уточнил, что речь идет не о национализме, а об отношении к ЦК СКХ. Критику в свой адрес молодые политики, прежде всего, воспринимали как угрозу своему положению на высоких постах. Пытаясь ответить на обвинения в свой адрес, М. Жанко сказал: «У меня нет никаких реакционно-унитаристских взглядов. Я говорю о слабости коммунистов в борьбе с националистическими проявлениями. Во всех республиках есть национализм»¹⁰⁰. Самой непримиримой была позиция Я. Блажевича. Он раздраженно обрывал М. Жанко: «Ты разговариваешь с нами, как с детьми, как будто мы только вчера вступили в партию. А ведь ты должен знать, как партиец, что значит порядок»¹⁰¹. На предложение подать в отставку, М. Жанко ответил отказом. Молодых хорватских политиков не устраивал представитель республики в Союзной скупщине, отстаивавший идеи югославского единства, не понимающий новых политических тенденций в Хорватии.

* * *

Таким образом, рассмотренный нами этап (1968–1969 гг.) развития хорватского «массового движения» характеризуется приходом в руководство СКХ молодых партийных лидеров, которые принесли с собой новые идеи и свои представления о будущем Хорватии. Еще во время обсуждения «Декларации» они продемонстрировали свои симпатии чаяниям хорватской интеллигенции, выступившей в защиту хорватской национальной самобытности, культурных традиций и права хорватского народа на свой литературный язык.

Придя к власти в республике, молодые коммунисты выступили с серьезными экономическими инициативами, направленными на достижение Хорватией большей экономической самостоятельности. Среди них: реформирование банковской системы, децентрализацию валютных фондов, передача экономической власти рабочим организациям, общинам и республикам. Они также подняли вопрос о «чистых доходах», то есть стремление самим распоряжаться доходами республики. Эти планы хорватского руководства привели к конфликту Хорватии с союзными органами и вызвали непонимание у остальных югославских республик. Чтобы не лишиться своих высоких постов хорватские коммунисты демонстрировали стремление власти быть ближе к народу, служить его интересам. За экономическими требованиями последовали политические претензии Хорватии к федерации. В своем стремлении к большей самостоятельности хорватские коммунисты апеллировали к историческим правам хорватского народа, что привело к обострению в республике межнациональных противоречий и росту националистических проявлений.

Новые тенденции в политической жизни Хорватии нашли понимание и поддержку у деятелей Матицы хорватской, которые стремились усилить роль своей организации в политической жизни республики. В 1968–1969 гг. Матица серьезно расширила издательскую деятельность и через периодические издания осуществляла планомерную пропаганду своих идей. На страницах газет и журналов МХ поднимались такие темы, как: национальный вопрос, варианты создания национального государства, формирование национальной армии, реформа начальной школы, разделение учащихся по национальному признаку, развитие национальной культуры, проблема смешанных браков, экономическое угнетение Хорватии в Югославии. В средствах массовой информации МХ открыто пропагандировала

национальную нетерпимость хорватов к другим народам Югославии и, прежде всего, к сербам. Власти Хорватии не только не принимали мер против подобных шагов, но и поощряли их, оказывая МХ финансовую помощь. Та, в свою очередь, в рамках научных и общественных форумов поддерживала политику молодых хорватских лидеров и выступала с критикой их противников. В рассматриваемый период мы можем говорить о том, что часть СКХ и МХ по ряду вопросов становятся союзниками.

На данном этапе происходит становление «массового движения» в университетской среде. В 1968 г. под влиянием идей мирового студенческого движения в Белграде произошли волнения в университете. Их поддержали студенты и преподаватели Загребского университета. Во время студенческих выступлений в Хорватии, отмечено стремление части руководства СКХ и МХ привлечь студентов и преподавателей к хорватскому «массовому движению», разделив университет на тех, кто поддерживал требования белградских студентов, и тех, кто отстаивал исключительно национальные хорватские интересы. В результате кадровых перестановок в руководство университета пришли сторонники новых хорватских лидеров.

На фоне событий в Загребском университете в 1968 г. стали отчетливо видны расхождения во взглядах на будущее республики молодых хорватских лидеров и старших товарищей по партии. В. Бакарич и его единомышленники действовали в рамках традиционных иерархических отношений в партии, последовательно осуществляя решения руководства СКЮ. С. Дабчевич-Кучар, М. Трипало, П. Пиркер и другие молодые коммунисты тяготели к большей самостоятельности и более решительной политической деятельности. Углублению разногласий в СКХ также способствовали статьи, критиковавшие националистические тенденции в партии М. Жанко и несклонность молодых лидеров к компромиссам. И. Броз Тито встал на сторону хорватских лидеров, испытывая симпатию к их решительности и целеустремленности, связывая с ними надежды при проведении серьезного реформирования страны.

На этом этапе развития хорватского «массового движения» мы отмечаем складывание трех его составляющих сил — Матицы хорватской, СКХ и университета. Они оказывали друг другу поддержку и одновременно, каждый на своем уровне, поставили вопрос о месте Хорватии в Федерации.

§3. X пленум СКХ и новый курс Хорватии в 1970 г.

1970 г. стал еще одним важным этапом в развитии хорватского «массового движения». Именно в это время были сформулированы его цели и задачи, окончательно определился круг его участников. Движение в Хорватии ступает в новую фазу, характеризующуюся переходом от обсуждений и критики существующей системы к составлению программ по ее изменению, формулированию целей и задач.

Центральным событием этого этапа стал X пленум ЦК СКХ, состоявшийся в Загребе 15–17 января 1970 г. В его работе приняли участие около 60 членов ЦК СКХ. Непосредственной подготовкой и проведением пленума занимались С. Дабчевич-Кучар и В. Бакарич. Следует отметить, что планы у инициаторов были разные. В. Бакарич хотел, прежде всего, обсудить позицию партии по национальному вопросу, затронуть проблему хорватского шовинизма. С. Дабчевич-Кучар, в свою очередь, не собиралась дискутировать по вопросам общего характера, больше всего ее интересовала тема места Хорватии в Югославии. X пленум ЦК СКХ предоставил возможность хорватскому руководству положить конец критике национализма в Хорватии, вызванной статьями М. Жанко.

Молодые хорватские коммунисты предложили обсудить действия М. Жанко перед всей общественностью. В. Бакарич воспринял эту идею холодно, так как не верил в эффективность подобных инициатив. Будучи опытным политиком, из числа старой коммунистической гвардии, он был против шагов без согласования с Белградом. Являясь третьим человеком в государстве, В. Бакарич все свои действия обсуждал с И. Броз Тито. Вероятно, поделился он с ним своими сомнениями и накануне пленума. Будучи информированным, И. Броз Тито незадолго до пленума при встрече с С. Дабчевич-Кучар, сразу выразил ей свою обеспокоенность по поводу стабильности в хорватском руководстве и проводимой в республике политики. На это она ответила быстро и уверенно: «У нас твердые позиции в партии и в народе. Наша стабильность не должна вас беспокоить»¹⁰². Пользуясь моментом, она изложила главе государства свое видение статей М. Жанко. С. Дабчевич-Кучар убедила И. Броз Тито в том, что основная цель скандальных статей состояла в стремлении дискредитировать хорватское руководство, поставить под сомнение его стремление к переменам, к серьезному реформированию общественной и политической жизни.

Хорватское руководство на всем протяжении пленума успешно инсценировало поддержку хода и решений X пленума со стороны И. Броз Тито. С этой целью в первый день была зачитана речь главы государства, которую он произнес на встрече с Исполнительным комитетом ЦК СКХ и председателями комиссий 19 декабря 1969 г. В ней в частности говорилось: «Я вижу, что Хорватия идет путем реформ. Это правильно. Следует действовать энергичнее, вовлекать в жизнь страны граждан. Я согласен, что М. Жанко не имеет права нападать на руководство республики. Вы являетесь руководством Хорватии, и именно вы отвечаете за ситуацию в ней. Я статьи не читал, но когда узнал, что они опубликованы в газете «Борба», возмутился»¹⁰³. Как видим, И. Броз Тито не был знаком с содержанием статей М. Жанко, о положении дел в Хорватии знал только со слов С. Дабчевич-Кучар, но не сомневался в том, что М. Жанко следует наказать за критику руководства республики. По мнению И. Броз Тито все это было совершенно недопустимо. Такая позиция главы государства создавала хорватским лидерам благоприятные условия для проведения в жизнь намеченных задач.

Во время пленума члены хорватского руководства дважды разговаривали с И. Броз Тито по телефону. Первый раз он сам позвонил и спросил, как идут дела. Второй раз ему звонила С. Дабчевич-Кучар, чтобы зачитать проект Заключения пленума перед его окончательным утверждением. Тем самым, создавалось впечатление участия и поддержки главой государства всего того, что происходило на X пленуме ЦК СКХ.

На пленум были приглашены все средства массовой информации. В политической практике Югославии впервые пленум ЦК одной из югославских республик транслировался в прямом эфире по радио и телевидению. Исследователь Т. Понош считает, что это являлось показателем новых веяний, примером открытости общественному мнению¹⁰⁴. Таковую предельную гласность можно объяснить опасениями хорватских лидеров, что их заявления могут исказить, неправильно интерпретировать. К тому же это был самый быстрый способ донести до широкой общественности свои взгляды, учитывая достаточно сложное положение хорватского руководства в конце 1969 г., когда их инициативы не поддержали другие республики, когда они оказались фактически в изоляции.

На повестку дня X пленума ЦК СКХ были поставлены два вопроса: «Дальнейшее развитие и деятельность Союза коммунистов

в связи с предстоящими выборами» и «Некоторые актуальные вопросы. Необходимость в соответствии с общеюгославской практикой дать оценку политическим методам товарища М. Жанко». После выхода последней статьи М. Жанко хорватское руководство опасалось критики в свой адрес, которая могла стать поводом к их отставке. Попытки уговорить автора статей не накалять страсти в хорватском обществе результатов не принесли. Формально вопросы национализма поставлены были, но обсуждали не их, а унитаризм и централизм, выразителем которых представили М. Жанко. Всем участникам пленума заранее были разосланы копии переписки С. Дабчевич-Кучар и М. Жанко, а также материалы заседаний ЦК СКХ, на которых обсуждались статьи М. Жанко.

Вступительное слово взяла С. Дабчевич-Кучар. Подчеркивая прогрессивность планов хорватской партии, она подняла вопросы экономических реформ. В докладе главы СКХ в очередной раз были поставлены вопросы «чистых доходов», валютного регулирования, ограничение роли федерации в инвестиционной политике, концентрация капитала в нескольких союзных банках и вопрос суверенитета, а также свободы и равноправия каждого народа Югославии. Хорватия выступала за то, чтобы доходы республики шли на ее же развитие, особенно валютные средства, доля которых в республиканском бюджете была больше, чем в других республиках СФРЮ. Это была еще одна заявка на большую экономическую самостоятельность. При этом о других республиках речи не шло, за что потом С. Дабчевич-Кучар серьезно критиковали, поскольку доходы каждой из югославских республик были разными, поэтому изменение в системе перераспределения доходов нанесло бы ущерб экономически менее развитым республикам. «Прогрессивность взглядов», по мнению хорватских политиков, давала Хорватии право рассуждать о единстве СКЮ и народов Югославии в одностороннем порядке.

Затронуть национальный вопрос пришлось, но С. Дабчевич-Кучар представила его как право каждого народа на самостоятельное развитие в области культуры и образования. Она признала существование национализма в Хорватии, но как незначительное явление, которое находится под контролем партии и не имеет тенденции к росту. С. Дабчевич-Кучар заметила, что большая часть интеллигенции поддерживает курс ЦК СКХ, а под националистическое влияние попали единицы из числа деятелей культуры. Выход она видела

в активизации диалога с этими силами. Более того, она акцентировала внимание на национальных проблемах, в данном случае, Хорватии, связав их с равноправием народов, усилением национальной индивидуальности, как противовес унитаризму: «Для унитаристов не существует национального вопроса и национальных проблем. Они считают, что существование сильной нации и народности ослабляет Югославию. Я не верю в единство, которое основывается не только на неприятии, но и отрицании свободы и равноправия нации. Унитаристы боятся даже упоминать слова хорват, хорватский, хорватский язык и подобные»¹⁰⁵. Далее следовал вывод о том, что права хорватского народа в Югославии не защищены. По мнению С. Дабчевич-Кучар, СКХ выступал той единственной силой, которая способна вести борьбу за равноправие и национальную индивидуальность с враждебными антисоциалистическими и антиреформаторскими силами. Снова звучала критика в адрес союзного руководства.

В докладе С. Дабчевич-Кучар были официально озвучены права хорватского народа на свой литературный язык, национальную культуру и образование. Фактически СКХ на партийном уровне закреплял те послы, которые шли от Матицы хорватской с 1967 г. Это говорит не просто о единстве взглядов этих двух политических сил, а о выработке общей позиции.

По инициативе С. Дабчевич-Кучар на пленуме был поднят вопрос будущего развития республики, «как государства», ее роли в федерации. Она прямо заявляла на пленуме о стремлении Хорватии изменить свой статус в СФРЮ: «Мы сможем обрести свое социалистическое государство»¹⁰⁶. Вопросы об отделении не поднимали, каждый раз шла оговорка, что суверенитет будет осуществляться в рамках Югославии. Под тезисом «государственности» в Хорватии подразумевали современное экономическое развитие на уровне современных европейских государств, правовой порядок вместо партийно-политического государства, плюрализм мнений вместо идеологического однообразия, европейскую, а не балканскую геополитическую ориентацию¹⁰⁷. Хорватским лидерам важно было показать свою состоятельность и способность справляться с трудностями, а залогом успешного руководства они считали реформы, которые проводились в республике.

Таким образом, вступительная речь С. Дабчевич-Кучар превратилась в презентацию программы нового курса СКХ с заявкой

на большую самостоятельность в экономике, культуре, внутренней и внешней политике, а также внутри партийных отношений, вплоть до создания в рамках Югославии своего государственного образования. Это право обосновывалось «прогрессивностью» и решительностью хорватских коммунистов.

Во вступительном слове председатель СКХ С. Дабчевич-Кучар уделила время статьям М. Жанко, назвав их частью консервативно-бюрократических тенденций, которые направлены против курса хорватского руководства, уходя тем самым от ответов на вопросы о национализме, поставленных автором статей. Далее следовало описание, насколько сложно молодым «прогрессивным силам» в современных условиях выступать за общественные и экономические реформы, которые можно осуществлять намного быстрее и эффективнее. «Нам нужна сильная, способная на конкретные действия монолитная партия. Для ее дальнейшего успешного существования и развития должна присутствовать конструктивная критика в рамках партийных форумов, но не в форме инсинуаций и домыслов на страницах периодических изданий», — подвела итог С. Дабчевич-Кучар¹⁰⁸. М. Жанко был представлен участникам X пленума ЦК СКХ как воплощение всех бюрократических и унитаристских сил в республике и в стране в целом. При этом ни одного имени названо не было. С. Дабчевич-Кучар представила ситуацию в виде союзного заговора против Хорватии, частью которого стал М. Жанко. Никого не интересовал смысл статей. Формулировка была для всех присутствующих одна — «он напал на хорватское руководство и должен за это ответить».

Сам М. Жанко искренне не понимал сути обвинений, просил рассматривать статьи в контексте всей его политической деятельности. Он уверял присутствующих, что статьи стали результатом серьезной работы. В своем выступлении он отметил: «Я написал первую статью еще в 1967 г. по поводу опубликования «Декларации». Многие члены партии тогда поддержали мое мнение о националистическом характере документа. В феврале 1969 г. мной была опубликована статья о периодических националистических изданиях МХ. Я не хотел критиковать ни руководство этой организации, ни руководство республики, а лишь отслеживал неблагоприятные тенденции. Но в октябре 1969 г. в журнале «Критика» вышла статья В. Готоваца, где он негативно отзывался о Югославии и утверждал, что Хорватия продолжает поиск своего собственного пути. Две недели я ждал хоть

какой-нибудь реакции, но никто на нее не ответил, ни один критик, политик, ученый. Я считаю, что за такими работами стоит серьезная антисоциалистическая деятельность»¹⁰⁹.

М. Трипало в своем докладе на X пленуме ЦК СКХ также пытался доказать виновность М. Жанко и его связь с некими враждебными силами. Он заявил, что располагает информацией о неформальных встречах неких лиц, чьи имена называть не стоит, и среди них был М. Жанко. Эти люди говорили о том, что национализм захватил власть в Хорватии, а руководство настолько незрелое, что ничего не может сделать и его следует сменить. На вопрос, что И. Броз Тито об этом думает, М. Жанко якобы ответил, что глава государства имеет слабое представление о происходящем в СКХ¹¹⁰. Также М. Жанко вменялись в вину встречи с генералами и адмиралами, где обсуждались националистические тенденции в руководстве СКХ. Для хорватских лидеров этот вопрос был очень важен, так как руководство армии не поддержало их национальных лозунгов, а без ее поддержки укреплять свой республиканский суверенитет было небезопасно.

М. Трипало на X пленуме призывал также не обвинять авторов статей в периодических изданиях, придерживающихся иных взглядов по экономическим вопросам, а аргументировано спорить и переубеждать их. Возможно, дело в том, что М. Трипало разделял позиции многих авторов. Вслед за Ш. Джоданом он утверждал, что Хорватия могла бы развиваться быстрее, если бы изменила свою хозяйственную систему, экономическое развитие, политику быстрого развития самоуправления и ее материальной основы¹¹¹. Он упрекнул М. Жанко в том, что хорватское руководство боролось в экономической сфере с «унитаристским югославизмом», которое выражала союзная бюрократия, а Жанко, представитель Хорватии в Союзной скупщине, поддержал эти бюрократические силы.

В докладе М. Трипало просматриваются и разногласия внутри самого СКХ. Мы уже упоминали, что В. Бакарнич считал национальный вопрос в Хорватии решенным. Именно ему была адресована фраза М. Трипало: «Почему мы часто говорим, что в нашем федеративном содружестве должно быть больше равноправия, чем сейчас. Некоторые из нас считают, что национальный вопрос решен, а дискуссии о национальном равноправии и «чистых доходах» только драматизируют ситуацию в республике и ослабляют Югославию. Я придерживаюсь мнения, что нет на земле такой страны как Югославия, где был

бы так успешно решен национальный вопрос, но решен он не до конца. И в нынешних условиях сделать это не представляется возможным. Существует еще проблема языка, положения народностей, равноправного представительства в союзных органах власти. Некоторые коммунисты не понимают национальных чувств»¹¹². Таким образом, М. Трипало еще раз обозначил расхождения в СКХ и подчеркнул свою поддержку силам, выступавшим за пересмотр места Хорватии в Югославии.

Доклад М. Трипало явился своего рода посланием, адресованным определенным общественным и политическим силам. В нем мы видим попытки через обвинения в адрес М. Жанко нанести удар не только по союзной бюрократии, с которой Хорватия находилась в конфликте с 1968 г., но и по руководству армии, которое якобы тоже замешана в заговоре против хорватского руководства. М. Трипало одновременно попытался защитить периодические издания МХ и даже использовал тезис экономиста Ш. Джодана о возможности более быстрого экономического развития Хорватии в определенных условиях. Он привел причины этому препятствующие. Также он отметил необходимость решения вопроса литературного языка, что еще раз доказывает поддержку хорватскими лидерами «Декларации» в 1967 г. Он снова настаивал на пересмотре представительства республик в союзных органах. Отдельным пунктом был обозначен у М. Трипало национальный вопрос. Его актуализацию он считал последствием многолетнего игнорирования национальных чувств. Молодые хорватские коммунисты демонстрировали себя той единственной силой, которая была способна понять и поддержать эти чувства.

Тему национальных чаяний на X пленуме вслед за М. Трипало подхватил председатель хорватского правительства Д. Харамия, призывая отличать национальные чувства или ощущение национальной принадлежности от национализма и сепаратизма. Равноправие в федерации, по его мнению, наступит тогда, когда хорват перестанет ассоциироваться с усташем, а серб с четником, и когда каждый сможет выражать свои национальные чувства¹¹³.

Не понимая истинных намерений хорватского руководства, большинство участников X пленума обрушили на М. Жанко шквал критики. В целом, критические замечания участников пленума в адрес М. Жанко можно разделить на тех, кто обвинял его в нарушении партийной дисциплины и тех, кто считал, что тема вообще не заслуживает

внимания на таком высоком уровне, что М. Жанко сильно преувеличил опасность национализма. Они считали, что М. Жанко должен был со своими опасениями обратиться в партийные органы, вынести на обсуждения форумов, а не привлекать к этому процессу широкую общественность. Они не брали во внимание, что этого автор статей добивался почти два года, но его или просто игнорировали, или начинали критиковать за мнительность. Ряд товарищей вслед за С. Дабчевич-Кучар считали действия Жанко заговором неких бюрократических сил. Д. Харамия прямо назвал автора статей представителем «одной нелегальной группы»¹¹⁴.

В хорватской историографии не часто упоминается тот факт, что решение о наказании М. Жанко было принято «единодушно», но не единогласно. В защиту автора нашедших статей был один голос. Новый член ЦК СКХ Катица Пинтар, хорошо изучив материалы к пленуму, статьи М. Жанко, заявила о том, что большая часть членов Союза коммунистов даже не читала статей и не принимает их лишь из-за негативного отношения к газете «Борба». Также она отметила, что повестка пленума не обсуждалась на местном уровне в партийных организациях, их представители просто приняли интерпретацию, которую им предложили С. Дабчевич-Кучар и В. Бакарнич. По ее мнению, в статьях не было ничего противоречащего принципам демократической системы СКЮ. В заключении она сказала: «Я не хочу голосовать за то, что мне неясно. Я нигде не вижу критики руководства. На подобных встречах мы просто теряем время. Коммунисты принимают различные решения, но ни одного из них не осуществляют. До конца ничего не решается. Вы не убедите меня в том, что на этой встрече обсуждается то, о чем раньше никогда не говорили»¹¹⁵. Это был смелый шаг, который мог обернуться для защитницы М. Жанко серьезными последствиями, что позднее и произошло. На примере К. Пинтер мы можем судить, насколько были неискренними заверения молодых хорватских политиков о демократизации в партии, об отступлении от прежних жестких консервативных партийных рамок и о возможности свободно выражать свое мнение в рамках партийных форумов. Так называемая «прогрессивная часть» хорватского руководства потребовала принятия самых серьезных мер против человека, посмеявшегося возразить большинству и поставившего под сомнения его решения.

Внезапно В. Бакарнич прервал обсуждение поступка М. Жанко, отметив, что это не самый важный вопрос X пленума ЦК СКХ, поэтому

его и поставили последним пунктом повестки дня. Он упрекнул присутствующих в том, что они забыли о вступительном слове С. Дабчевич-Кучар, которое на самом деле является программой дальнейшей деятельности ЦК СКХ¹¹⁶. Но призыв В. Бакарича не был услышан, и обсуждение доклада С. Дабчевич-Кучар были вялыми. Большой интерес вызвало Заключение, которое надо было согласовать и принять.

В источниках мы находим расхождения по поводу принятия Заключения X пленума ЦК СКХ. Долгое время, благодаря рассказу С. Дабчевич-Кучар, был известен факт, что перед принятием Заключения она позвонила И. Броз Тито, чтобы зачитать ему документ. И, якобы, именно он предложил более жесткую формулировку: не просто осудить М. Жанко, но и те «бюрократические и консервативные силы, которые стоят за его деятельностью и направлены против курса ЦК СКХ, который соответствует курсу СКЮ»¹¹⁷. Однако нам представляется это сомнительным, поскольку глава государства не участвовал в заседании и мог судить о дискуссиях только со слов хорватского руководства, которое было больше всех заинтересовано именно в такой формулировке. Заключение было составлено таким образом, что вина М. Жанко была связана с консерватизмом, с чем согласился глава государства. М. Трипало уверяет, что со своим докладом о М. Жанко на X пленуме С. Дабчевич-Кучар ознакомила И. Броз Тито накануне. Выслушав ее, он сказал: «Я вижу, что вы осуждаете политические позиции друга Жанко, ставите его в один ряд с консервативными бюрократическими силами, которые стоят за его заявлениями»¹¹⁸. Таким образом, хорватское руководство заранее подготовило Заключение, прозвучавшее в конце пленума и, стремясь закрепить положения программы на пленуме ЦК СКХ, заблаговременно заручилось поддержкой И. Броз Тито.

На X пленуме ЦК СКХ М. Жанко был обвинен и осужден как «унитарист и разрушитель братства и единства». Осудить за критику национализма его, по понятным причинам, не могли. Поэтому была принята такая весьма противоречивая формулировка. Его деятельность была признана враждебной курсу СКХ. В заключении говорилось: «Этот человек не может представлять СКХ на регулярной партийной Конференции СКЮ. Его дальнейшую судьбу будет решать Союз коммунистов»¹¹⁹. М. Жанко не принял все эти обвинения. Наказание было жестким. Фактически оно означало политическую

смерть. М. Трипало позднее уверял: «Такую оценку предложил И. Броз Тито, а мы ее сформулировали, как поняли.... Наш тот пленум вызвал много критики. Многие посчитали, что решение по «делу Жанко» было сделано в сталинских традициях. Мне очень жаль, что мы тогда так поступали с людьми»¹²⁰.

Доклад С. Дабчевич-Кучар «О некоторых политических вопросах» стал основным программным документом хорватских коммунистов, и все оценки в нем были приняты как «выражение политики и курса, как политическая платформа для дальнейшей деятельности СКХ»¹²¹. Он намеренно прозвучал в самом начале и на тот момент не воспринимался как некая программа, поэтому не вызвал серьезных дискуссий. Однако в конце его приняли как основной документ X пленума.

Не встречая серьезного сопротивления в рядах хорватских коммунистов, молодые политики в лице С. Дабчевич-Кучар еще более смело конкретизировали свои планы на будущее. В заключительном слове С. Дабчевич-Кучар заявила о попытках консервативных сил изменить курс ЦК СКХ. Критерием активности ЦК СКХ и одновременно своей политической платформой С. Дабчевич-Кучар назвала экономическую реформу. В конце было дано обещание бороться за достижение полного равноправия народов и народностей, препятствовать национализму и унитаризму, выступить единым фронтом, с опорой на прогрессивные силы¹²². Тем самым хорватские лидеры стремились обезопасить себя, заранее оговаривая существование консервативных оппонентов, которые могут выступить против их курса.

Подводя итоги пленума, мы видим, что хорватское руководство перешло от теоретических размышлений и предложений, которые другие республики СФРЮ не поддержали, к конкретным действиям по осуществлению своих представлений о месте Хорватии в Югославии. Под видом критики унитаризма они стремились пересмотреть взаимоотношения федерации и республики в пользу большей политической и экономической самостоятельности последней. Хорваты видели себя во главе процесса реформ в стране, что могло дать им право впоследствии принять участие в их корректировании, исходя из собственных интересов. Формально выступая за братство и единство, хорватские коммунисты подчеркивали национальную исключительность, внося тем самым напряженность в межнациональные

отношения. Убеждая главу государства в стремлении к единству в партии, они проводили свою собственную политическую линию. Единый фронт прогрессивных коммунистов против неких консервативных сил в стране фактически означал противостояние с представителями союзной администрации, выступавшей за партийное, политическое и экономическое единство страны, тех, кто видел в действиях Хорватии стремление к полной самостоятельности. Как мы видим, с 1967 г. требования хорватов серьезно расширились: от вопроса хорватского литературного языка до обсуждения создания социалистического государственного образования в рамках Югославии на страницах периодических газет и журналов и, в конце концов, в рамках партийных форумов.

Х пленум ЦК СКХ вызвал бурную реакцию в стране. 18–19 января 1970 г. на Брионах состоялось 30 заседание Исполнительного бюро Президиума СКЮ. Все ждали дискуссии, ведь мнения о Х пленуме были разные, от положительных до полного неприятия, высказаться по данному вопросу желающих было много. Однако С. Дабчевич-Кучар успела подстраховаться. Накануне заседания она съездила к И. Броз Тито и уговорила его не ставить вопрос Х пленума отдельным вопросом повестки дня для того, чтобы избежать дискуссий. События в Хорватии рассматривались под пунктом «разное»¹²³. В результате, как и хотела С. Дабчевич-Кучар, присутствующим просто была предоставлена информация о пленуме.

В начале заседания главой союзного правительства М. Рибичичем было отмечено, что югославское общество шокировано ходом и решениями Х пленума ЦК СКХ. Удивило окружающих то, что такой важный пленум бы проведен без консультаций с Исполнительным бюро, с участием только хорватских коммунистов¹²⁴. Однако И. Броз Тито не дал развить эту тему, отметив хорошую политическую ситуацию в Хорватии и отсутствие кризисных явлений в целом по стране.

Как мы уже отмечали, И. Броз Тито не знал всех подробностей пленума. По поводу М. Жанко глава государства еще раз заявил, что документы, которые тот ему предоставил с доказательствами национализма, он не читал. И. Броз Тито, как и многих других, возмутило то, что статьи публиковались в газете «Борба». Он считал, что когда М. Жанко писал статьи, то думал только о себе, не задумываясь о последствиях. Таким образом, мы видим, что мнение И. Броз Тито

о X пленуме ЦК СКХ на 30 заседании Президиума складывалось со слов хорватских лидеров. Он почти дословно повторял их формулировки о М. Жанко, о борьбе с национализмом и готовности хорватских коммунистов к реформам, но ни слова не сказал о новой хорватской программе действий, поскольку не имел о ней никакого представления. Именно поэтому И. Броз Тито искренне недоумевал: «Меня удивила разная реакция на статьи, всем следовало бы их осудить»¹²⁵. Для того, чтобы понять причину споров вокруг результатов X пленума ЦК СКХ, И. Броз Тито необходимо было выслушать мнение всех республик.

Выступая в защиту хорватского руководства, С. Дабчевич-Кучар заявила, что все обвинения в его адрес несправедливы. Она снова и снова повторяла, что в Хорватии много делается для борьбы с национализмом, но этого никто не знает потому, что пресса намеренно не освещает эти процессы. И. Броз Тито поддержал ее, вспомнив случай, когда даже и его речь не напечатали, хотя она касалась партии и республик. Также он подтвердил слова С. Дабчевич-Кучар о том, что хорватское руководство все это время активно боролось с национализмом: «Я попросил их обратить внимание на мои замечания, рекомендовал начать борьбу. И они начали ее довольно активно»¹²⁶.

Но общей позиции по результатам X пленума на 30 заседании выработать не удалось. На заявление С. Дабчевич-Кучар о том, что М. Жанко пытался разрушить единство СКХ, являясь «частью определенных тенденций», «неких сил», Б. Микулич попросил назвать имена представителей этих сил¹²⁷. Он призвал хорватское руководство к ответу за то, что их решения имеют значение не только для Хорватии, но приняты ими в одностороннем порядке. Представитель БиГ С. Миятович поддержал эти замечания, заметив, что борьба с унитаризмом не является монополией одной республики. Участники этого заседания действия хорватских лидеров назвали мессианством. «Я бы сказал авангардизм и претензии на ведущую роль в Югославии»¹²⁸ — добавил С. Миятович. Дальнейшие дискуссии и оценки участники заседания решили отложить на март 1970 г. Уже на этом заседании стало ясно, что хорватские инициативы кроме И. Броз Тито не поддержала ни одна из югославских республик. Главе государства нужно было время, чтобы разобраться в ситуации, в которую он попал во многом благодаря неискренности хорватского руководства. Обсудить более детально и сделать соответствующие выводы

по X пленуму ЦК СКХ решили в марте 1971 г. на 39 заседании Исполнительного бюро Президиума СКЮ.

Пока И. Броз Тито не было в стране, в самой Хорватии начались преследования людей, выступивших в защиту М. Жанко. Прежде всего, этот процесс коснулся К. Пинтер. После ее речи в защиту М. Жанко на X пленуме сторонниками С. Дабчевич-Кучар был поставлен вопрос об ее исключении из ЦК СКХ. Когда И. Броз Тито узнал об этом, то ответил: «Что вам мешает? Когда хотите, тогда и исключайте»¹²⁹. От наказания К. Пинтер спас М. Трипало, призвав соратников по партии к терпимости. Не поддержал решение об исключении М. Жанко из партии и И. Пиплиц из Исполнительного комитета Союза организации участников народно-освободительной войны из Имотской Краины. За свою позицию он также подвергся суровой критике со стороны хорватских коммунистов.

X пленум ЦК СКХ и решения, последовавшие за ним вызвали возмущение в руководстве ЮНА. 20 февраля 1970 г. адмирал М. Йеркович встретился с В. Бакаричем и заявил: «Я впервые не понимаю некоторые существенные позиции такого высокого партийного форума как ЦК СКХ»¹³⁰. Далее он изложил свои вопросы к хорватскому руководству. Его интересовало, у кого в Хорватии больше шансов войти в правительство — у унитаристов или националистов? Адмирал не согласился с тем, что у националистов нет своей программы. Он отметил, что знает о разъезжающих по всей республике усташеских эмигрантах, выступающих под лозунгами «Независимая демократическая Хорватия». Все это он считал проявлением сепаратизма, попытками разрушить Югославию, провоцированием ненависти к сербскому народу. М. Йерковича возмутили демонстрация хорватской «прогрессивности» в решении важных вопросов на X пленуме ЦК СКХ, а также методы давления, используемые против тех, кто осмелился критиковать молодых хорватских коммунистов. Он потребовал от В. Бакарича назвать о каких именно враждебных силах идет речь, поскольку неопределенность вносит смятение в политическую жизнь республики. Стремление хорватского руководства защитить имя «хорват» адмирал назвал откровенно абсурдом, спросив, что до этого делали хорватские коммунисты на своих высоких постах? На вопрос М. Йерковича, за что в Далмации осуществляются гонения на тех, кто выступил против знамени без пятиконечной звезды, почему их исключают из СКХ. В. Бакарич ответил, что ему ничего

об этом неизвестно¹³¹. Адмирал также выступил в защиту К. Пинтер, назвал ее преследование неправильным методом. В. Бакарич уверял, что заявление, сделанное на X пленуме К. Пинтер, не было составлено ей самой. То есть, он поддерживал идею С. Дабчевич-Кучар о заговоре против хорватского руководства неких сил, стоящих за М. Жанко и его сторонниками.

За три месяца прошедшие после X пленума ЦК СКХ раздражение других республик, вызванное его ходом и решениями, только возросло. На 39 заседания Исполнительного бюро Президиума Союза коммунистов Югославии 16–18 марта 1970 г. это вопрос был рассмотрен более внимательно. В заседании приняли участие И. Броз Тито, Э. Кардель и представители всех югославских республик.

И. Броз Тито начал заседание издали, с констатации дезинтеграции в Союзе коммунистов. Заявив, что национальный вопрос в стране решен, он отметил необходимость единства в партии. Обращаясь к республикам, он сказал: «Республики хотят быть чуть ли не самостоятельными государствами, стремятся политически отделиться от федерации. Для некоторых из них федерация уже ничего не значит.... Наша федерация уже больше похожа на конфедерацию. Мы должны четко представлять себе компетенции республик.... У нас существует проблема отношения федерального центра и республиканских руководств»¹³². И. Броз Тито считал, что в Югославии существует проблема реализации поставленных Союзом коммунистов задач на практике. Затронув ситуацию в Хорватии, глава государства призвал прекратить «психоз» в отношении хорватского пленума, тем более, что многие его пункты были известны заранее. Скорее всего, И. Броз Тито понял, что сам упустил из этих пунктов самое главное, но признать свою ошибку не хотел. Это объясняет его рассуждения на общие темы по аналогии с предыдущим заседанием. Роль критика хорватских инициатив он отдал Э. Карделю.

Э. Кардель заявил, что хорватское руководство вправе было реагировать на действия М. Жанко, но ошибочно называть нападки на республиканское руководство только хорватской проблемой. Подобные тенденции наблюдаются и в других республиках. Однако методы обращения с людьми, использованные в Хорватии, он назвал застарелыми. Не настолько, по его мнению, М. Жанко был крупной политической фигурой ни в Хорватии, ни в Югославии, чтобы созывать ради этого пленум и так подробно его освещать. Заявления

о борьбе с унитаризмом, бюрократизмом или этатизмом он назвал политиканством, методом сталинского времени. Он считал, что и сам боролся с этими проявлениями, но намного раньше, что следовало делать и хорватам. Э. Карделя возмутило то, что хорватские политики не согласовали свою позицию с Исполнительным бюро и другими республиками: «Ни одна республика не может утверждать, что ее решения единственно правильные, и все должны следовать за ними»¹³³. Иными словами, руководство страны было против какой-либо формы лидерства одной из республик. А хорваты как раз ее и подчеркивали, заявляя о своей «прогрессивности».

Коснувшись экономических вопросов, Э. Кардель упрекнул хорватских коммунистов в том, что они, выдвигая требования, думали только о своих интересах, не учитывая другие народы в Югославии. Раскритиковал он вопрос валютного регулирования, о котором давно и много в Хорватии говорят, но никто никогда не видел конкретных предложений. При этом он констатировал: «Я думаю, что их действительно нет. Мы не можем давать привилегии кому-то одному в ущерб общим интересам»¹³⁴. Возмутил Э. Карделя и тезис Х пленума о том, что все делается хорватским руководством ради реформ, что они единственные настоящие их последователи. Получается, что остальные делают и требуют то, что реформам противоречит? Иными словами, по мнению Э. Карделя, хорватская позиция звучала: «Мы за прогрессивный курс, и все, что мы делаем прогрессивно. А другие нас только тормозят. При этом «тех других» нет в республике, они в других республиках Югославии, но больше всего их в аппарате федерации»¹³⁵. Э. Кардель призвал хорватов, если они выступают от лица народа, брать на себя полную ответственность, а не устраивать, как он выразился, «чемпионат борьбы за реформу и за общий прогресс», не перекидывать ответственность на другие республики и федерацию. Он отметил, что и в самом Загребе слышал заявления, которые противоречили реформам. Э. Кардель также считал, что в Югославии практически все одновременно и «за» и «против» реформ, так как каждая республика очень легко может свернуть с реформаторского курса, когда речь идет о каких-то серьезных практических интересах или давлении рабочих масс, которые сами испытывают давление экономических проблем. И все громко защищают реформы, стоит одной республике сделать то же самое¹³⁶.

Конкретно по тексту X пленума ЦК СКХ Э. Кардель задал несколько вопросов представителям Хорватии: «Что означает формулировка «Союз коммунистов и другие прогрессивные силы» в СКЮ? Откуда взялось утверждение, что политика СКХ в рамках СКЮ ведущая? На отговорки С. Дабчевич-Кучар, что формулировки были случайными, он отметил, что просмотрел материалы пленума, и эта тенденция проходит от начала до конца. «Я как против великосербских тенденций, так и против претензий считать Хорватию самой прогрессивной нацией, то же самое мне не нравится в Словении» — закончил свое выступление Э. Кардель¹³⁷. Из этого доклада видно, насколько четко себе представляли хорватские амбиции как Э. Кардель, так и И. Броз Тито, от чьего имени он фактически выступал. В своем докладе он указал хорватским политикам, что выбранным ими курсом идти не следует. Причин этому существовало несколько. В принципе, его собственная система самоуправления вела также к большей политической и экономической самостоятельности республик. Но делалось это все постепенно, шаг за шагом. Хорватские молодые лидеры хотели достичь своих целей как можно скорее, не задумываясь о том, что их решения могут дестабилизировать положение во всей стране, осложнить межнациональные отношения, нарушить экономические связи, разобщить СКЮ. С другой стороны, Э. Кардель как и многие представители старшего поколения партийных деятелей дорожил своим местом второго человека в стране после И. Броз Тито, которое он получил в борьбе с А. Ранковичем. Авангардизм хорватских политиков, их претензии на ведущую роль его не устраивали. Еще меньше они устраивали И. Броз Тито, который был серьезно обеспокоен отсутствием единства в СКЮ.

И. Броз Тито, как он сам выразился, «на все сто процентов разделил» позицию Э. Карделя по X пленума ЦК СКХ¹³⁸. М. Трипало позднее заметил, что глава государства сказал так: «Я согласен с тем, что сказал Кардель, а также с доводами, которые представили Савка и Трипало», но позже в канцелярии И. Броз Тито окончание фразы убрали и, ее смысл изменился. Именно последний вариант был разослан в республиканские партийные организации¹³⁹. Учитывая эту информацию, мы можем сделать вывод о том, что на 39 заседании Президиума СКЮ И. Броз Тито раскритиковал Хорватию руками Э. Карделя, но в целом еще возлагал надежды на молодых хорватских лидеров, завершивших его в готовности учитывать все свои ошибки.

В частности он сказал: «Товарищи Савка и Трипало представили свои аргументы. Им понятны их ошибки, и они примут наши советы во внимание. По-моему, это очень хорошо. Сначала я был зол и думал предпринять меры против тех, кто не хочет осуществлять наши решения, но потом передумал. Очень полезно вот так проговорить проблемы между собой в ходе дискуссий»¹⁴⁰.

М. Трипало, соглашаясь и не соглашаясь с критикой, продолжал твердить о необходимости более четкого разграничения функций союзных и республиканских органов и перечислении вопросов, которые можно решать только при полном согласии всех республик. Призывал представителей других республик, чтобы они больше обращали внимание на предложения, которые поступают из Хорватии. Он настаивал, что «основная линия X пленума ЦК СКХ правильная. Это особенно касается положения о национальном вопросе, начальной и конкретной позиции по унитаризму, по борьбе против хорватского национализма...»¹⁴¹. М. Жанко был охарактеризован им как провокатор, который не может представлять Хорватию на союзном уровне.

Не забыл М. Трипало и о защитнице М. Жанко. Особенно его возмущало анонимное письмо, которое К. Пинтер выкупила у некого лица после X пленума ЦК СКХ. В нем содержалось обвинение в том, что дело против М. Жанко было сфабриковано: «Вчера вы придумали дело Ранковича, а сегодня замышляете дело Жанко»¹⁴². Еще одним ударом по хорватскому руководству стала публикация этого письма в «Борбе». М. Трипало считал, что все эти действия направлены против хорватского руководства и инициаторами их являются сербские общественные и политические круги.

С. Дабчевич-Кучар на 39 заседании Президиума ЦК СКЮ в ответ на критику Э. Карделя X пленума заявила, что ветеранам не понять молодежь. Она не согласилась с тем, что пленум провоцирует обострение межнациональных отношений, наоборот пыталась заверить собравшихся, что инициативы ЦК СКХ сплотили как коммунистов, так и все население республики. Все слухи и провокации, по ее мнению, шли из-за границы, от эмигрантов, которые заявили, что «коммунисты снова обманули хорватский народ». Также С. Дабчевич-Кучар выразила недовольство поведением средств массовой информации, которые на первые полосы поместили подробности «дела Жанко», что только подчеркнуло отсутствие единства в СКХ¹⁴³.

Основной целью инициаторов X пленума ЦК СКХ был не М. Жанко, а те задачи, которые были поставлены во вступительном и заключительном докладах С. Дабчевич-Кучар. В экономической сфере они предполагали ограничение роли федерации в инвестиционной политике, реформу банковской системы, изменение валютного регулирования в пользу республик, политику «чистых доходов». Только при этих условиях, по мнению молодых хорватских лидеров, Хорватия могла развиваться быстрее и эффективнее. В политической сфере новая программа СКХ декларировала монолитность партии, при этом не допускалось никакой критики за пределами партийных форумов действий своего руководства. В свою очередь, хорватские лидеры допускали критику союзных органов. Также предполагалась дальнейшая борьба с так называемыми консервативно-бюрократическими тенденциями. В области национальной политики хорватские коммунисты провозгласили суверенитет и равноправие, гарантировали свободное развитие в области культуры и образования. Высшей точкой всех этих пунктов программы стала фраза С. Дабчевич-Кучар об оформлении своего социалистического государства в рамках Югославии.

Реакции на X пленум ЦК СКХ других республик были неоднозначными. К. Црвенковки из Македонии поддержал его решения, сказав, что он всегда осуждал унитаризм, и что пленум заслуживает положительной оценки. Однако член Исполнительного бюро из БиГ Ц. Миятович жестко раскритиковал антиунитаристское выступление хорватского партийного руководства. Два представителя Черногории В. Джуранович и В. Влахович не согласились с решениями пленума, заметив, что его методы напоминают сталинскую практику¹⁴⁴. Больше всего им не понравилась тайна вокруг «сторонников М. Жанко». Почему не были названы конкретные фамилии? Все это вносило напряженность в политическую жизнь страны, так как под подозрение в симпатиях к М. Жанко мог попасть любой. Позднее В. Бакарич: утверждал, что ему стало известно о неофициальных встречах в Белграде по ситуации в Хорватии, на которых коммунисты старшего поколения требовали сменить хорватское руководство.

Агентство «Франс Пресс» так прокомментировало решение по «делу Жанко»: «Это решение мотивировалось тем, что доктор М. Жанко преувеличил опасность национализма в ряде своих статей в партийном органе «Борба», тем самым косвенно намекая

на возможность интервенции извне и поддерживая политику централизма. ЦК Союза коммунистов Хорватии считал, что «унитаризм» такого рода даже еще опаснее местного «национализма», потому что он лишь усугубляет националистические чувства и будет на руку врагам Югославии»¹⁴⁵.

«Нью-Йорк Таймс» назвала этот пленум «важнейшим» в истории социалистической Хорватии: «Это заседание заслуживает внимания потому, что дебаты были свободными, тексты выступлений были опубликованы в местной печати. Это составило резкий контраст с предыдущими партийными заседаниями, которые были заранее тщательно подготовлены, и информация, опубликованная в печати, была составлена на недоступном для понимания жаргоне»¹⁴⁶. Агентство «Франс Пресс» сообщило в связи с этим: «Большинство наблюдателей полагает, что руководители Хорватии пришли к выводу, что если они без обиняков провозгласят сферу своей собственной компетенции, это будет наиболее эффективным способом предотвратить рост сепаратистских настроений в республике»¹⁴⁷. Однако как показывают исследования западных СМИ этого периода, при всей кажущейся демократичности политических процессов в Хорватии, за границей хорватское движение воспринимали, как сепаратистское, каждый раз подчеркивая его националистическую направленность, представлявшую угрозу целостности государству.

В самой Хорватии тоже не все поддержали хорватских лидеров. Так, в Дрнише и Имотском коммунисты не приняли решения X пленума и хотела через суд его опротестовать. На это действие сразу отреагировали члены Исполнительного комитета и руководство Далмации. В ходе разбирательств стоял вопрос об исключении из партии тех, кто поставил под сомнение решение ЦК СКХ.

В хорватском руководстве, особенно среди старшего поколения, после X пленума ЦК СКХ царил смятение. Д. Биланджич в своем дневнике в марте 1970 г. записал: «Самая сильная оппозиция Хорватии сейчас в ЮНА. В. Бакарич выступил перед Генеральным штабом, пытаясь разъяснить смысл X пленума. Генералы М. Йеркович и Г. Николич демонстративно отвергли возможности диалога. Позиция И. Броз Тито противоречива. Он дал согласие на «ликвидацию» М. Жанко, но отверг попытки критики югославского унитаризма. Против нас все пять республик. У К. Джеббы случился нервный срыв, у Я. Блажевича — инфаркт»¹⁴⁸.

Мы считаем, что именно в этот момент В. Бакарич принял окончательное решение не поддерживать политический курс, инициаторами которого стали молодые хорватские лидеры во главе с С. Дабчевич-Кучар и М. Трипало. Возможно, его убедили доводы Э. Карделя, или он почувствовал, насколько опасны эти «игры в самостоятельность», которые могли стоить ему высокого положения. В. Бакарич выступил за пересмотр дальнейших задач СКХ, как было рекомендовано Хорватии на 39 заседании Исполнительного бюро Президиума СКЮ, ориентируясь на позицию И. Броз Тито, который все еще колебался, то поддерживая, то критикуя хорватские инициативы.

После изменения позиции В. Бакарича в рядах хорватских коммунистов произошел окончательный раскол. Расхождения просматривались и раньше: в реакциях на «Декларацию», в отношении к заявлениям интеллигенции на страницах периодических изданий. С. Дабчевич-Кучар писала: «Очевидно, произошла перегруппировка, больше партийцы не были на одной стороне, между ними прошла черта — кто за хорватскую свободу и демократию, а кто против нее. Внутри самой партии у нас было много противников»¹⁴⁹.

Позднее В. Бакарич в разговоре с редакцией журнала «Коммунист» оправдывал себя, ссылаясь на то, что в Хорватии в 1970 г. начала серьезно меняться политическая система. По его словам, на пленумах СКХ все было спокойно, однако в повседневной жизни перед руководством вставали другие задачи, которые они не могли решить. Прежде всего, это касалось вопроса о месте нации в Югославии. Средства массовой информации не интересовало рабочее движение, они начали освещать споры руководства республики и националистов. В. Бакарич отмечает, что пресловутый вопрос валютного регулирования, который был вынесен на обсуждение на улицы, был представлен просто как некий тезис, а не проблема, которая требовала разрешения. В хорватском партийном руководстве по этому вопросу общей позиции не было, что рождало недоверие и напряжение¹⁵⁰.

После X пленума ЦК СКХ начался процесс перехода части руководства Хорватии на националистические позиции. В. Бакарич откровенно заявил о смене тактики МХ на слияние с СКХ: «Перестало быть понятно, где проходит линия между нами и ими. На этой основе они начали добиваться успеха»¹⁵¹. Исследование деятельности Матицы хорватской также подтверждает наше мнение. Члены Матицы стремились занять посты в партийном и республиканском

руководстве Хорватии, включая Союз коммунистов. Еще во время обсуждения «Декларации» В. Бакарич подчеркивал, что в случае с МХ речь идет о «параллельном ЦК», но с тех пор об этом предостережении многие забыли. Теперь же, в начале 1970-х гг., по мнению многих политиков, МХ превратилась в «теневое правительство», в котором, например, профессору Юридического факультета университета в Загребе Ш. Джодану — секретарю по экономическим вопросам Матицы — фактически отводилась роль министра экономики Хорватии. На заседании Исполнительного комитета ЦК СКХ в Загребе 19 ноября 1970 г. тот открыто заявил, что «МХ отвечает за экономический сектор»¹⁵². Вопросами культуры в «теневом кабинете» ведал литератор, редактор журналов «Коло» и «Критика» В. Павлетич, директор издательства МХ, а делами по трудоустройству хорватских граждан за границей — З. Комарица, публицист в звании полковника Югославской народной армии.

Члены МХ заняли ответственные государственные должности и посты в народной хозяйстве, в просвещении, в средствах массовой информации. Ф. Микулич получил место председателя Общинной скупщины Ястребарско, И. Рамляк перешел в издательство «Школска книга», И. Гази начал работать на предприятии «Винопродукт», а активист студенческого движения А. Глибот стал секретарем в журнале «Хрватски господарски гласник». Такое разнообразие важных постов в республике давало МХ больше возможности распространять свои идеи и влияние. Так, например, известен случай, когда М. Веселица и Ю. Сарич, являясь членами Республиканского вече профсоюзов, по собственной инициативе поставили на повестку дня Союза профсоюзов вопрос об организации профсоюзов на национальной основе (сербский или хорватский профсоюз вместо профсоюзов Сербии, Хорватии). Там же была затронута проблема экономического ущемления Хорватии. М. Веселица потребовал, чтобы при рассмотрении конституционных поправок Профсоюз не забыл подчеркнуть идею национальной государственности и концепцию закрытой национальной экономики¹⁵³. Таким образом, по своим целям, по характеру деятельности, по организационной структуре, по стилю внутренней жизни и тактике борьбы Матица хорватская приобрела черты политической партии. В связи с этим интересными представляются воспоминания генерала Р. Мишковича, который описал разговор с М. Трипало: «В разговоре со мной он постоянно уходил от ответа

о связи руководства с националистами. Потом задумчиво произнес, что без этого союза в Хорватии никто бы не смог удержаться у власти, и они тоже»¹⁵⁴.

Молодые хорватские коммунисты во главе с С. Дабчевич-Кучар и М. Трипало даже после критики на 39 заседании Исполнительного бюро Президиума СКЮ не захотели отступить от своих планов. В Хорватии в то время стали типичны такие высказывания среди молодых кадров: «Можно быть хорошим коммунистом и все же заявлять, что мы должны сами управлять своими делами, без вмешательства группки белградских бюрократов.... Безусловно, некоторые люди в Белграде будут и впредь опасаться, что в один прекрасный день мы можем выйти из состава Югославии. Фактически мы и словенцы сыграем роль локомотива, который тянет в Европу Сербию, Боснию, Черногорию и Македонию»¹⁵⁵.

Для того, чтобы удержаться у власти, хорватское руководство активно изображало борьбу с национализмом. В рамках мер с националистическими проявлениями в средствах массовой информации была запрещена деятельность Общества свободных писателей «ТИН». В решении о его закрытии говорилось, что секретариат общественной безопасности города Загреба принял решение о запрещении дальнейшей работы общества в связи с политической направленностью его деятельности. В его обязанности должна было входить: издательская деятельность, защита авторских прав, развитие литературы в рамках общества и дальнейшее издательство трудов. Общество выпускало газету «Хрватски книжевни лист», который публиковал материалы политического характера. Это периодическое издание, по мнению суда, фактически стало приложением эмигрантской газеты «Обрана», печатавшегося Хорватским народным комитетом в Мадриде¹⁵⁶. В ходе дальнейшего разбирательства было установлено, что эмигрантские организации активно финансировали деятельность «ТИН» и его периодическое издание.

В частности, у суда больше всего нареканий вызвала статья Т. Юрковича «За братство и единство» (№ 6, 1968 г.), этот номер по решению Окружного суда был запрещен. Статья была посвящена тяжелому положению хорватского населения Воеводины, как в прошлом, так и в настоящем. Шестой номер был полностью перепечатан эмигрантским сборником «Обрана» в Мадриде в марте 1969 г. Главный редактор газеты «Хрватски книжевни лист» З. Томчич обратился

к изданию «Хрватски глас» в Канаде 4 февраля 1970 г. с просьбой опубликовать объяснение руководства газеты. В связи с этим газете было предъявлено обвинение в том, что в ней часто печатались материалы авторов из-за границы, например, М. Видовича, политического эмигранта из Франции. Газета перепечатывала материалы эмигрантской прессы враждебного содержания. Действия этого общества не соответствовали программным концепциям его создания.

Предпринятые хорватскими коммунистами меры против националистических проявлений дали свои результаты. 2 мая 1970 г. на приеме, проходившем в Опатии в отеле Амбасадор, И. Броз Тито их похвалил: «Вы заняли правильную позицию в отношении проявлений национализма и не допустили разрастания враждебных идей, рассмотрели эти вопросы и наметили направления их решения»¹⁵⁷. Более того, глава государства был настолько доволен Хорватией, что положительно оценил речь С. Дабчевич-Кучар и Заключение X пленума ЦК СКХ, заявив: «Я хотел бы сказать немного о вашем X пленуме. Мне нечего добавить, я со всем согласен. Очень хорошо, что там были подняты внутренние проблемы. Пленум был конструктивным. Я полностью согласен с мнением С. Дабчевич-Кучар. Она отлично выступила. И меня критикуют. Сейчас многие утверждают, что я против решений X пленума. Я никогда и нигде не говорил, что о нем думаю, поэтому все комментарии, сделанные якобы мной — неправда. Я надеюсь, вам понятна моя позиция. Я окажу вам любую поддержку, которая потребуется. Вы знаете, что я сам хорват из хорватского Загорья, из сердца Хорватии, поэтому всегда вам, чем смогу помогу»¹⁵⁸. В начале 1990-х гг. это высказывание в сербской историографии назвали «самым крупным фиаско» в политической карьере И. Броз Тито. Если говорить о «зеленом свете» для хорватского «массового движения», то он был дан именно весной 1970 г.

Демократизация, провозглашенная в стране, а также перспективы конституционной реформы, вселили хорватской интеллигенции надежду, что возможно изменение политического курса страны. Их уверенности способствовали и настроения в обществе, где по данным социологических опросов по Хорватии за 1968–1970 гг. росло недовольство сложившейся в республике политической ситуацией:

Мы видим, что к 1970 г. число полностью довольного ситуаций в стране населения сократилось на 32 %. Интересно произошло распределение голосов, членов ЦК СКХ. Довольным ситуацией в стране

Таблица № 5

Данные социологического опроса населения в 1968–1970 гг.

Довольны ли вы ситуацией в стране? (%)	1968 г.	начало 1969 г.	конец 1969 г.	1970 г.
Полностью	52,0	45,9	17,7	19,3
В основном	40,0	43,6	68,5	71,5
Не очень доволен	6,0	7,3	8,2	7,5
Совсем не доволен	1,0	2,0	4,7	1,0
Без ответа	1,0	1,2	0,9	0,8 ¹³⁹

остался 13,1% коммунистов, недовольство по тем или иным причинам высказало подавляющее число — 83,6%¹⁶⁰. Данные по территориям голосования показывают, что самые недовольные были Славония, Лика, Кордун и Баня, то есть территории, где проживало большинство сербского населения.

Матица хорватская, как организация, тяготеющая к отстаиванию традиционных национальных интересов хорватов, стала тем центром, вокруг которого собрались силы, готовые бороться за эти национальные интересы. В декабре 1970 г. Матица хорватская приняла свою программу действий. Сформулировал и озвучил ее М. Веселица. Так, федерацию предполагалось лишить многих внешнеполитических и экономических функций. В экономической сфере, в частности, собирались забрать у федерации право распределения инвестиций, а также перевести финансовые средства из союзных банков в рабочие ассоциации, республики. Кроме того, в политической сфере было предусмотрено изменение методологии и технологии принятия политических решений в рамках федерации. По мнению авторов программы, стратегические решения о судьбе народа не должна принимать союзная бюрократия, в которой преобладают кадры сербской национальности. В области культуры и образования предполагалось начать процесс становления современного хорватского самосознания, написать заново историю Хорватии, защитить хорватский литературный язык, сохранить культурную индивидуальность. Защита прав и интересов всех, кто проживает в республике, могла осуществиться только в максимально свободной Хорватии¹⁶¹. Рамки этой свободы в программе прописаны не были. Мы видим, что планы МХ во многом сходны с решениями X пленума СКХ.

После принятия своей программы Матица хорватская начала расширение представительств по всей республике и за ее пределами. Речь идет о деятельности, которая больше напоминала усилия политической партии. Представитель МХ М. Брандт заявил: «Если Матицу сделать массовой организацией, этот факт перевернет всю существующую политическую жизнь, поскольку она, как массовая организация, неминуемо станет полноправным партнером остальным общественно-политическим организациям»¹⁶². Ячейки МХ основывали в городах на крупных предприятиях, в сельских районах. На ежегодной скупщине МХ 22 ноября 1970 г. были представлены 30 ячеек, около 2323 членов организации. В 1970–1971 гг. количество ячеек практически удвоилось, а число членов организации возросло до 41 тысячи человек¹⁶³.

Приветствовалось вступление в МХ представителей из числа местного руководства отдельных территорий. Более 5565 членов МХ действовали в общественных структурах, среди рабочих за границей и в студенческой среде¹⁶⁴. В области образования работало 1752 члена МХ (44 директора средних школ и семь директоров гимназий), в экономике 552 человека (71 директор и 16 руководителей рангом ниже), в судебной системе 181 человек (10 председателей суда, 164 судебных исполнителя), в здравоохранении 152 (врачи), а также в органах власти — 120 (шесть членов Сабора СКХ), 25 военных из ЮНА, в общинных комитетах СК 17 человек (13 секретарей и четыре члена комитета), семь в Службе общественной безопасности. В ходе судебного процесса над М. Веселицей была озвучена даже цифра 42000 членов¹⁶⁵. Позднее, коммунисты охарактеризовали это направление деятельности Матицы хорватской как «организованную экспансию». Действительно, действия организации носили продуманный характер. Скорость распространения ячеек Матицы и ширина охвата в республиканских структурах власти говорят о том, что речь шла о хорошо продуманной стратегии.

О степени распространения организации по республике свидетельствовало и то, что к 1971 г. в составе 55 ячеек работали 49 подразделений (16 отделений и 33 инициативных комитета). Так, в Далмации до 1969 г. были только четыре ячейки (Сплит, Дубровник, Шибеник, Задар), а в последующие годы их число резко возросло. По инициативе центрального руководства Матицы на основе ячеек в Задаре и Дубровнике были созданы ее подкомитеты.

Любое противодействие основанию ячейки подавлялось Матицей посредством ожесточенной пропагандистской кампании. Для этого активно использовались средства массовой информации. Периодические издания стали основным документальным подтверждением возрастающей политической силы МХ в республике. Именно через средства массовой информации Матица доносила до общественного мнения свои идеи. В. Бакарич заметил по поводу газет и журналов МХ: «Я уверен, что одна слабая организация не смогла бы самостоятельно издавать столько периодических изданий, сколько издает МХ. Для такой масштабной издательской деятельности необходима единая и сильная организация.... Уровень материалов очень высокий»¹⁶⁶.

Постепенно МХ становилась сильной не только своей численностью. Критерием для принятия в организацию новых членов становились исключительно политическая активность и идейные взгляды. В Матицу вступали люди, не имевшие прямого отношения к культуре, — политические и общественные деятели, в том числе из среды местных руководящих кадров, через которые организация могла оказывать влияние на различные политические и общественные структуры. Матица имела прочные позиции в Социалистическом союзе трудового народа Хорватии (ССТНХ), в Союзе организации участников народно-освободительной войны, в профсоюзах. Эти общественные организации Матица использовала для пропаганды своих идей и привлечения их членов в ряды своих сторонников. Яркими примерами служат заседания в Ястребарском, Запрешиче и Крапине. В Ястребарском ячейка была основана 19 июня 1970 г. Инициативный комитет был сформирован под непосредственным руководством председателя Общинной конференции ССТНХ. При этом Общинный комитет ЦК не был поставлен в известность об открытии новой ячейки, как это делалось раньше. В сообщении об этом событии также отмечалось: «Были там и люди, которые не скрывают своего неприятия социалистического строя и Союза коммунистов Югославии... На встрече отмечено также присутствие священника»¹⁶⁷.

Чаще всего на эти встречи приезжали Л. Йонке, Х. Ивекевич, М. Брандт, Ф. Туджман, Й. Ивичевич, Т. Шерцар, В. Филиппович, З. Комарица, М. Веселица и Ш. Джодан. Они все открыто выражали свое намерение превратить МХ в главный субъект всей политической жизни Хорватии. Лидеры МХ не скрывали своих планов. Так,

М. Веселица заявлял: «Политической и организованной силой, которая, как ведущая сила Хорватии, защищает хорватские национальные интересы, является МХ, а не СКХ, и тем более не рабочий класс»¹⁶⁸. В подтверждение данного тезиса новые ячейки МХ начали открываться на предприятиях. Организация стремилась распространить свое влияние и среди рабочих. Так, например, руководство предприятия «Агрокомбинат» стало преобразовывать рабочий коллектив в некий вид «движения». Им была проведена компания по включению рабочих в члены Матицы хорватской. В рабочем коллективе пропагандировалась «актуальная» политическая литература, такая как книга Х. Шошича «За чистые доходы», профессор Экономического факультета Университета в Загребе, активист МХ, автор предложения о принятии Хорватии в ООН, и Ф. Туджмана «Великие идеи и малые народы». В деревнях МХ получила поддержку местных клерикалов, священников, бывших членов ХКП. В докладе ЦК СКХ по этому вопросу говорилось: «Националисты стремятся объединить свои усилия с помощью священников, которые через проповеди и статьи в религиозной периодике активно действуют с националистических позиций, значительное число священников активно сотрудничает в ячейках МХ»¹⁶⁹.

Сотрудничество Матицы хорватской с хорватским руководством на этом этапе носило взаимовыгодный характер. МХ приняла, поддержала и распространила в массах идеи Х пленума ЦК СКХ, а руководство, понимая, что критика этой организации в хорватском обществе будет непопулярной, больше не стало чинить препятствий ее деятельности.

Получив поддержку в обществе, МХ стремилась стать сильной и в политической жизни. Для этого ей нужны были крупные материальные и финансовые средства. МХ начала основывать свои представительства за границей под названием «Общества друзей Матицы хорватской». В период с 1968 до конца 1971 г. были основаны около 30 таких обществ во всех ведущих европейских странах, в США и Австралии. Инициаторами выступили известные представители хорватской политической эмиграции, находившиеся в прямом контакте с руководством МХ. Были налажены связи с такими организациями за границей, как «Хорватская Академия Америки», «Американо-хорватский академический клуб», «Объединенные хорваты Америки» и эмигрантские круги вокруг журнала «Хрватска ревија», который выходил в Мюнхене.

Следует отметить, что в 1970 г. члены МХ отрицали тот факт, что у организации есть представительства за границей и, что вообще существует какая-либо связь с представителями хорватской эмиграции. Х. Ивекович на заседании Центральной скупщины МХ 22 ноября 1970 г. заявил: «Используя возможность, я хотел бы еще раз подчеркнуть, что Матица не основывала ячеек за пределами Хорватии. Мы не пошли бы на этот шаг, поскольку прекрасно понимаем, что в этом случае встретили бы непонимание со стороны политической власти.... МХ не связана с группами хорватских граждан, которые живут в эмиграции и хотели бы получать больше информации о культурной жизни в Хорватии. МХ не является политическим органом, который может налаживать такого рода связи. Хотя возможность сотрудничества существует, и была бы полезной как в культурном, так в политическом плане. Общества друзей МХ основаны без нашего участия только по их собственной инициативе»¹⁷⁰.

В 1990-е гг. обвинения в сотрудничестве с эмиграцией деятели Матицы уже не отрицали, с гордостью повествуя о своих поездках и встречах в период хорватского «массового движения». В. Готовац впоследствии рассказывал: «Прежде всего, мы имели контакты в Австралии, США и Канаде. Те люди хотели полной свободы для своей родины, хотели свободно приезжать и уезжать из нее, чтобы никто ни там, ни здесь не мешал им выражать свои взгляды, и я уверен, что самые радикальные из них отреклись от своего радикализма для того, чтобы нормализовать отношения. Но они оказались в трудном положении, абсолютно изолированными. Никто так плохо не относится к своей эмиграции как Югославия. Насколько я смог убедиться, это отношение совершенно контрпродуктивно. Такую сильную эмиграцию, которая у нас есть, мы отвергаем, как будто у нас самая богатая страна на свете»¹⁷¹. МХ, прежде всего, нужна была финансовая помощь от эмигрантов, идеологическая составляющая была обеспечена хорватским руководством.

Видный деятель МХ в Сплите Д. Петрич уверяет в своих воспоминаниях, что встречи с представителями эмиграции не ограничивались издательской деятельностью. «Мои первые встречи с «усташеской» эмиграцией начались еще в 1967 г. в Италии, а мое первое сотрудничество с политическими эмигрантами началось в 1970 г. Во время бурных событий 1971 г. я инкогнито встречался с «усташескими» эмигрантами. В том году я больше действовал за границей,

чем дома в Сплите.... Тогда мы проводили много встреч, как в самом Сплите, так и в Загребе, Риеке, Новом Саде, Дубровнике, Джакове по политическим, научным и культурным вопросам»¹⁷².

Процессы, происходящие в Хорватии, стали поводом начавшихся в югославских СМИ обсуждений перспектив братства и единства. Журнал «НИН» выступил инициатором обсуждений ситуации, сложившейся в области идеологии. В 1970 г. вышла статья, в которой обсуждалась статья в «Борбе» В. Джурановича о неправильном понимании югославизма, идейных просчетах в отношении развития федерации и межнациональных отношений, об иллюзиях, особенно на ранней стадии развития социализма, о бесконфликтности социалистического сообщества, о гармоничности общественных отношений в социализме, о том, что национальный вопрос решен¹⁷³. «НИН» отмечает, что раньше это действительно присутствовало в сознании людей. Но, все чаще политики стали разговаривать на повышенных тонах, что происходит пересмотр существующей идеологии югославизма, она слишком часто подвергается критике.

По данным югославского социолога Н. Дуганджее за десять лет с 1961 по 1971 гг. в Хорватии число людей, определявших себя как югославы, выросло с 0,4% до 1,9%. Утвердительно «я югослав, и не могу четко определить никакую другую национальность» ответил 61% хорватов¹⁷⁴. Учитывая эти данные, о массовой поддержке национализма в Хорватии говорить сложно.

Тема единства народов Югославии в конце 1970 г. беспокоила И. Броз Тито. Выступая в Черногории, он отметил: «Я бы хотел обратиться к тем, кто нарушает братство и единство, мы не будем это терпеть. Мы видим, что сегодня делаются попытки внести сомнения в решение национального вопроса. Например, Матица хорватская стремится проникнуть в Воеводину, чтобы разделить хорватов и сербов, но там живут также и венгры, румыны, черногорцы и представители других национальностей. Чем хочет заниматься эта организация? Их в эти места никто не звал. Я против их деятельности, поскольку они разрушают наше единство»¹⁷⁵. После этого заявления главы государства хорватское руководство никаких шагов против Матицы хорватской не предприняло.

Загребский университет в 1970 г. оставался за рамками хорватского «массового движения». Мы уделяем ему внимание на этом этапе, поскольку там происходили события, которые в дальнейшем

будут важны для нашего исследования. На события X пленума ЦК СКХ университет откликнулся своей программой, получившей название «300 дней». Ее разработал Союз студентов Загреба. Программа предполагала решение основных проблем студентов: идейно-политических, организационных, культурных, уровня жизни, международных связей. С программами ЦК СКХ и МХ ее роднила идея создания «свободного национального университета»¹⁷⁶. Таким образом, пока партийные функционеры и общественные деятели боролись за большую самостоятельность республики, университет решал свои внутренние проблемы. Но для реализации программы «300 дней» необходим был координационный центр, единство студентов, а его не было. В оценках политической ситуации в республике здесь, как и в партийных кругах, царили самые разные настроения. Среди студентов были сторонники М. Жанко, националисты, группа так называемых «с Философского факультета». Отдельное положение занимал Союз студентов Загреба, о котором вообще говорили как о «неформальной группе»¹⁷⁷. В целом в университете происходило разделение между «шестидесятниками», то есть теми, кто выступал в 1968 г. за демократические преобразования в стране, и националистами, которые с каждым годом все больше усиливали свое влияние. Во главе Союза студентов Хорватии на тот момент стояли «шестидесятники».

Важным для университета и показательным для МХ и ЦК СКХ стали события вокруг избрания студента–проректора в ноябре 1970 г. Эту должность ввел ректор И. Супек в рамках своих планов по реорганизации университета. На всех факультетах прошла избирательная компания, и 26 ноября состоялось заседание на Философском факультете. На нем присутствовали около 3000 студентов. В Совет университета были предложен Иван Звонимир Чичак.

Несколько слов об этом человеке. Родился И. Звонимир Чичак в 1947 г. в Загребе. В 1965 г. он был исключен из гимназии без права восстановления за национализм. Ему в вину вменяли сотрудничество с эмиграцией и собрания в церкви святого Петра. После отставки А. Ранковича дело было закрыто. И. Звонимир Чичак подал в Верховный суд и добился восстановления в гимназии. В начале 1967 г. он поступил на Юридический факультет Загребского университета и параллельно изучал литературу и французский язык на Философском факультете. Во время учебы он присоединился к движению

пацифистов, выступая за национальное и социальное равноправие. В 1969 г. И. Звонимир Чачак записался в Институт теологической культуры при Богословском факультете и в этом же году стал заместителем председателя факультетского комитета Союза студентов Философского факультета. Очень быстро у него возник конфликт с большинством комитета, где его прозвали клерикалом и ярким националистом¹⁷⁸. После этого обвинения И. Звонимир Чачак вышел из состава Союза студентов. Он начинает выступать в университете с лекциями полными национального пафоса, суть которых сводилась к теме бесперспективности молодежи в Хорватии.

На место студента-проректора претендовали также сторонники программы «300 дней» С. Ланг, председатель Союза студентов Хорватии, и Д. Грубиша, отвечавшие всем требованиям партийной организации. Они были членами партии с хорошей биографией, располагающие поддержкой всех возможных влиятельных людей.

И. Звонимир Чичак поддерживал программу «300 дней», но у него самого никаких конкретных предложений не было. Этот человек вообще оказался вне системы, не являлся членом партии или другой молодежной организации, выступал как представитель католической молодежи. Сначала он вообще не собирался участвовать в выборах, но когда один из кандидатов выбыл, принял решение выставить свою кандидатуру. Многие факультеты отдали свои голоса за Д. Грубишу. Однако на Главной скупщине, подводя итоги голосования, один из студентов вышел и заявил о нарушениях в ходе голосования. Его возмутило отсутствие информации об одном из кандидатов во время предвыборной компании. В ходе дискуссий было принято решение переголосовать прямо на месте. Неожиданно для многих победил И. Звонимир Чичак. Он сразу же выступил в поддержку решений X пленума ЦК СКХ, «300 дней», хотя заметил, что программа требует доработки.

События вокруг избрания И. Звонимира Чичака очень показательны. Мы видим, что общая масса студентов на тот момент не управлялась ни партийной организацией, ни националистическими кругами. И избрание И. Звонимира Чачака, за которым никто из этих сил не стоял, прямое тому подтверждение.

* * *

Таким образом, рассмотренный материал показывает, что особенностью данного этапа развития хорватского движения стало оформление его целей и задач. Отличительной чертой 1970 г. стал переход

от обсуждений проблем хорватской самобытности и условий существования в рамках СФРЮ к разработке программ конкретных действий. Молодые хорватские лидеры сумели склонить И. Броз Тито на свою сторону, и как следствие — не просто удержаться у власти, но и укрепить свои позиции. Им удалось погасить критику своей политики и роста национализма в республике.

На этом этапе происходит окончательный раскол в СКХ. Старшее поколение во главе с В. Бакаричем настаивало на свертывании нового направления хорватского политического курса. Принять решительные меры против молодых лидеров помешала непоследовательная позиция И. Броз Тито, который, то критиковал, то поддерживал С. Дабчевич-Кучар, М. Трипало и их единомышленников.

В 1970 г. были разработаны программы двух составляющих движения — СКХ и МХ. Университет же, в котором политическая жизнь в этот год, хотя и была активной, но его трудно пока определить как равноправную составляющую хорватского «массового движения». Однако и он с его деятельной позицией уже начал формулировать свою программу действий. Для всех программ общими положениями были планы большей экономической самостоятельности Хорватии, которые включали в себя реформирование банковской системы, изменение в распределении инвестиционных средств, осуществление политики «чистых доходов», то есть отказ от возвращения в общесоюзный бюджет заработанные республикой финансовые средства, перераспределение валютных резервов. В области культуры и образования декларировались необходимость бороться за свободу самовыражения хорватского самосознания, за самостоятельность хорватского литературного языка. Еще одним общим для всех сил стал взгляд на национальный вопрос, который в аспекте взаимоотношений с сербским населением все больше приобретал черты национализма. МХ прямо заявила о недопустимости преобладания в республиканской бюрократии сербских кадров. Молодые хорватские лидеры признавали существование в Хорватии элементов национализма, но уверяли, что они находятся под контролем.

Усиление политической самостоятельности республики участникам движения на этом этапе виделось по-разному. Лидеры СКХ отстаивали право самостоятельно от других республик и союзных органов принимать политические решения, при этом они считали недопустимой критику в отношении проводимой ими в Хорватии политики. Это

право, по их мнению, оправдывалось «прогрессивностью» взглядов хорватской политической элиты и поддержкой ее со стороны И. Броз Тито. Деятели МХ собирались разрабатывать новые механизмы принятия политических решений в Республике. Представляя себя будущими политическими лидерами Хорватии, они внедряли в органы власти и партии своих сторонников. ЦК СКХ озвучил планы по созданию социалистического государства в рамках Югославии, Матица же стремилась к максимально свободной Хорватии, обсуждая на страницах периодического издания вопрос о ее будущей независимости.

Методы осуществления намеченных программ двух составляющих хорватского «массового движения» были тоже разными. Хорватские коммунисты планировали занять лидирующее место в СКЮ и на правах самой «прогрессивной» части партии проводить задуманные планы в жизнь в рамках существующих механизмов социалистической системы. Деятели МХ хотели преодолеть монополию одной партии, противопоставив ей политические возможности своей организации, занимавшей последние несколько лет активным партийным строительством. Конкретных временных рамок осуществления ни в одной программе оговорено не было.

Мы наблюдаем складывание четкой концепции хорватского национального движения, основной целью которого являлось создание самостоятельного хорватского государства пока в рамках Югославии. При определенных благоприятных условиях не исключалась и полная независимость. Уже четко обозначенные в системе политических координат составляющие силы хорватского движения МХ и СКХ действуют не просто в одном направлении, они согласовывают свои программы.

* * *

Подводя итог первым трем этапам хорватского «массового движения», мы видим, как с 1967 г. по 1970 гг. происходило его становление и развитие. В условиях проведения в стране серьезных экономических и политических реформ, в Хорватии появилось ощущение большей свободы и демократии, и как следствие — желание ряда общественных и политических кругов пересмотреть место республики в Югославии. На первом этапе в 1967 г. по инициативе Матицы хорватской начинается переосмысление исторического прошлого Хорватии и перспектив ее будущего развития. Вопросы истории, культурной самобытности, литературного языка, постепенно приобретают

политическое звучание. Исходной точкой хорватского «массового движения» стала публикация «Декларации о положении и названии хорватского литературного языка». На фоне обсуждения этого документа определился будущий круг участников движения — МХ, часть СКХ и университет.

Деятели МХ не просто заручились поддержкой части хорватских коммунистов, а как показывают архивные материалы и свидетельства очевидцев, привлекли их к разработке и принятию «Декларации». Этим объясняется нежелание хорватского руководства проводить тщательное расследование по выявлению авторов документа, а также принимать решения о способах их наказаний. В силу своего положения, они осторожно критиковали публикацию, но поддерживали многие идеи, которые были заложены в документе. Положение МХ в общественной и политической жизни серьезно изменилось. Эта организация все больше приобретала черты политической партии. Ее лидеры стремились занять посты в высших республиканских и союзных органах власти.

В рядах СКХ на этом этапе наметились пока едва уловимые, но серьезные разногласия. Старшее поколение хорватских коммунистов во главе с В. Бакаричем не разделяло произошедший национальный всплеск в рядах хорватской интеллигенции и поддержавших ее молодых хорватских лидеров. Однако он не смог противостоять этой тенденции, поскольку свою позицию не очень четко выражал И. Броз Тито. Глава государства подверг критике «Декларацию» и потребовал суровых мер в отношении ее авторов, но никак не связал ее появление с новыми тенденциями в партии. Он тогда еще не понимал, что организация нашла в лице хорватских партийных лидеров будущих союзников. Активное участие в принятии, обсуждении и публикации «Декларации» принял Загребский университет.

Следующий этап, 1968–1969 гг., характеризуется тем, что партийное и республиканское руководство возглавили молодые коммунисты. Они были полны новых идей и собственных представлений о будущем Хорватии, разделяли чаяния хорватской интеллигенции в ее стремлении защищать хорватскую самобытность и национальные интересы. Особенностью второго этапа хорватского «массового движения» стала постановка хорватскими лидерами вопросов большей экономической самостоятельности Республики, следствием чего стало противостояние Хорватии с союзными органами.

Новые хорватские лидеры хотели, чтобы Хорватия стала сама распоряжаться своими доходами, валютными средствами, аккумулировав их в своих национальных банках, а не в союзных, располагала большими инвестиционными возможностями. За экономическими последовали политические требованиями. Хорватия критиковала неравноправное представительство республик в союзных органах. Эти хорватские инициативы не поддержали ни союзные власти, ни другие югославские республики. Апеллируя к историческим правам хорватского народа, молодые коммунисты спровоцировали обострение в Хорватии межнациональных противоречий и как следствие — рост националистических настроений, как среди хорватов, так и среди сербов, проживавших в республике.

Этому способствовала и активизация МХ, которая в 1968–1969 гг. сменила направление своей деятельности. Пользуясь поддержкой части хорватского руководства, она серьезно расширила сеть представительств своей организации, увеличила количество членов, особенно активно действовала на издательском поприще, усилила пропаганду идей, которые далеко выходили за традиционные для этой организации рамки культуры и творчества. На страницах периодических изданий организации открыто пропагандировалась национальная нетерпимость, обсуждалось «экономическое угнетение» Хорватии в Югославии, рассматривались возможности создания национального государства. Руководство республики не только не принимало мер против подобных материалов в печати, но чаще само их поддерживало. МХ, в свою очередь, популяризировало в рамках научных и общественных форумов, в средствах массовой информации идеи молодых хорватских коммунистов. На этом этапе мы уже можем говорить о союзе этих двух сил «массового движения».

В 1968–1969 гг. происходит становление университетского движения. В ходе студенческих волнений в Белграде загребские студенты разделились на две группы — так называемых «левых», которые поддерживали белградские требования большей демократизации общества, и националистов, которые выступали исключительно за национальные хорватские интересы. Этому разделению способствовали пропаганда МХ и действия части хорватских коммунистов, которые осудили действия белградских студентов и пытались навязать загребским другую позицию, уверяя, что у хорватской молодежи свои национальные цели и задачи.

В то же время в Хорватии сложилась оппозиция новым тенденциям. В нее входили старые партийные кадры, часть югославски ориентированной политической элиты, военные и ветераны Народно-освободительной войны. Одни из них, М. Жанко, попытался привлечь внимание югославской общественности к росту национализма в Хорватии, но был осужден партией за «антихорватскую» деятельность. И. Броз Тито, не вникая в суть доводов оппонентов молодых хорватских лидеров, осудил попытки критики хорватского руководства. Тем самым, были ликвидированы все преграды на пути осуществления хорватской национальной идеи.

На втором этапе развития хорватского «массового движения» произошло складывание всех трех его составляющих — МХ, СКХ и университета в тесный союз. Общей для них стала постановка вопроса о месте Хорватии в Югославии.

Следующий этап (1970 г.) характеризуется переходом от обсуждений проблем развития республики к разработке конкретных программ действия и методом ее осуществления. На X пленуме ЦК СКХ (январь 1970 г.) была принята новая программа СКХ. Молодые хорватские коммунисты сумели открыто поставить вопрос о правах Хорватии на большую экономическую, политическую и культурную самостоятельность. В конце года свою программу приняла и Матица хорватская. Ее идеологи видели себя будущими лидерами Хорватии, активно внедряя своих сторонников в органы власти и партии. Университет оставался пока в стороне от движения, но и здесь закладывались основы для превращения университетского протеста в третью силу хорватского «массового движения».

Многие в руководстве СКЮ и СФРЮ не поддержали хорватские инициативы. Они обвинили хорватских коммунистов в лидерских амбициях, стремлении занять в Югославии привилегированное положение. Так, лидеры Македонии, Словении и Сербии, сначала симпатизировавшие готовности хорватов к серьезным преобразованиям в стране, после озвучивания их новой программы, особенно в области экономики, выступили против, поскольку эти планы ущемляли интересы их республик. И. Броз Тито все еще колебался при выборе позиции в отношении хорватских новшеств, поэтому он больше слушал хорватских лидеров, пытаясь осознать суть хорватских требований. Недовольство ситуацией, которая сложилась в Хорватии, было поручено выразить Э. Карделю. Хорватским

коммунистов было рекомендовано свернуть курс на большую самостоятельность.

После шквала критики в адрес Хорватии происходит окончательный раскол в СКХ. В. Бакарнич перешел от предупреждений к требованию прекратить националистические мероприятия, осуществляемый молодыми коммунистами. Но предпринять решительные меры в этом направлении помешала непоследовательная позиция И. Броз Тито. Вызвана она была тем, что сначала хорватскими руководителями он был намеренно введен в заблуждение о сути X пленума ЦК СКХ, а позднее они сумели его убедить в важности для страны проводимой ими политикой.

К концу 1970 г. мы видим сложившуюся концепцию хорватского «массового движения», которая сводилась к созданию пока в рамках Югославии максимально самостоятельной Хорватии. Однако в этой концепции уже прослеживается тенденция говорить о независимости республики при определенных благоприятных условиях.

Примечания

¹ Jandrić B. Pogledi na Deklaraciju o nazivu i položaju hrvatskog književnog jezika // Povjesni prilozi. 1999. № 18. S. 343.

² HDA. CK SKH. Materijal komisije za društveno-politički sistem i međunarodne odnose CK SKH.5781. S. 4–5.

³ Deklaracija o nazivu i položaju hrvatskog književnog jezika // Geneza maspoka u Hrvatskoj. Kesar J., Bilbija Đ., Stefanović N. Beograd: Knjizevne novine, 1990. S. 2.

⁴ Ribičić M. Zbunjenost nacije ili zbunjenost komunista // Ekonomska politika. 1967. 8 apr. S. 423.

⁵ Jandrić B. Pogledi na Deklaraciju o nazivu i položaju hrvatskog književnog... S. 326.

⁶ Ponoš. T. Na rubu revolucije- studenti '71. Zagreb: Profil. 2007. S. 22.

⁷ Zaključci Glavnog odbora SSRN u povodu „Deklaracije o nazivu i položaju hrvatskog književnog jezika“ // Geneza maspoka u Hrvatskoj... S. 36.

⁸ HDA. CK SKH. Magnitofonska zapis razgovora u CK SKH 21.02.1972. Str. Pov. 867/ 3. S. 9.

⁹ Iz izvještaja “O poduzetim mjerama u vezi s Deklaracijom” // Geneza maspoka u Hrvatskoj... S. 90–91.

¹⁰ Хорватская Академия в Америке основана в 1953 г. Популяризировала хорватскую историю и культуру, с 1960 г. издавала журнал «The Journal of Croatian Studies».

¹¹ Zanko M. U toj (nacionalističkoj) ludosti ima sistema // Geneza maspoka u Hrvatskoj... S. 207.

¹² Dubajić S. Pismo M. Zanko // Geneza maspoka u Hrvatskoj... S. 22.

¹³ Мишовић М. Јасне границе // НИИ, 1971. 25 jul. С. 9.

¹⁴ Stenografski zapisnik sa sjenice Predsedništva CK SK Hrvatske, održane 3.4.1967 // Geneza maspoka u Hrvatskoj... S. 71.

¹⁵ Peta plenarna sjednica Glavnog odbora SSRN // Ibid. S. 34.

¹⁶ Ibid. S. 31.

¹⁷ Zaključci Glavnog odbora SSRN u povodu „Deklaracije o nazivu i položaju hrvatskog književnog jezika“ // Ibid. S. 36.

¹⁸ Predlog pitanja za razmišljanje // Ibid. S. 44.

¹⁹ Бађић П. Нова усташка држава? Од Анте Старчевића до Павелића и Туђмана. Београд: 1991. S. 128.

²⁰ Izjava predstavnika potpisnika Deklaracije // Geneza maspoka u Hrvatskoj... S. 41.

²¹ Identitet: srbi i / ili jugoslaveni. Svetlana Ljuboja. Beograd: Institut za evropske studije, 2001. S. 51; Jandrić B. Pogledi na Deklaraciju o nazivu i položaju hrvatskog književnog jezika // Povjesni prilozi, 1999. № 18. S. 369.

²² Stenografski zapisnik sa sjenice Predsedništva CK SK Hrvatske, održane 3.4.1967 // Geneza maspoka u Hrvatskoj... S. 61.

²³ Ibid. S. 48.

²⁴ Ibid. S. 73.

²⁵ Ponoš. T. Na rubu revolucije- studenti '71... S. 27.

²⁶ Bilandić D. Povijest izbliza. Memuarski zapisi 1945–2005. Zagreb: 2006. S. 74.

²⁷ Jandrić B. Pogledi na Deklaraciju o nazivu i položaju hrvatskog književnog jezika... S. 369.

²⁸ Iz izvještaja “O poduzetim mjerama u vezi s Deklaracijom” // Geneza maspoka u Hrvatskoj... S. 86.

²⁹ Jandrić B. Sveučilišni nastavnici Filozofskog fakulteta u Zagrebu u obrani sastavljača i potpisnika Deklaraciji o nazivu i položaju hrvatskoga knjiženog jezika // Dijalog povjesničara- istoričara, Zagreb. 2000. 20–22 okt. S. 400

³⁰ Jandrić B. Pogledi na Deklaraciju o nazivu i položaju hrvatskog književnog jezika... S. 346.

³¹ Ibid. S. 303.

³² Pismo katedre za jugoslavenske književnosti Filozofskog fakulteta u Zadru Matici Hrvatskoj // Geneza maspoka u Hrvatskoj... S. 21.

³³ Spehnhjak K. Većeslav Holjevac u političkim događajima u Hrvatskoj 1967 godine // Časopis za savremenu povijest. Zagreb: 2000. № 32. S. 567–593.

³⁴ Dabčević-Kučar S. '71 hrvatski snovi i stvarnost. Zagreb: 1997. 2 sv. S. 117.

³⁵ Kastratović D. Proljeće moderne Hrvatske. Zagreb: 2002. S. 48.

³⁶ Otvoreno pismo drugovima književnicima // Geneza maspoka u Hrvatskoj... S. 37.

- ³⁷ Ibid. S. 38.
- ³⁸ Ibidem.
- ³⁹ Ibid. S. 26.
- ⁴⁰ Reljić S. Naši narodi nikada i nikome neće dopustiti slabljenje jеdinstva armije // Ibid. S. 20.
- ⁴¹ Nepotpisano pismo upućeno iz Munhena // Ibid. S. 27.
- ⁴² Ibid. S. 25.
- ⁴³ Ibidem.
- ⁴⁴ Spehnjak K. Većeslav Holjevac u političkim događajima u Hrvatskoj 1967 godine... S. 580.
- ⁴⁵ Matici treba da bude strano pokroviteljstvo nad Hrvatima koji žive van Hrvatske. Borba, 1970 g. 23 nov. // Geneza maspoka u Hrvatskoj... S. 677.
- ⁴⁶ Kastratović D. Proljeće moderne Hrvatske... S. 60.
- ⁴⁷ Остојић С. Две матице — два речника // НИИ, 1970. 29 нов. С. 12.
- ⁴⁸ Ibidem.
- ⁴⁹ HDA. CK SKH. D 3785. S. 1.
- ⁵⁰ Tripalo M. Hrvatsko proljeće. Zagreb: 1990. S. 91.
- ⁵¹ Ponoš. T. Na rubu revolucije- studenti '71... S. 30.
- ⁵² Tripalo M. Hrvatsko proljeće... S. 346.
- ⁵³ Bilanžić D. Povijest izbliza... S. 66.
- ⁵⁴ HDA. CK SKH. Govor predsjednika SKJ J. Broza Tito na mitingu 10.10.1969 u Zagrebu (Bilten službe za informaciju). Zagreb. okt. 1969, D 3843. S. 18–19.
- ⁵⁵ Dabčević-Kučar S. '71 hrvatski snovi i stvarnost... S. 89.
- ⁵⁶ Zanko M. Zabilješka o nacionalističkim pojavama u SR Hrvatskoj koje sam iznio u razgovoru sa Predsjednikom Republike // Geneza maspoka u Hrvatskoj... S. 179.
- ⁵⁷ Миладиновић И. Тајна и опомена: 1968.: тридесет пет година касније: Све модрине студентске револуције. Београд: 2003. С. 17.
- ⁵⁸ ARSl. F.1589, Š.60. S. 89.
- ⁵⁹ Jandrić B. Stajalište članova SKH Filozofskog fakulteta u Zagrebu u povodu studentskih nemira od 3 do 11 lipnja 1968 g. // Časopis za avremenu povjest. 2002. № 1. S. 16.
- ⁶⁰ ARSl. F.1589, Š.60. S. 91.
- ⁶¹ Marković P. J. Studentski pokret u Jugoslaviji 60-tih godina 20 veka: između nacionalizma i internacionalizma, između reformizma i dogmatizma // Dijalog povjesničara- istoričara, Zagreb. 2002. 20–22 septembra. S. 405.
- ⁶² Ponoš. T. Na rubu revolucije-studenti '71... S. 35.
- ⁶³ Миладиновић И. Тајна и опомена: 1968... С. 70–71.
- ⁶⁴ Vesilica M. Milošević nije srpski Tripalo // Prekinuta šutnja: ljudi iz 1971 g. Zagreb: 1990. S. 223.
- ⁶⁵ ARSl. F.1589, Š.60. S. 2.

- ⁶⁶ ARSl. F.1589, Š.60. S. 89.
- ⁶⁷ Arhiv Srbije i Crne Gore (ARSiC). F 507, CK SKJ, VIII, II /28, Br. 218. S. 3.
- ⁶⁸ Tripalo M. Hrvatsko proljeće... S. 89.
- ⁶⁹ Ponoš, T. Na rubu revolucije- studenti '71... S. 45.
- ⁷⁰ Ibid. S. 48.
- ⁷¹ Gotovac V., Budiša D. Razgovori o slobodnoj Hrvatskoj. Zagreb: 1991. S. 239–240.
- ⁷² Tripalo M. Hrvatski nacionalni program — počeci pluralizma // Erasmus. 1996. № 15. S. 23.
- ⁷³ Bilanžić D. Povijest izbliza... S. 78.
- ⁷⁴ Zanko M. U toj (nacionalističkoj) ludosti ima sistema // Geneza maspoka u Hrvatskoj... S. 215.
- ⁷⁵ Ibid. S. 214.
- ⁷⁶ Uredništvo Hrvatskog književnog lista. Odgovor dr. Milošu Zanko na članak „O listu koji nije hrvatski ni književni“ // Ibid. S. 149.
- ⁷⁷ Meštović M. O nekim problemima hrvatske politike // Ibid. S. 246.
- ⁷⁸ Pismo šefu kabineta predsjednika Republike J. Smoleu od M. Žanko // Ibid. S. 191.
- ⁷⁹ Ramet P. Jugoslavia in the 1980 s. L.: 1985. P. 108.
- ⁸⁰ Zanko M. Zabilješka o nacionalističkim pojavama u SR Hrvatskoj koje sam iznio u razgovoru sa Predsjednikom Republike // Geneza maspoka u Hrvatskoj... S. 174.
- ⁸¹ Ibid. S. 178.
- ⁸² Bilanžić D. Povijest izbliza... S. 76.
- ⁸³ ARSl. F.1589, Š.60. S. 2.
- ⁸⁴ HDA. CK SKH. Razgovor S. Dabčević-Kučar sa novinarima, radio i televizija Zagreba u CK SKH. 1969 g. 27 maja. D 3678.
- ⁸⁵ Znanstveni skup «Hrvatska politika u dvadesetom stoljeću». Matica hrvatska 27–29. 04.2004. Zagreb: 2006. S. 45.
- ⁸⁶ HDA. CK SKH. Sastanak za grupom kulturnih radnika koji je održan u CK SKH 1969 g. 19 jun. D 4349. S. 59–62.
- ⁸⁷ Ibid. S. 124.
- ⁸⁸ HDA. CK SKH. Sastanak sa književnicama u CK SKH. 1969 g. 12 maja. D 4348. III/16
- ⁸⁹ Tripalo M. Hrvatsko proljeće... S. 112
- ⁹⁰ ARSl. F.1589. Š. 37.
- ⁹¹ Izlaganje Branka Mikulića na sednici Konferencije SK BiH // Geneza maspoka u Hrvatskoj... S. 239.
- ⁹² Dabčević-Kučar S. '71 hrvatski snovi i stvarnost... S. 92–94.
- ⁹³ ARSiC. F507, CK SKJ, IV/88, Priv. 1. S. 16/5.
- ⁹⁴ Ibid. S. 15/4.

⁹⁵ Sastanak republičkog političkog aktiva održan 1969 g. 13 dec. // Geneza maspoka u Hrvatskoj... S. 320.

⁹⁶ Продановић Ј. Политичка ликвидација у телевизијском преносу (сећања: живот и смрт др. Милоша Жанка З) // Политика, 2000. 10 фебр. С. 17.

⁹⁷ Razgovor političkog rukovodstva Hrvatske sa dr. Milošem Žanko u CK SKH 1970 g. 8 jan. // Geneza maspoka u Hrvatskoj... S. 338.

⁹⁸ Dabčević-Kučar S. SKH u političkoj akciji. Zagreb: 1971. S. 27.

⁹⁹ Razgovor političkog rukovodstva Hrvatske sa dr. Milošem Žanko u CK SKH 1970 g. 8 jan. // Geneza maspoka u Hrvatskoj... S. 340.

¹⁰⁰ Ibid. S. 379.

¹⁰¹ Ibid. S. 346.

¹⁰² Dabčević-Kučar S. '71 hrvatski snovi i stvarnost... S. 124.

¹⁰³ Zabilješka o završnoj rječi gruga Tita na sastanku sa članovima Izvršnog komiteta i predsendicima komisija CK Saveza komunista Hrvatske // Geneza maspoka u Hrvatskoj... S. 395

¹⁰⁴ Ponoš. T. Na rubu revolucije- studenti '71... S. 57.

¹⁰⁵ Kastratović D. Proljeće moderne Hrvatske... S. 150.

¹⁰⁶ Dabčević-Kučar S. SKH u političkoj akciji... S. 42.

¹⁰⁷ Dabčević –Kučar S., Gotovac V., Budiša D. Nakon četvrt stoljeća // Eras-mus. 1996. № 15. S. 9.

¹⁰⁸ Deseta sednica CK SKH 15–17 jan. 1970 g. // Geneza maspoka u Hrvat-skoj... S. 410.

¹⁰⁹ Ibid. S. 415.

¹¹⁰ ARSiC, F507, CK SKJ, IV/101, Priv. 1. S. 212.

¹¹¹ Razgovor za M. Tripalo u splitskoj „Iskri“ 1989 g. 16 jun. // Geneza mas-poka u Hrvatskoj... S. 1194.

¹¹² Deseta sednica CK SKH 15–17 jan. 1970 g. // Ibid. S. 434.

¹¹³ Deseta sednica CK SKH 15–17 jan. 1970 g. // Ibid. S. 485.

¹¹⁴ Ibidem.

¹¹⁵ Ibid. S. 426.

¹¹⁶ Ibid. S. 445.

¹¹⁷ Tripalo M. Hrvatsko proljeće... S. 112.

¹¹⁸ Tripalo M. Bilo je to za Jugoslaviju // Prekinuta šutnja: ljudi iz 1971 g... S. 69.

¹¹⁹ Zaključci X sjednice CK SKH // Geneza maspoka u Hrvatskoj... S. 511.

¹²⁰ Tripalo M. Bilo je to za Jugoslaviju ... S. 69.

¹²¹ Zaključci X sjednice CK SKH // Geneza maspoka u Hrvatskoj... S. 510.

¹²² Završna riječ dr. Savke Dabčević-Kučar // Ibid. S. 513.

¹²³ Dabčević-Kučar S. '71 hrvatski snovi i stvarnost... S. 157.

¹²⁴ ARSiC, F507, CK SKJ, IV/92, Pr. 1. S. 195.

¹²⁵ Ibid. S. 199.

¹²⁶ Ibid. S. 198.

- ¹²⁷ 39 proširena sednica Izvršnog biroa Predsedništva SKJ 16–18 marta 1970 g. // Geneza maspoka u Hrvatskoj... S. 571.
- ¹²⁸ 39 proširena sednica Izvršnog biroa Predsedništva SKJ 16–18 marta 1970 g. // Ibid. S. 575–576.
- ¹²⁹ Vjesniku u sredu o K. Pinter 1970 g. 25 marta // Ibid. S. 558.
- ¹³⁰ Govor V. Bakarića aktivu komunista Saveznog sekretarijata za narodnu obranu u drugoj polovini februara 1970 g. // Ibid. S. 527.
- ¹³¹ Geneza maspoka u Hrvatskoj... S. 532.
- ¹³² ARSiC, F.507, CK SKJ, IV/92, Pr. 1. S. 3.
- ¹³³ Ibid. S. 129.
- ¹³⁴ Ibid. S. 132.
- ¹³⁵ Ibid. S. 134.
- ¹³⁶ Ibid. S. 135.
- ¹³⁷ Ibid. S. 136–138.
- ¹³⁸ Ibid. S. 5.
- ¹³⁹ Prekinuta šutnja: ljudi iz 1971 g... S. 71.
- ¹⁴⁰ 39 proširena sednica Izvršnog biroa Predsedništva SKJ 16–18 marta 1970 g. // Geneza maspoka u Hrvatskoj... S. 592.
- ¹⁴¹ ARSl. F. 1277. Rodbinski fond Edvard Kardelj. Š. 4. Dosje XIII.
- ¹⁴² ARSiC. F.507, CK SKJ, IV/101. Pr. 1. S. 213
- ¹⁴³ Ibid. S. 172.
- ¹⁴⁴ 39 proširena sednica Izvršnog biroa Predsedništva SKJ 16–18 marta 1970 g. // Geneza maspoka u Hrvatskoj... S. 572.
- ¹⁴⁵ О настроениях в Хорватии. Сообщение Франс Пресс // ИТАР – ТАСС, 1970 г 23 февр.
- ¹⁴⁶ Ситуация в Хорватии. Сообщение Нью-Йорк Таймс// ИТАР – ТАСС, 1970 г. 5 февр.
- ¹⁴⁷ О настроениях в Хорватии. Сообщение Франс Пресс // ИТАР – ТАСС, 1970 г 23 февр.
- ¹⁴⁸ Bilanžić D. Povijest izbliza... S. 92–93.
- ¹⁴⁹ Dabčević – Kučar S., Gotovac V., Budiša D. Nakon četvrt stoljeća // Erasmus. 1996. № 15. S. 12.
- ¹⁵⁰ HDA. CK SKH. Izvodi iz govora V. Bakarića na sjednice MOK SKH, Bjelovar 7.12.1971. Pov. 864 /2. S 6–8.
- ¹⁵¹ Ibid. S. 8.
- ¹⁵² Savez komunista Hrvatske. Centralni komitet. Sjednica (28, Zagreb, 1972), Izvještaj o stanju u Savezu komunista Hrvatske u odnosu na prodor nacionalisma u njegove redove (usvojen na 28 sjednici CK SKH, 8 svibnja 1972). Zagreb: 2003. S. 161.
- ¹⁵³ Ibid. S. 263–264.
- ¹⁵⁴ Vuković Z. Od deformacija SDB do maspoka i liberalisma: Moji stenografski zapisi 1966–1972 godine. Beograd: 1996. 400 s.

- ¹⁵⁵ Ситуација в Хорватији. Сообщение Нью-Йорк Таймс // ИТАР – ТАСС, 1970 г. 5 февр.
- ¹⁵⁶ Rešenje Sekretarijata javne sigurnosti Zagreba // Geneza maspoka u Hrvatskoj... S. 608–609.
- ¹⁵⁷ Kastratović D. Proljeće moderne Hrvatske... S. 139–140.
- ¹⁵⁸ Ibid.. S. 139–140.
- ¹⁵⁹ HDA. CK SKH. Javno mnijenje stanovništva SR Hrvatske u lipnju 1970 g. D 4823
- ¹⁶⁰ Ibidem.
- ¹⁶¹ Korsky I. Hrvatski nacionalizam. Zagreb: 1991. S. 198.
- ¹⁶² Jandrić B. Uloga Matici hrvatske u događajima 1971 godine // Dijalog povjesničara-istoričara, Zagreb, 2002. 20–22 septembra. S. 422.
- ¹⁶³ Savez komunista Hrvatske. Centralni komitet. Sjednica (28, Zagreb, 1972)... S. 54.
- ¹⁶⁴ Jandrić B. Uloga Matici hrvatske u događajima 1971 godine... S. 427.
- ¹⁶⁵ Ibid. S. 428.
- ¹⁶⁶ Sjeća Hrvatske u Karađorđevu 1971: 21 sjednica. Autorizirani zapisnik. Glavni odgovorni urednik Pišković M. Zabreb: 1994. S. 141.
- ¹⁶⁷ Savez komunista Hrvatske. Centralni komitet. Sjednica (28, Zagreb, 1972)... S. 159.
- ¹⁶⁸ Jandrić B. Uloga Matici hrvatske u događajima 1971 godine... S. 421.
- ¹⁶⁹ Savez komunista Hrvatske. Centralni komitet. Sjednica (28, Zagreb, 1972)... S. 167.
- ¹⁷⁰ Iveković H. Glavna skupština Matice hrvatske 22.11.1970 // Режим доступа. www.matica.hr
- ¹⁷¹ Gotovac V., Budiša D. Razgovori o slobodnoj Hrvatskoj... S. 117.
- ¹⁷² Petrić D. Hrvatsko proljeće u Splitu godine 1971 // Hrvatska obzorja. 1996. № 4. S. 808.
- ¹⁷³ Đorđević Ž. Rasgovor o federaciji // NIN, 1970 г. 21 јун. С. 5.
- ¹⁷⁴ Identitet: srbi i / ili jugoslaveni. Svetlana Ljuboja... S. 174.
- ¹⁷⁵ Zanko M. U toj (nacionalističkoj) ludosti ima sistema // Geneza maspoka u Hrvatskoj... S. 218.
- ¹⁷⁶ Saopštenje Predsedništva Saveza studenata Zagreba // Ibid. S. 631.
- ¹⁷⁷ Ponoš. T. Na rubu revolucije- studenti '71... S. 67.
- ¹⁷⁸ Ibidem.

ГЛАВА 3

МАССОВОЕ ДВИЖЕНИЕ К НАЦИОНАЛИЗМУ

§1. «Хорватский отпор своей трагической судьбе»

В 1971 г. в Югославии происходили процессы, которые способствовали дальнейшему развитию хорватского «массового движения». В стране началось обсуждение поправок к Конституции, создававших, по сути, конфедерацию. Так, понятие «республики» получило новое определение — «государство, основанное на суверенитете народа»¹, подчеркивая большую самостоятельность каждого из субъектов федерации. Всего было принято двадцать три поправки. Согласно новым конституционным поправкам, суверенные права осуществлялись в республиках и краях, а на уровне федерации — только с согласия всех субъектов федерации. В каждую государственную структуру должны были входить представители всех республик. Все эти изменения способствовали ослаблению центра.

Одновременно на партийных форумах велось активное обсуждение соотношения классового и национального компонентов в социалистической системе. Коммунисты активно обсуждали вопрос национального суверенитета — насколько он может быть широким, что под ним подразумевается. Использование таких важных понятий как «суверенитет», «нация», «государственность» на республиканском уровне, создавали условия сторонникам большей самостоятельности югославских республик для того, чтобы озвучить самые смелые планы будущего развития страны. Э. Кардель в разговоре с Д. Биладжичем прямо заявил: «Мы сейчас находимся в процессе создания конфедерации. С принятием поправок это станет возможно. Югославия будет существовать в таких условиях, пока не изменится международная ситуация. В дальнейшем нам нужно отказаться от идеи Югославии, но для этого нужны серьезные перемены в мире»². Если подобным образом рассуждал второй человек в стране после И. Броз Тито, то не удивительно, что идеи о серьезном реформировании Югославии поднимались и на уровне республик.

В Хорватии эти идеи приобрели националистический характер. В процессе принятия поправок к республиканской Конституции 1971 г. снова возникли разногласия между представителями старшего поколения коммунистов и молодыми хорватскими политиками. М. Трипало выступил за формулировку: «СР Хорватия — национальное государство хорватского народа, государство сербов и представителей других народов и народностей, которые в ней живут». Он объяснял свою позицию так: «Исходя из права каждого народа на самоопределение, которое вытекает из права на создание национального государства, мы считали, что нужно закрепить именно такое понятие. Другой вопрос, будет ли использовать народ свое право на создание национального государства. Конечно, никто из нас не подразумевал под этим определением этнически чистую Хорватию. Но факт остается фактом, что у сербского народа уже есть свое национальное государство — и это Сербия. Хорваты также имеют право на свое национальное государство»³. Это одно из доказательств того, что хорватские коммунисты из числа молодого поколения не исключали возможности со временем создать хорватское независимое государство и не видели в нем полноправного положения для представителей сербской нации. Поэтому для них было очень важно подчеркнуть в Конституции республики отличие сербов, проживающих в Хорватии, от сербского народа на территории Сербии. Лишение по Конституции сербов статуса «народа», потенциально ущемляло из права при создании независимого хорватского государства. Повторилась ситуация 1947 г., когда А. Хебранг отстаивал формулировку «сербов в Хорватии», не признавая присутствия «сербского народа» в республике. С. Дабчевич-Кучар часто подчеркивала преемственность позиции А. Хебранга и своей политики.

Другая часть хорватских коммунистов вокруг В. Бакарича вместо слов «национальное государство хорватского народа» настаивало на формулировке «государство хорватского народа». Они также выступали против фразы «сербь в Хорватии», отстаивая формулировку «сербский народ и представители других народностей, которые живут в СР Хорватии». Старшее поколение коммунистов с опаской относилось к радикальным переменам, затрагивающим межнациональные отношения. Подобные дискуссии не способствовали укреплению политики братства и единства, свежи еще были в памяти и военные

преступления в отношении сербского населения под лозунгами создания «чистого хорватского государства».

В окончательном варианте первая поправка к Конституции СР Хорватии звучала: «Социалистическая республика Хорватия — суверенное национальное государство хорватского народа, государство сербского народа в Хорватии, и государство народностей, которые в ней живут, основанное на суверенитете народа, на власти и самоуправлении»⁴. С одной стороны, этой формулировкой сербский и хорватский народы уравнивались в правах, с другой стороны, оставалось неясно, суверенитет какого народа будет лежать в основе будущего независимого государства. Например, в поправке к Конституции Словении не было определения национального государства. В словенской Конституции, также как и в хорватской, присутствовало определение суверенитета: «Социалистическая республика Словения основана на суверенитете словенского народа». Македонская Конституция была похожа на хорватскую. В ней подчеркивался национальный характер республиканской государственности: «суверенное национальное государство македонского народа и народностей, которые в ней проживают»⁵. То есть, каждая из республик СФРЮ при составлении поправок 1971 г. руководствовалась интересами национального большинства и старалась сформулировать их таким образом, чтобы подготовить основу для возможного выхода из состава Югославии, хотя об этом, разумеется, никто не говорил прямо. Но зачем тогда было четко прописывать понятия «суверенитета», «национального государства»?

В. Бакарич отмечал, что вслед за обсуждением республиканских поправок в Хорватии появился тезис о «суверенитете нации», ссылаясь на который можно со временем претендовать на свое государство⁶. Он считал, что именно во время работы над конституционными поправками были созданы условия для разрастания националистической идеологии в республике. И произошло это, по его мнению, так массово и широко из-за недостаточно четкого представления хорватских коммунистов о рамках республиканской государственности. Он видел причины возникновения массового движения в том, что коммунистам не удалось «искоренить» историческое прошлое. В результате коммунисты «пошли» в националисты, только таким способом они могли удовлетворить свои амбиции⁷.

Опираясь на решения X пленума ЦК СКХ, которые отразили желание Хорватии быть более независимой в экономическом

и политическом плане, молодые хорватские лидеры привлекли к процессу обсуждения конституционных поправок широкую общественность и молодежь. Предложения по конституционным поправкам обсуждались на заседаниях МХ, в партийной организации Загребского университета, на страницах газет и журналов. Хорватское партийное руководство представляло все это как еще одно доказательство «поддержки народа» политики СКХ. Поскольку тезис о «политизации масс» вызывал критику В. Бакарича и представителей других югославских республик, молодые хорватские лидеры постепенно начали озвучивать идеи «массового движения» в Хорватии, во главе которого стоит СКХ.

Идея оформления разрозненных процессов в единое хорватское «массовое движение» исходила от молодых хорватских политиков и, прежде всего, от С. Дабчевич-Кучар, хотя М. Трипало позднее уверял, что до XXI заседания Президиума СКЮ (1–2 декабря 1971 г.) никто не знал и не говорил о движении. Однако, участвуя еще в мае 1971 г в семинаре «Революционное молодежное движение в Хорватии 1941–1948 гг.» по случаю 30-летия восстания в Загребе, он сам лично рассуждал о «массовом народном движении», на возрождение которого повлиял X пленум ЦК СКХ: «Народ активно выступает с экономическими и политическими требованиями. Речь идет о движении во главе с рабочим классом, который, в свою очередь, возглавляет Союз коммунистов, хотя его присутствие с точки зрения организации не всегда заметно. Сейчас это движение в процессе созревания, формулируются его цели, и разрабатывается тактика»⁸. М. Трипало также заявил, что у Союза коммунистов Югославии нет своей четкой программы и политики, поэтому нужно создать «движение», в котором он себя видел лидером. Но если бы инициатива исходила напрямую от хорватской партии, то ее сочли бы оппозиционной, поэтому новое хорватское движение было представлено хорватскими лидерами как продолжение народно-освободительного движения времен Народно-освободительной войны. М. Трипало сформулировал его так: «Это комбинирование организованных социалистических сил и спонтанного действия, а также свободной инициативы широких слоев нашего общества»⁹.

Разговоры о создании какого-то своего «массового движения» в Хорватии не устраивали В. Бакарича и его сторонников. В политическом плане они начал проигрывать молодым, активным

и популярным политикам, использующим популистские заявления и возможности средств массовой информации. В. Бакарич утверждал, что в ходе заседаний ЦК СКХ разговоров о каком-либо движении не было. Это понятие появилось в публичных выступлениях С. Дабчевич-Кучар, но никто не обратил на него внимания. В. Бакарич беседовал с ней на эту тему, заметив, что движения, о котором она упоминает, не существует. Тогда-то, по мнению В. Бакарича, группа во главе с С. Дабчевич-Кучар и решила его организовать, активизировав студентов, интеллигенцию и рабочий класс¹⁰.

Следует отметить, что активная поддержка народа, его заинтересованность в переменах в республике были сильно преувеличены. Опросы общественного мнения в этот период показывают, что основная масса населения не вникала в тонкости конституционных перемен. На вопрос «Вы видели проект поправок к Конституции Социалистической республики Хорватии?» ответы были следующими:

1. Да, частично — 38,0%
2. Да, в целом — 7,7%
3. Нет, но собираюсь — 54,4%

Причем, самыми осведомленными оказались те, кто называл себя «югославами». Именно им было не безразлично будущее республики:

Таблица № 6.

**Данные социологического опроса, насколько граждане Хорватии
были осведомлены о конституционных преобразованиях,
осуществлявшихся в республике**

Вы видели проект поправок к Конституции Социалистической республики Хорватии?	Да, частично	Да, в целом	Нет, но собираюсь
Хорваты	38,1	6,8	55,0
Сербы	35,9	10,3	53,8
Югославы	46,8	17,7	35,4 ¹¹

На вопрос «Что самое важное в поправках к Конституции?» участники опроса ответили:

1. Утверждение Хорватии как государства — 3,9%
2. Урегулирование отношений между сербами и хорватами — 13,2%
3. Усиление влияния рабочего класса, социализма и самоуправления — 20,3%

4. Условия для благоприятного развития хорватской нации — 4,1%
5. Не знаю — 11,5%
6. Я не читал поправки — 47,0%¹²

Подавляющая часть опрошенных не имела представления о содержании поправок, четверть респондентов повторяла общие штампы социалистической риторики. Эти данные опровергают утверждения молодых хорватских лидеров о всеобщей заинтересованности народа в политической жизни страны, а тем более массовое его участие в процессе реформ.

П. Кристе вспоминал: «Все вокруг говорили о существовании некоего националистического движения, которое сформировало идеологию массового движения в среде Матицы, и в ряды партии эту идеологию приносит так называемая «фракционная группа». Кто же тогда эти националистические силы? Все подводится к понятию национализм, под которым понимается хорватская история, отдельные исторические личности.... Встает вопрос, кто такие националисты? Это какие-то самостоятельные силы, которые связаны с партией, Матицей, движением, или это общее название для всех? Всему этому нет ни фактов, ни доказательств»¹³. Подобная путаница еще раз доказывает мысль, что трудно выделить конкретных участников движения. Мы считаем, что условия для возникновения движения были созданы политикой хорватских коммунистов, атмосферу формировала Матица хорватская, благодаря своим периодическим изданиям и общественным мероприятиям. Воспользоваться ситуацией хотели и те, и другие. Для достижения своих целей им необходимо было объединить свои усилия.

Наблюдая за всем происходящим в Хорватии, британский консул задавался вопросом: «Играют ли хорватские лидеры в политику, надеясь получить большую республиканскую независимость или экономические привилегии? Или они в сердцах сепаратисты? Существуют ли в республике силы вне СКХ, которые вернулись на позиции усталей или Хорватской крестьянской партии и, смогут ли они при благоприятных обстоятельствах прийти к власти благодаря существующему режиму?»¹⁴

Говоря о международной реакции на хорватское «массовое движение», приведем еще один пример. В своих воспоминаниях М. Балетич отмечает, что когда он попытался восхищенно рассуждать

о событиях в Хорватии с журналистом ВВС, то последний заметил, что в Европе и в Лондоне хорватское движение считается сецессионистским. Он также отметил, что происходящее в Хорватии — ни что иное, как давление на федерацию, которое напоминает деятельность сепаратистов в Ольстере. Западный журналист открыто заявил: «Хорватия хочет разрушить Югославию, и это намерение никто поддерживать не собирается. Отношение хорватского руководства и центра является внутренним конфликтом, который мировому сообществу неинтересен»¹⁵.

Д. Биланджич в своих воспоминаниях заметил, что буквально за год чудесным образом изменилось отношение к Хорватии других республик. Совсем недавно ее жестко критиковали за решения X пленума ЦК СКХ, а сегодня все безоговорочно приняли новую хорватскую политику. Причины этого он видел в том, что югославские республики стремились усилить республиканскую власть. Инициативы хорватских политиков можно было использовать для пересмотра отношений внутри федерации. Пока же все наиболее важные вопросы в стране фактически решали два человека — И. Броз Тито и Э. Кардель. Новый хорватский курс усиливал мощь всех республиканских лидеров. Децентрализация, озвученная на X пленуме ЦК СКХ, отвечала концепции самоуправления последних лет. Еще одной причиной того, что позицию хорватов в 1971 г. поддержали другие республики, стало стремление выйти из кризиса в стране, используя все возможности, в том числе и вариант, который предложила Хорватия¹⁶.

На наш взгляд, существует еще одна причина изменения отношения в стране к X пленуму ЦК СКХ. В. Бакарнич, являвшийся одним из самых приближенных людей к И. Броз Тито, после начала критики в адрес Хорватии изменил свою позицию по отношению к программе молодых коммунистов. Не исключено, что он мог пообещать главе государства, что будет держать ситуацию в республике под контролем и удержит С. Дабчевич-Кучар и ее единомышленников от дальнейших резких заявлений. Его решения и действия в дальнейшем подтверждают это предположение.

Историк Д. Биланджич считает, что время для постановки важных для себя вопросов Хорватия выбрала неслучайно: «Может быть, это последний шанс Хорватии, так как сейчас хорват во главе и Союза коммунистов, и государства, хорват — заместитель Верховного

главнокомандующего вооруженных сил и председатель союзного правительства»¹⁷. Свой шанс решили использовать не только хорватские коммунисты, но и другие силы, претендующие на политическое влияние в Хорватии. Проводимая СКЮ политика открытости и доступности выражения разных точек зрения, сыграла в дальнейшем важную роль в событиях в республике. Практиковавшиеся в СКХ метод переговоров с оппонентами и убеждения в рамках различных общественных форумов, а также предельная гласность и апелляция к общественному мнению, националистические круги сумели использовать в своих целях максимально.

Серьезные перемены назревали и в университете Загреба. Здесь к власти пришли люди, далекие от Союза коммунистов Хорватии, идей рабочего движения, но активно использующие их программу. Республику охватила всеобщая эйфория перемен, которую каждый собирался использовать в своих интересах.

Деятели Матицы хорватской, поддерживая решения X пленума ЦК СКХ, адаптировали их к своим взглядам. В последние годы МХ активно внедряла своих членов в ряды партии, и одновременно охотно принимала в свою организацию партийных функционеров. В. Готовац тогда заявил от лица МХ: «Конечно, мы не скрываем, что стремимся к власти!»¹⁸ К 1971 г. фактически произошло слияние МХ и части СКХ. И те, и другие одновременно начали использовать понятие «массовое движение» в своих выступлениях.

Стремление молодых хорватских политиков привлечь народные массы в политическую жизнь республики идеологи Матицы хорватской также активно использовали. В. Готовац так охарактеризовал то время: «В 1971 г. власть действительно стала народной. Люди чувствовали ее поддержку и оказывали ей полное доверие. Это было обусловлено тем, что руководство республики дало больше свободы для общественной деятельности, объявило о либерализации в экономике, расширило гражданские свободы, уделило внимание национальному самосознанию»¹⁹.

С. Дабчевич-Кучар и М. Трипало видели в МХ своего союзника, поэтому воздерживались от критических замечаний. Во-первых, они воспринимали эту организацию как часть хорватской исторической традиции, во-вторых, с помощью ее периодических изданий, выступлений ее деятелей было легче апеллировать к национальным чувствам масс. В 1971 г. хорватское «массовое движение» переходит

на принципиально новый уровень. Оно становится частью стратегии Союза коммунистов Хорватии.

Многим хорватским коммунистам импонировал тезис о хорватской государственности и размышления Ш. Джодана и М. Веселицы об угнетении Хорватии, о ее экономическом потенциале при условии большей самостоятельности. В принятие решений в республике вовлекалось все больше структур, не всегда связанных с ЦК СКХ. В то же время в политической жизни республики усилилась роль Исполнительного комитета ЦК СКХ, который начал привлекать к своей работе людей, занимавших высокие посты, но не являвшихся членами ЦК. На вопрос журналиста «Коммуниста»: «Можно ли было сменить курс?» В. Бакарич ответил, что он слишком поздно осознал существование хорватского движения. Он заявил: «Мы не успели что-либо сделать, опасаясь нарушить бурную политическую жизнь. Наоборот, мы думали, что вовлекли в нее те слои общества, которые нас поддерживали»²⁰.

Высказывания представителей Матицы хорватской становились все более смелыми. На выступлении в Валпове в мае 1971 г. еще один идеолог организации М. Веселица заявил, что Матица является реальной политической силой, и только она сможет защитить права хорватского народа. Деятели МХ вырабатывали для себя тактику дальнейших действий: «У нас уже есть победа на политическом уровне на X пленуме ЦК СКХ по легализации хорватского Сабора, Матицы как глобальной силы Хорватии, которая отстаивает хорватский интерес. В газете «Хрватски тьедник» и в хорватском университете мы ведем конкретную борьбу. Если в эту борьбу включится каждое местное объединение, каждая рабочая организация, каждая община, каждый комитет СКХ, каждая школа, каждый факультет, каждое спортивное общество, тогда мы добьемся успеха. Результатом борьбы станет снятие директоров предприятий, смена рабочих советов, комитетов, общественных структур, местных объединений, фондов культуры. Это огромная работа и это наша тактика и стратегия»²¹. Мы видим, что МХ стремилась к обретению политической власти, используя средства массовой информации, влияние в университете, и в партийных структурах. Основательность и масштаб планов показывают, что идея возникновения «массового движения» в рядах СКХ не могла быть случайной. Она, очевидно, формулировалась и конкретизировалась в тесном взаимодействии с МХ.

Ф. Туджман, выступая в Крапине в июне 1971 г., сделал заявление, в котором обосновал историческую роль Матицы хорватской и ее намерения: «МХ является одним из первых институтов, который сохранял хорватскую самобытность, отстаивал интересы хорватского народа, непосредственно участвовал в его судьбе. Ее историческая роль predetermined и актуальна в настоящий момент. МХ выступила против попыток помешать хорватскому народу конституционно закрепиться, как суверенный народ в своем государстве. Она и по сей день сопротивляется всем тенденциям, которые под видом братства и единства навязывали хорватскому народу гегемонию под популярными знаменами. МХ не может оставаться в стороне от событий, которые разворачиваются перед нашими глазами. Хорватский народ получил исторический шанс, за который должен бороться культурными и научными методами, а затем политическими и другими. Мы должны отстоять свое место под солнцем и свой суверенитет»²². Таким образом, ощущение «исторического шанса» в 1971 г. появилось не только у части хорватского руководства, о чем мы говорили ранее, но и в рядах представителей науки и интеллигенции.

Деятели Матицы хорватской видели себя будущими лидерами Хорватии. На заседании Президиума СКХ в Сплите в начале 1971 г. М. Велич пришел к выводу, что основной задачей участников хорватского движения является «получить абсолютную власть в республике». И свои надежды он связывал с Матицей хорватской: «Политической и организованной силой в Хорватии, которая отстаивает хорватские интересы, является Матица хорватская, а не СКХ»²³. Но в руководстве Союза коммунистов Хорватии еще оставались люди, группа вокруг В. Бакарича, которые опасались подобных перспектив, небезосновательно критиковали МХ за националистические провокации. В ответ члены МХ называли критику в свой адрес ограничением свободы научной и культурной деятельности.

14 октября 1971 г. Комиссия по конституционным поправкам Матицы хорватской выступила с предложением формулировки к Конституции СР Хорватии: «Социалистическая республика Хорватия (СРХ) является суверенным национальным государством хорватского народа; целостность и единство СРХ неприкосновенны; СРХ является самоуправленческим, демократическим социалистическим содружеством, основанном на народном суверенитете. Хорватия — родина всех ее граждан»²⁴. Формулировка МХ была созвучна

с предложениями молодых хорватских коммунистов, однако ее скрытый смысл, направленный на полный суверенитет республики, которая становится «национальным государством» только хорватского народа, был понятен опытным политикам. Часть хорватского руководства (В. Бакарич, Ю. Билич, Д. Драгославац, М. Планинц) и представители Югославской народной Армии после этих заявлений потребовали закрытия организации.

Материалы периодических изданий Матицы хорватской на этом этапе «массового движения» стали носить открыто провокационный характер. Со страниц националистических изданий слышались призывы к осуществлению неотъемлемого права хорватов на суверенитет, вплоть до права на самоопределение и отделение. В ответ на эти заявления представитель старшего поколения хорватских коммунистов М. Груич, председатель Союза коммунистов Загреба, поднял вопрос о деятельности националистов в Хорватии. В своем интервью газете «Вечерни новине» он отметил, что они действуют «тайком», разрабатывают планы некой подунайской федерации или конфедерации, «льют крокодильи слезы над «сиротой Хорватией»²⁵.

Деятели Матицы С. Рендич, Ш. Джодан, М. Веселица, Х. Шошич, П. Шегедин, В. Готовац, Ф. Туджман стремились оказать влияние на общественное мнение. В периодических изданиях МХ отстаивалось утверждение о том, что Югославия является «темницей» Хорватии. Развивая этот тезис, его авторы утверждали, что существуют три причины бед в республике. Первая причина в том, что Югославия «нежизнеспособна и представляет собой лишь набор союзных институтов». Второй причиной они считали «экономический грабеж» Хорватии, третьим пунктом шло утверждение о том, что во всех ее неудачах виноваты сербы. Историк С. Рендич в статье «Выход из настоящего или второе хорватское возрождение» в журнале «Критика» утверждала: «Австро-Венгрия не была темницей народов, как это считалось ранее. Произошло создание Великой Сербии, которую назвали Югославией. В то же время, большая часть хорватов, особенно из числа интеллектуалов, перестали думать на хорватском языке. Коммунисты так и не сумели понять хорватских национальных чаяний, оценить их историческую национальную трагедию, не смогли предотвратить колонизацию Хорватии со стороны враждебных элементов. А эта колонизация в новой Югославии началась в момент ее рождения на втором заседании АВНОЮ»²⁶. Понятия «Великая

Сербия», «национальная трагедия», «колонизация» переходят из статьи в статью, подводя читателей к мысли о том, что хорватская нация в современной Хорватии — под угрозой и уже пора оказывать этой тенденции сопротивление.

В периодических изданиях в 1971 г. авторы МХ использовали обработанные десятилетиями тезисы хорватской национальной идеи:

1. Издания Матицы хорватской утверждали, что другие республики Хорватию «ограбили». Экономическое положение Хорватии в Югославии стало самой популярной темой в периодических изданиях МХ. Даже если статья была посвящена вопросам культуры, образования, всегда подчеркивался экономический аспект проблемы. Главный довод авторов состоял в том, что у Хорватии нет условий для дальнейшего экономического развития и роста, что усиливается экономическая стагнация, а средства, получаемые хорватами, уходят в другие республики. И было бы лучше, если бы ее «не эксплуатировали». Например, Х. Шошич в статье «Экономическое положение Хорватии» писал: «Если нас раньше в капиталистической гегемонистской Югославии эксплуатировали, опустив до полуколониального статуса, и это нас не удивляло, такова была природа этого государства, то сегодня это положение не соответствует принципам социализма на основе самоуправления. Наш национальный доход, который зарабатывает рабочий человек, забирают у хорватского народа, распоряжаются им по своему усмотрению, часто не в наших интересах»²⁷. А в статье «Правда о хорватской экономике» Х. Шошич заявил, что развитие Хорватии заблокировано, так как она должна отдавать государству больше денег, чем зарабатывает.

Ш. Джодан в статье «Экономические и политические причины эмиграции хорватов» в газете «Хрватски тьедник» утверждал: «Мы не получаем пользы от общего рынка, теряем на поддержке отсталых регионов»²⁸. Подобные заявления были направлены на то, чтобы вызвать у хорватов чувство опасности, недоверия к другим республикам и федерации в целом. В статье «Экономическое положение Хорватии» Ш. Джодана прямо говорится об исторической «несправедливости» в отношении к Хорватии: «Отток хорватских финансовых средств осуществляется не одно столетие, начиная с Хорватско-венгерского договора 1868 г. Из Хорватии постоянно вывозятся достаточно большие средства, которые тратятся за ее пределами. Конечно, это все объясняется какими-то «высшими» интересами. Другими словами,

у кого оказалась общая касса, тот и получил в ней львиную долю»²⁹. Наконец, авторы МХ называют Хорватию «колониальным рынком», на котором получают огромные прибыли все, кроме нее самой.

В статье «Конституционные поправки и проблемы единого рынка» в журнале «Коло» Ш. Джодан заявил, что «хорваты пережили разочарование, когда увидели, какое содержание получило развитие федеративной Хорватии после 1945 г., как в послевоенной Югославии унитаризм уничтожил федеративное устройство»³⁰. Краски сгущались настолько, что на 28 пленуме ЦК СКХ 8 мая 1972 г. его участники констатировали: «В этой войне с унитаризмом последний предстает в виде страшного призрака, который сносит все на своем пути. А авторы статей, которые его разоблачают, представляют себя главными бойцами с унитаризмом»³¹.

2. На страницах газет и журналов в рассматриваемый период важное место занимал вопрос хорватской государственности. В основе лежала идея единства территории, на которой живут хорваты, «неделимости хорватского национального суверенитета», усиления государственности. В 1971 г. впервые после Второй мировой войны Ф. Туджман от имени Главного комитета МХ на общественном мероприятии назвал Боснию хорватской территорией³².

В журнале «Дубровник» вышла серия статей Ш. Джодана, в которой он рассуждал о создании национальных государств. Выступая в Макарской в апреле 1971 г. М. Веселица уверял присутствующих, что Хорватия утратила свободу в 1102 году³³. Еще более радикально действительность и перспективы хорватской государственности представил Ф. Туджман, выступая перед студентами 27 апреля 1971 г.: «В укреплении унитаризма виноваты хорватские коммунисты, которые ставили только одну задачу — строительство коммунизма... Нет ни одного сообщества, которое не хотело бы собственной независимости, своего места под солнцем и своего места в ООН»³⁴. В октябре 1971 г. эту идею подхватили лидеры университетского движения Х. Шошич и Д. Будиша.

3. В периодике МХ стали появляться статьи откровенно анти-сербского характера. Недовольство экономическим положением подводило авторов многочисленных статей к мысли о поиске виновных. Кто решает судьбу хорватского народа? Авторы Матицы находят ответ — сербы. Между сербами из Сербии и теми, кто живет в Хорватии, для этих авторов разницы не было. И те, и другие для

них представляли угрозу хорватской государственности. Внимание читателей обращали на то, что весь аппарат федерации сформирован таким образом, что в нем практически нет хорватов. С таким тезисом вышла серия статей в газете «Хрватски тьедник» под заголовком «Хорватская конституция»³⁵.

П. Шегедин в политической прозе «Судьба» пишет о «столетних страданиях хорватского народа от югославянского сообщества», о «культурной колонизации» из Сербии, о том, что сербы из Хорватии все это видят, но не хотят «помочь своим братьям»: «Они самоустранились, потому что мы слабые, беспомощные, мы сами по себе, а у них есть Сербия, Босния и Воеводина.... Она смотрят на нас, как на объект своего исторического права. Под маской югославов они стремятся объединиться с самой многочисленной нацией и тем самым обезопасить свою самобытность... А вопрос хорватской государственности, означающий признание хорватской самобытности, получает однозначно негативную оценку...»³⁶. В газете «Хрватски тьедник» сербы называются «вероломными партнерами» или «так называемыми друзьями». Подобные сравнения с опаской воспринимались сербами и провоцировали межнациональную напряженность в обществе и рост ответных антихорватских националистических настроений.

Ш. Джодан призывал детей из смешанных браков в обязательном порядке записывать хорватами: «Мы не должны оставаться пассивными, когда ребенок родился в нашей стране и один из его родителей хорват. В этом случае существуют два сильных аргумента — родина и один из родителей, поэтому его следует записывать хорватом. Иначе, у нас будет то же, что происходит в семьях других смешанных браков. Например, когда в Загребе в семье отца албанца и матери венгерки рождается ребенок, его национальная нейтральность постепенно эволюционирует в югослава, который потом становится объектом политических манипуляций в процессе создания так называемой югославской нации, которой никогда не было и не будет. Принадлежность к югославской нации означала причастность к сербской нации. Югославизм в национальном смысле представлял собой великорсербство»³⁷.

4. Вопрос языка стал той темой, в которой авторы МХ наиболее открыто выражали свои идеи, в том числе и политические. В статьях лингвистика и политика тесно переплетались. Авторы писали

о самостоятельности хорватского языка, показывали огромные различия между сербским и хорватским языками, и, соответственно, между народами. Языковая угроза была представлена частью общей угрозы для хорватов. Так, например, в журнале «Спектрум» в рамках богословского семинара было сделано заявление: «Вопрос языка мы считаем вопросом судьбы».

В. Готовац в своем выступлении в марте 1971 г. так охарактеризовал тенденции, которые преобладали в тот период в хорватском обществе: «В данный момент мы наблюдаем агонию идеализма: хорватский отпор своей трагической судьбе. В наше время отмирают заблуждения панславизма, югославизма, иллиризма. Мы выходим из этого сна о силе и единстве. От всего этого остался только замысел Югославии, но она не возможна без иллюзий»³⁸. Мы видим, что происходит попытка пересмотра места Хорватии в Югославии. Идеологи МХ пытаются предложить свой, по их мнению, совершенно новый путь развития Хорватии.

5. Одним из тезисов МХ стало разделение политиков в республике и стране в целом на «прогрессивные силы», которые выступали за обновление, реформы, национальные интересы и на «недалеких», «отсталых», которые не понимали или намеренно мешали процессу обновления в Хорватии. Многие современники считали, что данный тезис был направлен на дискредитацию известных политиков, в основном из числа коммунистов, которые выступали с инициативами борьбы с национализмом, защищали идею югославизма. В газете «Хрватски тьедник» была открыта специальная рубрика «Карты на стол», в которой критиковались те или иные видные политические деятели. В этой газете появился даже так называемый «черный список». Тех, кого занесли в этот список, обсуждали с большой долей сарказма. Туда сначала попали фамилии политиков сербской национальности (М. Балтич, С. Релич, Ж. Палаич), а позднее все те, кто критиковал молодых хорватских лидеров (В. Бакарнич, Я. Блажевич, Ю. Билич, Й. Врховец, Я. Драгославац и другие)³⁹.

Термины «прогрессивные силы», «унитаристы», «консерваторы» стали постоянными в работах авторов националистической направленности. Существовало явное противопоставление одних сил хорватского общества другим. «Прогрессивные силы», по мнению изданий МХ, имели больше прав на власть. В. Веселица в статье «Хорватское государство» пишет: «Наряду с общим единодушием

в наших политических и экономических структурах все еще существуют силы, которые, к сожалению, занимают важное место в политической жизни Хорватии, но используют недемократические методы против воли и интересов народа. Они блокируют реформаторские действия прогрессивных сил, пренебрегая Хорватией, хорватским народом...»⁴⁰. В этой и подобных статьях постоянно подчеркивалось, что наступает «время обновления», «новая политическая жизнь», «новое политическое руководство», а все старое только мешает дальнейшему развитию.

6. На страницах хорватских изданий критике подверглась Югославская Народная Армия (ЮНА). По этому вопросу МХ была солидарна с хорватскими лидерами во главе с С. Дабчевич-Кучар, которым не удавалось поставить армию под свой контроль. В лице генералов и адмиралов ЮНА они встретили активное сопротивление своим инициативам по усилению республиканской самостоятельности и неприятие идеи создания своей республиканской армии. Матица хорватская заявила, что происходит вмешательство армии в национальные проблемы общества. Прежде всего, это выражается, по ее мнению, в ограниченном использовании хорватского языка в рядах вооруженных сил, а так же в том, что у Хорватии нет своей национальной армии. Обсуждение в прессе этого вопроса также как и все остальные, было связано во многом с обсуждением конституционных поправок. В этот период появилась реальная возможность провести в Конституцию предложения по реформированию армии.

27 октября 1971 г. «Хрватски тьедник» опубликовал позицию Исполнительного комитета МХ по поводу конституционных поправок СРХ. В частности, было выдвинуто предложение переименовать ЮНА в Вооруженные силы СФРЮ, поскольку существующее название отражает унитаристский характер государства. Хорватские генералы И. Рукавина и Р. Булат выступили с инициативой создания республиканских вооруженных сил. В предложениях МХ также были пункты о прохождении военной службы на территории своих республик, использование хорватского языка в качестве служебного в армии, а также о том, что структура вооруженных сил должна соответствовать историческим традициям хорватского народа⁴¹.

Любая критика публикаций Матицы хорватской встречала ответную реакцию. Например, на высказывание о том, что претензии к армии носят контрреволюционный характер, В. Готовац ответил:

«Контрреволюция содержалась исключительно в хорватском характере некоторых наших требований.... Эта тема получила осуждение как проявление шовинизма.... Хорватам запрещено говорить о равноправии. Даже статистика превращается в шовинизм и контрреволюцию, когда ее используют в качестве доказательства!»⁴².

7. Средствами массовой информации активно развивался тезис о прогрессивности университетского движения, как ударной силе хорватского «массового движения». Многие члены МХ, являлись преподавателями университета, активно распространяли националистические идеи среди студентов, находя в их рядах активных сторонников. М. Веселица отмечал, что в университете 48 % учащихся называют себя хорватами, остальные считают себя югославами. Он назвал это позором, который нужно немедленно пресечь.

Студенческие мероприятия часто становились удобным поводом для популяризации тезисов этой организации и возможностью ответить на критику в свой адрес. На одной из студенческих конференций 27 марта 1971 г. М. Веселица заявил: «С 1965 г. начался процесс девальвации самоуправления, так как унитаристские силы получили поддержку в Союзной скупщине и союзной администрации, поскольку у них было достаточно хитрости и денег, чтобы купить часть хорватской бюрократии. Анализируя наше прошлое, мы не можем винить другие народы в своей судьбе. Мы, прежде всего, должны обвинять наших политиков, которые представляют интересы хорватского народа и народностей, которые живут в Хорватии и недостойны этого»⁴³. Под «частью хорватской бюрократии», которых МХ обвиняла в предательстве, имелись в виду сторонники В. Бакарича. Таким образом, Матица встала на сторону молодых хорватских коммунистов. Студенты слушали эти заявления с интересом и пониманием.

Периодика МХ охотно давала место на страницах своих изданий для выступлений студенческим лидерам. Те, в свою очередь, выступали в защиту самой Матицы. Так, популярный в студенческой среде Иван Звонимир Чичак заявлял, что представители МХ всегда были носителями новой интеллектуальной и культурной программы хорватской национальной жизни⁴⁴.

8. Периодические издания МХ стали тем местом, где был представлен план прихода организации к власти в республике. М. Веселица разработал теорию «о радикальных кадровых изменениях

существующей системы представительства». В статье «Разрушенный югославский рынок» он написал: «Существующая система заблокирована. Нужно дать больше свободы, а это невозможно без ликвидации старого устройства... Люди, которые блокируют объективные возможности экономического развития, должны уступить место тем, кто разбирается в сути современного хорватского общества»⁴⁵.

На конференции студентов 27 марта 1971 г. М. Веселица прямо заявил о борьбе за власть, правда, еще в союзе с частью партийного руководства во главе с С. Дабчевич-Кучар: «Сейчас силу нашего общества представляют унитаристско-централистские силы в Управлении государственной безопасностью, на постах директоров предприятий и частично в политическом представительстве. Наша задача всеми средствами современной политической борьбы как можно скорее эти силы удалить от власти. Это можно осуществить, опираясь на партийное руководство во главе с С. Дабчевич-Кучар, М. Трипало, П. Пиркером при нашей поддержке и нашем непосредственном давлении, чтобы решить основные проблемы в федерации. Преступные силы в федерации и в нашей республике хотят считать шовинистским прогрессивное движение хорватского народа и его интеллигенции, которые якобы хотят разрушить Югославию. Такие ярлыки навешивает на нас как белградская пресса и ее союзники, так и наша деградировавшая бюрократия, которая, к сожалению, занимает еще прочные позиции в нашем руководящем составе. Наш народ никогда не страдал шовинизмом. Более того, это не проблема для нашего общества, а лишь вымыслы врагов хорватского народа, сербского народа в Хорватии и всех народов Югославии. Мы должны как можно скорее их выявить, поскольку под видом борьбы с шовинизмом появляются элементы политического геноцида»⁴⁶. Судя по программам этой организации, если бы власть оказалась в руках ее сторонников, «врагов» Хорватии ждала незавидная участь. В этих заявлениях все отчетливее становится понятен расклад сил в хорватском «массовом движении». То, что деятели МХ считали себя и молодых коммунистов единым лагерем подтверждает уверенность, с которой они позволяли себе неоднократно критиковать партийных и республиканских политиков из числа сторонников В. Бакарича.

Анализ изданий МХ показывает, что их деятельность в 1971 г. носила пропагандистский националистический характер. Большая часть статей призывала хорватов задуматься о своей «несчастной

судьбе» в Югославии, о «несправедливом» положении в области экономики, политики и культуры. То, насколько массово распространялись в периодических изданиях подобные материалы, говорит о спланированной и организованной акции.

1971 г. стал кульминационным в хорватском движении. Он сопровождался ростом национализма, политической напряженностью. Мы говорим именно о национализме, а не о национальных чаяниях, о которых неоднократно заявляло руководство Хорватии. Национализм в данном случае подразумевает идеологию и политику, исходящую из идей национального превосходства и противопоставление одной нации другим, опасных тенденций в обществе, продуманных и тщательно подготовленных провокаций, которые ведут к межнациональной напряженности, различного рода эксцессам, конфликтам, столкновениям и общей дестабилизации.

Следствием националистической риторики молодых хорватских лидеров, пропаганды в периодических изданиях МХ, постановки вопроса неделимости хорватского суверенитета в университете и в рамках общественных форумов, подсчетам на предприятиях и в государственных учреждениях национального состава рабочих и служащих, стало усиление межнациональной напряженности в Хорватии. По некоторым данным, в республике не без участия властей осуществлялись мероприятия по выселению представителей сербской национальности с территории со смешанным населением.

В ответ на деятельность МХ активизировалось культурное общество «Просвета», защищавшее интересы сербского населения в Хорватии, не осталась в стороне и Матица сербская. Общество «Просвета» было основано в Глине в 1944 г., оно ставила своей задачей развитие культуры сербского народа в Хорватии. Решения X пленума ЦК СКХ способствовали изменению ее деятельности. Так же как и Матица хорватская, это общество стало активно участвовать в политической жизни республики. До 1971 г. всего насчитывалось пять подкомитетов «Просветы». После 1971 г. их число выросло до тринадцати. Только в Карловаце было открыто 24 пункта по принятию в организацию новых членов. В конце июля 1971 г. на скупщине в Книне в «Просвету» вступило 1500 граждан. На этой скупщине были замечены и члены ЦК СКХ, например, Д. Драгославац.

По данным проверки деятельности «Просветы» специальной комиссии при ЦК СКХ в начале 1970-х гг., было принято заключение:

«Это культурное общество злоупотребляет политической деятельностью и использует ее в своих националистических целях. Сербские националисты также манипулируют национальным самосознанием людей, выстраивают свои политические позиции, выступают как защитники сербского народа и проповедники угрозы, которая нависла над сербами в Хорватии. Так же, как хорватские националисты выступали за независимую концепцию хорватской государственности, на традиционной культурной основе, так и сербские националисты потребовали автономию для сербов в Хорватии, затем отдельные школы и специальные школьные программы для детей сербской национальности, настаивали на создании сербских научных институтов и отделение сербской культуры от хорватской. Эта организация в ближайшем будущем угрожает перерасти в политическую партию сербов в Хорватии...»⁴⁷. Аргументировались данные заявления тем, что некоторые члены Инициативного комитета из Задра на пленуме Первичной организации в Загребе в 1970 г. выступили за политическую автономию сербов в Хорватии, а также за созыв Конгресса хорватских сербов.

Исполнительный комитет «Просветы» принял также свои предложения в рамках обсуждения поправок к Конституции СР Хорватии:

1. Вопросы национальной культуры, языка, письма, образования и национальных программ будут решаться всеми народами Хорватии, в том числе и народностями, которые в ней живут.

2. Языки и алфавит народов Хорватии будут использоваться на основах равноправия как средство общения в судах и других государственных органах в республике, при принятии законов и других республиканских актов.

3. В Саборе будет сформировано вече по межнациональным отношениям как отдельная палата, равноправная по отношению к другим палатам при решении республиканских вопросов, особенно если они касаются народов и народностей и межнациональных отношений⁴⁸.

Активность «Просветы» стала адекватным ответом на инициативы хорватского руководства, которое подчеркивало в своих программах хорватскую самобытность. Естественной реакцией сербского народа в Хорватии было сохранить свою национальную культуру, язык и образование и веру. В новых условиях усиления принципов хорватизма равноправия им никто не гарантировал. Заявления МХ вселяли ужас в тех, кто был свидетелем межнационального

противостояния первой половины 1940-х гг. Разговоры о засилье сербов на тех или иных постах создавали социальную напряженность и провоцировали рост ответного сербского национализма.

Молодые хорватские лидеры провели четкое разграничение между деятельностью МХ и «Просветы». С. Дабчевич-Кучар считала, что нельзя ставить знак равенства между этими культурными организациями: «МХ в большинстве своем приняла наш курс, в то время как «Просвета» в основном его отрицала, только указывая нам на наше право на оппозицию. Они имели свои общества, институты, журналы, публикации, общественные трибуны, доступ к общественным средствам информации... В своих общественных выступлениях мы не критиковали конкретно чье-то мнение. Но мы не были сторонниками шовинизма и открыто заявляли об этом. Мы не искали врагов в сербском народе ни в Хорватии, ни в Югославии, ни в каком либо другом народе. Ни в одном моем выступлении вы не найдете призыва к ненависти»⁴⁹. Интересы молодых хорватских лидеров и МХ совпадали. Они защищали интересы хорватского народа в Хорватии, а вот постановки сербского вопроса в Хорватии ни в одной программе не было. Эту задачу поставила себе «Просвета», поэтому она и подверглась критике с их стороны.

Поддержку сербскому населению выразила Матица сербская. В Хорватию приехали так называемые «эмиссары из Сербии». Генерал-полковник ЮНА Д. Пуач и член Союза организации участников Народно-освободительной войны П. Цар были обвинены в разжигании межнациональной розни своими выступлениями перед жителями села Каменско, которые они осуществляли без консультации с местными общественно-политическими организациями. Военные дали свою оценку положению сербского народа в Славонска-Пожиже⁵⁰. Хорватское руководство обратилось за поддержкой к И. Броз Тито по поводу деятельности Матицы сербской в Хорватии. Они считали, что деятельность этих «эмиссаров» опасна. На Втором конгрессе самоуправления в Сараеве в мае 1971 г. И. Броз Тито поддержал критику в адрес Сербии. Он расценил действия Матицы сербской вмешательством во внутренние дела Хорватии.

В Далмации в 1971 г. шла подготовка к проведению общинной предвыборной конференции. Нужно было подобрать людей «с четкими взглядами» и готовыми к новому типу работы. Необходимо было изменить структуру членства, «избавиться от застарелых

(бюрократических, тоталитарных, унитаристских) подходов». Республиканские власти посчитали, что «национальный состав общинного комитета не соответствовал национальной картине Далмации, поскольку в комитете явно преобладали члены сербской национальности». Так, секретари партийных комитетов на территории, где доминировало хорватское население в Имотске и Сини были из числа сербов. Выборы председателя и секретарей общинных комитетов из числа сербов были сорваны в Сплите, Трогире, Шибенике, Плоче...⁵¹. Таким образом, на местах получали реальное воплощение планы ЦК СКХ по «обновлению кадров», которые, на самом деле, представляли собой политику дискриминации по национальному признаку.

Большой резонанс получили события в Подравска-Слатине. Заместитель Союза организации участников народно-освободительной войны Хорватии И. Цар сообщил, что из этого населенного пункта выехали автомобили представителей Матицы хорватской, на них были закреплены флаги без пятиконечной звезды со старыми хорватскими гербами, которые напоминали усташеские символы. Как только это сообщение было опубликовано, в прессе появилась иная версия этих событий. На заседании 12 мая 1971 г Общинный комитет ЦК в Нашице решил не принимать к сведению сообщение об автомобилях, флагах и гербах. Он утверждал, что нельзя говорить с полной уверенностью, что автомобили ехали именно из Нашици. Даже если они были без звезд, то точно без гербов. Партийное руководство объявила все эти заявления вымыслом, диверсией. Подозрения с МХ были сняты.

В селе Карина Бенковачской общины 2 августа 1971 г. произошло столкновение 16 милиционеров с группой гражданских лиц. Причиной стало пение группой молодых людей хорватских народных песен. В этот день традиционно жители окрестных сел собирались перед местной обителью прославить Богородицу. Очевидцы рассказывали, что милиция попыталась прекратить гуляния. Ходили слухи, что представители правопорядка были вынуждены применить силу, так как встретили сопротивление со стороны молодежи.

Вскоре появилась еще одна версия произошедшего. Якобы, милиция остановила группу молодых людей из села Придрага. Всем было известно, кто какой национальности принадлежит. В этом селе, как и в Крушеве и еще нескольких селах проживало преимущественно хорватское (католическое) население. Милиционеры были из Бенковаца

и Оброваца. Это были населенные пункты с большинством сербского (православного) населения. Молодые люди распевали хорватские народные песни: «Марьяне, Марьяне», «Ой, ты вилла Велебит» и другие. Милиционеры спросили их, зачем они поют такие песни. Вероятно, этот вопрос молодые люди восприняли как оскорбление⁵².

Служба общественной безопасности довела до сведения властей информацию о том, что в Бенковаце два гражданина хорватской национальности оказали физическое сопротивление представителям милиции, которые остановили их с целью установления зачинщиков драки с милицией ранее. Эти двое были арестованы и препровождены в отделение общественной безопасности Бенковаца. События получили большую огласку. 13 августа в Белграде встретились общественно-политические деятели из Задара, Бенковаца и Оброваца. На заседании присутствовал председатель правительства Д. Харамия. Каждая община представила свою версию произошедшего.

16 августа около 150 молодых людей в Задаре вышли на митинг с транспарантами «Защиты своей родины требует Придрага!» 18 августа в Придраге к гражданам обратились общественно-политические деятели с целью успокоить людей, обещая как можно быстрее разобраться со сложившейся ситуацией и наказать виновных. И уже 23 августа в Бенковаце представители власти, партии и всех местных организаций заявили, что в Карине не было столкновений между сербами и хорватами, как упорно об этом твердят, а был конфликт группы милиционеров с группой молодежи хорватской национальности⁵³. С этой формулировкой согласился Исполнительный комитет общинной конференции ССТНХ на своем заседании 30 августа в Задаре и потребовал наказания зачинщиков противоправных действий против милиционеров. Потребовать было легко, а вот осуществить сложно, поскольку каждая из заинтересованных сторон настаивала на своей версии. Впоследствии «каринский случай» стал примером локальной, почти гражданской войны населения двух национальностей.

В начале сентября Окружной суд в Задаре постановил, что столкновений на национальной почве не было, не пелись песни, которые спровоцировали межнациональные столкновения. Наказаны были 8 граждан за сопротивление милиции, но и представители правоохранительных органов ответили за превышение служебного положения. Спустя много лет С. Дабчевич-Кучар назвала эти события великосербской провокацией. Однако они красноречиво свидетельствуют

о напряженности, имевшей место в Хорватии, и о том, как раздувались инциденты, если инициатива исходила от сербского населения, и как замалчивались, если замешаны были граждане хорватской национальности. Позднее в Задаре началась компания по переименованию улиц. Отменялись названия с именами знаменитых революционеров в пользу хорватских исторических личностей XIX — начала XX вв.

На заседании Комиссии по общественно-политической системе и межнациональным отношениям ЦК СКХ, проходившем в 1971 г., М. Пиштало, член ЦК, выступил с предложениями: проанализировать, насколько соблюдается равноправие сербского народа в Хорватии; оценить роль «Просvietы»; изучить журналы и газеты, которые навязывают тезис об отсутствии сербского компонента в истории Хорватии; изучить состав руководства республики и служб в общинах на предмет пропорционального представительства; установить, насколько соблюдается атмосфера национальной терпимости; провести расследование по миграции сербов внутри Хорватии; проверить насколько новые конституционные поправки соблюдают права сербов; рассмотреть роль и деятельность православной церкви на территории Хорватии. После изучения вышеперечисленных вопросов было сделано заключение о том, что права сербского народа в Хорватии ущемляются. За этим последовало предложение об объединении сербов Хорватии и БиГ и создание автономного края⁵⁴.

Сторонники В. Бакарича были серьезно обеспокоены ситуацией, складывающейся в республике. Так, Я. Блажевич заявил о злоупотреблениях националистов, прикрывающихся известными историческими именами хорватской и сербской истории, злоупотребляющих ими в своих антинациональных и антисоциалистических целях. Они используют издательства и периодические издания, в которых преступно нападают на существующее социалистическое устройство⁵⁵. А Й. Врховец прямо заявил о стремлении Хорватии выйти из состава Югославии.

Молодые хорватские лидеры игнорировали сообщения о существовании межнациональных проблем в республике, в то время как это было одним из поводов к их критике. Инциденты на национальной почве они называли случайностями, «эксцессами» или стихийными проявлениями, которые невозможно контролировать и без которых не обходится ни одно национальное движение. Часто они позволяли себе высказывания националистического характера. Например,

С. Дабчевич-Кучар на заседании Исполнительного комитета ЦК СКХ (12 февраля 1971 г.) выразила озабоченность тем, что Хорватия стала скорее родиной сербов и остальных народностей, что нельзя сказать о хорватах. Она призвала пересмотреть национальный состав отдельных служб, особенно полиции, и внести в него изменения⁵⁶. Подобного рода заявления позволяют нам определить характер новой хорватской политики как националистической, поскольку происходило ущемление прав сербского народа.

М. Трипало постоянно подчеркивал нарушения прав хорватов в Хорватии, при этом, не указывая прямо на тех, кто их осуществляет. На замечания по поводу национализма в республике, он отвечал, что ни одно движение не обходится без случайных людей, которые склонны к перегибам, и с этим бороться бесполезно. Македонский лидер К. Црвенковский, оценивая ситуацию в Хорватии, предположил, что дело идет к самостоятельности республики, но опасался ее дальнейшего дробления по национальному признаку. Он считал, что для сербов в Хорватии перспективы развития нет. Будущая федерация будет основываться на суверенитете и государственности республик⁵⁷.

Конфликт в Подравска-Слатине, критика злоупотреблений в отношении военнообязанных в Ораховаце, ситуация в Ловно-шумском хозяйстве «Йелен», статьи об «эмиссарах» в Славонии, Кардуне и Лике стали наглядным результатом той политики, которую проводила часть хорватского руководства во главе с С. Дабчевич-Кучар, а также той пропагандисткой деятельности, которую осуществляла МХ.

Позже стали известны факты подсчетов учащихся по национальному признаку. А именно, в конце 1970 г. республиканский Институт статистики разослал по школам формуляры, в которые следовало предоставить данные о национальном составе учеников. «С учетом сложившегося климата в республике, эта акция в школах вызвала негативные последствия. В школах начались перегибы отдельных преподавателей, которые, вопреки педагогическим нормам, разделили учеников по национальностям. Особенно было много инцидентов в начальной школе, когда детей перед началом урока заставляли называть свою национальность. В районах со смешанным населением в школах произошло разделение преподавательского состава и учеников по национальному принципу⁵⁸.

Все межнациональные столкновения власти называли недоразумениями или случайностями. Если такие события получали огласку,

то они интерпретировались, как попытка провокации со стороны сербских националистов с целью дискредитировать партийное руководство. Хорватский журналист К. Джеба так описал ситуацию в республике с точки зрения новой политики: «Проявления национализма в 1971 г. на общественной политической сцене имели место. Это была цена за демократизацию политической жизни. Демократизация — это не что иное, как свободное проявление ранее ограниченных тенденций в обществе. Почему они именно в нашей республике приобретали экстремистский характер? Все дело в той политике, которую проводило руководство Югославии, в догме, что у «пролетариата нет родины», которая не учитывала исторических традиций народов, национального самосознания»⁵⁹. Из подобных утверждений вытекало, что старые идеалы устарели. И именно новые национальные идеи, которые отстаивали молодые хорватские политики, являлись той панацеей, которая должна была урегулировать разногласия между народами. Однако они не просто не решали эти разногласия, а наоборот провоцировали новые.

* * *

Таким образом, в 1971 г. хорватское «массовое движение» вышло на принципиально новый уровень. Этот этап характеризуется тем, что Матица хорватская и часть СКХ после принятия программ действий приступили к выработке и осуществлению политики конкретных действий по их реализации. В 1971 г. у части руководства СКХ и МХ появилось ощущение «исторического шанса», который и те, и другие спешили использовать. К этому времени деятели МХ настолько проникают в ряды СКХ, а коммунисты становятся членами Матицы, что фактически происходит слияние этих двух составляющих сил. И те, и другие заявляют о создании хорватского «массового движения».

Лидеры Хорватии сделали «массовое движение» частью стратегии Союза коммунистов Хорватии. Озвученное ими стремление к переменам было все больше похоже на движения за усиление самостоятельности в рамках Югославии. На партийных форумах все чаще использовалось понятие «хорватская государственность», а работа над поправками к республиканской Конституции приобрела форму подготовки к достижению максимальной независимости.

Идеологи МХ разработали планы по освоению власти в республике, которые заключались в повсеместной замене руководства предприятий, государственных учреждений, СМИ, учебных заведений

своими сторонниками. Добившись больших результатов на политическом уровне путем внедрения во властные органы своих членов, МХ уже не скрывала стремления стать ведущей политической организацией Хорватии. Ее члены видели себя будущими лидерами Хорватии. Материалы периодических изданий МХ на этом этапе развития хорватского движения стали носить открыто антиюгославский и антисербский характер. На страницах газет и журналов организации преобладала пропаганда националистических идей.

Политика СКХ и деятельность МХ способствовали росту как хорватского, так и сербского национализма, политической и межнациональной напряженности в республике. Следствием созданной в Хорватии атмосферы стала активизация сербских общественных и культурных организаций, выступавших в защиту сербского населения, чьи интересы хорватское «массовое движение» не только не учитывало, но и часто открыто преступало. В республике участились столкновения на национальной почве. В школах, на предприятиях, в государственных учреждениях велся подсчет соотношения сербов и хорватов, осуществлялись перевыборы в местные органы власти, началось переименование улиц. В межнациональные споры в Хорватии вмешалась Матица сербская и ЮНА. Их участие в событиях являлось угрозой перерастания хорватского «массового движения» пределов республиканских границ.

В. Бакарич и его единомышленники в 1971 г. вступают в прямое противостояние с молодыми коммунистами и МХ, подвергая их заявления критике и прямо обвиняя в национализме. Характер высказываний хорватских лидеров и материалов периодических изданий МХ позволяет определить «массовое движение» как националистическое, шовинистское и сепаратистское.

§2. «Массовое движение» в Хорватии и позиция руководства страны и партии

К 1971 г. стало очевидно стремление, как Хорватии, так и других республик к большей экономической и политической самостоятельности. Вслед за Хорватией о «политизации масс» и о политике «чистых доходов» в своей республике заявила Сербия. И. Броз Тито серьезно беспокоил рост сепаратизма и национализма в стране.

Решение этих проблем он видел в скорейшем принятии конституционных поправок, а также в единстве партии.

Обострились снова отношения хорватского руководства и союзного правительства. Еще в декабре 1970 г. началась так называемая «афера с заговором». Данные по этому делу достаточно противоречивы. Известно, что в конце года в Берлин поехал М. Балетич, главный редактор издательского дома «Виесник». Во время визита в посольство СФРЮ он встретился с заместителем военного атташе Д. Пантаричем, который рассказал ему о связях хорватского руководства с советскими спецслужбами и усташами во главе с Б. Йеличем, близким соратником А. Павелича перед Второй мировой войной. В годы войны он сотрудничал с британскими спецслужбами. В послевоенные годы Б. Йелич не раз заявлял о своих связях с СССР. Якобы и те и другие обещали помочь Хорватии стать самостоятельным государством. Также в разговоре речь шла о существовании списка лиц, входящих в некий нелегальный комитет, сформированный в Загребе, в состав которого входили и три члена ЦК СКХ во главе с Я. Блажевичем. Вернувшись в Хорватию, М. Балетич сообщил о полученной информации в ЦК СКХ. Информация явно была направлена против В. Бакарича и его сторонников. Возможно, это была попытка эмиграции помочь молодым хорватским политикам, сместить их политических оппонентов.

Учитывая причастность к этому случаю представителей спецслужб, официальные данные носят закрытый характер и не доступны широкому кругу исследователей. Поэтому делать выводы мы можем в основном на догадках и предположениях участников тех событий. Например, М. Трипало сразу увидел в происходящем сербский след. В своих воспоминаниях он подчеркнул, что Д. Пантарич был выходцем из Славонии. В 1946 г. он уехал из Хорватии и вернулся только в 1970 г.

Потом появилась версия о том, что усташеская эмиграция пытается скомпрометировать хорватских лидеров для того, чтобы создать условия прихода к власти своих сторонников. Это предположение подтверждали заявления усташеских лидеров в эмигрантской прессе о поддержке курса ЦК СКХ и готовности к сотрудничеству, которые неоднократно делались после X пленума ЦК СКХ (1970 г.). Самое известное так называемое «открытое письмо» было направлено Б. Йеличем на имя В. Бакарича. Автор письма сначала подверг

критике политику представителей старшего поколения хорватского руководства, а затем предложил заключить соглашение о сотрудничестве с М. Трипало и С. Дабчевич-Кучар.

Постепенно возобладало мнение М. Трипало и его единомышленников, считавших, что именно Белград готовит свержение хорватского руководства. В январе 1971 г. ЦК СКХ отправил письмо партийным организациям, в котором говорилось о травле в белградской печати хорватского руководства, особенно В. Бакарича, М. Трипало и С. Дабчевич-Кучар⁶⁰. Хорваты обвинили Союзный секретариат по внешним связям и его Информационную службу в том, что те выдумали и использовали информацию о связи Загреба с усташеской эмиграцией и о заговоре хорватского руководства против Югославии. СИВ создал комиссию во главе с М. Булцом для того, чтобы расследовать этот случай. В то время во главе Информационной службы стоял А. Дрндич. Он был вызван из Софии, где занимал пост посла и приехал на заседание комиссии. После встречи с И. Броз Тито А. Дрндич отклонил обвинение своего ведомства. Он заявил, что изначально виноваты те хорваты, которые критиковали действия Союзного секретариата по внешним связям за шовинизм. А. Дрндич тогда заявил, что это В. Бакарич предал Хорватию. Речь шла о депешах в секретариат по внешним связям, в которых содержалась просьба провести расследование по ситуации в республике⁶¹.

Таким образом, картина произошедших событий представляется нам следующим образом. Скорее всего, контакты части хорватского руководства с усташеской эмиграцией осуществлялись. Хорватское «массовое движение», поддерживаемое молодыми хорватскими коммунистами, вызвало за границей воодушевление и возродило надежды на создание независимого хорватского государства. Этим связям способствовало и проникновение во властные структуры членов МХ, у которой с эмиграцией отношения были налажены еще с 1967 г. О тайных переговорах стало известно югославским спецслужбам. Тогда же мы впервые встречаем упоминание о некоем нелегальном комитете. Его существование говорит уже не просто о существовании контактов с эмиграции, а формировании заговора. Письмо Б. Йелича призвано было отвлечь внимание спецслужб от молодых коммунистов, скомпрометировав В. Бакарича и его сторонников. Тогда В. Бакарич и обратился за помощью к союзным органам, требуя обратить внимание на деятельность молодых хорватских политиков.

Д. Харамия, говоря о В. Бакариче, вспоминал: «На первом этапе всех перемен, которые происходили, он был на нашей стороне. Это было и на X пленуме ЦК СКХ. Однако к весне 1971 г. он, возможно, решил, что у нас нет шансов на успех, и стал менять свое отношение»⁶². По нашему мнению, действия В. Бакарича были продиктованы желанием отвести от себя и своих сторонников нависшее обвинение в антигосударственном заговоре и не лишиться своего высокого положения. Мы снова наблюдаем вмешательство И. Броз Тито, после разговора с которым, было прекращено расследование в отношении молодых хорватских коммунистов и обвинения в сотрудничестве с усташескими эмигрантами сняты.

Теряя поддержку В. Бакарича, М. Трипало и С. Дабчевич-Кучар усиленно продвигали идею движения в массы. Они считали, что всеобщая поддержка народа сможет снять впечатление от негативных тенденций. Участники движения из числа руководства спешили откеститься от возможных «эксцессов», их компрометирующих. М. Трипало заявил: «Тем, кто своими поступками, эксцессами бросают тень на наше движение, нет в нем места. Наше движение должно быть кристально чистым, социалистическим, должно бороться за равноправие всех наших народов и народностей, за братство и единство»⁶³. Руководство республики то пыталось дистанцироваться от экстремистов, то старалось представить националистические настроения в республике как нечто позитивное и даже полезное. На XX пленуме ЦК СКХ (14 апреля 1971 г.) Ю. Билич отметил: «Я считаю, что не нужно бояться этой национальной эйфории. Всегда будут те, кто выступит против. Я поддерживаю здоровые проявления, если в качестве ее инициаторов выступит Союз коммунистов»⁶⁴.

А тем временем из Хорватии в Белград приходили сообщения о том, что на заводах начали считать число работающих хорватов и сербов. Из районов с сербским населением приходили жалобы на конкретные случаи национальной дискриминации. Часть хорватского руководства во главе с С. Дабчевич-Кучар поставила под сомнение эти сообщения, объясняя их происками политических противников. Однако М. Врхунец в своих воспоминаниях написал: «Информации было достаточно много и из разнообразных источников, поэтому Тито был достоверно и объективно информирован.... Все службы и наш кабинет в том числе, были забиты письмами граждан с просьбами. Согласно этим письмам, в сербских районах

Хорватии рос страх от усташества, чьи преступления никто никогда не забывал»⁶⁵.

Руководство Хорватии окончательно разделилось по поводу роста национализма в республике. Члены Исполнительного комитета ЦК СКХ Ю. Билич, Э. Дороси-Биелац, М. Планинц и Й. Радойчевич дали негативную оценку положению в республике, а С. Биелац, Д. Харамия, С. Дабчевич-Кучар, М. Копртла, И. Шибл и М. Трипало отрицали рост национализма, указывая на него как на реакцию на проявления унитаризма и централизма.

Рост национализма в Хорватии, конфликты республиканских лидеров с союзными органами начали беспокоить И. Броз Тито. Он неоднократно встречался с партийным руководством республики, пытался разобраться в поставленных им вопросах, но стал замечать, что хорваты его не слушают, указания не выполняют, а другие республики единодушно осуждают его сдержанную позицию.

Обсудить сложившуюся обстановку в Югославии он решил на 17 заседании Президиума СКЮ 28–30 апреля 1971 года. Секретарь Исполнительного бюро ЦК СКЮ М. Трипало, встретившийся с главой государства накануне, отметил, что тот был очень раздражен и сообщил об осуществлении в стране контрреволюционной деятельности: «Ни у кого не должно остаться иллюзии в том, что он может в Югославии повторить вариант А. Дубчека в Чехословакии. В каждой республике найдется много тех, кто меня поддержит. Мы наведем порядок в стране при помощи армии»⁶⁶.

Открывая 17 заседание Президиума СКЮ, Тито не скрывал своего беспокойства, заявив о том, что в СКЮ — кризис. Его волновало возросшее недоверие между республиками, которое может перерасти в гражданскую войну. И. Броз Тито возмутила критика руководства страны в средствах массовой информации, которые «позволяют себе слишком много», заявляя, что за двадцать лет коммунисты ничего не добились. «Я никогда не был так обеспокоен, как сейчас»⁶⁷. Для того чтобы предотвратить дезинтеграцию и хаос в стране, И. Броз Тито призвал очистить партийные ряды от националистических элементов и как можно быстрее принять конституционные поправки, которые активно и широко обсуждались с начала года по всей стране. «Поправками мы решим национальный вопрос, станем сильнее, будем развиваться все вместе и осуществлять свою независимость» — заключил он⁶⁸. Рассуждения главы государства о результатах

конституционных изменений говорят о том, что он возлагал на них большие надежды мирным путем предотвратить распад государства. Так, он пытался убедить участников заседания в том, что когда они примут поправки, то начнут сами собой управлять — от фабрик до государства, и тогда будет глупо говорить об унитаризме.

Однако обсуждение поправок вылилось во взаимные обвинения представителей Сербии и Хорватии по поводу ущемления политических и экономических прав их республик в Югославии. И. Броз Тито также волновало возросшее недоверие между республиками. В таких условиях он поставил под сомнение целесообразность созданной еще в феврале 1969 г. в каждой республике системы территориальной обороны. Свои надежды он возлагал на армию, в единство которой верил. Только она, по его мнению, могла предотвратить гражданскую войну, которая была как никогда реальна.

От хорватского руководства глава государства потребовал арестов общественных и политических деятелей, замеченных в националистической деятельности. На это председатель ЦК СКХ С. Дабчевич-Кучар ответила отказом, заявив, что арестов по политическим мотивам не допустит. Хорваты проигнорировали и просьбу И. Броз Тито не заострять внимание на вопросах гегемонизма и унитаризма, что часто использовалось для того, чтобы отвлечь внимание от хорватского вопроса. «Мне надоели эти разговоры об унитаризме, о его угрозе нашему единству» — заявил он⁶⁹. Спорить с лидером страны, чей авторитет в стране был непререкаем, считалось невиданной дерзостью. Положение молодых хорватских лидеров было серьезным как никогда, поскольку над ними нависла угроза отставки. Однако они, в частности, С. Дабчевич-Кучар, демонстрировали свою готовность и дальше бороться за свои идеи. С одной стороны, она описывала плодотворную и интенсивную политическую жизнь в Хорватии, развитие самоуправления, равноправие, братство, рост уровня жизни и доходов граждан. С другой, заявляла, что в республике «можно говорить о массовом революционном движении»⁷⁰, что является «позитивной национальной эмансипацией». Врагами этого «революционного процесса» она считала антисоциалистические силы, наднационального характера югославов, шовинистов и сепаратистов, унитаристов и этатистов. Тему «движения» продолжил М. Трипало, заявив: «Во время чешских и польских событий мы аплодировали массовому движению, а когда это «массовое движение» появилось

у нас в виде того, что мы называем политизацией масс, пятимся назад»⁷¹. С начала заседания это было уже третье нарушение хорватами существующей в стране иерархии отношений и принципов поведения партийных и республиканских лидеров. Они отказывались выполнять требования главы государства, поднимали темы, которые их просили не затрагивать и, наконец, заявили о некоем «массовом революционном движении», что окончательно выходило за рамки программных документов Союза коммунистов Югославии.

С. Дабчевич-Кучар попросила Исполнительное бюро СКЮ защитить хорватское руководство от обвинений со стороны СИБ, которое, по ее мнению, являлось заговором против Хорватии. Расследованием этого случая занимались две комиссии. Первая была создана по просьбе Исполнительного вече Хорватии во главе со С. Доланцем. Вторую сформировало Союзное исполнительное вече. С. Дабчевич-Кучар задала присутствующим вопросы: «Почему такой серьезный вопрос, как сотрудничество с враждебной эмиграцией, не был рассмотрен сразу? Является ли такая информация компетенцией правительства? Почему эти результаты до сих пор не обнародованы? Я хочу знать, кому это нужно?»⁷² Она также заявила, что с результатами расследования обеих комиссий хорватское руководство не согласено.

Хорваты решали на 17 заседании свои задачи. Молодые хорватские коммунисты также как и на X пленуме ЦК СКХ и после него использовали популярные штампы, чтобы отвлечь внимание присутствующих от себя. Рассуждая об общих проблемах развития Югославии, об угрозе унитаризма, они демонстрировали свою готовность дальше бороться со всеми негативными проявлениями. С. Дабчевич-Кучар умело перевела разговор на то, что принятие решений в федерации серьезно затруднено, поэтому следует как можно скорее принять конституционные поправки, решить экономические вопросы, провести конференцию Союза коммунистов, на которой обсудить задачи и положение в СКЮ.

М. Рибичич, председатель СИБ, обещал обнародовать результаты расследования их комиссии о связях Хорватии с усташеской эмиграцией, если хорватское руководство даст на это свое согласие. Однако, учитывая серьезность собранной информации, правительство считало, что придавать ее гласности нецелесообразно. М. Рибичич категорически отверг при этом заявления о том, что Служба

государственной безопасности, Государственный секретариат народной обороны распространяли дезинформацию о хорватском руководстве. Сообщение о заговоре, по его словам, исходило именно из Хорватии из достоверных источников. В заключение своего выступления он отметил, что хорватское руководство оправдано, но враждебная деятельность в республике осуществляется, и нужно обнаружить, кем именно она осуществляется⁷³. М. Рибичич предположил, что все произошедшее в Хорватии является новым видом психологической борьбы, новой формой диверсии.

Результатами расследований крайне был недоволен В. Бакарич. Он хотел разобраться, кто именно из хорватского руководства замешан в контактах с усташами, а результатом расследования явилось заключение «об ошибочном обвинении СИБ в государственном заговоре». В ответе на запрос Исполнительного вече Хорватии оказались формулировки, которых не было в самом запросе. Отсутствие каких-либо комментариев к этому определению возмутило В. Бакарича. «Одна общая информация, и дело закрыто»⁷⁴ — негодовал он.

Попытку поднять вопрос национализма в Хорватии предпринял близкий соратник В. Бакарича, секретарь ЦК СКХ, М. Цветкович. Он заявил: «Прежде всего, нас беспокоит национализм, который проявляется даже в руководстве СКЮ и в республиках. Республиканские лидеры действуют исключительно в своих узких интересах. Мы имеем кризис доверия в руководстве. В последнее время страсти кипят между сербами и хорватами. Эти разногласия никогда не прекратятся, мы не можем их игнорировать. Ситуация похожа на 1939–1940 гг. Если взять высказывания на пленумах, статьи в прессе, можно подумать, что речь идет о враждебных друг другу странах, которые до сих пор воюют друг с другом. Создан климат агентуры, шпионажа. Недоверие, прежде всего, существует между ведущими политиками этих республик, оно переносится средствами массовой информации в народ. Не так далеко до того момента, когда это недоверие перерастет в ненависть между народами и народностями»⁷⁵. В ответ С. Дабчевич-Кучар продолжала настаивать на том, что речь идет о хорошо спланированном заговоре против хорватского руководства.

На 17 заседании мы наблюдаем открытое противостояние двух групп в СКХ. Вслед за С. Дабчевич-Кучар П. Пиркер поспешил заверить участников заседания в том, что в Хорватии очень внимательно следят за любым проявлением хорватского экстремистского

национализма и шовинизма. Они не столько растут, сколько иногда озвучиваются. П. Пиркер утверждал, что СКХ требует у руководства каждой организации энергичной реакции на каждое такое проявление. И сами члены партии реагируют очень остро на инциденты, не потому что они представляют опасность, а для большей ясности и правильности курса СКХ»⁷⁶ Эти заявления не убедили ни представителей из других республик, ни сербов из Хорватии.

Атмосфера 17 заседания накалялась. М. Трипало снова попытался обвинить в заговоре против Хорватии союзные органы, напомнив присутствующим, что именно СИБ разослало всем Центральным комитетам депешу от 9 июня 1971 г., в которой говорилось: «Посылаем вам информацию о положении в ЦК СКХ, о некоторых вопросах враждебной деятельности против СФРЮ»⁷⁷.

Взаимные обвинения прервал И. Броз Тито, заявив, что дискуссия его не устраивает. Он обратился к участникам заседания со словами: «Я ожидал не этого. Вы не понимаете, в какой ситуации мы находимся. Нужно предпринять решительные меры, чтобы снять напряжение в определенных кругах. Я не доволен руководством Сербии и Хорватии, так как отношения между ними сильно натянуты. Я не вижу их желания вести диалог. Мне очень не хочется предпринимать недемократические меры. В Белграде сейчас неспокойно. Одни говорят, что будет военный путч, другие — смена руководства. Никого я снимать не собираюсь.... Все время одни разговоры. Если так продолжится, то у нас найдутся и другие меры»⁷⁸. И. Броз Тито верил, что залог стабильности в стране в единстве партии. С начала 1970 г. он пытался преодолеть разногласия внутри партии, призывая к этому соратников, переходя постепенно от просьб к требованию. Республиканские ЦК продолжали решать свои собственные задачи. Особенно демонстративно это делали хорватские политики. Но в этот раз впервые глава государства пригрозил наказаниями.

С одной стороны, республики не осудили дружно Хорватию, а Словения даже выразила понимание её позиции. С другой стороны, Хорватия заупрячилась и перестала воспринимать слова вождя как указания к действию. И. Броз Тито планировал принять категоричную декларацию, которая бы приостановила националистическую деятельность, но был вынужден констатировать, что вырисовывается лишь «бледная» резолюция. Слова И. Броз Тито не возымели никакого действия на коммунистов, напротив, усилилась критика в адрес

руководства СКЮ, постоянно муссировался тезис руководства СК Хорватии о заговоре Белграда против Хорватии. И. Броз Тито понял, что не может больше управлять ситуацией. Он не мог постоянно встречать в дискуссии и руководить ею: руководитель партии готовил только две речи — вводную и заключительную, полагая, что этого, как и раньше, будет достаточно для принятия нужного решения. Не было больше и доводов, способных заставить его слушать.

Аргумент нашёлся лишь на следующий, третий день заседания. Раньше об этом эпизоде мы знали, главным образом, из рассказов участников событий. Теперь открылись югославские архивы, и мы можем его дословно воспроизвести. И. Броз Тито после небольшого перерыва прервал обсуждение и рассказал, причём медленно и с пикантными подробностями, должны заставить поверить его словам, следующее: «Товарищи, я этот перерыв использовал для того, чтобы пообедать. Со мной был В. Бакарич. Во время обеда подошел мой секретарь и сообщил, что мне по телефону звонит Л. Брежнев. Поскольку такие разговоры с Москвой очень редкие, может быть, раз в два года, то меня удивило, что мне звонят именно сейчас, когда мы проводим наше заседание. Долго не было нормальной связи, ничего нельзя было разобрать. Я слышал только чей-то голос, отвечал его секретарь Сергеев, но мы не могли понять друг друга. Тогда я пошел к обычному телефону, по которому обо всем не можешь говорить. Мы поприветствовали друг друга, и я спросил Брежнева, в чем дело? Он говорит: «Товарищ Тито, ходят разные слухи. Есть информация, что какие-то ваши войска движутся к Белграду, что ситуация критическая». И т. д. Он так и сказал, что ситуация «очень важная». Это означает — нехорошая. Я сказал: «Товарищ Брежнев, мы заседали три дня, сейчас подходим к концу. Вся та информация, которую вы слышали, является дезинформацией. Это неправда. Это ложь. И войска никуда не движутся, и нам не надо армию использовать при решении внутренних вопросов. Я хотел сказать, что и во внешней политике не надо, но не сказал. Я сказал ему, что наше обсуждение продуктивно, что мы работаем над укреплением нашей партии, так как у нас есть достаточно серьезные вопросы, которые нужно решить, а это может сделать только партия. Правильно, ответил он. Я сказал ему: «Будьте уверены, что у нас достаточно сил, чтобы всё решить самим, без какой-либо помощи кого бы то ни было. В таком смысле. Коротко. Говорит: «Я понимаю, обеими руками приветствую. (Правда, я руки не видел.)

Я приветствую эту вашу инициативу и ту энергию, которая действительно нужна, чтобы дать настоящий ответ всем врагам социализма». Я сказал: «Это мы и делаем, и легко решим наши проблемы и спасибо Вам за заботу. Только мы сами достаточно сильны». После этого он говорит: «Прошу меня простить за то, что до сих пор не имел возможности приехать и с Вами немного поговорить». Я сказал: «И мне также жаль, что Вы не приехали». «Но после праздника, — добавил он, — мы можем найти время где-нибудь встретиться и поговорить», — добавил он. Я ответил: «Можем, я надеюсь, что поговорим...»⁷⁹.

Чтобы было ясно, для чего он рассказал всю эту историю, И. Броз Тито повторил то, что уже пытался выразить раньше: если ходят такие слухи вокруг нас, значит, ситуация действительно серьёзная. И призвал коммунистов к единству и необходимости обезвредить враждебные элементы, прибегая к «решительным мерам». Всем было ясно, что в противном случае их ждёт «помощь» от СССР, которую уже ощутили на себе чехословаки в 1968 году. Участники встречи были испуганы и озадачены. Внешняя угроза диктовала принятие незамедлительных мер по скорейшей стабилизации ситуации в стране.

Документального подтверждения его разговора с Л. Брежневым нет, существуют лишь косвенные доказательства. О нем еще до заседания слышал М. Трипало от генерала И. Мишковича. Однако, по данным спецслужб, он носил неформальный характер и поэтому был осуществлен не по закрытым каналам, а по общей телефонной линии. Следует, однако, подвергнуть сомнению слова М. Трипало, поскольку вряд ли Москва стала бы говорить о таких серьёзных вещах по общей телефонной линии. Этот факт как раз говорит о возможной «придумке» вождём югославских коммунистов подобного серьёзного аргумента — ведь на внутренних закрытых линиях всегда дежурят переводчики, и весь разговор стенографируется, а проверять разговор по общей линии никто бы и не стал. Факт разговора подтвердил и посол СФРЮ в Москве В. Мичунович, но он не был свидетелем разговора, сам позже запросил стенограмму разговора из Белграда. В любом случае, И. Броз Тито воспользовался этим «вовремя прозвучавшим» звонком, чтобы убедить членов заседания в необходимости прекратить разногласия и полностью согласиться с его позицией. Угроза извне помогла снова сплотить СКЮ. Смелый ответ Л. Брежневу также поднимал авторитет И. Броз Тито в глазах тех, кто поговаривал о смене лидера.

В угрозу со стороны СССР поверить было несложно. После конфликта в 1948 г. Югославия жила в ожидании вторжения советский войск, еще свежи были в памяти события «пражской весны» 1968 г. Советский союз пристально следил за ситуацией в СФРЮ. 18 мая 1969 г. посол СССР в Югославии А. Венедиктов вручил И. Броз Тито послание от ЦК КПСС и правительства СССР с просьбой дисциплинировать югославские средства массовой информации, допускающие критику в адрес социалистического лагеря⁸⁰. В 1971 г. хорватское руководство не раз подвергалось критическим замечаниям со стороны советских представителей. М. Трипало гордо подчеркивал, что именно хорваты являются препятствием для расширения советского влияния в Югославии.

Журналист Д. Кастратович в своих воспоминаниях отмечает, что в 1971 г. советское руководство попросило у нескольких исследовательских институтов анализ ситуации о расстановки сил в югославской партии и получило очень «неблагоприятные» данные. Аналитики уверяли, что IX съезд (1969 г.) СКЮ стал поражением истинных коммунистических сил. Югославская партия разделилась на три группы: первая — настоящие коммунисты с небольшим влиянием, вторая, самая влиятельная — враги СССР (в этом крыле действует прозападная агентура — М. Трипало, С. Дабчевич-Кучар, Л. Перович), к третьей относится И. Броз Тито, который пытается быть арбитром между двумя первыми. Главный редактор «Правды» М. В. Замятин в разговоре со своими коллегами из газеты «Коммунист» заявил: «Мы не хотим и не собираемся вмешиваться во внутренние дела Югославии. Со своими проблемами и трудностями разбирайтесь, как умеете. У нас и своих проблем хватает. А у кого их нет? Однако вы являетесь социалистическим государством и занимаете стратегическое положение, поэтому нам небезразлична информация о готовящемся в Югославии государственном перевороте. С такой точки зрения это уже не только внутреннее дело вашей страны»⁸¹. Таким образом, И. Броз Тито якобы дали понять — если Югославия не сможет защитить партию и социализм, ей помогут это сделать извне.

Затрагивая внешнеполитический фактор, нужно отметить, что, безусловно, в целом он влиял на развитие и ход хорватского «массового движения» и реакции на него руководства страны. События недавнего прошлого в Чехословакии, общее мировое противостояние вынуждали И. Броз Тито воздерживаться во внутренней политике

от резких заявлений и шагов, идти на компромиссы ради политической стабильности. Однако в нашей работе подробно эта тема не рассматривается, поскольку заслуживает отдельного крупного исследования с привлечением архивных материалов.

И. Броз Тито добился своего. В Заключении 17 заседания Президиума СКЮ говорилось о единстве югославских коммунистов в оценке того, что национализм явился объединяющим фактором для всех антикоммунистических сил, что именно он подрывает доверие между народами и народностями Югославии и ведет к угрозе единства в СКЮ. В принятом Заключении всем югославским республикам было предписано начать борьбу со своими националистами, провести с этой целью специальные партийные заседания.

Такое заседание в Хорватии проходило 13–14 мая 1971 г. Оно стало еще одним поводом для обострения разногласий в ЦК СКХ. Д. Биланджич в своем дневнике написал: «Все пять республик против Хорватии, ЮНА настроена против нас, сербы в Хорватии напуганы нашей политикой, большая часть представителей военного поколения не поддерживают политический курс руководства»⁸². В ответ на предложение прекратить этот курс, М. Трипало обвинил Д. Биланджича в трусости.

7 мая 1971 г. в День освобождения Загреба состоялся большой митинг. Это мероприятие должно было продемонстрировать массовость хорватского движения, поддержку хорватского руководства народом. В митинге приняли участие ведущие политические, культурные и общественные организации республики. Дабчевич-Кучар держала речь перед 200 тысячами граждан, провозглашая новую хорватскую политику. Когда она осуждала централизм и унитаризм, в ответ звучали овации, а когда говорила о необходимости югославского содружества, была тишина⁸³. Д. Биланджич записал в эти дни: «В Хорватии все больше осознают, что республика притесняется, и что ее спасение — в выходе из Югославии»⁸⁴. 7 мая прозвучали лозунги «Да здравствует независимое государство Хорватия!». Выступавшие обещали решить национальный вопрос, а также возлагали большие надежды на конституционную реформу, которая усилит республиканскую самостоятельность. Правда, С. Дабчевич-Кучар в своих воспоминаниях оправдывалась, что потом они добавили к своим обещаниям фразу «в рамках социалистической Югославии»⁸⁵. Этой массовой поддержкой на улицах города хорватское руководство хотело показать, насколько оно

пользуется популярностью среди народа. Это особенно было важно сделать в момент, когда ходили упорные слухи о возможных отставках. Кто решился бы сместить региональных лидеров, пользовавшихся таким уважением и поддержкой населения республики? Однако эффект этого мероприятия был совсем иным. Из-за обилия транспарантов с именами М. Трипало и С. Дабчевич-Кучар устроителей обвинили в неуважении к авторитету И. Броз Тито и лидерских амбициях.

На состоявшемся 20 мая 1971 г. в Караждорджеве заседании Исполнительного бюро И. Броз Тито констатировал, что обстановка в стране накаляется, и генералы ЮНА выражают готовность действовать против враждебных сил. В связи с этим глава государства принял решение, что пока не будут решены внутренние проблемы в стране, о территориальной обороне, которую ждали, прежде всего, хорватские политики, говорить рано. Он считал, что если у республик появятся свои вооруженные формирования, то при существующих напряженных отношениях между ними, может дойти и до вооруженного столкновения. Говоря конкретно о Хорватии, И. Броз Тито заметил: «В Хорватии Матица хорватская стала почти второй партией. Организация имеет свои средства массовой информации, выпускает их ежедневно. Мы должны изолировать националистов и шовинистов от наших граждан. У вас происходят очень неприятные эксцессы, на которые вы не реагируете. Я требую против их инициаторов возбуждать уголовные дела»⁸⁶.

В июне 1971 г. состоялась встреча Городского комитета СКХ Загреба с представителями Матицы хорватской. Деятели организации настолько уверено себя чувствовали, что один из ее идеологов М. Веселица позволил себе выдвинуть ультиматум о присутствии на встрече всего Исполнительного комитета МХ. На встрече он заявил: «Хорватский народ подавлен и очень запуган. Это видит и понимает МХ. Прежде всего, ей следует работать с молодежью. Существовала первая и вторая Югославия, сейчас создается третья, но на ее счет у организации существуют сомнения. Необходим серьезный разговор о положении в полиции и армии, а у хорватского руководства не хватает смелости поставить эти проблемы из-за послевоенного комплекса вины»⁸⁷. Мы видим, что как только авторитет хорватского руководства пошатнулся, МХ заявила о своем лидирующем положении в борьбе за национальные интересы. Общественная организация позволила себе диктовать условия городскому партийному руководству.

В первой половине июня 1971 г. И. Броз Тито снова выразил недовольство положением в Хорватии, ростом национализма, особенно в среде интеллигенции. М. Трипало в своих воспоминаниях описал разговор с И. Броз Тито, который состоялся после встречи хорватского руководства с МХ: «Он обвинил меня в попустительстве интеллектуалам, и прямым тому подтверждением является мой визит на встречу с Главным комитетом Матицы Хорватской. И. Броз Тито исходил из того, что у меня наибольшее влияние в Хорватии, и я бы мог больше сделать по «оздоровлению» ситуации. Я понял тот разговор, как попытку перетянуть меня на сторону В. Бакарича, которому Тито все больше симпатизировал»⁸⁸. Глава государства не терял надежды примирить эти две группы. Еще одной попыткой создать единую команду СКХ стало назначение М. Трипало членом первого Президиума СФРЮ в июле 1971 г. Вместе с В. Бакаричем они вошли в состав двух советов Президиума, в Совет народной обороны и Совет безопасности. Предложение занять место председателя союзного правительства С. Дабчевич-Кучар не приняла, небезосновательно считая, что это была попытка убрать ее из Хорватии.

И. Броз Тито хотел разобраться в ситуации, поэтому провел несколько встреч с руководством Хорватии. Из воспоминаний С. Дабчевич-Кучар известно, что встречи хорватского руководства с И. Броз Тито проходили как на официальном уровне, в рамках приемов, так и в более узком формате, неофициально: «Правда в том, что мы играли в одну и ту же игру. Встречаясь вечерами, мы представляли свои аргументы и часто не могли определить, убедили ли мы его или нет. Он внимательно нас выслушивал, но окончательное решение оставлял за собой, не ставя о нем нас в известность. На этих встречах мы, особенно я, были более откровенны, чем на заседаниях. М. Трипало и П. Пиркер по-дружески шутили с главой государства. Мы ходили по лезвию ножа... Мы боролись за то, чтобы он оказывал поддержку нашей стратегии и политике. Какое-то время было очевидно, что мы в большой милости, так как нас часто приглашали»⁸⁹.

И. Броз Тито ждал от хорватского руководства единства и решительных действий в борьбе с национализмом, но ни того, ни другого не происходило. Наоборот, хорватские лидеры все чаще перечили главе государства. Очень показателен разговор И. Броз Тито с С. Дабчевич-Кучар и П. Пиркером, состоявшийся в июне 1971 г., на одном из заседаний СИВ в Белграде. В перерыве глава И. Броз Тито

подошел к хорватским лидерам и заметил: «Я слышал, что ваши усташи снова разбушевались! А вы ничего не делаете в ответ!»⁹⁰. Через два месяца он потребовал ареста Д. Будиши и И. Звонимира Чачака, П. Шегедина и В. Готовца, М. Веселицы и Ш. Джодана, а так же студентов, работающих в редакции газеты «Студенски лист», чьи материалы, по его мнению, были неприемлемы. Эти требования были выполнены частично. Интересно, что не просил, а именно требовал арестов И. Броз Тито трижды. Следующий раз был в июле, последний — в конце года. В. Бакарич впоследствии подтвердил факт, что молодые члены ЦК СКХ игнорировали советы И. Броз Тито и не хотели корректировать свой политический курс с учетом его замечаний⁹¹. А ведь И. Броз Тито привык, что его указания выполнялись беспрекословно.

22 и 26 июня 1971 г. в Загребе состоялась встреча политического руководства Хорватии с И. Броз Тито на вилле «Вайс», сначала при участии председателей и секретарей межобщинных конференций, а потом в более узком формате по вопросу о положении и развитии политической ситуации в Хорватии. В ходе встречи были обсуждены темы: угроза проникновения националистических взглядов в СКХ; игнорирование национализма и шовинизма; о двух линиях в СК; опасения, что каждый, кто выступит против национализма, будет считаться унитаристом, на него будет оказываться огромное давление; о росте национализма и его неоднозначной оценке в СКХ, так как националисты выступили как самые последовательные сторонники X пленума СКХ; об опасности политической изоляции Хорватии от Югославии; об организации идейно-политической акции и расширении влияния через СМИ⁹².

Сторонники В. Бакарича настаивали на том, что в СКХ сформировались два политических течения, что в ряды коммунистов проникли враги, а нерешительность руководства только способствует разрастанию национализма. М. Трипало, в свою очередь, подчеркивал поддержку со стороны народа и тезис о хорватской государственности. Об этой встрече стало известно только после завершения хорватского «массового движения». Стенограммы заседания не велось, имеются только записи ее участников. Свидетели приводят слова И. Броз Тито: «Друзья, я устал. Разговаривал с вами со всеми. Я подумую над тем, что вы мне сказали, но и вы сами подумайте над моими словами. Возможно, мы не понимаем друг друга»⁹³. Раскол

в хорватском руководстве преодолеть не удалось. Судя по тону, раздражение И. Броз Тито по поводу ситуации в Хорватии росло.

Молодые хорватские коммунисты вместо того, чтобы бороться с националистическим движением, как этого требовал И. Броз Тито, заявили не просто о желании его возглавить, а назвали его своим. В одном из своих интервью М. Трипало заявил, что движению нужен центр и координация всех его составляющих⁹⁴. Чтобы избежать обвинения в национализме, они заявили о «чистоте» своего движения. Выступая на митинге в Велика-Горице в середине июня, М. Трипало уверял присутствующих, что хорватское движение существует в рамках самоуправления и социализма. Своих оппонентов по партии он заверил: «Тем, кто бросает тень на наше движение, нет в нем места. Наше движение должно быть кристально чистым»⁹⁵. Таким образом, представители молодого поколения ЦК СКХ на этом этапе развития движения уже рассматривала себя его лидерами и координаторами.

Последние заявления хорватских коммунистов обеспокоили И. Броз Тито, но пока он оставался на их стороне. 4 июля 1971 г. глава государства приехал в Загреб и встретился с Исполнительным комитетом СКХ и другими видными политическими функционерами Хорватии. Состоялась эта встреча на вилле «Загорье». Это одна из самых интересных и важных встреч в ходе хорватского «массового движения». И. Броз Тито отметил, что национализм присутствует во всех республиках, но особенно сильно он проявляется в Хорватии, и что нужны другие способы борьбы с ним, разговоров недостаточно... «Сейчас начался курс против меня и против вас. Сейчас у меня достаточно власти, но я не знаю, как выйти из этой ситуации»⁹⁶ — добавил И. Броз Тито. Он пригрозил хорватам отставками тех, кто не готов к решительным действиям против национализма и призвал к чистке в Союзе коммунистов Хорватии.

Мы видим, что доверия к хорватскому руководству у И. Броз Тито оставалось все меньше. Решительные меры в борьбе с национализмом не осуществлялись. Он критиковал республиканское руководство за то, что оно «сосредоточило все усилия на создании государства», что приобрело все необходимые атрибуты, в том числе и необходимые в отношениях с заграницей. На критику руководство СКХ ответило уже ставшими традиционными ссылками на интриги против Хорватии. Секретарь Исполнительного комитета П. Пиркер, заявил, что в Хорватии не происходит ничего тревожного, но и

нечего позитивного, поскольку важные вопросы развития республики на югославском пространстве не решены. Его поддержали Д. Харамия, Й. Блажевич, М. Трипало, С. Дабчевич-Кучар, И. Шибл, С. Биелич, М. Крптла.

И. Броз Тито был очень удивлен. Молодые хорватские политики открыто и решительно противоречили ему. Сторонники В. Бакарича (Й. Радойчевич, М. Планинц, Э. Доросси-Биелац) как и на вилле «Вайс» настаивали на том, что ситуация в Хорватии трагическая — сербы запуганы, в некоторых селах выставлены посты охраны. Однако, несмотря на поток критики в адрес Хорватии под конец встречи И. Броз Тито попросил прощения, что был несколько резок и обещал подумать по поводу всего услышанного.

В конце встречи 4 июля 1971 г. И. Броз Тито обратился к хорватскому руководству: «Вы думаете, у меня нет никакого национального самосознания, что я вообще не ощущаю себя хорватом, что я, как молодой пролетарий, впитал в себя интернационализм, так как мы, коммунисты, должны быть интернационалистами? Но, я все-таки хорват... Вы рискуете оказаться на самом краю, но совсем не хотите меня слушать...»⁹⁷. Мы видим, что глава государства колебался между национальными чувствами и партийными и государственными интересами. Именно этим можно объяснить терпение, с которым он раз за разом в течение 1971 г. давал шанс хорватскому руководству в условиях, когда все остальные республики Югославии были настроены против Хорватии.

И Броз Тито потребовал от хорватских лидеров распустить партийную организацию в университете, арестовать студенческих лидеров и закрыть Матицу хорватскую и общество «Просвета». Перечень требований показывает, что глава государства требовал не столько борьбы с национализмом, сколько с любым дестабилизирующим фактором в республике. Этим можно объяснить возникновение в этом списке сербского общества «Просветы», выступавшего в защиту прав сербского населения в Хорватии. С. Дабчевич-Кучар отказалась выполнять требования И. Броз Тито. По данным британского дипломата, она заявила, что больше не желает терпеть шовинистские выпады в адрес Хорватии⁹⁸.

Об этой встрече до сих пор много спорят. Позднее Д. Драгославац уверял, что некоторые фразы И. Броз Тито были сфальсифицированы тогдашним хорватским руководством во главе с С. Дабчевич-Кучар.

Последние вообще утверждали, что главу государства обманули, представив ложные данные о ситуации в Хорватии. По данным, Д. Драгославаца оценки в адрес Хорватии 4 июля 1971 г. были гораздо более жесткие, но озвучивать в полном объеме руководству республики их в тот момент было невыгодно. Так, И. Броз Тито якобы говорил следующее: «Я скажу вам это впервые. Вы видите, что я очень зол», «Хорватия стала ключевой проблемой с точки зрения роста национализма», «Это вопрос классовой борьбы, кто победит национализм или социализм», «Под прикрытием национальных интересов разрастается национализм, вплоть до контрреволюции», «Вы позволили этой Матице превратиться в политическую организацию до такой степени, что теперь с ней трудно справиться...»⁹⁹.

М. Трипало поставил под сомнение подлинность даже этих высказываний И. Броз Тито, найдя в словах свидетелей расхождения. Он писал, что встреча с хорватским руководством 4 июля была конфиденциальной, никаких записей во время нее не велось, ее никто не снимал, а значит, много из вышесказанного могло быть придумано. Позднее Д. Харамия предположил, что И. Броз Тито был неправильно информирован о ситуации и, возможно, обманут: «После X пленума все действия ЦК СКХ получили поддержку Тито, который понимал, что существуют проблемы, которые нужно решать. Вероятно, на него оказывалось давление. Именно находясь под таким давлением, он приехал на встречу с нами. Если бы он выслушал наши аргументы, то понял бы, что его неправильно информировали»¹⁰⁰.

Несмотря на критику со стороны центрального руководства и самого И. Броз Тито в адрес МХ, хорватское руководство не шло на ее закрытие. М. Трипало вспоминал: «Союз коммунистов не имел на нее достаточного влияния. Перед нами стоял вопрос: или запретить МХ, или бороться за позиции в ней. Я был против ее закрытия. Во время своего разговора с Тито на Вилле Загорье 4 июля 1971 г. я понял, что он хочет запретить МХ, но, в конце концов, он тоже отказался от этой мысли. Нужно отметить, что тесной взаимосвязи между ЦК СКХ, МХ и студентами не существовало. Между нами существовали как возрастные, так и политические различия. Кроме того, мы стояли у власти, поэтому и ответственность у нас была разная.... У нас проходили постоянные встречи с представителями МХ, на которых мы спорили, убеждали и критиковали друг друга, но от этого не было никакой пользы»¹⁰¹. Возрастные и политические различия, тем не менее,

не помешали МХ и ЦК СКХ разработать почти идентичные программы действий, поддерживать друг друга в рамках партийных форумов и в средствах массовой информации, проводить встречи и даже выдвигать на них ультиматумы. Трудно вообще говорить о взаимосвязи трех составляющих хорватского «массового движения» в силу того, что многие члены МХ проникли во властные структуры, в том числе и в ЦК, а также являлись преподавателями высшей школы. Произошло практически слияние этих трех политических сил.

Хорватское партийное руководство признало, что Матица злоупотребляет своей политической ролью и рекомендовало Исполнительному комитету ЦК СКХ принять меры по прекращению сотрудничества членов партии с этой организацией только после оказанного давления на СКХ со стороны центрального руководства, связанного со скандалами по поводу подозрений в сотрудничестве с усташеской эмиграцией. Но и после этих мер делались попытки оправдать МХ, объяснить ее деятельность какими-то другими причинами, но не стремлением к политическому влиянию в республике. Перспектива конфликта с союзным руководством пугала хорватское руководство меньше, чем конфликт с представителями национальной интеллигенции, которая их поддерживала в последние годы. На заседании ЦК СКЮ 1–2 декабря 1971 г. И. Шибл, председатель Союза организации участников Народно-освободительной войны, заявил: «По моему мнению, все наши действия по умирению Матицы были безуспешными, так как мы использовали репрессивные меры, а не пошли на переговоры с хорватской интеллигенцией. Мы должны действовать, иначе окажемся в ситуации конфронтации Союза коммунистов с интеллигенцией или ЦК с интеллигенцией»¹⁰². Конфликт с МХ серьезно бы подорвал авторитет власти в глазах хорватского общества, в то время как поддержка народа и являлась для хорватского руководства решающим аргументом в пользу «массового движения».

После критики И. Броз Тито 4 июля для хорватского руководства стало очевидно, что медлить с мерами против националистов больше нельзя. Команда С. Дабчевич-Кучар приступила к активным действиям. Прежде всего, уже в июле Городской комитет СКХ Загреба принял решение об исключении из своих рядов депутата Союзной скупщины, профессора университета М. Веселицы и секретаря по экономическим вопросам МХ Ш. Джодана. С. Дабчевич-Кучар вспоминает: «Их исключение Тито и ЦК СКЮ мы представили как

успех в борьбе с экстремистским национализмом»¹⁰³. Мы снова видим попытки хорватского руководства создать иллюзию применения серьезных мер против национализма путем исключения самых заметных фигур движения. Тогда как еще в начале 1971 г. Я. Блажевич выдвигал против этих людей обвинение в сотрудничестве с враждебной эмиграцией. К этому делу была тогда привлечена Служба государственной безопасности (СГБ), но она, признавая радикальные взгляды обвиняемых, не нашла в них преступного умысла, сославшись на последствия Второй мировой войны.

За отставками М. Веселицы и Ш. Джодана последовало требование Союза организации участников народно-освободительной войны об отставке его председателя И. Шибла, известного своими националистическими взглядами. Прошла череда запретов изданий Матицы хорватской. Студенческим лидерам И. Звонимиру Чичаку и Д. Будиши в августе запретили выступить в Вуковаре в защиту М. Веселицы и Ш. Джодана. Таким образом, хорватское руководство демонстрировало готовность выполнять требования И. Броз Тито и за это рассчитывало на его дальнейшую поддержку.

Еще одним показательным актом хорватского руководства стало принятие 2 августа 1971 г. Программы действий ЦК СКХ. Д. Драгославац считал, что это было сделано для того, чтобы реализовать пожелания И. Броз Тито, сделанные им на вилле «Вайс». Однако содержание новой Программы показало, что курс молодых хорватских политиков остается прежним. Расстановка сил в хорватском руководстве выглядела следующим образом: в Исполнительном комитете преобладали сторонники В. Бакарича, но в ЦК большинство составляла группа С. Дабчевич-Кучар. Такое же соотношение сил повторялось в большинстве межобщинных партийных конференций, в республиканском руководстве Социалистического союза трудового народа, Союзе организации участников народно-освободительной войны и молодежи, в Исполнительном вече и Президиуме Сабора. Слабыми были позиции С. Дабчевич-Кучар в руководстве профсоюзов. Там кадровую политику контролировал М. Балтич, не давая возможности националистам закрепиться в этой организации.

Во время обсуждения Программы действий В. Бакарич собирался критически подойти к рассмотрению нескольких серьезных политических вопросов, негативных проявлений в республике. С. Дабчевич-Кучар настаивала на широком освещении всех крупных

вопросов. Говорить в целом о проблемах, не вдаваясь в детали, было проще, чем отвечать за каждый отдельно взятый случай.

В окончательном варианте Программа действий СКХ включала три пункта: в политическом плане объявлялась борьба за Социалистическую республику Хорватию как «суверенное национальное государство» хорватского народа и сербов, которые в ней живут, в экономической сфере было обозначено стремление решить вопрос валютного регулирования и внести изменения во внешнеторговую политику. Против этих пунктов выступил Ю. Билич, считавший, что они не отвечают новой модели общественных отношений в Югославии. Третьим пунктом шел вопрос Р. Булата, члена ЦК СКХ, депутата хорватского Сабора, который выступал в защиту прав сербского населения и предлагал создать в Хорватии некий вид федерации. От него потребовали отказаться от своей позиции. Все три пункта Программы вызвали протест части хорватского руководства во главе с В. Бакаричем. Эта часть хорватских коммунистов больше не хотела пропускать инициативы молодых хорватских лидеров.

Отношения между руководством СКХ и главой государства становились все напряженнее. Им не удалось убедить И. Броз Тито в своей правоте во время встреч и двусторонних разговоров, не помогли ни демонстрация борьбы коммунистов республики против национализма, ни даже наказания отдельных членов партии. И. Броз Тито все серьезнее выражал недовольство ростом национализма, стремлением к политической и экономической независимости, нежеланием хорватского руководства положить конец интригам против союзного руководства и лидеров других республик. Тогда хорваты решили испробовать последнее сильнодействующее оружие — пригласили И. Броз Тито в поездку по республике. Такая поездка позволяла руководству Хорватии находиться все дни рядом с главой государства, влиять на него и силой аргументов, и воздействием увиденного. А изобразить великую любовь лично к нему и к руководству республики, хорошие отношения между сербами и хорватами было нетрудно.

10 сентября 1971 г. И. Броз Тито приехал в Загреб. М. Врхунец вспоминает: «В аэропорту произошло неожиданное событие. Пока мы выходили, раздался хорватский гимн «Лиена наша». Мы все остановились и дослушали гимн до конца. Когда мы приехали на виллу «Загорье», Тито был очень зол, сразу ушел к себе и оставил стоять хорватов у дверей. Позвал меня к себе и с раздражением спросил,

знал ли я о том, что будут играть хорватский гимн. Я ответил, что меня об этом никто не предупредил. Вся программа того дня была отменена»¹⁰⁴. Хорватское руководство, таким образом, хотело произвести впечатление на главу государства, так как он несколько раз подчеркивал свою принадлежность к хорватской нации. Гимн «Ли-епа наша», существовал в межвоенный период, и хорваты поставили вопрос в рамках обсуждения новых конституционных поправок о его восстановлении в качестве республиканского гимна социалистической Хорватии. Однако такие действия уже не могли восприниматься главой государства позитивно.

В ходе поездки напряжение удалось снять, в целом визит в Хорватию на И. Броз Тито произвел приятное впечатление. Хорватское руководство делало все, чтобы оказаться как можно ближе к главе государства. С. Дабчевич-Кучар пишет: «По протоколу кто-нибудь из нас должен был его сопровождать. Мы настаивали, чтобы его сопровождали как можно больше наших людей»¹⁰⁵. Усилия не пропали зря. 15 сентября И. Броз Тито устроил прием в отеле «Эспланада», на котором произнес тост: «Я объехал большую часть Хорватии, посмотрел, как живет народ. Оказанный мне прием невозможно забыть. Я убедился, что народ испытывает огромное доверие к Союзу коммунистов и ко мне. Это доверие звучало во всех выступлениях представителей народа. Я вижу, что абсурдны рассказы о хорватах, о том, что среди них нет единства, что народ думает по-другому, что существует шовинизм. Это неправда. Нет недоверия между сербами и хорватами. Нельзя позволять никому портить их отношения»¹⁰⁶.

Лестные высказывания в адрес Хорватии настолько воодушевили молодых хорватских политиков, что на встрече политического актива СКХ, состоявшегося 17 сентября 1971 г., М. Трипало сообщил о грядущих изменениях и о планах партии возглавить хорватское «массовое движение»¹⁰⁷. С этого момента в СКХ начались перестановки. К власти пришли люди, поддерживающие идею о хорватском движении. В СМИ все чаще термин «политизация масс» стал заменяться на «политическое» или «массовое движение».

Визит И. Броз Тито в Хорватию и воодушевление хорватских коммунистов его результатами вызвали раздражение в других республиках. Серьезные разногласия существовали с Сербией, также Хорватию критиковали БиГ и Словения. К октябрю 1971 г. участились

конфликтные ситуации и с руководством ЮНА. Еще с 1967 г. во время обсуждения «Декларации» обозначились нападки на Югославскую Народную Армию со стороны националистов, выступавших за свою собственную республиканскую территориальную оборону. Этот тезис поддержали позднее студенческие лидеры. И. Броз Тито был категорически против разделения армии по национальному признаку. На хорватские инициативы он постоянно повторял С. Дабчевич-Кучар: «Держись подальше от армии! И не вмешивайся в дела военного руководства!»¹⁰⁸

Во время военных маневров «Свобода 71» серьезные разногласия хорватского политического руководства и армии вылились в прямой конфликт. Во время праздничного банкета в конце маневров в Карловце адмирал М. Йеркович в своей речи заявил: «Я рад приветствовать здесь своего старого друга по оружию Мику Трипало и поблагодарить его за то, что он не назвал и меня «эmissаром», несмотря на то, что я заехал по дороге в свои родные края — Сисак и Баню»¹⁰⁹. После этого наступила тишина, которую прервал Э. Кардель, заявив о важности добрых отношений в югославском обществе. М. Трипало не позволили выступить с ответной речью.

Кабинетом главы государства внимательно отслеживались заявления хорватских властей, чтобы в них обязательно упоминался И. Броз Тито, делались замечания о выпадах в его адрес в националистической печати, и даже на митингах подсчитывались транспаранты, в честь кого их поднято больше: М. Трипало и С. Дабчевич-Кучар или И. Броз Тито. О том, что лидеру СФРЮ было о чем волноваться, говорят результаты социологических опросов, проведенные в Хорватии в 1971 г. Рейтинг популярности общесоюзных политиков выглядел таким образом:

И. Броз Тито — 75,5 %

Э. Кардель — 19,7 %

В. Бакарич — 9,8 %

Когда же респондентов опросили об их симпатиях внутри республики, то картина получилась иной:

Я. Блажевич — 30,3 %

М. Планинц — 26,0 %

В. Бакарич — 24,6 %

Й. Врховец — 16,1 %

И. Броз Тито — 12,0 %¹¹⁰.

Рост влияния Матицы хорватской также являлся фактором, который волновал главу государства. Д. Биланджич в это же время писал о том, что ни Социалистический союз, ни ЦК СКХ не могут собрать граждан на массовые мероприятия. На это способна в данный момент только Матица. В своем дневнике осенью 1971 г. Он записал: «МХ готова участвовать в будущих общесоюзных выборах как политическая партия. И я уверен, что она победит»¹¹¹.

Попытки В. Бакарича привлечь внимание к националистам в руководстве СКХ не имели успеха. Выступая на заседании межобщинной конференции в Сплите 2 ноября 1971 г., он призвал не закрывать глаза на многочисленные так называемые «эксцессы» в регионах, анализировать причины столкновений на межнациональной почве, разоблачать врагов. Говоря о руководстве республики, В. Бакарич отметил: «В СКХ существует националистическая группа. Она небольшая, но ее члены уже проникли в правительство. Нужно принимать меры против таких активистов как Джодан и Веселица»¹¹². В защиту хорватского «массового движения» выступил М. Дрогович из Далмации, отмечая ценность движения в свете проведения конституционной реформы. Текст выступления В. Бакарича был опубликован только в газете «Политика», а в «Виеснике» фразы были сокращены до слов «озабоченность по некоторым вопросам». В. Бакарич несколько раз пытался отстранить молодых хорватских лидеров от власти, но каждый раз возникали помехи. То главы государства не было в стране, то он вставал на их сторону, и тогда В. Бакарич вынужден был отступить. Колебания И. Броз Тито в отношении хорватского руководства обусловили непоследовательность и нерешительность позиции В. Бакарича.

5–6 ноября 1971 г. состоялся XXII пленум ЦК СКХ. В нем участвовали более 70 человек. Большинство из них верило, что ситуация в республике складывается в пользу молодых политиков. На этой позитивной волне С. Дабчевич-Кучар произнесла свой доклад, по сути, означавший внесение понятия «массового движения» в официальные партийные документы, сделавшие его частью политики СКХ. С. Дабчевич-Кучар настаивала на широте движения и возможностях ее использования в своих интересах. Так, она заявила: «Единство народа и партии привело к серьезному усилению массового политического движения. Те, кто опасаются массового движения — сектанты!». ¹¹³ Й. Джерджа вообще назвал противников движения «банкротами». Заявления становились все более смелыми.

Пленум был посвящен двум основным вопросам: расхождениям в высшем хорватском руководстве по ряду вопросов и оценке общественно-политической жизни республики. В ходе дискуссий было зафиксировано разделение Исполнительного комитета ЦК СКХ на «прогрессивное ядро» и на так называемую «группу лидеров». Фактически, документально был зафиксирован раскол в СКХ. По второму вопросу был сделан вывод, что обстановка в республике «хорошая благодаря активности прогрессивных сил»¹¹⁴. XXII пленум ЦК СКХ стал отступлением от программы СКЮ. Подобное было позволено делать только в рамках съездов и то, в ходе дискуссий. Позднее В. Бакарич утверждал, что у него и его единомышленников было огромное желание сместить молодых политиков после заявлений С. Дабчевич-Кучар. И только отсутствие в стране И. Броз Тито помешало это сделать¹¹⁵.

15 ноября 1971 г. в Загреб приехал Э. Кардель. Разговор в узком составе ЦК СКХ шел о ситуации в Югославии. Его, прежде всего, беспокоило падение авторитета Союза коммунистов из-за отсутствия в нем единства и иллюзий некоторых членов, что проблемы страны могут решаться спонтанным движением масс, а также существование некоего «прогрессивного ядра», которое способно противостоять негативным тенденциям.¹¹⁶ Разговор шел в целом о стране, но очевидно, что имелась в виду Хорватия. По словам Э. Карделя хорватский национализм — «детская сказка» по сравнению с тем, что происходит в Сербии. Но Словения, у которой нет антихорватских настроений, не поддержит хорватскую политику. Молодые хорватские политики снова поспешили его заверить, что ситуация в Хорватии не настолько серьезная, просто каждая республика решает свои проблемы по-своему¹¹⁷. М. Трипало в своих воспоминаниях отметил, что хорватские политики не сомневались, что Э. Карделя прислал И. Броз Тито. Это было последнее предупреждение главы государства.

Д. Биланджич в своем дневнике 21 ноября 1971 г. записал: «Трехмесячное обсуждение конституционных поправок закончилось лозунгами о вхождении Хорватии в ООН, предложениями взять кредит у США, предложениями создать хорватскую армию — «Государство без армии — не государство!» Все эти призывы, скорее всего, провокация»¹¹⁸. Если это была провокация, то очень хорошо продуманная. Подобного рода заявления вынуждали союзные власти идти на уступки. Были выгодны такие радикальные требования и тем, кто

хотел еще больше дестабилизировать ситуацию в республике, спровоцировать граждан республики на какие-либо действия.

* * *

Таким образом, вышеизложенные материалы показывают, что взаимоотношения между руководством СКХ и СКЮ были достаточно сложными. С одной стороны, «массовое движение» в Хорватии встретило много противников во всех республиках СФРЮ, с другой, осуждение или поддержка позиции руководства СКХ зависели от позиции еще прочно стоявшего у власти И. Броз Тито. Весь 1971 г. И. Броз Тито колебался по отношению к событиям в Хорватии. Он изначально явно симпатизировал хорватскому руководству и возлагал на него большие надежды. Широта взглядов молодых коммунистов, их решительность и напор выгодно отличались от осторожных и порой нерешительных представителей старшего поколения коммунистов. Лидеры СКХ смогли убедить И. Броз Тито в том, что их деятельность осуществляется в русле реформ, начатых руководством страны, что их требования ограничены рамками демократических преобразований. И. Броз Тито внимательно наблюдал за действиями хорватского руководства, часто встречался с ними, пытался вникнуть в их замыслы и направления активности. Видимо, он гордился тем, что активными сторонниками реформ и демократических преобразований стала хорватская нация, принадлежность к которой он внезапно стал подчеркивать.

В своих выступлениях И. Броз Тито неоднократно подчеркивал, что столпами безопасности и единства страны являются: сплоченность партии и монолитность Югославской народной армии. Он не мог также допустить возможности сотрудничества с усташеской эмиграцией. Поэтому колебания в позиции И. Броз Тито зависели от того, насколько он осознавал опасность для единства страны и своей собственной власти. Он поддерживал молодых хорватских политиков до тех пор, пока они не нарушали все эти принципы. Однако симпатии к Хорватии у И. Броз Тито были настолько сильны, что когда у него появлялось желание скорректировать курс хорватского руководства, он осуществлял его не сам, а прибегал к помощи Э. Карделя или В. Бакарича, выказывая тем самым свою поддержку Хорватии. Пожалуй, впервые И. Броз Тито проявил такое длительное терпение, которое закончилось лишь тогда, когда он почувствовал угрозу существования федерации и своей власти.

С середины 1971 г. И. Броз Тито осознал, что хорватские лидеры посягнули на единство СКЮ. Существовавшие и ранее разногласия коммунистов старшего и молодого поколения в 1971 г. достигли уровня прямого противостояния и попыток сместить друг друга, грозили перерасти республиканские рамки. Программы большей самостоятельности Хорватии не поддержали другие югославские республики, попытки критиковать хорватских лидеров кончались взаимными обвинениями. Все это вело к кризису единства в СКЮ. Хорватский новый курс не получил поддержки руководства ЮНА, которое решительно отвергло националистические хорватские идеи. И. Броз Тито понимал, что в чрезвычайных условиях армия является оплотом государственной власти. Поэтому для него позиция военных была ясным сигналом того, что поддержка хорватского курса становится опасной. На митингах в Хорватии скандировали имена региональных лидеров, в СМИ уделяли больше внимания именно их заявлениям и в то же время позволяли себе критику в адрес главы государства, социологические опросы показывали падение популярности И. Броз Тито в республике.

Раздражение главы государство выросло после того, как не были выполнены его требования о закрытии МХ, ставшей в республике практически второй партией, о запрете ряда периодических изданий, об арестах студенческих лидеров. Молодые хорватские коммунисты не только не спешили выполнять указания И. Броз Тито, но и позволяли перечить ему. Последней каплей переполнившей чашу терпения, стала информация о связи хорватского руководства с усташеской эмиграцией. После этого И. Броз Тито занял твердую позицию, которая базировалась на убеждении, что события в Хорватии угрожают единству страны, партии и его личной власти.

§3. Волнения университетской молодежи как кульминация протестного движения

За несколько лет в Хорватии выросло новое поколение студентов, которые были разочарованы результатами студенческих выступлений конца 1960-х гг. Обещанная ректором И. Супеком реформа университета так и не была проведена. Теперь новые студенческие лидеры претендовали на участие в политической жизни республики,

при этом они были настроены более радикально и благодаря политике, которую проводило хорватского руководства, верили, что теперь в стране стало возможно открыто говорить обо всех проблемах.

После 1968 г. хорватские молодые политики поощряли формирование молодежного движения. Еще в 1969 г. на встрече со студентами М. Трипало назвал такое движение «нормальной реакцией на достижения в развитии самоуправленческого социалистического общества»¹¹⁹. Он призывал молодежь использовать свою огромную потенциальную энергию. С. Дабчевич-Кучар также призывала молодежь к большей самостоятельности и участию в жизни республики. Все это делалось в рамках принятой на IX съезде СКЮ (12 марта 1969 г.) программы обновления партийных кадров. И. Броз Тито тогда заявил: «Мы уже старые, а для решения сложных общественных проблем нужно много сил и знания»¹²⁰.

Говоря о «массовом движении», молодым хорватским лидерам нужны были доказательства этой массовости. Особенно это стало актуально в 1971 г., когда на них обрушилась критика всех пяти республик и союзного правительства. Учитывая то, что рабочий класс оставался в стороне от политических событий в Хорватии, университет как раз подходил на эту роль.

Разделение в Загребском университете на так называемых «левых» и националистов, о котором мы говорили ранее, в 1971 г. только усилилось. На фоне обсуждений государственности республик и будущего всей федерации, глубокого кризиса доверия к власти, состояния экономики, внимание Хорватии и всей Югославии привлек один студент. Его имя настолько часто упоминалось, что сразу стало знаменитым. В хорватской историографии считается, что с выбором И. Звонимир Чичака на должность студента-проректора, к власти в университете пришли националисты. Мы считаем это мнение ошибочным. И. Звонимир Чичак не был националистом. Он относился к той части студентов, которая была связана с религиозными союзами, входившими в группу Святой Катарины, которая в то время действовала в Сплите, Риеке и других городах Хорватии. За все время, пока он занимал место студента-проректора, самым популярным и радикальным его заявлением стала фраза — «Хватит политических манипуляций!» После этого заявления студенты отдали за И. Звонимира Чичака свои голоса, выражая тем самым протест против попыток различных политических сил использовать университет в своих

целях. И. Звонимир Чичак поддерживал хорватскую национальную идею, заявляя о том, что она означает для хорватского народа намного больше, чем марксизм и самоуправление.

Отметим, что Католическая церковь не поддержала хорватское «массовое движение». В газете «Хрватски тьедник» была опубликована статья (8 октября 1971 г.) под заголовком «Папа и хорватский сепаратизм»¹²¹. Автор публикации приводит комментарий из польской католической газеты, где говорится, что события в Хорватии не что иное, как сепаратистские тенденции, которые Ватикан не собирается поддерживать. По версии издания, именно поэтому Павел VI отказался участвовать в Марианском конгрессе в Хорватии. Далее отмечалось, что глава Католической церкви был хорошо осведомлен о ситуации, сложившейся в хорватской политической жизни. В. Виков, член МХ, вспоминал, что был шокирован этой информацией, так как он и его единомышленники ожидали со стороны церкви понимания и поддержки. Он писал: «Нам было тяжело осознать, что интересы Ватикана не совпадают с чаяниями верного ему хорватского народа, еще более непонятной для нас была проюгославская политика Святого престола»¹²². Этим объясняется нежелание МХ и хорватского руководства поддерживать И. Звонимира Чичака, являвшегося представителем клерикальных кругов.

Сначала с новоизбранным студентом-проректором попытались сотрудничать как «левые» во главе с Д. Чизмир-Маровичем, так и националисты во главе с Д. Будишей, но христианская, пацифистская позиция И. Звонимира Чичака не отвечала интересам ни той, ни другой стороны. Тогда началась компания по его отставке. Националисты обвинили И. Звонимира Чичака в нападении на хорватские национальные интересы, «левые» в покушении на демократию и свободу вероисповедания в югославском обществе. Таким образом, в 1971 г. в университете мы выделить уже три группы: «левые», которых поддерживали Союзы студентов Загреба и Хорватии и университетский комитет СКХ; националисты, за которыми стояли профессора, являвшиеся членами МХ; и клерикалы, поддерживаемые церковными организациями.

19 января 1971 г. ректорат официально утвердил кандидатуру И. Звонимира Чичака на посту студента-проректора. Однако уже 28 января 1971 г. университетский комитет СКХ принял решение, что со своими политическими взглядами новоизбранный

студент-проректор не может представлять студентов, учитывая также, что он даже не является членом Союза студентов. Руководство Союза студентов Загреба и Хорватии объявили его «клеронационалистом», «клерикалом», «экстремистским националистом». Наиболее активными противниками И. Звонимира Чичака стали П. Стрипич, член Президиума Союза студентов Загреба (ССЗ), С. Ланг, председатель Союза студентов Хорватии, и Д. Чизмир-Марович, член Президиума ССЗ. Они потребовали от ректора И. Супека немедленной отставки неугодного им студента-проректора. Ректор ответил, что избрание было совершено в ходе голосования студентов, и он не может просто так оспорить его результаты. Это решение ректора стало первым поражением «левых» сил университета.

23 февраля произошло первое открытое противостояние «левых» и националистов на заседании Скупщины Союза студентов Философского факультета. Д. Чизмич-Марович, Л. Веляк и С. Дракулич поставили на повестку дня классовые проблемы. Д. Будиша, Ю. Юрас и, вставший на их сторону И. Звонимир Чичак, уделили внимание национальному вопросу. Многочасовые дебаты закончились победой националистов. Д. Будиша был избран председателем Скупщины Союза студентов Загреба. Если раньше лагеря «левых» и националистов время от времени объединялись, то в феврале они окончательно разошлись в разные стороны.

В апреле 1971 г. в процессы, происходившие в университете, вмешалась партия. Для подтверждения массовости своего движения и использования молодежи в своих политических целях хорватскому руководству нужно было установить контроль над студентами и преподавателями. На конференции Союза коммунистов университета П. Пиркер раскритиковал университетскую партийную организацию за недостаточную активность и поддержал университетское движение. Он заявил: «Я позитивно оцениваю политизацию среди студентов и их поддержку позиции ЦК СКХ, X пленума и всех политических перемен в республике. Предлагаю принять в университетский комитет новых членов, так как нынешнее руководство вошло в столкновение с движением»¹²³. Новые назначения привели к тому, что к власти в университетский комитет также пришли националисты, из числа сторонников молодых хорватских партийных лидеров.

На состоявшихся 27 марта и 4 апреля 1971 г. двух крупных партийных студенческих конференциях студенты и преподаватели уни-

верситета в Загребе выразили полную поддержку принципам X пленума ЦК СКХ. Участники конференции потребовали изменений в составе Президиумов Союза студентов Загреба и Союза студентов Хорватии. Новым председателем Президиума ССХ стал Анте Параджик, несколько лет возглавлявший Клуб студентов Герцеговины в Загребе, энергичный, пользовавшийся популярностью студент Юридического факультета. Произошла смена студенческого руководства и в других университетских центрах Хорватии (Сплите, Риеке, Задаре и других). В апреле 1971 г. националисты создали параллельную скупщину университета, назвав прошедшее «революционным обретением власти от имени студентов». Силовым способом были смещены редакторы студенческого периодического издания «Студентски лист». Таким образом, к весне 1971 г. ключевые посты партийных и студенческих организаций Загребского университета оказались в руках националистов.

Все эти события в университете очень не понравились И. Броз Тито. Он потребовал немедленного ареста студенческих лидеров и преподавателей. Однако хорватское руководство во главе с С. Дабчевич-Кучар не только не выполнило эти требования, но и постаралось поддержать и обезопасить в университете силы, которые их поддерживали. С этой целью в апреле на конференции Союза коммунистов Философского факультета Д. Будиша был принят в Союз коммунистов. С одной стороны, молодые хорватские лидеры сохраняли в лице студентов и преподавателей «массовую поддержку», с другой стороны, рассчитывали контролировать и использовать в своих целях политически активную часть хорватского общества. Однако начавшееся еще в феврале сотрудничество националистов и клерикалов приводило порой к неприятным для партии неожиданностям. Так, кандидат Ю. Юрас при принятии в Союз коммунистов, являясь активным приверженцем Католической церкви, произнес молитву в честь своего вступления в партию, чем вызвал шок присутствовавших¹²⁴.

Новое студенческое руководство во главе с Д. Будишей сразу окупилось в «большую политику». Их не волновала автономия университета или демократизация образования. На митинге 12 мая 1971 г. студенты заявили прессе, что хотят влиять на изменения в обществе, служить в ЮНА в своих республиках, развивать свой национальный язык и сделать Загреб столицей государства. Фактически, их

цели сводились к большей самостоятельности Хорватии, ее лидерстве в СФРЮ. Со своими требованиями они объехали все югославские республики. Поддержали требования хорватских студентов университеты Любляны и Косова. Однако на Конференции Союза студентов Югославии (ССЮ) 5–6 июня 1971 г. в Нови-Саде предложения хорватской делегации по изменению Устава не поддержала ни одна из республик. Суть хорватских предложений сводилась к созданию из ССЮ самостоятельной политической организации. Д. Будиша заявил на конференции, что Хорватия не просто часть чего-то целого, а «суверенное государство», в основе которой лежит «суверенитет народа», и она не допустит, чтобы этот суверенитет кто-то разрушил¹²⁵. В ответ на эти заявления Клуб студентов Вуковара, которые учились в университете в Загребе, обвинил Д. Будишу и его сторонников в грубом нарушении межнациональных отношений. Студенты из БиГ обвинили А. Параджика в националистической деятельности. В то же время М. Трипало, наоборот, поддержал предложения Д. Будиши, отметив, что они отвечают политике партии, только сформулированы более радикально. Таким образом, и университетское движение, и «массовое движение» шли в одном направлении борьбы за максимальную самостоятельность Хорватии.

Весной 1971 г. университет присоединился к обсуждению конституционных поправок. Поддерживая националистический курс молодых хорватских политиков, студент М. Мелчич сделал заявление: «Государственность не может быть двойной. Сербский народ живет в Сербии, а в Хорватии живут сербы, которые немногочисленны»¹²⁶. Он почти дословно повторил заявления по этому вопросу С. Дабчевич-Кучар и М. Трипало, а также преподавателей университета. Так, З. Балетич, профессор факультета Политических наук, выступил в Загребе с инициативой поставить вопрос о неделимости суверенитета хорватского народа в Хорватии, а в дальнейшем — вопрос о праве на самоопределение и на создание государства¹²⁷. Бруно Бушец, член Президиума Союза студентов Загреба, также считал, что предложенная к конституционным поправкам формулировка представляет собой «ограниченный суверенитет», а он должен быть полным. Все эти рассуждения студентов и преподавателей университета непосредственным образом перекликались с позицией части хорватского руководства во главе с С. Дабчевич-Кучар и М. Трипало, что позволяет нам говорить о единстве их взглядов.

На все это резко отреагировал Исполнительный комитет Республиканской конференции ССТН Хорватии. Ю. Билич, член ИК ЦК СКХ, поинтересовался, от чьего имени говорится о «неделимости суверенитета» хорватского народа. Он заявил: «Для сербского народа, который живет в Хорватии, она — родина, поэтому логично, что он именно здесь будет осуществлять свой суверенитет. Из теории о неделимости суверенитета вытекает, что сербский народ или будет выселяться из Хорватии, или его разместят на ограниченной территории, вроде резервации»¹²⁸. Эти споры рождали взаимное межнациональное недоверие и напряжение. Они привели к тому, что к осени 1971 г. критерием предоставления общежития в университете стала национальная принадлежность. Количество мест для студентов сербской национальности было сокращено, при этом учитывались их политические пристрастия, отношение к студенческой организации.

В мае 1971 г. Союз студентов Загреба окончательно сформулировал свои поправки к Конституции республики. Предложения молодежи были следующими:

- товарищ Тито и дальше останется во главе СФРЮ и будет на этом посту пожизненно;
- республика будет иметь право отвечать на любое действие, которое нарушит ее независимость;
- республика сможет вести международные и экономические отношения самостоятельно;
- республика будет использовать те финансовые средства, которые она зарабатывает;
- в командном составе Югославской Народной Армии (ЮНА) будут присутствовать представители республик и краев;
- служебным языком ЮНА на территории республики будет национальный язык этой республики;
- три четверти военнообязанных будут служить на территории своей республики;
- название СФРЮ будет изменено на Союз югославских социалистических самостоятельных республик¹²⁹.

Предложения студентов перекликались во многом с предложениями МХ и были направлены на оформление максимальной независимости Хорватии в рамках Югославии.

Выполняя требования И. Броз Тито, летом 1971 г. хорватское партийное руководство распорядилось исключить двух профессоров

Ш. Джодана и М. Веселицу из Союза коммунистов. Эти люди пользовались большой популярностью в студенческой среде, поэтому сообщение об исключении по решению Городской конференции СК Загреба вызвало в университете волнения. Президиум Союза студентов Хорватии сделал заявление, в котором говорилось: «Мы, студенты города Загреба, с большим удовольствием принимали на наших съездах этих профессоров, и никогда в их выступлениях не было ничего, за что бы Городская конференция могла с ними так поступить.... Их деятельность всегда была в рамках прогрессивных устремлений. Президиум ССХ считает это решение необоснованным и политически ошибочным»¹³⁰. В ответ С. Дабчевич-Кучар заявила о попытках манипуляции «огромной позитивной массой студентов» со стороны «отдельных безответственных лиц». Под безответственными лицами имелись в виду Ш. Джодан и М. Веселица. Отметим, что студенты и преподаватели не были едины даже в отношении к исключению популярных профессоров университета. Так, отделение университета в Риеке поддержало решение Городского комитета СКХ Загреба, а отделение в Сплите посчитало, что заявление Президиума ССН вообще противоречит курсу СКХ и СКЮ.

В июле был принят, а в августе 1971 г. в газете «Трибина» опубликован программный документ — концепция, составленный Союзом молодежи Хорватии (СМХ). Автором считается председатель республиканской конференции СМХ М. Маджор. Девиз молодежи звучал: «Мы хотим построить современную социалистическую Хорватию, в которой все, что не наше, должно уйти в прошлое»¹³¹. В этом документе говорилось о поддержке молодежью решений X пленума ЦК СКХ и о роли молодого поколения в создании современной социалистической Хорватии. Университетское движение было названо «составной частью общего народного «массового движения» и результатом демократизации общества». Этот документ от имени молодежи был опубликован очень кстати, в тот момент, когда И. Броз Тито на встрече в Загребе 4 июля назвал Хорватию «главной проблемой страны». Заявление молодежи создавало впечатление, что инициативы идут от масс, и народ и партия едины в своем стремлении к большей самостоятельности. Студенты уверяли, что никакого влияния на них не оказывалось ни со стороны республиканского руководства, ни со стороны эмиграции, ни со стороны Матицы хорватской. Однако программа практически полностью повторяет заявления МХ и части

хорватского руководства во главе с С. Дабчевич-Кучар. С этого момента можно говорить об объединении усилий всех трех составляющих сил хорватского «массового движения».

Факт сотрудничества МХ с Союзом студентов подтвердил Д. Будиша 7 ноября 1971 г., участвуя в основании Скупщины представительства МХ в Сплите. Деятели МХ не нравились сотрудничество Д. Будиши с И. Звонимиром Чичаком. Член МХ Й. Ивичевич вспоминал, что в организации осудили выбор студента-проректора, а один профессор открыто назвал его клерикалом и националистом и выразил мнение, что МХ нельзя иметь дела с такими людьми¹³². Это еще раз подтверждает наше мнение о том, что И. Звонимир Чичак не имел отношения к националистам. Им было выгодно использовать его популярность среди студентов и демонстрировать клерикальным кругам свое дружеское расположение. Но МХ эти связи были не нужны, так как являлись лишним поводом для обвинений в национализме.

Происходили встречи студентов и с представителями хорватского руководства. Студент М. Драгович описал тайную встречу М. Трипало и нескольких партийных функционеров с Д. Будишей, на которых они от имени руководства просили студентов воздерживаться от радикальных заявлений и манифестаций, поскольку это только создает для них проблемы¹³³. Д. Будиша ответил, что студенты пойдут до конца и ни шагу назад не сделают. Заявления студентов становились все более смелыми. Так, И. Звонимир Чичак позволил себе открыто критиковать Сабор Хорватии за неспособность принимать необходимые республике законы, а также призывал обратиться к руководству, чтобы оно выступило в защиту Ш. Джодана и М. Веселицы¹³⁴.

Существовали связи студентов и с эмиграцией. Тот же И. Звонимир Чичак не скрывал, что ездил в Италию, где разговаривал со знаменитым хорватским эмигрантом Б. Радицом. Однако большой пользы от этого путешествия он не увидел. Поговорив о ситуации в республике, И. Звонимир Чичак вернулся с чемоданами, заполненными журналами «Хрватска ревия», которые на обратном пути открыто предъявил пограничникам.

Университетское движение пропагандировало основы хорватской национальной идеи: национальную интеграцию хорватских территорий и тезис о том, что суверенное национальное государство — это историческое право хорватского народа. Д. Будиша призвал студентов отвергнуть вариант конституционных поправок с формулировкой,

где упоминался и хорватский, и сербский народы, который отстаивали В. Бакарич и его сторонники. Д. Будиша заявил: «Никто не смеет навязывать хорватскому народу то, чего он не хочет. Суверенитет неделим, поэтому сербы в Хорватии не могут иметь одинаковых прав с хорватами»¹³⁵. Националистов не интересовала реформа социалистической системы как таковая. В одном из своих интервью много лет спустя Д. Будиша вспоминал: «Нас волновала трещина, которая появилась в этой системе и давала возможность разрушить ее и осуществить национальные интересы, которые до возникновения этой трещины были невозможны»¹³⁶.

Университетское движение почувствовало себя реальной политической силой. Студенты проводили бурные дебаты по поводу изменения Конституции Социалистической Республики Хорватии. На собрании Филологического факультета 29 октября 1971 г. доктор экономических наук Х. Шошич и председатель Союза студентов Загреба, Д. Будиша заявили: «Мы думаем, что Хорватии место в ООН. Это право могут осуществить и другие республики Югославии»¹³⁷. Подобные предложения напрямую угрожали целостности государства. Кроме этого, студенты поставили требование немедленного решения валютного режима, заявляя об экономической эксплуатации Хорватии со стороны других республик. Х. Шошич приводил статистические данные, доказывая необходимость создания в Хорватии Народного банка. Также он предлагал обратиться за кредитами к Вашингтону.

Именно в 1971 г., когда СКХ боролся за упрочнение движения, когда нужна была массовость, чтобы отстоять свою позицию в споре с И. Броз Тито и его сторонниками, для руководства было важно привлечь на свою сторону и университетское движение. На встрече политического актива 17 сентября 1971. М. Трипало заявил, что в Союзе коммунистов назрели изменения. Также он отметил: «Мы должны влиять на это движение, но сейчас для этой роли не совсем готовы. Это вызвало бы политические столкновения. Помочь может массовое участие молодежи»¹³⁸. То, что через два месяца студенты вышли на улицы, не могло быть совпадением. МХ тем временем тоже готовилась к практическим действиям. Интеллектуалы активизировались и призывали народ сплотиться вокруг идей МХ. Особенно популярным стал тезис М. Веселицы о том, что начинается борьба огромной массы людей в Хорватии и Далмации, и этот процесс не остановить»¹³⁹.

22 ноября 1971 г. университет в Загребе объявил забастовку, прекратив занятия. Каждый из студенческих лидеров позднее в своих воспоминаниях идею забастовки приписывал себе. На пленуме Союза студентов Загреба 23 ноября 1971 г., несмотря на то, что на встрече присутствовали не все факультеты, Д. Будиша призвал к общеуниверситетской бессрочной забастовке. Планировалось, что она продлится до 6 января 1972 г. Союз студентов Загреба предложил проводить ее до 25 января¹⁴⁰.

О численности участников акции существуют разные данные, часто они противоречат друг другу. Самые точные цифры числа студентов, прекративших занятия в Загребском университете, приводит «Виесник» от 25 ноября 1971 г. и «Студенски лист» от 26 ноября 1971 г. Так, «Виесник» сообщает, что к акции протеста присоединились более 30 факультетов и организаций высшей школы. В студенческом центре в день начала забастовки собрались около 3000 человек¹⁴¹. Решение о ее начале принималось на заседаниях факультетов. Например, на Юридическом факультете это решение было принято в ходе референдума тайным голосованием. 24 ноября к ним присоединились студенты факультетов Сплита, которые являлись составной частью университета в Загребе.

Ведущие политические силы в целом поддерживали студенческую забастовку, но не решались это делать открыто из-за обострения обсуждения «хорватского вопроса» на федеральном уровне. На заседании Президиума МХ (24 ноября 1971 г.) обсуждали, какую позицию занять по отношению к забастовке. В результате решили поддержать университет на словах, но не вмешиваться открыто. Хорватское партийное руководство заявило, что готово сотрудничать, но не принимает предложенного им «политического партнерства», чтобы это не было воспринято как непосредственное руководство.

Изо дня в день страсти в студенческой среде накалялись. Д. Кастратович записал в своих дневниковых записях, что намеренно и настойчиво какими-то силами среди молодежи создавался психоз. Если бастующие получали негативную информацию, то сразу же разгорались нервозность, недоверие и пересуды по поводу часто вымышленных событий¹⁴². Сами студенты и их лидеры утверждали, что действовали самостоятельно. Однако в их заявлениях и программах прослеживается влияние МХ и части хорватского руководства. Скорее всего, они тайно, но влияли на ситуацию в университете.

Основной документ для рассмотрения целей участников забастовки был представлен в «Заключениях», принятых студентами 22 ноября 1971 г. В нем они выражали поддержку поправкам к Конституции СРХ, которые сделали бы Хорватию «суверенным национальным государством хорватского народа». Студенты осудили так называемые «надуманные эксцессы» с сербами, которые дестабилизировали ситуацию в обществе. Осуждению подверглись также те политики, которые свои действия сводили к преследованию хорватских интеллектуалов и студентов. Это была очевидная критика сторонников В. Бакарича. Особенно активными в этом направлении были студенты Юридического факультета. Там незадолго до начала забастовки читал лекции М. Трипало. Не исключено, что именно его влияние отразилось на заявлении факультета о забастовке: «Мы присоединились к забастовке не потому, что против прогрессивного развития нашего социалистического общества, а потому, что хотим ускорить его развитие. Мы верим, что ЦК СКХ в большинстве своем прогрессивен и ведет борьбу в интересах рабочего класса Хорватии и всего хорватского народа. Унитаристы, как Д. Драгославац, Й. Врховец, М. Балтич, Э. Доросси-Биелац, Ч. Грбич, Ю. Билич парализовали деятельность ЦК СКХ во главе с С. Дабчевич-Кучар. Необходимо оградить ЦК СКХ от их действий и исключить из своих рядов. Поставить у власти действительно достойных»¹⁴³. Такие заявления можно было делать, хорошо зная о расстановке сил в хорватском руководстве. Достаточно закрытая информация могла попасть в университет только из ЦК СКХ. Это еще раз подтверждает влияние части хорватского руководства на университетское движение и втягивание его в свое «массовое движение». В общем «Заключении» (22 ноября 1971 г.) также было отмечено, что не получится настоящих радикальных перемен, если не произойдет смены кадров, как в Хорватии, так и во всей Югославии. Студенты университета прекратили занятия, оправдывая свои действия поддержкой СКХ, особенно решениями XXII пленума ЦК СКХ (5–6 ноября 1971 г.), СКЮ и тем, что необходимо конкретное давление на «бюрократические силы», которые тормозят реформаторские процессы. Речь шла о представителях старшего поколения в руководстве республики.

«Заключения» сводились к четырем основным целям:

1. Поддержать политику руководства СКХ.
2. Превратить Хорватию в суверенное государство хорватского народа.

3. Изолировать противников реформ.
4. Способствовать быстрому изменению валютного регулирования в пользу Хорватии¹⁴⁴.

Мы видим, что в «Заключениях» были озвученные политические и экономические вопросы, которые поднимали МХ и ЦК СКХ. Но это уже была не просто программа, а требования, которые были подкреплены конкретными действиями.

По поводу организации забастовки были проведены заседания Союза студентов Хорватии и Союза студентов Загреба. С «Заключениями» ознакомили студентов в других югославских республиках. Забастовку решили проводить до тех пор, пока не будут осуществлены, прежде всего, радикальные перемены в области доходов и системы финансирования. И в решениях X пленума ЦК СКХ, и в программе М. Веселицы были пункты о валютном режиме, борьбе с противниками реформ или с теми, кто мешает быстро их осуществлять, а также тезис о суверенном государстве хорватского народа. Д. Будиша отмечал большую заслугу С. Дабчевич-Кучар и М. Трипало в том, что у молодежи появилась возможность выдвинуть требование «самостоятельного хорватского государства»¹⁴⁵. Такая уверенность была обусловлена тем, что националистам удалось занять руководящие посты в Союзе молодежи и Союзе студентов Хорватии и заручиться поддержкой влиятельных сил в республике.

Хорватское руководство из числа старшего поколения недооценило важности и последствий студенческих выступлений. Как и в 1968 г. оно не шло на прямой диалог со студентами, но в этот раз действовать через партийную организацию в университете было невозможно, так как она была под контролем националистов. С. Дабчевич-Кучар в своих воспоминаниях придерживается мнения, что В. Бакарич намеренно не предпринимал в отношении университета решительных действий, так как был заинтересован в продолжение забастовки, которая становилась хорошим поводом для отставки действующего руководства республики¹⁴⁶. На критику М. Балетича в адрес университета С. Дабчевич-Кучар ответила: «В то время как вы видите в них банду, мы видим в них огромный потенциал»¹⁴⁷. Однако она критиковала молодежь за методы борьбы, считая, что забастовка используется только тогда, когда исчерпаны все другие возможности. Выступления студентов могли настроить остальные республики

и союзное руководство против Хорватии. Она боялась возможных последствий этих действий.

23 ноября президиум Союза студентов Риеки принял решение присоединиться к забастовке, но группа во главе с А. Рубешом выступила против. При этом они выражали стремление к переменам в общественной и экономической жизни республики, но считали такие методы борьбы для себя неприемлемыми¹⁴⁸. Характер требований студентов в других городах носил экономический характер, в отличие от политических требований загребских студентов и преподавателей.

Даже в Загребе среди студентов не было единства. Так, Высшая школа физической культуры сначала выступила против акций протеста, но позднее приняла в них участие. «Левые» во главе с Д. Чизмир-Маровичем поддержали забастовку, но их попытки внести в программные документы студенческой акции свои взгляды, были сразу пресечены. Против забастовки выступил клуб студентов Истрии. 27 ноября комитет Союза студентов Медицинского факультета призвал к прекращению забастовки. Разногласия между студентами стали причиной предложения Союза Студентов Хорватии продолжать забастовку лишь до 3 декабря. Газета «Политика» сообщала о столкновениях сторонников и противников забастовки на Экономическом и Медицинском факультетах. Решимость студентов из числа националистов добиться своих целей озвучил Д. Будиша на встрече с М. Трипало в Сплите: «Мы пойдем до конца, нам известно, что нас арестуют, что мы попадем под удар, но мы не сделаем ни шагу назад!»¹⁴⁹

В Сплите первыми к забастовке присоединились студенты Градостроительного и Правового факультетов, в то же время как студенты Химико-технологического и Высшей школы экономики были против. Но уже 25 ноября пленум Союза студентов Сплита принимает решение присоединиться к забастовке, несмотря на позицию этих факультетов. Студенты в Задаре тоже сразу приняли решение о присоединении к акциям протеста, выставили на улицы плакаты с требованиями изменения внешнеторговой политики, валютного регулирования.

Университетское движение опасалось того, что его назовут националистическим, поэтому призвало студентов сербской национальности принять участие в забастовке. Д. Будиша заявил, что движение

не носило антисербского характера: «Мы вообще не говорили о сербах. Мы говорили о централизме и унитаризме. Одно из моих последних выступлений, прежде всего, было адресовано студентам — сербам: «У нас общие интересы, общая родина, не дайте разделить нас!». Сербы в забастовке не отставали от нас. Никаких межнациональных эксцессов в университете не было. Наше студенческое руководство было многонациональным — здесь были и мусульмане, и албанцы и сербы»¹⁵⁰. В других городах Хорватии опасались обострения межнациональных разногласий, поэтому воздерживались от постановки политических требований.

Попытки подключить к забастовке рабочих оказались безуспешными. По этому поводу журналист М. Балетич в те дни записал в своем дневнике: «Последние несколько дней в кругах близких к студенческому руководству ходит различная дезинформация о поддержке рабочими коллективами и общественно-политическими организациями студенческой забастовки»¹⁵¹. Это говорит о том, что студенты рассчитывали на поддержку рабочих или кто-то их заверил, что она последует. Однако опросы общественного мнения, проведенные в Хорватии сразу после событий в университете, показывают, что треть населения республики считала действия студентов ошибочными:

Таблица № 7

**Данные социологического опроса граждан Хорватии
об их отношении к студенческой забастовке¹⁵²**

Она была полезна, так как подняла экономические вопросы и показала политическую зрелость хорватских студентов	5,7%
Она была полезна, так как показала шовинистскую природу университетского движения и наличие националистов в руководстве Хорватии	10,2%
Это была ошибка. Действия были направлены против социалистического развития нашей страны	33,5%
Нет мнения	51,0%

Студенты оказались одни, так как для МХ и руководства республики в начале декабря 1971 г. уже стоял вопрос собственной безопасности, а студенческие выступления, наоборот, только провоцировали критику в их адрес.

30 ноября 1971 г. на закрытом пленуме Союза студентов Хорватии было принято решение о прекращении забастовки до 3 декабря для того, чтобы избежать возможных эксцессов. Забастовка

завершилась так же, как и началась — большим студенческим собранием. Все его участники понимали, что тучи сгущаются. Д. Будиша тогда сказал: «На хорватских студентов и на хорватский народ надвигается мгла. Сейчас наступает момент, когда каждый из нас останется сам со своей совестью и страхом. Дни, которые приходят — это дни искушения... Придут другие хорватские патриоты, еще более радикальные»¹⁵³. Это означало, что националисты из числа студентов не собирались сдаваться. Как и много раз в своей истории хорватская национальная идея затаилась, ожидая более благоприятных условий.

В 1972 г. в Хорватии были проведены социологический опросы по теме государственного устройства и национальной политики. По вопросу будущего развития государства респондентам были заданы три вопроса о будущем их республики и принципе решения национального вопроса: 1) сохранить принцип федерации, который существует и равноправное развитие народов; 2) ввести конфедерации, где будут учтены интересы каждой из республик; 3) дать возможность нации каждой из республик поставить вопрос об отдельном независимом государстве.

Ответы показали, что в целом большинство опрошенных выступили за сохранение федерации, но и тех, кто выбрал независимое государство, было достаточно, особенно из числа подрастающего поколения. А это значит, что в скором будущем, при благоприятных условиях, можно было ожидать нового всплеска хорватского национального движения.

Интересными также оказались результаты ответов на вопрос «Как следует воспитывать новое поколение?»: 1) преодолеть национальные различия и создать югославскую нацию; 2) сохранять принадлежность к определенной нации и считать себя в то же время гражданами Югославии; 3) нужно относить себя только к одной нации, как главному элементу исторической традиции.

Таблица № 8

Социологический опрос о будущем государственном устройстве Югославии¹⁵⁴

%	Студенты	Школьники	Молодые рабочие	Рабочие среднего возраста	Другие
Федерация	49,7	45,5	39,3	48,4	45,6
Конфедерация	25,6	19,5	6,7	15,1	26,8
Независимое государство	24,6	35,0	44,0	36,6	27,5

Таблица № 9

**Социологический опрос на тему «Как следует воспитывать
молодое поколение Хорватии?»¹⁵⁵**

%	Студенты	Школьники	Молодые рабочие	Старшее поколение	Другие
Югославская нация	35,8	47,1	50,0	45,3	29,1
Сохранение различий, но признание югославского гражданства	46,3	39,5	29,1	37,9	39,9
Одна нация	17,9	13,4	20,9	16,8	31,1

Опросы показывают, что в начале 1970-х гг. в Хорватии среди населения, особенно молодежи, более популярной была идея единого государства, интернационализма. Националистические взгляды имели намного меньше сторонников в студенческой среде. Однако большую часть тех, кто выступал за независимое хорватское национальное государство, составляли рабочие. Они никак не проявили себя в ходе хорватского движения, но разделяли его идеи. Возможно, это произошло потому, что профсоюзы остались под контролем сторонников В. Бакарича и не создали возможности рабочим консолидироваться и организовать акции протеста. Эти цифры также не подтверждают того, что хорватское движение было действительно массовым, как утверждали его участники.

* * *

Таким образом, данный этап отличается от предыдущих тем, что к хорватскому «массовому движению» присоединилось университетское движение. В середине 1971 г. партийное руководство способствовало приходу к руководству в университете националистов. В скором времени Союзом молодежи Хорватии была подготовлена программа требований, которая стала составной частью общего «массового движения». Она практически повторяла программы МХ и СКХ. Студенты призывали решить вопрос валютного регулирования, не делиться доходами республики с федерацией, использовать хорватский литературный язык во всех сферах общественной и культурной жизни, в том числе и в армии, сделать более самостоятельной Хорватию и в политическом плане. Их планы становились все более радикальными. Благодаря поддержке руководства республики и МХ университет почувствовал себя реальной политической силой. Студенческие организации присоединились к обсуждению

конституционных поправок, выступая за независимую внешнюю политику Хорватии, экономическую самостоятельность, службу в армии на территории своей республики.

Наше исследование показывает, что к осени 1971 г. хорватское «массовое движение» объединило все заинтересованные в нем силы — Союз коммунистов Хорватии, Матицу хорватскую и университет. Несмотря на то, что его участники утверждали, что координации действий между ними нет, документы показывают, что их деятельность отличалась тесным взаимодействием. Коммунисты призывали студентов к решительным шагам, помогали вырабатывать программы, использовали молодежь в борьбе со своими политическими противниками. Они поддержали университет, когда была объявлена забастовка, но участия в событиях, по крайней мере, открыто не приняли. Целью забастовки стали требования «государственного суверенитета» для Хорватии, защиты молодого хорватского руководства, экономической самостоятельности. СКХ сам находился в этот момент в сложном положении, поскольку подвергался серьезной критике в республиках и на союзном уровне. Матица хорватская, скорее всего, рассчитывала на более масштабные выступления с привлечением рабочих. Но профсоюзы, оставшиеся под контролем хорватских коммунистов из числа старшего поколения, удержали рабочих от выступлений. В результате руководство Матицы не пошло на мобилизацию всех своих сторонников вслед за студентами.

Забастовка в университете стала результатом многолетних усилий молодых хорватских коммунистов по работе с молодежью и пропагандисткой деятельности МХ. Она серьезно дестабилизировала ситуацию в республике, еще больше разобщила хорватское общество и политическую элиту.

Однако выступить единым фронтом университетскому движению помешало то, что как сам Загребский университет имел свои отделения в крупных городах Хорватии, так и центры движения оказались рассредоточены по разным городам республики. Студентам и преподавателям не удалось согласовать свои действия, многие кафедры университета вообще отказались присоединиться к забастовке, поддерживая так называемые «левые» силы, выступавшие за демократические преобразования в стране без националистических лозунгов.

Анализ структуры движения, его численности, степени вовлеченности в его орбиту различных частей общества позволяет сделать

вывод о том, что хорватское «массовое движение» в действительности не было массовым, как это старались представить его лидеры. Оно, безусловно, являлось одним из этапов осуществления хорватской национальной идеи, отражало национальные чаяния многих хорватов, но во многом из-за его националистических настроений, мобилизовать все хорватское общество в 1960–1970-е гг. не удалось. Если говорить о социальном составе движения, то в нем участвовал достаточно узкой круг научной элиты из числа писателей, журналистов, художников и учёных-гуманитариев, часть партийного и республиканского руководства республики, а также преподаватели и студенты Загребского университета. Ни рабочие, ни служащие, ни крестьяне в ходе хорватского движения себя не проявили.

§4. Поражение «массового движения» и его последствия

Чем чаще и увереннее заявляли о своем «массовом движении» молодые хорватские лидеры, тем больше настраивали против себя представителей других республик Югославии, союзное правительство, И. Броз Тито и В. Бакарича и его единомышленников. Группа С. Дабчевич-Кучар и М. Трипало под давлением шла на некоторые уступки, но их меры были нерешительны и непоследовательны, а заявления о самостоятельности все более настойчивы. После того, как в ноябре на улицы вышли студенты, выдвигая самые разные требования, от экономических вопросов до смены части руководства и принятия Хорватии в ООН, ситуация в республике грозила выйти из-под контроля властей и все больше напоминала революционные события.

30 ноября 1971 г. И. Броз Тито пригласил хорватское руководство на встречу в Караджорджево. На ней присутствовали члены Исполнительного бюро Президиума СКЮ из Хорватии В. Бакарич и М. Трипало, председатель ЦК СКХ С. Дабчевич-Кучар, председатель Сабора СР Хорватии Я. Блажевич, председатель Исполнительного вече Сабора Д. Харамия, председатель городского комитета СКХ Загреб С. Биелич, председатель ССТНХ С. Ивич, председатель профсоюзов Хорватии М. Балтич, председатель Союза ветеранов Хорватии И. Шибл, председатель Союза молодежи И. Врких и члены Исполнительного комитета ЦК СКХ П. Пиркер, Д. Драгославац, М. Корптла,

А. Йосипович, Й. Радойчевич, Э. Доросси-Биелац, М. Планинц, Ю. Билич и Й. Врховец. Это были самые высокопоставленные партийные и республиканские руководители, что говорило о важности и серьезности мероприятия. Из 19 участников, 11 поддерживали осуществлявшийся в Хорватии политический курс.

Никто не мог предсказать, чем для каждого из участников этой встречи она закончится. Она могла завершиться очередной критикой, без принятия каких-либо мер, как это было не раз. И. Броз Тито мог публично осудить хорватское руководство и отправить в отставку. Существовала также угроза исключений из партии, а возможно, и обвинения в контрреволюции и аресты. Вокруг Загреба были сконцентрированы армейские части на случай непредвиденного хода событий. Два танковых подразделения размещались в селах Дуго-Село и Яска, готовые по первому приказу войти в город. Молодые хорватские политики постоянно подчеркивали массовую поддержку своего курса, поэтому не исключен был вариант, что при попытке ареста хорватских лидеров, население могло выйти с акциями протеста. Не исключалась союзным руководством и возможность путча.

Встречу И. Броз Тито начал со слов: «Я принял решение с вами встретиться не из-за забастовки. Нам нужно обсудить многие вопросы, выслушать каждого, определить, как вы оцениваете ситуацию, которая сложилась в Хорватии. Меня не интересует сейчас ход забастовки, меня интересуют другие вещи, которые, по моему мнению, более важны»¹⁵⁶. Таким образом, очевидно, что глава государства видел проблему более широко, считая, что действия студентов в Хорватии являются следствием более серьезных общественных и политических процессов. В начале встречи И. Броз Тито отметил, что ему известно о контрреволюционной деятельности, осуществляющейся в республике. Это также могло быть причиной концентрации военных подразделений у Загреба.

И. Броз Тито хотел, чтобы каждый из присутствовавших выступил со своей точкой зрения на происходящее в Хорватии, дал ему оценку и определил свою роль и ответственность. Больше всего раздражали главу государства разговоры о «движении». Он не мог понять, почему хорватское руководство на нем постоянно настаивает, и что оно под ним подразумевает. М. Трипало назвал движением политическую систему в целом, организации, органы власти, всех, кто участвует в политической жизни в рамках Союза коммунистов.

При этом он отметил, что никогда не представлял его вне партии¹⁵⁷. На что глава государства заметил, что для этих целей создавался Социалистический союз и спросил, куда хорватское руководство собирается направлять, как он выразился, «эту аморфную массу»? Также интересовал его вопрос: Что даст это движение Хорватии, зачем оно ей?

Слушая доводы присутствующих, И. Броз Тито неоднократно с досадой повторял: «Среди вас нет единства, вы разобщены. У вас нет общей позиции по главным направлениям. Вы нервируете массы, теряете время, делаете глупости, что может привести к тяжелым последствиям»¹⁵⁸. А как мы помним, именно единство партии И. Броз Тито ставил основным условием большей самостоятельности каждой из республики, и именно за него боролся в 1970 г. после X пленума ЦК СКХ. На отказ С. Дабчевич-Кучар пересматривать основные позиции ЦК СКХ, глава государства ответил, что они «чужды социализму, в том числе и это «движение масс». Эту фразу он во время встречи повторил неоднократно. Вторым замечанием стал вопрос о суверенитете. И. Броз Тито отметил: «Это что еще за второй суверенитет? Нельзя сейчас создавать какой-то свой, отдельный суверенитет, наподобие классического государства. А такие тенденции существуют. Есть только один югославский суверенитет, он состоит из суверенитетов всех республик»¹⁵⁹. Разговоры о своем хорватском суверенитете подрывали единство страны и авторитет И. Броз Тито. Рассуждения молодых хорватских коммунистов неизбежно рано или поздно вели к вопросу об отделении от Югославии.

С. Дабчевич-Кучар настаивала на том, что все происходит из-за нерешенных экономических проблем в стране в целом. Прежде всего, это касалось валютных доходов, режима внешней торговли, положения югославских рабочих за границей. Все, что касалось непосредственно Хорватии, по ее словам, носило положительный характер. Даже студенты в общей массе несли прогрессивные тенденции, а их выступления были лишь способом показать властям, что именно следует предпринять. С. Дабчевич-Кучар продолжала верить, что курс СКХ к негативным последствиям привести не мог, но ее доводы были неубедительными. В этот раз И. Броз Тито был не склонен оправдывать Хорватию, как это делал в 1970 г. Заявление С. Дабчевич-Кучар о желании народа решать поскорее вопрос валютного режима, И. Броз Тито не стал слушать, заметив, что мало кто знает, что

конкретно он означает. Экономические вопросы его в данный момент интересовали меньше всего.

Выступление председателя Союза ветеранов Хорватии И. Шибла показало непоследовательность и неспособность хорватских коммунистов идти на компромиссы. Заявляя о готовности предпринимать определенные меры в отношении националистов, он в то же время не верил в результаты подобных шагов. И. Шибл обвинил Матицу и «Просвету» в стремлении создать параллельные политические организации и призвал к более детальному расследованию деятельности оппозиционной печати. Однако, по его мнению, время политических мер уже было упущено, а репрессивные методы воздействия не достигли бы желаемого эффекта¹⁶⁰. За собой хорватское руководство вины не чувствовало. В своей речи И. Шибл фактически признается в беспомощности хорватского руководства по отношению к МХ.

Попытки хорватского руководства в очередной раз сослаться на угрозу унитаризма были немедленно И. Броз Тито пресечены: «Я не верю, что в Хорватии унитаристов насчитывается хотя бы 100 человек. Однако националисты и шовинисты имеют широкую базу, и активно это используют. Именно они представляют собой основную опасность»¹⁶¹. Риторика хорватских коммунистов об угрозе унитаризма больше не принималась. Более того, изменилась сама трактовка термина. И. Броз Тито заявил, что нужно различать «классический унитаризм» версальского типа и «югославский унитаризм», который подразумевает равноправие народов. И как раз последний, по его мнению, можно принять. При этом он заметил, обращаясь к хорватскому руководству: «Что вам могут сделать унитаристы, когда у вас есть все условия развиваться как социалистическое самоуправляющееся сообщество Хорватия? Могут ли эти люди навязать вам свою волю? Не могут!»¹⁶² И. Броз Тито обвинил хорватских лидеров в том, что они драматизировали не те угрозы и потеряли много времени, в то время как шовинизм разросся.

Выступления хорватских политиков зависели от того, чью сторону они приняли: С. Дабчевич-Кучар или В. Бакарича. Сторонники молодых политиков продолжали настаивать на «прогрессивности» своих действий. Они признавали факт осуществления в республике враждебной деятельности, говорили о своей ответственности за это, но какие именно шаги можно предпринять, чтобы остановить негативные проявления, не знали. П. Пиркер, С. Биелич и И. Шибл в своих

выступлениях напомнили, что они арестовали самых активных националистов, запретили ряд периодических изданий, поэтому говорить о полном бездействии руководства нельзя. Д. Харамия предъявил претензии к СГБ, считая, что враждебной деятельностью должно заниматься именно это ведомство, а не республиканское руководство. Это мнение вызвало негативную реакцию И. Броз Тито. Он спросил у Д. Харамии, знаком ли тот с Конституцией. При этом глава государства отметил: «Какой еще нужен материал, кроме того, что изложен прессой или представлен в заявлении общественности. Уже на основании этого можно сразу арестовать инициаторов и привлечь их к суду»¹⁶³. Тем самым глава государства требовал от руководства незамедлительных репрессивных мер в отношении националистов и хотел услышать о готовности эти меры осуществить. Вопреки его ожиданиям молодые политики продолжали отстаивать свою точку зрения.

Ощущая поддержку И. Броз Тито, на этом заседании более активными и решительными выглядели сторонники В. Бакарича. М. Планинц прямо заявила о том, что в ЦК СКХ существует разное отношение к национализму. По ее мнению, разговоры части коммунистов вокруг альтернативного развития Хорватии вне Югославии зашли слишком далеко, и появилась угроза конкретного их осуществления. Студенческие акции М. Планинц назвала подтверждением хорошо организованной контрреволюционной деятельности.

Сторонники В. Бакарича настаивали на том, что СКХ разделится, а в ряды хорватских коммунистов проникли враждебные социалистической системе силы. Они подчеркивали, что уже довольно долгое время стараются обратить на это внимание партии и широкой общественности Югославии. М. Планинц заявила о том, что Ш. Джодан и М. Веселица проникли в партию, создали националистическое ядро и с его помощью изменили политический курс. Й. Врховец, и Э. Доросси-Биелац отметили в Хорватии угрозу социализму. М. Балтич рассказал, каких усилий ему стоило не допустить националистов в профсоюзную организацию. Он заметил, что профсоюзы могли призвать рабочих к забастовке, но не стали этого делать. Это, по его мнению, доказывало надежность и ответственность республиканского руководства профсоюзов¹⁶⁴. Действительно, мы видели, что попытки МХ поставить под свой контроль профсоюзы были безуспешными. Возможно, этот фактор стал причиной неготовности МХ к решительным действиям осенью 1971 г. Выступления сторонников

В. Бакарича были направлены на то, чтобы удалить от власти группу С. Дабчевич-Кучар и М. Трипало и самим удержаться на высоких постах. Я. Блажевич прямо заявил о том, что националисты находят поддержку у части хорватского руководства.

В хорватском руководстве были и те, кто перешел из одной группы в другую. Так, А. Йосипович, ранее поддерживавший молодых политиков, перешел на сторону В. Бакарича. Он раскритиковал партийную организацию в университете и назвал выбор И. Звонимира Чачака поражением деятельности СКХ в молодежной среде.

В. Бакарич в своем выступлении заговорил о смене хорватского политического курса, но отметил, что пока не знает, кто это будет делать и каким образом. Тем самым, давая понять, что в прежнем составе хорватское руководство не останется. Разделяя ответственность за произошедшее, В. Бакарич отметил, что планов на будущее у него самого нет, их следует рассмотреть на данном заседании¹⁶⁵. Под сменой курса имелось в виду свертывание националистической линии СКХ. Вопрос заключался только в том, что будет с действующим руководством. Растерянность В. Бакарича была обусловлена, скорее всего, тем, что И. Броз Тито поручил хорватским коммунистам самим разобраться со своими внутренними проблемами. А В. Бакарич не был до конца уверен, не изменит ли глава государства своего отношения к молодым хорватским лидерам, как делал это не один раз.

Й. Врховец во время своего выступления прямо спросил, несет ли руководство ответственность за то, что происходит в Хорватии. И. Броз Тито пообещал, что санкции не коснутся тех членов Исполнительного комитета, кто не принимал активного участия в событиях последних дней в Загребе. Тогда Й. Врховец отметил, что большинство хорватских коммунистов выступали за проводимую в республике политику, но реализовать ее до конца они не успели, благодаря принципиальной позиции другой части руководства.

Заявления С. Дабчевич-Кучар о единстве в ЦК СКХ потеряли смысл после ожесточенного спора между представителями двух групп, возникшего уже в конце встречи. М. Планинц раскритиковала решения XXII пленума ЦК СКХ (ноябрь 1971 г.) и позиции С. Дабчевич-Кучар и М. Трипало, которые привели к конфликтам на местах сторонников нового курса и тех, кто с ним не согласился. Ю. Билич сообщил о том, что стало сложно донести свое мнение в рамках ЦК СКХ, поскольку в партии прекратилось какое-либо сотрудничество¹⁶⁶.

На встрече с хорватским руководством в Караджорджеве И. Броз Тито сразу определил меры, которые должны быть приняты в Хорватии: «Первые действия, которые вам следует осуществить — исключения. И исключить вам придется немало людей. Дело не обойдется исключением, придется закрывать целые организации и основывать более достойные и надежные. Это станет началом чистки в нашей партии. Нужно освободиться от балласта, который ослабляет Союз коммунистов. С одной стороны, СКЮ организационно слаб, а с другой стороны, полон элементов, которые стоят не на позиции самоуправления. Необходимо очистить от них партию»¹⁶⁷.

Встреча И. Броз Тито с хорватами в Караджорджеве длилась всю ночь. Савка Дабчевич-Кучар уверяла, что против хорватского руководство плетутся интриги, ему приписывается национализм. И. Броз Тито мало принимал участия в разговоре, предпочитал слушать. Потом он сказал, что не может согласиться с мнением С. Дабчевич-Кучар и потребовал провести чистки в ЦК СКХ. Он заявил, что позиция хорватского руководства не соответствует интересам хорватского народа и линии партии. С. Доланц вспоминает: «Мне было интересно, что Тито во время разговора, который длился с 6 часов вечера до 5 часов утра, вставал 10–15 раз, доходил до окна, открывал и закрывал занавеску, в то время, как они говорили. Через несколько лет я просил его, почему он все время вставал и казалось, что он их не слушал. На что он мне ответил, что он все слышал и добавил: «Я знал, что они мне скажут, мне было ясно, что нужно было делать»¹⁶⁸. Из чего следует, что решение мерах в отношении хорватского руководства в Караджорджеве были приняты. Он озвучил их на последовавшем сразу за этой встречей XXI заседании Президиума СКЮ. Позднее сам И. Броз Тито описал свое впечатление от встречи с хорватским руководством: «Участвовали все активно, были достаточно откровенны, каждый говорил то, что думал. И все же я с ними не согласен. На самом деле, было мало самокритики, а значит, полного доверия им нет»¹⁶⁹. Таким образом, И. Броз Тито встречей с хорватским руководством остался недоволен. Раскол в СКХ был очевиден, и преодолеть его никто из участников не собирался. Глава государства решил вынести обсуждение ситуации в Хорватии на союзный уровень и привлечь к его обсуждению все югославские республики.

1–2 декабря 1971 г. там же в Караджорджеве состоялось XXI заседание Президиума СКЮ. Повестка дня была обозначена как «Идейно-политическая основа нового пятилетнего плана». Однако обсуждавшиеся на этом заседании вопросы были намного серьезнее. В заседании приняли участие председатели, секретари республиканских и краевых комитетов Союза коммунистов и Конференции Союза коммунистов в ЮНА, председатель Конституционной комиссии СКЮ, председатели правительства, профсоюзов, ССТНЮ и Союза молодежи.

В самом начале встречи И. Броз Тито рассказал о своем разговоре с хорватским руководством. Он заявил о том, что существование хорватского «массового движения» недопустимо, это ничто иное, как попытка «похоронить Союз коммунистов, создав какую-то новую организацию»¹⁷⁰. Отметим, что в речи главы государства не было сказано об угрозе национализма, на первом месте для него стоял вопрос отношений в партии, нежелание части хорватских коммунистов следовать общепринятой линии, попытки создать и осуществить свою собственную политику. Он уличил хорватских лидеров в том, что они интерпретировали его выступления в своих целях, демонстрируя тем самым поддержку своих планов. «На этот раз и общественность должна знать, что я не стою за такой политикой»¹⁷¹ — заявил И. Броз Тито.

Также он сообщил, что располагает информацией о существовании на территории республики так называемых революционных нелегальных комитетов, и что очагом всего контрреволюционного движения является Матица хорватская. Интересно, что это было первое и последнее упоминание неких комитетов в ходе заседания. Возможно, И. Броз Тито располагая достоверной информацией служб государственной безопасности, все-таки принял решение не развивать эту тему, дав возможность хорватским коммунистам самим решать эти вопросы.

На оправдания С. Дабчевич-Кучар о некой оппозиционной линии в ЦК СКХ со своей тактикой, которая направлена против будущего Хорватии в рамках Югославии, М. Чанадович напомнил, что именно Союз коммунистов, ЦК находятся у власти, а не кто другой. Если у кого-то есть в этом сомнения, то встает вопрос — в чьих руках власть? В случае неспособности служить интересам государства, следует не дискутировать, а брать под арест ответственных лиц¹⁷².

В ответ лидеры хорватского руководства заметили, что они делали все возможное: исключили Ш. Джодана и М. Веселицу, запретили оппозиционные издания, остановили процесс проведения массовых мероприятий, которые националисты использовали как трибуны для выступлений. Однако некоторые националистически настроенные функционеры занимали такие высокие посты (например, брат М. Веселицы был председателем Общества экономистов Загреба), что их было невозможно призвать к ответственности.

М. Тодорович фактически обвинил хорватское руководство в разжигании национализма: «Представленное ЦК СКХ так называемое движение как выражение народного единения не может означать ничего иного как призывы «сербы объединяйтесь!», «хорваты объединяйтесь!». А мы знаем, что это означает. Это будет конец борьбы за социализм и демократическое югославское сообщество»¹⁷³. Опасаясь подобным обвинений в свой адрес, другие республики поспешили заверить главу руководства, что в отличие от хорватского руководства они не позволили разрастись националистическим тенденциям. Л. Перович из Сербии отметила, что и в ее республике существуют расхождения во взглядах на дальнейшее развитие страны, но в отличие от Хорватии, там нет настолько глубоких и принципиальных различий¹⁷⁴. Причины она видела в двойственности, которую создали конституционные поправки. В федерации были созданы совершенно новые отношения — отношения политического договора. Все заговорили о самостоятельности, в то время как не были решены вопросы общественных отношений. Л. Перович считала, что в таких условиях самостоятельность республик по отношению к федерации легко можно расценить как самовольство. Лидер сербской партии М. Никезич настаивал на том, что национализм присутствует во всех республиках Югославии, а не только в Хорватии. Это связано с тем, что дело было не только в ошибках хорватского руководства, которые, несомненно, имели место, а в осознании произошедшего раскола в СКЮ. Он сделал вывод о том, что ставка коммунистов на молодое поколение не оправдалась. В конце своей речи М. Никезич предложил хорватским политикам самим решать свои проблемы без вмешательства СКЮ. Позиция Сербии была обусловлена тем, что М. Никезич сам выступал с идеей альтернативной государственному социализму политики, которая подразумевала развитие современной экономики, демократизацию общества, освобождение от старых кадров.

Ф. Попит из Словении также отметил, что у них в республике делались попытки определенных политических сил «прибрать к рукам» Социалистический союз и через него осуществлять свои задачи. Но словенские коммунисты не позволили этим планам осуществиться, так как это привело бы к созданию еще одного движения и как следствие — к многопартийной системе. Он был уверен, что: «Когда речь идет о самостоятельном движении в Хорватии, я не верю, что это только слова»¹⁷⁵. Э. Кардель обвинил одних хорватских лидеров в пассивности, а других — в попытке стать «вождями народа» и изобрести личные политические лозунги¹⁷⁶. В то же время он подчеркнул, что это заседание не является судом над Хорватией и ее руководством. При этом он считал несправедливым тот факт, что когда Словения начала открыто обсуждать националистические проявления в Хорватии, то получила в ответ: «Не вмешивайтесь не в свое дело!», в то время как хорваты свободно обсуждали проблемы других республик.

Больше всех Хорватию критиковали представители Черногории и БиГ. Д. Чулафич настаивал, что валютный режим взят как повод, за которым стоит другая правда. Он призвал присутствующих обратить внимание, в каком политическом климате шла подготовка к забастовке студентов, и обвинил Хорватию в том, что она оказывает негативное влияние на другие республики¹⁷⁷.

Хорватское руководство пытался защитить К. Црвенковски из Македонии, который отметил, что его республика тоже сталкивается с проявлением национализма и шовинизма. Хорватия, по его мнению, не была исключением и в общегославской тенденции к авангардизму со стороны отдельных общественных организаций¹⁷⁸. Ему показалось даже странным то, что все признают проблемы валютного режима, но критикуют студентов, которые выступили за его осуществление. К. Црвенковски, один из немногих, задал важный для Хорватии вопрос: «Чего мы добиваемся этим заседанием? Углубить противоречия в хорватском руководстве, сменить отдельных политических лидеров или скорректировать хорватский курс? А может быть усилить борьбу с национализмом или шовинизмом?»¹⁷⁹

Под давлением обвинений С. Дабчевич-Кучар под конец встречи отказала студентам в поддержке, назвав их выступления «политической диверсией» и пообещала взять ситуацию в республике под контроль. В отличие от М. Трипало, который до конца уверял, что

репрессий в отношении университета не будет, С. Дабчевич-Кучар заявила, что если понадобится, то против бастующих будет применена сила, что будет принято решение об исключении участников забастовки из Союза коммунистов. Но при этом интеллигенцию трогать не собирались. По словам С. Дабчевич-Кучар, это было бы «серьезной травмой для социалистического движения в Хорватии»¹⁸⁰.

В конце встречи И. Броз Тито сообщил, что доволен конструктивной дискуссией, в ходе которой представитель каждой из республик затронул проблемы своего региона. При этом он отметил, что в его призывах принимать решительные меры не идет речи о возврате к старым административным методам. Он считал, что коммунистам, прежде всего, нужно разобраться с идейной путаницей, которая существует во всех республиках, но больше всего в Хорватии. Под понятием «путаницы» И. Броз Тито понимал преувеличенное значение национальной принадлежности, попытки республик ограничить возможность других субъектов федерации обсуждать их внутренние дела, замыкание в республиканских границах и безответственность в отношении интересов общего государства.

Глава государства не верил в то, что хорватское руководство организовало студенческие демонстрации, но, по его мнению, оно было виновато в том, что поддержало его своим присутствием на различных манифестациях. Его удивляло и то, что о готовящейся забастовке даже писали в газетах, что она будет большой и приведет к всеобщей акции протеста, но руководство ничего не предприняло. По его мнению, само намерение организовать забастовку уже является контрреволюционным актом. И. Броз Тито отметил: «Все показывают на вас пальцем, в других республиках растет раздражение по отношению к Хорватии. И все это из-за известных непродуманных действий»¹⁸¹. Однако в заключительном слове он выразил уверенность, что хорватские лидеры справятся с возникшей в республике ситуацией в ближайшее время своими силами.

В принятом в конце заседания Заклучении говорилось об обострении в стране политических проблем, активизации антисоциалистических сил, являющихся результатом проявления лидерских амбиций в СКЮ. Было решено провести перестановки в республиканских кадрах Союза коммунистов, Социалистического союза и других общественно-политических организаций¹⁸². После заседания, вечером И. Броз Тито принял С. Дабчевич-Кучар, М. Трипало

и остальных членов Исполнительного комитета СКХ. Руководство Хорватии отказалось принять Заключение Президиума СКЮ, требованием которых были жесткие меры в отношении тех, кто будет уличен в сотрудничестве с враждебными социалистической системе силами. Комментируя эту позицию, И. Броз Тито сказал, что те, кто не примет Заключение, лишиться своих постов. С. Дабчевич-Кучар в ответ на это позволила себе пригрозить главе государства тем, что за ней и ее единомышленниками стоит весь хорватский народ. На что И. Броз Тито заметил, что Савка глубоко ошибается¹⁸³. Массовая поддержка народа оставалась последним аргументом молодых защитников хорватского «массового движения».

На XXI заседании Президиума СКЮ И. Броз Тито, наконец, обозначил свою четкую позицию по отношению к событиям в Хорватии. Он больше не хотел слышать о хорватском «массовом движении» и требовал сурового наказания для всех его участников. Глава государства последний раз дал высказаться хорватским коммунистам и, не получив убедительных доводов, дал представителям остальных югославских республик осудить хорватов. Однако констатация политических ошибок, допущенных хорватскими коммунистами, и обвинения их в осуществлении националистического курса не привели к конкретным результатам. Это произошло потому, что главой государства были озвучены только критические замечания в адрес Хорватии, которые присутствующие и повторяли. Однако конкретных действий им предложено не было, и представители других республик не знали, как именно им следует поступить. При этом И. Броз Тито до последнего момента пытался вывести С. Дабчевич-Кучар и М. Трипало из-под удара, предлагая им посты в союзных органах. С одной стороны, нежелание И. Броз Тито лично наказать хорватских лидеров можно объяснить тем, что он хотел, чтобы осуждение хорватской политики было принято коллективно, всеми республиками, тем самым, подчеркивая демократичность принимаемых мер. Право наказать своих лидеров И. Броз Тито оставил за хорватскими коммунистами, что также должно было показать невмешательство союзного руководства в разрешение возникшего кризиса. С другой стороны, возможно, симпатии И. Броз Тито к хорватам были настолько велики, что он не хотел принимать суровых мер лично, перекладывая эту роль на представителей других республик и В. Бакарича. Для этого он и созвал XXI заседание Президиума СКЮ, но ожидаемого результата не получил.

И. Броз Тито не стал ждать доказательств слов С. Дабчевич-Кучар о поддержке хорватского движения рабочим классом. К Загребу были подтянуты войска, полиция и подразделения спецслужб, которым были выданы четкие инструкции. Генерал Д. Йованович через семнадцать лет после этих событий вспоминал, что И. Броз Тито сообщил ему о намерении контрреволюционных сил с помощью студентов захватить власть. Генерал в ответ заверил, что все находится под контролем. Зная о популярности хорватских лидеров, И. Броз Тито не мог быть до конца уверен, что население воспримет их отставку спокойно.

Тем временем В. Бакарич и его единомышленники постарались закрыть тему существования хорватское «массового движение». В интервью «Виеснику» 4 декабря 1971 г. В. Бакарич заявил: «Тема движения не затрагивалась ни на одном заседании ЦК СКХ»¹⁸⁴. Это была неправда. Он лично присутствовал и обсуждал движение в Хорватии на XX и XXI пленумах ЦК СКХ в апреле и ноябре 1971 г.

После XXI заседания Президиума СКЮ британский посол в Югославии Д. Стюарт написал в своем отчете, что тон нападок на хорватское руководство задает именно В. Бакарич. Именно в его руках дальнейшая судьба молодых хорватских лидеров¹⁸⁵. Однако сместить действующее руководство было непросто. Первая попытка была сделана на заседании партийного актива Загреба 5 декабря. Несмотря на критику И. Броз Тито, присутствующие на заседании хорватские коммунисты встретили С. Дабчевич-Кучар и ее сторонников аплодисментами и выразили им свою поддержку. Ю. Билич обвинил молодых политиков в подражании политической линии А. Хебранга, но подобные доводы служили скорее поводом для гордости сторонников хорватского «массового движения».

В. Бакарич искал пути, чтобы выполнить поручение И. Броз Тито, самостоятельно решить вопрос с молодыми коммунистами. 5 декабря он инициировал акцию, направленную против действующего хорватского руководства. 67 коммунистов старшего поколения, ранее занимавших высокие партийные и республиканские посты, подписали письмо в адрес И. Броз Тито с требованием сместить действующее хорватское руководство, ответственное за ситуацию в республике. Уже на следующий день В. Бакарич созвал заседание Исполнительного комитета СКХ, на которое были приглашены П. Пиркер, С. Дабчевич-Кучар, Д. Драгославац и Й. Врховец. С. Дабчевич-Кучар

вспоминала, что открыто руководство не обвиняли, но в выступлениях постоянно подчеркивалось расхождение политики хорватских лидеров и позиции И. Броз Тито, и что партию ждут тяжелые времена, если не прекратить взятый Хорватией политический курс. Она пишет: «Заседание ясно показывало, что они (сторонники В. Бакарича) сами не могли справиться с задачей, которую перед ними была поставлена»¹⁸⁶.

После того, как В. Бакаричу не удалось сместить хорватских лидеров, 8 декабря И. Броз Тито на встрече Исполнительного бюро Президиума СКЮ сам озвучил решение об отставке С. Дабчевич-Кучар и М. Трипало, заявив о том, что они не смогут выполнить решения Президиума, а значит должны оставить свои посты. М. Трипало вспоминал, что в перерыве И. Броз Тито подошел к нему и предложил П. Пиркера и С. Дабчевич-Кучар перевести в Белград, так как хочет мирно урегулировать все кадровые вопросы. На это М. Трипало ответил, что подаст в отставку, если хорватская политика будет свернута. Глава государства обещал подумать о сложившейся ситуации. После этого он встретился с В. Бакаричем и С. Доланцем. Неизвестно, о чем именно они говорили, но И. Броз Тито решил больше не встречаться с молодыми хорватскими лидерами¹⁸⁷. В своей заключительной речи И. Броз Тито отметил, что С. Дабчевич-Кучар была недостаточно самокритична, нашла себе оправдания. Глава государства заявил, что больше не верит в ЦК СКХ. Также в очередной раз он призвал хорватское руководство принять меры против МХ, ставшей практически параллельной партией и ее комитета «пятидесяти», члены которого занимают высокие республиканские и партийные должности. Требуя объяснений по поводу контрреволюционной деятельности в Хорватии и единства в партии, И. Броз Тито обратился к молодым хорватским лидерам: «Надеюсь, товарищ Трипало, вы выполните наше требование. Те, кто не справятся — покинут свои посты и уже другие продолжат борьбу. И эта борьба не на день и не на два. Способны ли вы ее вести? ...Из-за вас я читаю в прессе критику в свой адрес. Речь идет о моей несостоятельности как руководителя страны, а значит и всего руководства»¹⁸⁸. В. Бакарич и его сторонники добились своего. Противостояние в ЦК СКХ закончилось в их пользу.

У С. Дабчевич-Кучар, М. Трипало, П. Пиркера и других было несколько вариантов дальнейших действий. Они могли попытаться

призвать население республики к всеобщей забастовке. Но, во-первых, им было известно о военных частях стоящих у города и готовности правоохранительных органов любыми средствами расправиться с участниками хорватского движения. Подобные действия привели бы к кровопролитию. С. Дабчевич-Кучар в своих воспоминаниях пишет: «Это было решающим для меня при подаче в отставку. Мы не хотели и не имели права быть причиной столкновений с тяжелыми последствиями»¹⁸⁹. Этот довод приводит вслед за ней и Д. Харамия: «Одна из причин отставки хорватского руководства, стремление избежать кровопролития. Избежать того, что могло произойти, поскольку ситуация складывалась таким образом, что подобные опасения были небезосновательны»¹⁹⁰. Во-вторых, массовость движения была более чем сомнительной, поэтому шансов противостоять армии, спецслужбам и полиции было немного. Рабочие движение не поддерживали, даже самая активная его часть — студенты, не была едины. Вторым вариантом было окончательно расколоть ЦК СКХ, поставив хорватских коммунистов перед выбором, к какой группе примкнуть. Однако после критики И. Броз Тито многие сторонники хорватского «массового движения» предпочли перейти на сторону В. Бакарича. Была еще одна возможность удержаться у власти — через демонстрацию раскаяния в своей неправильной политике, отречения от своего движения. В этом случае оставался шанс выиграть время. Именно этот третий вариант и выбрали хорватские лидеры.

С. Дабчевич-Кучар в своих воспоминаниях описала встречу с И. Броз Тито, состоявшуюся 9 декабря. Она уверяет, что пришла к нему уже с решением об уходе со своего поста. И. Броз Тито был холоден и сдержан. Свою отставку С. Дабчевич-Кучар описывает как стратегическую хитрость. Она и П. Пиркер считали, что отставки ограничатся тремя крупными фигурами — она, П. Пиркер и М. Трипало. Их сторонники останутся у власти, и нужно будет выждать, пока страсти успокоятся¹⁹¹. М. Трипало уверял, что в разговоре с ним еще 8 декабря И. Броз Тито настаивал на отставке П. Пиркера и С. Дабчевич-Кучар, а его хотел перевести в Белград, считая главным инициатором хорватской политики. Кто бы ни был инициатором, решение это было вынужденным шагом. Никто из хорватских лидеров не хотел быть обвиненным в контрреволюционной деятельности, с которой уже начали связывать хорватское «массовое движение», которое они отстаивали.

Накануне XXIII пленума ЦК СКХ (12–13 декабря 1971 г.) молодые хорватские лидеры встретились с В. Бакаричем и сообщили о своем намерении подать в отставку. С. Дабчевич-Кучар вспоминает, что он был очень доволен и выглядел победителем. У нее сложилось впечатление, что он знал об их решении заранее. Молодых коммунистов он попросил сделать свои доклады короткими, главным тезисом которых было бы принятие критики И. Броз Тито, при этом свое несогласие с чем-то не озвучивать. В. Бакарич серьезно опасался повторения демонстрации в поддержку курса хорватского национального движения, которое было продемонстрировано 5 декабря. Ему не хотелось ненужных дискуссий и громких политических заявлений. В руководстве было достаточно как противников, так и сторонников бывших лидеров, и было непонятно, чью сторону займет большинство хорватских коммунистов.

Пленум открыла С. Дабчевич-Кучар, но сразу же передала право его провести М. Планинц. На повестку дня был поставлен вопрос «О проведении в жизнь решений товарища Тито и Заключения последнего заседания Президиума СКЮ». В рамках первого доклада С. Дабчевич-Кучар и П. Пиркер подали в отставку, ссылаясь на неудачи своей политики, которая вызвала критику главы государства. Свой шаг они представили как вынужденную необходимость на пути консолидации ЦК СКХ и проявление политической ответственности. Но когда М. Планинц спросила присутствовавших, не хочет ли кто-нибудь высказаться, В. Бакарич быстро поблагодарил уже бывших руководителей за их деятельность и помощь, которую они оказывают своей отставкой, а затем предложил принять все без лишних обсуждений¹⁹².

М. Трипало на пленум не пошел. Его прошение об отставке было зачитано М. Планинц. Хотя он уверяет, что сам не захотел участвовать в пленуме, понимая, что комментарии излишни, мы считаем, что ему дали понять нежелательность личного присутствия. Благодаря имеющимся у нас данным, сохранился текст доклада, который М. Трипало составил перед пленумом. В нем он продолжает отстаивать интересы хорватского «массового движения». Признавая ошибки своего курса, М. Трипало оправдывает хорватский выбор глубиной национальных и межнациональных проблем, которые необходимо было решать как можно скорее и прогрессивностью взглядов хорватских коммунистов, ведущих борьбу за осуществление

исторических интересов рабочего класса¹⁹³. На пленуме М. Трипало собирался спорить с В. Бакарчем по поводу того, что понятие «массового движения» не озвучивалось на партийных форумах. Такой доклад вызвал бы еще большие споры и разногласия, поэтому не мог быть зачитан на пленуме.

Новым председателем ЦК СКХ стала М. Планинц. На этот пост претендовали генерал И. Гошняк, Ю. Билич, М. Планинц и Й. Врховец. С самого начала хорватского движения М. Планинц занимала нейтральную позицию, пыталась сглаживать острые углы мягкой критикой или оправдывая конкретные шаги прежних лидеров. Такая тактика позволила ей самой остаться вне критики и заручиться поддержкой В. Бакарча. В результате после отставки С. Дабчевич-Кучар, М. Трипало и других, М. Планинц и ее единомышленники заняли высшие посты в республике.

Вопреки договору не затевать обсуждений, после заявления об отставке хорватского руководства началась дискуссия о степени ответственности хорватских коммунистов. М. Копртла не согласился с критикой по поводу растущего национализма и шовинизма. З. Юришич прямо заявил, что он лично обсуждал на XXII пленуме в ноябре 1971 г. движение хорватского рабочего класса и сейчас готов говорить о его существовании. М. Планинц срочно объявила перерыв. Заключение XXIII пленума состояли из 20 пунктов. В них хорватское руководство принимало все критические замечания И. Броз Тито, раскаивалось в своих ошибках и закрепляло отставку своих лидеров. Было решено не пересматривать решения X пленума (январь 1970 г.). Это могло вызвать недовольство не только многих членов партии, но и широкой общественности, которую долго и настойчиво убеждали в прогрессивности и необходимости прежнего хорватского политического курса.

В. Бакарч и его сторонники опасались акций протеста в ответ на отставку. В ночь на 13 декабря в Загреб были введены танки. 12–14 декабря 1971 г. на центральной площади Загреба проходили демонстрации в поддержку С. Дабчевич-Кучар и М. Трипало. В основном в них участвовали студенты, по разным данным от 4 до 5 тысяч человек. Вся площадь была отцеплена силами правопорядка. В первый день были задержаны 65 участников демонстрации¹⁹⁴. Одновременно милиция блокировала студенческие общежития. 15 декабря аресты прокатились по всей республике. По данным британского

посланника в Загребе, 76 студентов, задержанных на площади, были обвинены в контрреволюционной деятельности и заговоре против государства и социалистического порядка. За три дня было задержано около 400 человек¹⁹⁵. Эти цифры не подтверждают заявления молодых хорватских лидеров о массовости хорватского движения, о поддержке их политики народом. Фактически, опальных хорватских коммунистов поддержали только студенты, которые начали акции протеста еще в ноябре.

И. Броз Тито был доволен результатами проводимых в Хорватии мероприятий по борьбе с национализмом и сепаратизмом, считая, что все сделал правильно и во время. 23 декабря, говоря о Хорватии, он отметил: «Они уже начали проповедовать, что однажды войдут в ООН, и постепенно день за днем возьмут армию в свои руки. Я думаю, что скорее река Сава поменяет свое течение»¹⁹⁶. После отставки молодых хорватских коммунистов и начала арестов их сторонников хорватское «массовое движение» пошло на спад. Массовость, которую хорватские лидеры так часто подчеркивали, им не помогла. Никто не выступил в их защиту: ни интеллигенция, ни пресса, ни рабочие, ни армия. Произшедшая перегруппировка в руководстве не вызвала общественного недовольства. На улицах еще оставались студенты, судьба которых с этого момента была неясной, а так же было очевидно, что грядут массовые чистки, как партийных кругов, так и общественных и культурных организаций. Покидая свой пост, М. Трипало пообещал, что репрессивных мер в отношении студентов и преподавателей не будет. Однако ситуация изменилась. Сразу же после отставки хорватского руководства прошли аресты всех лидеров университетского движения. В ночь на 12 декабря были задержаны Проректор И. Звонимир Чичак, председатель Союза студентов Загреба Д. Будиша и его заместитель Г. Додиг. В последующие дни милиция проводила рейды в студенческих общежитиях, в ходе которых были арестованы еще более 800 человек, 475 из них предстали перед судом¹⁹⁷.

После прихода к власти М. Планинц предстояло доказать на деле, как новое руководство будет бороться с негативными националистическими проявлениями. И действия в этом направлении не заставили себя ждать. Прежде всего, нужно было погасить основной очаг движения — Матицу хорватскую. Но даже сам И. Броз Тито не смог сразу поставить окончательную точку в решении судьбы этой

организации. После встречи с хорватским руководством, накануне заседания ЦК СКЮ в декабре 1971 г., он заявил: «Факт, что Матица на сегодняшний день очень сильна и многочисленна. В ней сосредоточились антисоциалистические силы. Как могла появиться и окрепнуть такая организация? Теперь нам будет тяжело запретить ее деятельность. Решение о ее ликвидации в Хорватии имело бы серьезные последствия»¹⁹⁸.

7 декабря 1971 г. были арестованы все редакторы еженедельника «Хрватски тьедник»: В. Готовац, главный редактор, Х. Шошич, редактор по экономической тематике и главные авторы газеты — Ф. Туджман, В. Павлетич, Ш. Джодан). 11 декабря 1971 г. произошла коллективная отставка Исполнительного комитета МХ, 20 декабря в отставку отправлены члены Центрального комитета и Президиума Матицы хорватской. Здание организации и ее архив были опечатаны полицией, позднее их передали Югославской Академии Наук и Искусств в Загребе. В начале 1972 г. архив МХ сторел при невыясненных обстоятельствах. Деятельность Матицы хорватской была прекращена. Ее члены были лишены свободы по статьям 100, 106, 109, 118 и 225 Уголовного кодекса СФРЮ. М. Веселица был осужден на семь лет, Ш. Джодан на шесть, Х. Шошич на два с половиной, З. Комарица и Ф. Туджман на два года, В. Павлетич провел в заключении полтора года строгого режима (с запретом на дальнейшую общественную деятельность). В. Готовац был приговорен к 4 годам, 18 лет он жил без паспорта, 19 лет без работы¹⁹⁹. Таким образом, были изолированы самые активные и влиятельные участники движения, его идеологи, те, кто был способен и дальше будоражить общественное мнение.

Запрет МХ также способствовал более быстрому подавлению хорватского «массового движения» и, в конечном счете, его поражению. Секретарь ИК ЦК СКХ Й. Врховец в дискуссии о МХ в 1972 г. констатировал: «МХ превратилась в политическую партию и начала осуществлять «массовое движение». Если вы посмотрите, как был организован ее Президиум и многочисленные комиссии, то увидите, что это было не что иное, как правительство. МХ нужно было распустить вне всяких сомнений»²⁰⁰.

Одновременно началось расследование об осуществлении дотаций националистическим газетам. Специально созданная комиссия при ЦК СКЮ определила, что националистические газеты получали

финансовую помощь от Матицы хорватской и эмигрантов. Было решено придать гласности имена авторов, которые в тех газетах зарабатывали «неоправданно высокие» гонорары. В ходе своей работы комиссия установила, что после критики «Декларации» Матица хорватская не перестала заниматься вопросами языка. Наоборот, она организовала работу над созданием «Новой хорватской орфографии». Издательский дом «Школска книга» уже готов был ее издать, а газета «Хорватский тьедник» оказывала информационную поддержку этому процессу под лозунгом: «Нас не могут запретить за язык».

В период массовых арестов и судебных разбирательств снова была поднята тема нелегального контрреволюционного комитета, некой тайной организации, получившей название комитет «пятидесяти». Впервые о нем заговорили во время расследования связей хорватского руководства с усташеской эмиграцией, потом его упоминал И. Броз Тито в Караджорджеве 1–2 декабря 1971 г. на заседании Президиума СКЮ: «Забастовка в университете не только дело студентов. Существует определенная группа достаточно известных враждебно настроенных людей. Мы знаем, что в республике действует так называемый революционный комитет «пятидесяти». Я называю его контрреволюционным, именно он руководит всеми этими акциями. Из них четыре-пять человек являются главными, но мы знаем, что их намного больше. Это организация, которая действует и легально, и нелегально, и очаг этого — Матица хорватская»²⁰¹. Именно поэтому аресты начались с МХ. Власти старались как можно быстрее нейтрализовать враждебные силы, не давая им времени консолидироваться.

О комитете «пятидесяти» никто не знал, но в мае 1972 г. Ю. Билич опубликовал в газете «Борба» список членов этой тайной организации, в которую входили: представители культуры и образования, журналисты и экономисты, политические деятели. В основном в нем оказались имена, которые часто мелькали на страницах газет и журналов, в публичных выступлениях. Безусловно, все они выступали в защиту хорватских национальных интересов и позволяли себе высказывания националистического характера, но был ли между ними стовор, а тем более координация сил движения оставалось неясно.

После публикации списка «пятидесяти» полиция, следствие, суды сразу же активизировались. Однако арестов было проведено намного больше, чем число упомянутых людей в списке. Д. Будиша впоследствии вспоминал: «Сначала меня третировали как председателя,

а позднее как члена «нелегального революционного комитета «пятидесяти», а затем осуждали за связи с эмигрантскими организациями, о которых я до этого никогда не слышал. Я знал, что властям необходим показательный политический процесс. Никакого такого комитета не существовало. Я спросил у Параджика и Чичака, кто первым из руководства упомянул о существовании комитета. О нем говорил Тито в Караджорджеве. Тогда он заявил, что знает о таком комитете, что ему известны его члены, но мы не являлись членами никакого комитета»²⁰². Бывшее хорватское руководство тоже не признавало существования комитета «пятидесяти». Д. Харамия заявил: «Этот комитет — вымысел. Журналисты «Борбы» из загребского филиала, играя в карты и шашки, загадывали имена, и кто им вспомнился, того и вставили в список. Так этот комитет и появился»²⁰³. С. Дабчевич-Кучар также уверяла, что комитета не существовало, хотя идея о его существовании активно использовалась. В своих воспоминаниях она привела свою версию появления «комитета»: «Список людей в этом вымышленном комитете существовал в одной единственной редакции апреля 1972 г., как раз после нашей отставки, как гипотетический перечень тех, кто, по мнению его составителей, туда подходил. Кто именно его придумал, я не знаю, но люди из списка были на слуху и раньше. Для иллюстрации атмосферы того времени приведу пример: я сама присутствовала в тот момент, когда из комнаты В. Бакарича у него дома, вышел один высокопоставленный функционер. В. Бакарич обратился ко мне и П. Пиркеру, чтобы мы не просили у него объяснений, почему он так взволнован. Дело в том, что И. Броз Тито требует от него конкретный список какого-то комитета «пятидесяти», а у Бакарича его нет. Затем он иронично добавил: «Я ему сказал, чтобы он сам написал имена членов этого комитета из числа самых подозрительных, которые первыми придут ему в голову. Это — все какие-то опасные измышления и построения»²⁰⁴. В. Бакарич мог не знать о существовании комитета, а если и знал, то мог не признаться, точно также, как стремился забыть все хорватское «массовое движение», проявления национализма в республике, делая вид, что ничего об этом не слышал.

Журналист Б. Новак назвал историю с комитетом «самой безобидной мелочью из всей той массы лжи, которой богато было хорватское движение. Он приводит свою версию его возникновения: «Говорят (нельзя правда этого доказать), что знаменитое число

пятьдесят первым придумал один студент из лидеров движения, чтобы придать демократичность какому-то решению. Во всяком случае, это число быстро было озвучено в обществе. Заявил о нем в Караджорджеве Тито, но не называл имен. Конкретный список появился только в 1972 г., и удивительное дело, в нем были именно ведущие политические деятели республики»²⁰⁵. Мы видим, что мало кто верил в существование нелегальной организации, поскольку на разных уровнях власти, в обществе озвучивалось одно и то же число.

История с комитетом до конца не выяснена. Факт его раскрытие стал удобным поводом для проведения расследований, арестов самых активных и влиятельных общественных и политических деятелей, участвовавших в движении. Возможно, что он был выдуман именно с этой целью. Если он все-таки существовал на самом деле, то так как с ним связывали контрреволюционную деятельность ни тогда, ни позднее о нем никто не хотел говорить. Сначала такое признание могло обернуться длительным заключением, а уже в 1990-е гг. многие его участники снова окунулись в политическую жизнь и, не исключено, что использовали свои нелегальные связи уже в новых исторических условиях.

Следующей волне отставок и исключений из партии способствовало представленное в мае 1972 г. на XXVIII пленуме ЦК СКХ «Сообщение о положении в Союзе коммунистов Хорватии в отношении проникновения национализма в его ряды» специально созданной комиссии, которая изучала ситуацию, сложившуюся в рядах СКХ. Фактически, это «Сообщение» представляло собой расследование, последовательный анализ возникновения националистических тенденций, их проникновение в ряды партии и в другие общественные и культурные организации. В работе комиссии участвовали Б. Бакрач, К. Йеловиц, А. Йосипович, Д. Ковачевич, В. Ковачевич и Р. Мажуран, позднее С. Шувар.

Вся политическая ответственность за разгул национализма в Хорватии была возложена на М. Трипало, С. Дабчевич-Кучар, П. Пиркера и М. Корптла. Однако комиссия критиковала их за «националистические тенденции и проявления», а не за национализм. Разница между понятиями существенная, так как проявления можно было определять как локальные, временные, и возложить ответственность на конкретных людей, а национализм понятие более объемное и вина за него легла бы на всю республику. В заключительной

части «Сообщения» специальной комиссии говорилось: «Комиссия располагает фактическим материалом, который подтверждает контрреволюционную активность националистических сил в Хорватии. В ходе длительной, хорошо продуманной и организованной пропаганды и практических действий, которые закончились демонстрацией студентов, удалось установить, что «штаб» этих сил находится в МХ. Это главный центр сепаратизма, целью которого является разрушение Югославии. Их нелегальная деятельность была направлена против социалистического общества. В своих действиях они опирались на поддержку из-за границы, наладили связи с политиками довоенного периода, враждебными силами революции и элементами, которые пропагандируют такие экономические программы, которые напрямую угрожают существованию нашего общества и нашей экономической системы»²⁰⁶.

На основе фактического материала комиссия пришла к выводу, что в рамках СКХ действовала группа, которая опиралась в своих действиях на отдельных лиц в общинах и регионах. Деятельность этой группы стала влиять на принятие решений на самом высоком уровне. Комиссия предложила возложить на виновных политическую ответственность. Степень ответственности С. Дабчевич-Кучар, М. Трипало, П. Пиркера и М. Крптела предстояло определить Союзу коммунистов. Далее говорилось, что ошибка руководства заключалась в «националистическом характере проводимой политики».

С Шувар выступил на заседании комиссии с инициативой обсуждать не национализм и националистов, а говорить о партии, о положении и отношениях в ней, так как первые активизируются именно тогда, когда партия ослабевает или не обращает внимания на серьезные проблемы. В частности он сказал: «Я приведу пример из истории КПХ и СКХ. Национализм для коммунистов был проблемой только в те моменты, когда был уязвим. Это происходило в 1938 г., во время войны в 1944 г. и сейчас в 1971 г. это происходит тогда, когда идет смена поколений. Молодому поколению легче рассказать о великом прошлом хорватского народа, о его борьбе за свободу и независимость»²⁰⁷. Докладчик констатировал факт, что бюрократический монолит распался, и борьба теперь идет на национальной основе, она выходит на республиканский уровень. Вместо борьбы за самоуправление, началась борьба за национальную, республиканскую единицу. Эти процессы привели бы в дальнейшем к созданию государства²⁰⁸.

В докладе С. Шувара точно отмечены националистические тенденции, которые проявились в хорватском обществе в тот период, последовательно показан их рост и преобразование в реальную политическую силу. В конце был сделан неутешительный прогноз о том, что если формирование региональных экономик продолжится, а партия снова ослабнет, то «национализм, какой бы нации он не принадлежал, сербский, хорватский и другой и дальше будет пытаться выйти на политическую сцену»²⁰⁹. Его прогнозам было суждено осуществиться в начале 1990-х гг.

Авторы «Сообщения» проделали огромную работу по систематизации и подбору материалов, каждое обвинение в национализме подтверждается конкретными цитатами и заявлениями. Однако именно это стало причиной упреков в их адрес со стороны участников движения, которые утверждали, что цитаты часто вырваны из контекста. Деятели МХ назвали этот документ провокацией. Х. Шошич насчитал в «Сообщении» около 30 терминов негативного характера, описывающих «массовое движение»: национализм, национальное, националистическое, национально-шовинистское, шовинизм, националистические проявления, националистические тенденции, национальное признание, национальное самосознание, истинное национальное самосознание, обывательский национализм, «старый» национализм, «новый» национализм, шовинистские тенденции, шовинистские пристрастия, мифологическое восхваление хорватской истории, национальные коммунисты, прогрессивное ядро СКХ, консервативные коммунисты в СК Хорватии, проусташеская коммунистическая эмиграция, внешняя националистическая, политическая эмиграция, оппозиция в стране (националистическая), националистическая идеология, национальный дух, национальное государство, национальный суверенитет, хорватская национальная государственность, националистические силы, обывательская националистическая апологетика, националистическая идеологизация, националистическое понимание хорватской государственности, контрреволюционная деятельность националистов»²¹⁰. Именно эти определения в будущем стали основными при рассмотрении событий 1970-х гг. Много лет спустя и сама С. Дабчевич-Кучар подтвердила сепаратистский характер своей политики: «Мы мешали попыткам превратить Югославию в темницу, стремились к союзу современных свободных государств. Мы практически изнутри разрушали существующую систему»²¹¹.

Доказательством существования контрреволюционной эмигрантской деятельности стали события лета 1972 г. Хорватское «массовое движение» вдохновило врагов социалистического режима на решительные меры. 18 июня 1972 г. пришло известие о том, что через границу нелегально прошла группа из 17 вооруженных боевиков. У Марибора они сели в грузовик и направились в направлении Боснии. Затем они без проблем попали в Герцеговину, территорию, на которой проживают хорваты, где усташское движение во время войны было наиболее сильным. Боевики рассчитывали в этой горной области получить поддержку населения. Сразу же начались оперативные действия милиции и территориальной обороны.... В ходе проведенного расследования стало известно, что боевики пришли в Югославию, потому что располагали информацией, что после разгрома «массового движения» в Хорватии сложилась такая ситуация, при которой есть возможность поднять бунт или спровоцировать гражданскую войну. По данным спецслужб, они собирались организовать местное население, но их ждало разочарование»²¹².

После этих событий по всей стране были усилены меры безопасности. Союзный секретариат внутренних дел провел расследование по деятельности хорватской эмиграции. По данным расследования экстремистская часть эмиграции после XXI заседания Президиума СКЮ объединилась и стала более агрессивной. Она провозгласила поражение хорватского «массового движения» только одной «проигранной битвой». По мнению представителей эмиграции, главная борьба еще только предстояла, и вестись она будет вооруженным путем. Члены организации «Хорватское революционное братство» готовили вооруженные группы для террористической деятельности на территории Югославии. В западной прессе появились заметки о готовящейся партизанской войне хорватского народа. Благодаря пропаганде появляются новые организации в Австралии, например, «Хорватская нелегальная революционная организация»²¹³.

Согласно изданной под грифом «совершенно секретно» Директиве верховного командования Вооруженных сил СФРЮ по всей стране были сформированы мобильные группы, которые обезвреживали экстремистов и предотвращали попытки создания партизанских отрядов. Было предписано обращать особое внимание на инициаторов,

организаторов и участников так называемой «специальной войны», термина появившегося в этот период²¹⁴.

В марте 1972 г. прошли суды над студенческими лидерами с формулировкой «за контрреволюционные действия против народа и государства». По официальным данным, в 1972 г. году к суду были привлечены 69 коммунистов-членов ЦК и 947 человек на более низких должностях. Так называемые политические меры были применены к 1052:

- из Союза коммунистов исключены 741 человек;
- 31 руководитель переведен на другие должности;
- в отставку со своих должностей ушли 280 человек²¹⁵.

Если с 1961 по 1971 г. в республике было осуждено 400 человек, то только с 1972 по 1973 г. число осужденных составило 2000 человек²¹⁶. Эту цифру подтверждает и С. Дабчевич-Кучар в своих воспоминаниях, называя этот период «охотой на людей». М. Трипало в своих воспоминаниях утверждает, что в это время из партии было исключено более 5000 человек. Действительно, отставки прокатились по всей республике, в каждой административной области, на всех предприятиях, во всех средствах массовой информации. Бывшие хорватские лидеры тоже ожидали ареста. С. Дабчевич-Кучар пишет, что И. Броз Тито потребовал этого, но В. Бакарнич предостерег: «Не нужно из них делать еще больших героев»²¹⁷.

19 сентября 1972 г. состоялся суд на Ф. Туджманом. Как и многие другие, он был обвинен в преступлении против народа и государства, во враждебной пропаганде и сотрудничестве с крайней политической эмиграцией. Через три года он вновь вернулся на политическую сцену.

По статистическим данным СКХ, с 1971 по 1972 гг. из партии были исключены 12 403 члена. Хорватский историк З. Раделич

Таблица № 10

Данные об отставках по национальностям²¹⁹

	хорваты	сербы	остальные национальности	неизвестно	национально-неопределенные (югославы)
Исключены из СК	656	43	7	10	25
Смещены с должностей	122	3	—	6	—
Подали в отставку	258	8	6	5	3
ВСЕГО	1036	54	13	21	28

в своей работе приводит сведения партийных документов за 1972 г., согласно которым членства в СКХ лишились около 25 051 человек²¹⁸. Если судить по количеству подвергшихся различным наказаниям людей, то хорватское движение оказывается массовым. Однако нельзя исключать того, что после прорыва на территорию страны экстремистов, власти провели тотальные чистки, наказывая всех, кто оказывался под подозрением в симпатиях к хорватскому «массовому движению». А таких людей в республике было немало, поскольку участники движения озвучили традиционные составляющие хорватской национальной идеи.

Данные о национальном составе участников движения, смещенных со своих постов, еще раз подтверждает наше предположение о том, что оно было именно хорватским.

Участники движения уходили в отставку или получали серьезные взыскания. Еще на XXI заседании Президиума СКЮ И. Броз Тито потребовал, чтобы люди, исключенные из партии, лишались и рабочего места: «Не могут у нас члены партии делать, что хотят. В таких случаях мы будем наказывать за это вплоть до исключения из партии. Также не может быть человек исключен, но продолжать выполнять свои функции на посту профессора, директора или любого другого руководителя»²²⁰. Это было вызвано тем, что в начале хорватского «массового движения» многие его участники, уличенные в националистической деятельности, сохраняли свои высокие посты и продолжали там распространять свои взгляды.

Если мы посмотрим на социальный состав тех, кто был наказан за участие в хорватском национальном движении, то видим, что в основном исключались из партии и смещались с должности руководящие кадры республики. И в тоже время, согласно этим данным, невелико число представителей науки и культуры, хотя именно к ним изначально предъявлялись обвинения в распространении националистических настроений. Этому может быть несколько объяснений. Во-первых, в 1971 г. активную роль в движении заняла часть хорватского руководства. Озвучив существование «массового движения», они в первую очередь подверглись репрессиям. Во-вторых, МХ в последние годы осуществляла планы проникновения во властные структуры. Поэтому для подавления хорватского движения потребовалась тщательная зачистка руководящего состава.

Таблица № 11

**Политические меры, примененные к отдельным группам общества
в 1971–1972 гг.²²¹**

Деятельность	Исключены из СК	Смещены с должностей	Подали в отставку
Рабочие	85	7	7
Колхозники	7	-	2
Инженеры, экономисты, юристы	80	16	25
Работники культуры, просвещения и здравоохранения	96	16	37
Руководящий состав	288	23	108
Наемные работники	17	2	65
Госслужащие	144	23	21
Студенты и школьники	56	10	7
Пенсионеры и инвалиды	43	5	7
Остальные	25	29	1
ВСЕГО	741	131	280

Исключению из Союза коммунистов подверглось довольно большое число государственных служащих, квалифицированных специалистов и рабочих. Интересно, что за все время существования хорватского национального движения роль этих социальных слоев не прослеживается. Если бы движение было настолько массовым, то действия экстремистов летом 1972 г., скорее всего, население поддержало, а этого не произошло. По нашему мнению, новые хорватские лидеры перестраховывались и наказывали всех, кто казался им подозрительным, склонным к поддержке идей хорватского движения.

Волна отставок, арестов, судебных разбирательств, продолжавшаяся несколько лет, закончилась к 1973 г. Ко многим общественным деятелям было применено суровое наказание, так называемый «арест на свободе». Он заключался в том, что им была запрещена дальнейшая общественная, педагогическая, публицистическая или научная деятельность.

В результате жестких и решительных мер были обновлены все ключевые посты в республике, во всех сферах общественной, культурной, научной жизни, в экономическом секторе. Все, кто потенциально мог снова поднять на повестку дня национальные идеи, были изолированы тем или иным образом. «Массовое движение» в сторону национализма и сепаратизма, а именно в этом направлении шла Хорватия,

отстаивавшее исключительно хорватские интересы, было подавлено. Союзному руководству пришлось принимать радикальные меры, когда стало очевидно, что хорватское руководство отказывается прекратить сепаратистскую деятельность. А когда в университете начались волнения, угрожающие перерасти во всеобщую забастовку, и появилась информация о готовящемся государственном перевороте, все сомнения по поводу методов разрешения ситуации были сняты.

Хорватское «массовое движение» стало началом свертывания процесса либерализации в СФРЮ, репрессивные меры в меньшей степени были применены и в других республиках под разными предложениями. Процесс оформления суверенитета югославских республик, являвшийся сутью перемен в стране, осуществлявшийся И. Броз Тито, Э. Карделем и В. Бакаричем, спровоцировал разрастание националистических настроений. Историческое прошлое с богатым опытом борьбы за национальные права способствовало формированию в Хорватии своего самостоятельного движения в условиях социализма, которое стало угрозой стабильности в республике и в стране в целом. Решительные и жесткие меры сумели остановить этот процесс. С. Шувар, член ЦК СКХ, выступая в 1972 г. в Доме молодежи, где проходил круглый стол по случаю годовщины событий в Хорватии, на вопрос журналиста журнала НИН, о том, изменилось ли что-либо в государственной системе после событий в Хорватии, ответил отрицательно: «Ничего серьезно не изменилось, разве что немного изменился политический климат, который слегка скоординировали»²²².

Но необходимо отметить, что были устранены именно националистическая, шовинистская и сепаратистская тенденции в политическом курсе Хорватии, преобразования же, проводимые партией, продолжились и достигли своей высшей точки с принятием Конституции 1974 г. Она была призвана прекратить распад государства мирным путем через усиление самостоятельности республик. Новая Конституция определяла СФРЮ как «государство свободных и равноправных народов и народностей», которым гарантированы равные права. Значительно расширились права республик и краев, при этом были сужены экономические и политические функции государства. Было восстановлено Вече национальностей в качестве самостоятельной палаты Скупщины, и оно стало называться Вече республик и краев. Кроме этого, был создан Президиум СФРЮ — коллективный руководящий орган федерации. Понятие «национальное меньшинство»

окончательно заменили понятием «народность». Все эти меры позволили снизить напряженность в Хорватии и в Югославии в целом. Одним из нерешенных вопросов остался вопрос языка, для признания которого в качестве равноправного необходимо было принятие специального закона²²³. Хорваты не отказались от своих планов и в дальнейшем. Вопрос языка поднимался в 1985–86 гг., озвучивался и в 1989 г. при обсуждении поправок к Конституции.

События конца 1960 — начала 1970-х гг. стали хорошей школой для хорватских политических сил, которые пришли к власти в начале 1990-х гг. Генерал Ф. Туджман возглавил партию Хорватское демократическое содружество, М. Веселица основал Хорватский демократический союз, В. Готовац и Д. Будиша нашли свое место в Хорватском социально-либеральном союзе, И. Звонимир Чичак обновил Хорватскую крестьянскую партию. Лозунги, программы, политические штампы повторились почти дословно. Ход и последствия трагических событий конца XX века, сопровождавшие обретение Хорватией независимости, дают возможность предположить, что могло произойти, если бы «массовое движение» не было остановлено в начале 1970-х гг.

* * *

Причинами поражения хорватского национального движения стали: расхождения во взглядах на будущее федерации и Республики, союзных властей и республиканского руководства СКХ, полное неприятие курса Хорватии другими республиками, осознание И. Броз Тито опасности для единства страны, монолитности партии и его личной власти. Перерастание идей о новом экономическом курсе, демократизации, большей политической самостоятельности республик в хорватское «массовое движение» со сформировавшимися движущимися силами, разработанной программой и достаточно радикальными методами ее осуществления имело следствием рост национализма в Республике, конфликты с союзным руководством, противостояние с ЮНА. Все это вылилось в решимость И. Броз Тито пресечь движение, наказать руководителей и сделать невозможным повторение подобной ситуации в любой другой республике СФРЮ.

Информация о существовании контрреволюционного заговора, во главе которого стоял нелегальный комитет «пятидесяти» способствовала принятию властями решительных мер по его обезвреживанию. В ходе судебных разбирательств исключены из партии, смещены со своих постов, арестованы были более 25 тысяч человек. Многие

периодические издания были закрыты, а их главные редакторы помещены под арест. Фактически за 1971–1972 гг. были заменены руководящие должности всех партийных и республиканских органов власти, руководство предприятий и учреждений. Репрессии коснулись почти всех сфер жизни: науки, образования, промышленности, транспорта, правоохранительных органов и многих других. Самыми распространенными были обвинения в контрреволюционной, антигосударственной деятельности. Наказаниями служили исключения из партии, отставки с занимаемых должностей, запреты на дальнейшую общественную деятельность, домашние аресты, тюремные заключения по решению суда на сроки от двух до шести лет.

Для Хорватии поражение хорватского «массового движения» в этот период имело серьезные кадровые, моральные и идеологические последствия. Идеи хорватского национального движения вдохновили экстремистов за границей на решительные действия, которые они предприняли летом 1972 г., попытавшись организовать на территории Герцеговины партизанскую войну. Связи с усташеской эмиграцией были прерваны, однако наведенные за годы хорватского национального движения мосты, были быстро восстановлены, как только его участники вернулись из мест заключения и сложились для этого благоприятные условия в конце 1980-х гг. В моральном плане часть участников движения оказалась в состоянии апатии: вернувшись из мест заключения, они больше не участвовали в политической жизни республики, разочарованные результатами национального движения и своей ролью в нем. Другие, наоборот, жаждали реванша за поражение, испытывали ненависть к существующей системе и строили планы по ее разрушению.

После поражения движения неосуществленная хорватская национальная идея снова ушла в тень. Однако события конца 1960-х — начала 1970-х гг. стали хорошей школой для национальных политиков, которые пришли к власти в Хорватии в 1990-е гг. Сепаратистские и националистические тенденции хорватского «массового движения» были прекращены, однако реформы Федерации «сверху» были продолжены. Конституция 1974 г., значительно сузившая экономические и политические права федерации и расширившая права республик и краев, продолжила процесс оформления большей самостоятельности Хорватии, правда, более медленным и мирным путем, не угрожавшим, как тогда казалось, единству страны.

* * *

Подводя итог последних двух этапов хорватского «массового движения», его поражению и последствиям, следует подчеркнуть, что 1971 г. стал временем окончательного его оформления. В это время были доработаны программы, тактика и стратегия движения, благодаря чему можно уверенно говорить о существовании в Хорватии полноценного национального движения. Поставленные изначально цели большей экономической и политической самостоятельности республики к 1971 г. сменились открытой пропагандой межнациональной нетерпимости, обсуждению планов по созданию самостоятельного хорватского государства с национальной армией, с независимой внешней политикой, со свободой в финансовой сфере.

Хорватские коммунисты превратили хорватское «массовое движение» в часть стратегии Союза коммунистов Хорватии. Деятели МХ тем временем строили планы по освоению власти в Хорватии. Они видели себя в роли ее будущих политических лидеров.

В результате взаимного проникновения МХ в партийные структуры и коммунистов в состав МХ в 1971 г. происходит слияние этих двух составляющих в общее так называемое «массовое движение». В середине 1971 г. к ним присоединился университет, также почувствовавший себя реальной политической силой. Пропаганда МХ среди молодежи и призывы СКХ к более активной политической позиции привели к тому, что университет объявил забастовку и в качестве своих выдвинул требования хорватского «массового движения». Однако остальные составляющие движения активного участия в забастовке не приняли, ограничившись моральной поддержкой. Забастовка еще больше дестабилизировала и так непростую ситуацию в Хорватии.

В нашем исследовании мы приходим к выводу, что хорватское движение не было массовым, как это старались представить его лидеры. Если говорить о его социальном составе, то в мы отмечаем участие в нем достаточно узкого круга научной элиты из числа историков, писателей, журналистов, художников, филологов и философов, а также части партийного и республиканского руководства Республики. В хорватском «массовом движении» активное участие также приняли преподаватели и студенты Загребского университета. Ни рабочие, ни служащие, ни крестьяне в ходе хорватского движения себя не проявили.

И. Броз Тито поддерживал молодых хорватских коммунистов до тех пор, пока их позиция не стала угрожать безопасности страны и его личной власти. Он не смог им простить попытки разделить ЮНА по национальному признаку, разобщенность СКХ, рост национализма, связи с усташеской эмиграцией, нежелание запретить МХ и ее периодические издания, арестовывать студенческих лидеров, наконец, признать свою вину.

После бесплодных переговоров с хорватскими коммунистами И. Броз Тито принял решение о применении радикальных мер против хорватского «массового движения». Хорватские лидеры были вынуждены уйти в отставку, а по Хорватии прокатилась волна репрессий. Информация о контрреволюционной деятельности в республике обусловила жесткость и решительность действий властей, судебных и правоохранительных органов.

Хорватское национальное движение конца 1960-х начала 1970-х гг. было свернуто, но хорватская национальная идея продолжала жить, воплотившись в последнем десятилетии XX века.

Примечания

¹ Hrvatski Državni Arhiv (HDA). CK SKH. Materijal komisije za društveno-politički sistem i međunacionale odnose CK SKH. D 5781. S. 6.

² Bilandić D. Povijest izbliza. Memuarski zapisi 1945–2005. Zagreb: 2006. S. 107.

³ Tripalo M. Bilo je to za Jugoslaviju // Prekinuta šutnja: ljudi iz 1971 g. Zagreb: 1990. S. 74–75.

⁴ HDA. CK SKH. Materijal komisije za društveno-politički sistem i međunacionale odnose CK SKH. D 5781. S. 1.

⁵ Мишовић М. Републике у државном костиму // НИИ, 1971 г. 3 окт. С. 9.

⁶ HDA. CK SKH. Izvodi iz razgovora V. Bakarića s redakcijom „Komunista“ 1971g. 30 dec. Str. Pov. 864 /1. S. 7.

⁷ Ibid. S. 8.

⁸ Tripalo M. Sazrevanje masovnog pokreta // Geneza maspoka u Hrvatskoj. Kesar J., Bilbija D., Stefanović N. Beograd: 1990. S. 786.

⁹ Tripalo M. Hrvatsko proljeće. Zagreb: 1990. S. 28

¹⁰ HDA. Izvodi iz razgovora V. Bakarića s redakcijom „Komunista“... S. 4.

¹¹ HDA. CK SKH. Neki elementi političke procene prisutnosti nacionalista u Savezu komunista i drugim strukturama općine Split. D 5328. S. 97.

¹² Ibid. S. 96.

¹³ Kriste P. Titov nezaobilazni poticaj // Prekinuta šutnja: ljudi iz 1971 g... S. 371–372.

¹⁴ Britance oduševila Titova odluka da slomi Hrvatsko proljeće. Tajni britanski dokumenti o Hrvatskom proljeću // Режим доступа: <http://nacional.hr/hr/articles/view/12886>.

¹⁵ Baletić M. Hrvatska simultanka: prsinac sedamdeset prve. Zagreb: 2003. S. 325.

¹⁶ Bilanžić D. Povijest izbliza... S. 103.

¹⁷ Bilanžić D. Povijest izbliza... S. 67.

¹⁸ Savez komunista Hrvatske. Centralni komitet. Sjednica (28, Zagreb, 1972), Izvještaj o stanju u Savezu komunista Hrvatske u odnosu na prodor nacionalizma u njegove redove (usvojen na 28 sjednici CK SKH, 8 svibnja 1972). Zagreb: 2003. S. 169.

¹⁹ Gotovac V., Budiša D. Razgovori o slobodnoj Hrvatskoj. Zagreb: 1991. S. 71.

²⁰ HDA. CK SKH. Izvodi iz govora V. Bakarića na sjednice MOK SKH, Bjelovar 7.12.1971. Pov. 864 /2. S. 14

²¹ Bošković J. NDH drugi put. Beograd: 1999. S. 31–32.

²² Jandrić B. Uloga Matici hrvatske u događajima 1971 godine // Dijalog povjesničara-istoričara, Zagreb, 2002. 20–22 septembra, S. 424.

²³ Izvodi iz „Izvještaja“ // Geneza maspoka u Hrvatskoj... S. 1022–1023.

²⁴ Jandrić B. Uloga Matici hrvatske u događajima 1971 godine... S. 420.

²⁵ Gruić M. Opozicija u tri vida // Geneza maspoka u Hrvatskoj... S. 786–787.

²⁶ Savez komunista Hrvatske. Centralni komitet. Sjednica (28, Zagreb, 1972)... S. 191.

²⁷ Ibid. S. 197.

²⁸ Ibidem.

²⁹ Басара Д. Ћодан, Веселица — друга страна барикаде // НИИ, 1971 г. 1. ауг. С. 16.

³⁰ Savez komunista Hrvatske. Centralni komitet. Sjednica (28, Zagreb, 1972)... S. 193.

³¹ Ibidem.

³² Šošić H. Godina 1971 // Hrvatska obzorja. 1997, № 5, S. 28.

³³ Đodan Š. u časopisu „Kritika“ // Geneza maspoka u Hrvatskoj... S. 677.

³⁴ Tuđman F. 27 aprila 1971 g. pred studentima Doma „Stjepan Radić“ // Ibidem.

³⁵ Savez komunista Hrvatske. Centralni komitet. Sjednica (28, Zagreb, 1972)... S. 201.

³⁶ Ibid. S. 202

³⁷ Sjeća Hrvatske u Karadžorđevu 1971: 21 sjednica. Autorizarani zapisnik. Glavni odgovorni urednik Pišković M. Zabreb: 1994. S. 120

³⁸ Savez komunista Hrvatske. Centralni komitet. Sjednica (28, Zagreb, 1972)... S. 202.

³⁹ Ibid. S. 218–219.

⁴⁰ Ibidem.

⁴¹ Ibid. S. 222.

⁴² Gotovac V., Budiša D. Razgovori o slobodnoj Hrvatskoj... S. 30.

⁴³ Милетић В. Пуч који то није // НИИ, 1971 г. 11 апр. С. 15.

⁴⁴ Čičak I.Z. Bio sam dogmatik i manipulator // Prekinuta šutnja: ljudi iz 1971 g... S. 102.

⁴⁵ Savez komunista Hrvatske. Centralni komitet. Sjednica (28, Zagreb, 1972)... S. 226.

⁴⁶ Басара Д. Ђодан, Веселица – друга страна барикаде // НИИ, 1971 г. 1 авг. С. 16.

⁴⁷ Savez komunista Hrvatske. Centralni komitet. Sjednica (28, Zagreb, 1972)... S. 238–239.

⁴⁸ Ibidem.

⁴⁹ Dabčević –Kučar S. Hteli smo Evropu dovesti u Hrvatsku // Prekinuta šutnja: ljudi iz 1971 g... S. 286.

⁵⁰ Proširena sednica Opštinskog komiteta SK u Slavoskoj Požegi // Geneza maspoka u Hrvatskoj... S. 743.

⁵¹ Dragović M. Hrvatsko proljeće masovni pokret hrvatskog naroda // Hrvatska obzorja, 1996. № 4. S. 784–785.

⁵² Kastratović D. Proljeće moderne Hrvatske. Zagreb: 2002. S. 238.

⁵³ Ibid. S. 239.

⁵⁴ HDA. CK SKH. Komisija za društveno-politički sistem i međunacionalni odnose CK SKH. D 4781.

⁵⁵ Kisić-Kolanović N. Andrija Hebrang (1899–949): iluzije i otrežnjenja. Zagreb: Institut za savremenu povijest, 1996. S. 10.

⁵⁶ Radelić Z. Hrvatska u Jugoslaviji 1945–1991.: od zajedništva do razlaza. Zagreb: 2006. S. 390.

⁵⁷ Kovačević B. Afirmacija republičke i nacionalne državnosti // Vjesnik. 1970 g. 27 stud. S. 6.

⁵⁸ Savez komunista Hrvatske. Centralni komitet. Sjednica (28, Zagreb, 1972)... S. 282.

⁵⁹ Džeba K., Novak B. Zašto se godila 1971 // Prekinuta šutnja: ljudi iz 1971 g... S. 267.

⁶⁰ Bilandžić D. Povijest izbliza... S. 101.

⁶¹ Vrhunec M. Šest godina s Titom: (1967–1973): pogled s vrha i izbliza. Zagreb: 2001. S. 267–268.

⁶² Haramija D. Nisam želio biti statist // Prekinuta šutnja: ljudi iz 1971 g... S. 342.

⁶³ Perić J. Ideje «Masovnog pokreta» u Hrvatskoj. Zagreb: 1974. S. 222.

- ⁶⁴ XX sednica CK SKH // Geneza maspoka u Hrvatskoj... S. 728.
- ⁶⁵ Vrhunec M. Šest godina s Titom: (1967–1973): pogled s vrha i izbliza... S. 290.
- ⁶⁶ Tripalo M. Hrvatsko proljeće... S. 149.
- ⁶⁷ Arhiv Srbije i Crne Gore (ARSiC), F507, CK SKJ, III/153. S. 5.
- ⁶⁸ Tripalo M. Hrvatsko proljeće... S. 9.
- ⁶⁹ ARSiC, F507, CK SKJ, III/153. S. 9.
- ⁷⁰ Ibid. S. 57.
- ⁷¹ Tripalo M. Hrvatsko proljeće... S. 150.
- ⁷² ARSiC, F507, CK SKJ, III/153. S. 69–70.
- ⁷³ Ibid. S. 169.
- ⁷⁴ Ibid. S. 179.
- ⁷⁵ Ibid. S. 106.
- ⁷⁶ Ibid. S. 217.
- ⁷⁷ Ibid. S. 264.
- ⁷⁸ Ibid. S. 336, 393.
- ⁷⁹ Ibid. S. 382.
- ⁸⁰ Džeba K., Novak B. Zašto se godila 1971 // Prekinuta šutnja: ljudi iz 1971 g... S. 277
- ⁸¹ Kastratović D. Proljeće moderne Hrvatske... S. 266.
- ⁸² Bilandžić D. Bilanžić D. Povijest izbliza... S. 106.
- ⁸³ Ibid. S. 104.
- ⁸⁴ Ibid. S. 105.
- ⁸⁵ Dabčević-Kučar S. '71 hrvatski snovi i stvarnost. Zagreb: 1997. 2 sv. S. 619.
- ⁸⁶ ARSl. F 1589, Predsjednikova dejavnist. Š. 22. S. 3
- ⁸⁷ Savez komunista Hrvatske. Centralni komitet. Sjednica (28, Zagreb, 1972)... S. 83.
- ⁸⁸ Tripalo M. Hrvatski nacionalni program — počeci pluralizma // Erasmus. 1996. № 15. S. 27.
- ⁸⁹ Dabčević-Kučar S. '71 hrvatski snovi i stvarnost... S. 870.
- ⁹⁰ Ponoš. T. Na rubu revolucije- studenti '71. Zagreb: 2007. S. 140.
- ⁹¹ HDA. CK SKH. Izvodi iz govora V. Bakarića na sjednice MOK SKH, Bje-
lovar 7.12.1971. Pov. 864 /2. S. 2.
- ⁹² Savez komunista Hrvatske. Centralni komitet. Sjednica (28, Zagreb, 1972)... S. 85.
- ⁹³ Razgovori u vili „Vajs“ // Geneza maspoka u Hrvatskoj... S. 752
- ⁹⁴ Bošković J. NDH drugi put... S. 32–33
- ⁹⁵ Tripalo M. Bilo je to za Jugoslaviju // Prekinuta šutnja: ljudi iz 1971 g... S. 67
- ⁹⁶ Tripalo M. Hrvatsko proljeće... S. 160
- ⁹⁷ Kastratović D. Proljeće moderne Hrvatske... S. 211
- ⁹⁸ Radelić Z. Hrvatska u Jugoslaviji 1945–1991.: od zajedništva do razlaza... S. 444

- ⁹⁹ Govor predsednika Tita // Geneza maspoka u Hrvatskoj... S. 752
- ¹⁰⁰ Haramija D. Nisam želio biti statist // Prekinuta šutnja: ljudi iz 1971 g... S. 342
- ¹⁰¹ Tripalo M. Bilo je to za Jugoslaviju // Ibid. S. 56
- ¹⁰² Sječa Hrvatske u Karadorđevu 1971: 21 sjednica... S. 51
- ¹⁰³ Dabčević-Kučar S. '71 hrvatski snovi i stvarnost... S. 673
- ¹⁰⁴ Vrhunec M. Šest godina s Titom: (1967–1973): pogled s vrha i izbliza... S. 288
- ¹⁰⁵ Dabčević-Kučar S. '71 hrvatski snovi i stvarnost... S. 871
- ¹⁰⁶ Zdravica predsednika Tita // Geneza maspoka u Hrvatskoj... S. 772
- ¹⁰⁷ HDA. CK SKH. Neki elementi političke procene prisutnosti nacionalista u Savezu komunista i drugim strukturama općine Split D 6118. S. 42
- ¹⁰⁸ Dabčević-Kučar S. '71 hrvatski snovi i stvarnost... S. 164.
- ¹⁰⁹ Ponoš. T. Na rubu revolucije- studenti '71... S. 159.
- ¹¹⁰ HDA. — CK SKH. Javno mnijenje stanovništva SR Hrvatske u 1971 g. D 5328. S. 136.
- ¹¹¹ Bilanžić D. Povijest izbliza... S. 108.
- ¹¹² Radnička klasa Dalmacije — jezgra općenarodnog pokreta na kursu SKH // Geneza maspoka u Hrvatskoj... S. 788.
- ¹¹³ Radnička klasa Dalmacije — jezgra općenarodnog pokreta na kursu SKH // Ibid. S. 789.
- ¹¹⁴ Radnička klasa Dalmacije — jezgra općenarodnog pokreta na kursu SKH // Ibidem.
- ¹¹⁵ Tripalo M. Hrvatsko proljeće... S. 166.
- ¹¹⁶ Ibidem.
- ¹¹⁷ Ibid. S. 169.
- ¹¹⁸ Bilanžić D. Povijest izbliza... S. 116.
- ¹¹⁹ Miko Tripalo. Savez komunista i omladina // Из личного архива Л. Булатович.
- ¹²⁰ Vrhunec M. Šest godina s Titom: (1967–1973): pogled s vrha i izbliza... S. 177.
- ¹²¹ Vikov V. Tvoja zemlja: sjećanja na 1971 g. Zagreb: 2003. 104 s..
- ¹²² Ibidem.
- ¹²³ Ponoš. T. Na rubu revolucije- studenti '71... S. 115
- ¹²⁴ Ibid. S. 130.
- ¹²⁵ Ibid. S. 133.
- ¹²⁶ Мишовић М. Републике у државном костиму // НИИ, 1971 г. 3 окт.
- C. 11.
- ¹²⁷ Radelić Z. Hrvatska u Jugoslaviji 1945–1991.: od zajedništva do razlaza... S. 447.
- ¹²⁸ Мишовић М. Републике у државном костиму // НИИ, 3.10.1971.
- C. 11.

¹²⁹ Predlozi: od promene naziva države do „zajedničkog tržišta“ // Geneza maspoka u Hrvatskoj... S. 665–666.

¹³⁰ Живковић Р. Старе и нове конфронтације. Студенти // НИИ, 1971г. 29 ауг. С. 12.

¹³¹ Концепција Saveza omladine // Geneza maspoka u Hrvatskoj... S. 638.

¹³² Ponoš. T. Na rubu revolucije- studenti '71... S. 149.

¹³³ Ibid. S. 147.

¹³⁴ Studenti Zagreba o novoj ustavnoj poziciji SR Hrvatske // Geneza maspoka u Hrvatskoj... S. 804.

¹³⁵ Ibidem.

¹³⁶ Dabčević – Kučar S., Gotovac V., Budiša D. Nakon četvrt stoljeća // Erasmus. 1996. № 15. S. 11.

¹³⁷ Zbor studenata Filozofskog fakulteta 1971 g. 29 okt. // Geneza maspoka u Hrvatskoj... S. 806.

¹³⁸ HDA. CK SKH. Neki elementi političke procene prisutnosti nacionalista u Savezu komunista i drugim strukturama općine Split D 6118. S. 37.

¹³⁹ Ibidem.

¹⁴⁰ HDA. CK SKH. Sjednica PSSH poslje početka studentskog štrajka 30.11.1971. Str. Pov. 867/9. S. 37.

¹⁴¹ Knezović M. Štraik hrvatskih sveučilistaraca u jesen 1971 u onodobnom tisku // Zagreb: Radovi zavoda za povjest znanosti FF, 1995. Vol.28. S. 233.

¹⁴² Kastratović D. Proljeće moderne Hrvatske... S. 175.

¹⁴³ Studenti Pravnog fakulteta Hrvatskog Sveučilišta // Geneza maspoka u Hrvatskoj... S. 816.

¹⁴⁴ Knezović M. Štrajk hrvatskih sveučilistaraca u jesen 1971 u onodobnom tisku... S. 231.

¹⁴⁵ Dabčević – Kučar S., Gotovac V., Budiša D. Nakon četvrt stoljeća // Erasmus. 1996. № 15. S. 12.

¹⁴⁶ Ibid. S. 778.

¹⁴⁷ Dabčević-Kučar S. '71 hrvatski snovi i stvarnost... S. 761.

¹⁴⁸ Knezović M. Štraik hrvatskih sveučilistaraca u jesen 1971 u onodobnom tisku... S. 234.

¹⁴⁹ Dragović M. Hrvatsko proljeće masovni pokret hrvatskog naroda // Hrvatska obzorja. 1996, № 4. S. 787.

¹⁵⁰ Gotovac V., Budiša D. Razgovori o slobodnoj Hrvatskoj... S. 247.

¹⁵¹ Baletić M. Hrvatska simultanka: prsinac sedamdeset prve... S. 41.

¹⁵² HDA. CK SKH. Javno mnijenje stanovništva SR Hrvatske u 1971 g. D 5328. S. 47.

¹⁵³ Knezović M. Štraik hrvatskih sveučilistaraca u jesen 1971 u onodobnom tisku... S. 240–241.

¹⁵⁴ Identitet: srbi i / ili jugoslaveni. Svetlana Ljuboja. Beograd: 2001. S. 183.

¹⁵⁵ Ibid. S. 182.

- ¹⁵⁶ Sjeća Hrvatske u Karađorđevu 1971: 21 sjednica... S. 1–2.
- ¹⁵⁷ HDA. Autorizovane stenografske beleške sa 21 sednice Predsedništva SKJ 1.12.1971. Str. Pov. 363. S. 261.
- ¹⁵⁸ Dabčević-Kučar S. '71 hrvatski snovi i stvarnost... S. 6–7.
- ¹⁵⁹ Sjeća Hrvatske u Karađorđevu 1971: 21 sjednica... S. 194
- ¹⁶⁰ Ibid. S. 51–52
- ¹⁶¹ Izlaganje predsednika SKJ Josipa Broza Tita // Geneza maspoka u Hrvatskoj... S. 829.
- ¹⁶² HDA. Autorizovane stenografske beleške sa 21 sednice Predsedništva SKJ 1.12.1971. Str. Pov. 363. S. 6.
- ¹⁶³ Sjeća Hrvatske u Karađorđevu 1971: 21 sjednica... S. 68.
- ¹⁶⁴ HDA. Autorizovane stenografske beleške sa 21 sednice Predsedništva SKJ 1.12.1971. Str. Pov. 363. S. 296.
- ¹⁶⁵ Ibid. S. 165.
- ¹⁶⁶ Sjeća Hrvatske u Karađorđevu 1971: 21 sjednica... S. 207.
- ¹⁶⁷ Ibid. S. 192.
- ¹⁶⁸ Iz intervjua Staneta Dolanca zagrebačkom nedeljniku „Danas“ // Geneza maspoka u Hrvatskoj... S. 1183.
- ¹⁶⁹ Arhiv Republike Slovenije (ARSI), F.1277, Š2, Dosje IV. S. 9.
- ¹⁷⁰ Тито Броз И. Избранные статьи и речи. М.: 1987. С. 466.
- ¹⁷¹ Там же. С. 468.
- ¹⁷² HDA. Autorizovane stenografske beleške sa 21 sednice Predsedništva SKJ 1.12.1971. Str. Pov. 363. S. 181,192.
- ¹⁷³ Ibid. S. 171.
- ¹⁷⁴ Ibid. S. 144.
- ¹⁷⁵ ARSI, F.1277, Rodbinski fond Edvard Kardelj. Š2, Dosje IV. S. 30.
- ¹⁷⁶ HDA. Autorizovane stenografske beleške sa 21 sednice Predsedništva SKJ... S. 93.
- ¹⁷⁷ Sjeća Hrvatske u Karađorđevu 1971: 21 sjednica... S. 219–222
- ¹⁷⁸ ARSI, F.1277, Rodbinski fond Edvard Kardelj. Š2, Dosje IV. S. 100
- ¹⁷⁹ Ibid. S. 115
- ¹⁸⁰ Ibid.. S. 205
- ¹⁸¹ HDA. Autorizovane stenografske beleške sa 21 sednice Predsedništva SKJ... S. 238.
- ¹⁸² Zaključci 21. sednice predsedništva SKJ // Geneza maspoka u Hrvatskoj... S. 854.
- ¹⁸³ Vrhunec M. Šest godina s Titom: (1967–1973): pogled s vrha i izbliza... S. 293.
- ¹⁸⁴ Pokret nije bio tema ni jednog plenuma CK SKH // Ibid. S. 860.
- ¹⁸⁵ Britance oduševila Titova odluka da slomi Hrvatsko proljeće // Tajni britanski dokumenti o Hrvatskom proljeću. Urednik M. Đilas... S. 2
- ¹⁸⁶ Dabčević-Kučar S. '71 hrvatski snovi i stvarnost... S. 955.

- ¹⁸⁷ Tripalo M. Hrvatsko proljeće... S. 196.
- ¹⁸⁸ ARSiC, F507, CK SKJ, III/158. S. 5.
- ¹⁸⁹ Dabčević –Kučar S. Hteli smo Evropu dovesti u Hrvatsku // Prekinuta šutnja: ljudi iz 1971 g... S. 307.
- ¹⁹⁰ Haramija D. Nisam želio biti statist // Ibid. S. 347.
- ¹⁹¹ Dabčević–Kučar S. '71 hrvatski snovi i stvarnost... S. 973.
- ¹⁹² Tekst ostavke dr. Savke Dabčević–Kučar i Pere Pirkerera // Geneza maspoka u Hrvatskoj... S. 877.
- ¹⁹³ Tripalo M. Neodržani govor. Rukopis // Личный архив Л. Булатович
- ¹⁹⁴ Ponoš. T. Na rubu revolucije- studenti '71... S. 200.
- ¹⁹⁵ Britance oduševila Titova odluka da slomi Hrvatsko proljeće // Tajni britanski dokumenti o Hrvatskom proljeću. Urednik M. Dilas... S. 3.
- ¹⁹⁶ Šošić H. Hrvatski tjednik u 1971 g. // Kolo Matice Hrvatske. 1994, № 11/12. S. 1189.
- ¹⁹⁷ Radelić Z. Hrvatska u Jugoslaviji 1945–1991.: od zajedništva do razlaza... S. 454.
- ¹⁹⁸ Sječa Hrvatske u Karađorđevu 1971: 21 sjednica... S. 141.
- ¹⁹⁹ Gotovac V., Budiša D. Razgovori o slobodnoj Hrvatskoj... S. 90–91.
- ²⁰⁰ Jandrič B. Uloga Matice hrvatske u događajima 1971 godine // Dijalog povjesničara- istoričara, Zagreb, 2002. 20–22 septembra. S. 428.
- ²⁰¹ Sječa Hrvatske u Karađorđevu 1971: 21 sjednica... S. 212.
- ²⁰² Gotovac V., Budiša D. Razgovori o slobodnoj Hrvatskoj... S. 251–252.
- ²⁰³ Haramija D. Nisam želio biti statist // Prekinuta šutnja: ljudi iz 1971 g... S. 344.
- ²⁰⁴ Dabčević –Kučar S. Hteli smo Evropu dovesti u Hrvatsku // Prekinuta šutnja: ljudi iz 1971 g... S. 288.
- ²⁰⁵ Džeba K., Novak B. Zašto se godila 1971 // Ibid. S. 268.
- ²⁰⁶ HDA. Magnetofonski zapisnik sa 28 sjednice Centralnog komiteta Saveza komunista Hrvatske 8/05/1972. D 6004. S. 7.
- ²⁰⁷ Ibid. S. 5\3.
- ²⁰⁸ Ibid. S. 5\9.
- ²⁰⁹ Ibid. S. 5\18.
- ²¹⁰ Šošić H. Slom hrvatskog komunističkog proljeća 1971. Zagreb: 1997. S. 259.
- ²¹¹ Antić L. Nacionalna ideologija jugoslovenstva kod hrvata u dvadesetom stoljeću // Znanstveni skup «Hrvatska politika u dvadesetom stoljeću». Matica hrvatska 27–29. 04.2004. Zagreb: 2006. S. 65.
- ²¹² Vrhunec M. Šest godina s Titom: (1967–1973): pogled s vrha i izbliza... S. 208–209.
- ²¹³ ARSl, F.1931, Š. 1404. S. 9.
- ²¹⁴ Ibid. S. 1.
- ²¹⁵ Izvodi i „Izvjestaja“ // Geneza maspoka u Hrvatskoj... S. 1046.

- ²¹⁶ Tripalo M. Hrvatsko proljeće... S. 198.
- ²¹⁷ Dabčević –Kučar S. Hteli smo Evropu dovesti u Hrvatsku // Prekinuta šutnja: ljudi iz 1971 g... S. 1012.
- ²¹⁸ Radelić Z. Hrvatska u Jugoslaviji 1945–1991.: od zajedništva do razlaza... S. 461.
- ²¹⁹ HDA. CK SKH. Javno mnijenje stanovništva SR Hrvatske u lipnju 1970 g. D 4823.
- ²²⁰ ARSiC, F507, CK SKJ, III/15. S. 393.
- ²²¹ HDA. CK SKH. Javno mnijenje stanovništva SR Hrvatske u lipnju 1970 g. D4823.
- ²²² S. Šuvar Da li postojala kontrevolucija // Geneza maspoka u Hrvatskoj... S. 973.
- ²²³ Дурнев В.П. Национальный вопрос в партийно-государственных документах и специализированной литературе СФРЮ, с. 129–158 // Югославия — актуальные проблемы общественного развития. М.: 1983. С. 145.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Конкретные исторические условия для очередного всплеска хорватского национального движения сложились в 1960-е гг. К ним следует отнести: атмосферу глубоких экономических и политических перемен в стране, а также широких дискуссий по этому вопросу; расширение прав югославских республик по Конституции 1963 г.; курс на омоложение руководящих партийных кадров; постановку вопроса о расширении экономической самостоятельности республик вследствие проведения экономической реформы; ослабление контроля органов государственной безопасности; изменение политики в отношении к хорватской эмиграции, которая сохраняла и развивала хорватскую национальную идею. В этих условиях долго молчавшая хорватская научная и гуманитарная элита, как носительница хорватской национальной идеи, вновь поставила традиционные для хорватов вопросы перед всем обществом, встав у истоков нового этапа хорватского национального движения, так называемого «массового движения».

Причинами «массового движения» явились недовольство хорватской элиты развитием государства на основе централизма, значительно ограничивавшего права республики; противоречивость результатов конституционных преобразований, а также курса экономических реформ, не всегда учитывавших региональные особенности субъектов федерации; планы создания единой югославской нации, в которых хорваты увидели угрозу своей национальной самобытности; актуализация национального вопроса во всех республиках; налаживание более тесных контактов с соотечественниками за границей; приход к власти в республике нового руководства, иначе чем союзные органы смотревшего на роль Хорватии в СФРЮ; стремление национальной интеллигенции через новую интерпретацию

своего исторического прошлого и обоснование права хорватского народа на самостоятельность хорватского литературного языка пересмотреть систему взаимоотношений в Югославии; поддержка, хотя и не всегда и не во всем, этих устремлений главой государства И. Броз Тито.

В развитии хорватского «массового движения» можно выделить пять этапов. К первоначальному этапу следует отнести 1967–1968 гг., когда формируются будущие составляющие силы движения. Именно в этот период серьезно изменяется роль такой общественной организации как Матица хорватская, деятельность которой изначально должна была затрагивать только сферы науки и культуры. Однако активность Матицы все больше политизировалась. Матице хорватской удалось заручиться поддержкой части хорватского руководства, что дало ее членам возможность поставить вопрос о месте Хорватии в Югославии не только в области культуры и искусства. В руководстве СКХ уже на этом этапе началось постепенное расхождение по ряду ключевых вопросов дальнейшего развития республики. В научных и общественных кругах Хорватии начинается обсуждение вопросов истории, культурной самобытности и самостоятельности хорватского народа.

Второй этап — 1968–1969 гг. — характеризуется приходом в руководство СКХ новых партийных лидеров — С. Дабчевич-Кучар, М. Трипало, П. Пиркера и других, а также расширением круга интересов участников хорватского «массового движения». От дискуссий в области лингвистики и истории они перешли к постановке экономических вопросов. Это — период, когда обсуждения хорватской самобытности и споры о большей экономической самостоятельности переросли в противостояние республики союзному центру. Деятели Матицы хорватской расширили издательскую деятельность и на страницах своих многочисленных периодических изданий обсуждали экономический потенциал Хорватии, который нельзя было, как они считали, использовать в полной мере из-за несправедливого перераспределения банковского капитала, нецелевого финансирования крупных инвестиционных проектов, поддержки менее развитых в экономическом плане республик. Апелляция интеллигенции к историческим правам хорватского народа, обсуждения вариантов создания национальной армии, реформирования образования, возможности создания национального хорватского государства привели

к обострению межнациональных противоречий в республике. Постепенно происходило формирование университетского движения, которое Матица хорватская и часть партийного руководства постарались привлечь в «массовое движение». На этом этапе Матица хорватская и часть руководства СКХ становятся союзниками.

В 1970 г. хорватское «массовое движение» вступает в новую фазу, характеризующуюся переходом его участников к разработке программ конкретных действий. Движение получило полную поддержку хорватского партийного руководства, и на X пленуме ЦК СКХ в январе 1970 г. хорватские политики заявили о целях и задачах своего нового политического курса. Назвав себя «прогрессивными силами», они выразили претензии на лидерство в процессе политического и экономического реформирования страны в сторону большей самостоятельности республик. Хорватские коммунисты предложили пересмотреть распределение инвестиционных, валютных и бюджетных средств федерации в пользу республики, а также критиковали неравноправное представительство республик в союзных органах. Однако инициативы Загреба не поддержала ни одна из республик, против них выступило и руководство Югославской Народной Армии. На этом этапе руководитель СФРЮ И. Броз Тито одобрил новую хорватскую программу, не осознавая, по всей вероятности, до конца истинных намерений хорватского движения и готовность его лидеров к радикальным действиям. Свои намерения в 1970 г. обозначила и Матица хорватская. В экономической и политической области она повторяла планы СКХ, однако придало им открыто националистическую окраску. Это выражалось, в частности, в требовании чисток в партийных, государственных и хозяйственных органах по национальному признаку. Деятели Матицы видели именно себя будущими лидерами Хорватии. На этом этапе осуществлялось согласование программ СКХ и Матицы хорватской и складывание четкой концепции хорватского «массового движения». В руководстве СКХ произошел окончательный раскол на сторонников и противников нового курса. Часть коммунистов, во главе с В. Бакаричем, выступила за его немедленное свертывание.

Четвертый этап относится к январю — ноябрю 1971 г., когда «массовое движение» официально становится частью стратегии Союза коммунистов Хорватии. Лидеры СКХ открыто заявили о существовании в Хорватии «массового движения» и о своем лидерстве в нем.

На XX (апрель 1971 г.), а позднее на XXII (ноябрь 1971 г.) пленумах ЦК СКХ они закрепили это понятие в соответствующих документах. Матица хорватская активно пропагандировала идеи движения в своих периодических изданиях, убеждая читателей в его необходимости и значимости для Хорватии. Большая часть статей носила явно националистический характер. Все это провоцировало межнациональную напряженность — участились конфликты на национальной почве, грозившие выйти за республиканские рамки. Заявления националистического характера открыто позволяло себе и хорватское политическое руководство. Именно в этот период произошел окончательный переход хорватского «массового движения» на националистические позиции. На этом этапе себя серьёзно проявила третья составляющая сила движения — университетское движение. В первой половине 1971 г. происходило не просто взаимодействие трех сил — Матицы хорватской, СКХ и университета, а слияние сил движения в единое целое в организационном плане. Попытки И. Броз Тито призвать хорватское руководство к ответу за рост национализма в республике, прекратить конфликты с другими республиками, особенно с Сербией, результатов не принесли. Хорватские лидеры последовательно проводили намеченный курс, не отступая от своих планов. Они отказались выполнить указания руководства СКЮ — запретить деятельность Матицы хорватской, провести аресты националистов.

На пятом этапе, с конца ноября по первую половину декабря 1971 г., участники хорватского «массового движения» перешли в фазу активной борьбы за осуществление его целей и задач. Университетское движение объявило себя частью общего хорватского движения и выдвинуло требования экономического и политического характера. Однако объявленную 22 ноября студентами забастовку Матица хорватская и СКХ поддержали только на словах, надеясь подключиться к ней позже в случае успеха. Несмотря на то, что забастовка явилась результатом их пропагандистской деятельности и многолетних усилий по работе с молодежью, они изначально не рассматривали в своих программах и оказались не готовы поддержать такие радикальные методы борьбы за свои идеи.

Целями и задачами движения изначально являлись культурная, политическая и экономическая самостоятельность Хорватии в рамках Югославии. Затем они трансформировались в планы по созданию в республике национальной армии, проведения независимой

внешней политики, свободной финансовой деятельности, политического переустройства. Обсуждение вопросов суверенитета, формулировки, использованные в работе над конституционными поправками, а также радикальные требования в ходе студенческой забастовки 22 ноября — 3 декабря 1971 г. о вхождении Хорватии в ООН дают основание считать, что конечной целью хорватского «массового движения» конца 1960-х — начала 1970-х гг. являлось создание самостоятельного независимого государства. «Массовое движение» прошло эволюцию от чисто национального к националистическому, а отношение к нехорватскому населению позволяет говорить и о присутствии в нём элементов шовинизма. Планы отделения от Югославии, создание нелегального комитета и связи с усташеской эмиграцией обусловили его сепаратистский и антиконституционный характер.

Составляющими силами «массового движения» стали общественная организация Матица хорватская во главе со своими идеологами М. Веселицей, Ш. Джоданом, В. Готовцем, часть СКХ во главе с С. Дабчевич-Кучар и М. Трипало, которая вначале поддержала, а в дальнейшем документально закрепила его существование в партийных документах и возглавила «массовое движение», а также Участниками движения на первом этапе выступили также преподаватели кафедр лингвистики и филологии Загребского университета, а впоследствии — студенты во главе со своими лидерами Д. Будишей и А. Параджиком.

Анализ структуры движения, его численности, степени вовлеченности в его орбиту различных частей общества позволяет сделать вывод о том, что хорватское «массовое движение» в действительности не было массовым, как это старались представить его лидеры. Оно, безусловно, являлось одним из этапов осуществления хорватской национальной идеи, отражало национальные чаяния многих хорватов, но во многом из-за его ярко выраженных националистических настроений мобилизовать все хорватское общество в 1960–1970-е гг. не удалось. Если говорить о социальном составе движения, то в нем участвовал достаточно узкой круг интеллектуальной элиты из числа писателей, журналистов, художников и учёных-гуманитариев, часть партийного и республиканского руководства республики, а также преподаватели и студенты Загребского университета. Ни рабочие, ни служащие, ни крестьяне в ходе хорватского движения себя не проявили.

«Массовое движение» не смогло бы появиться, развиваться и так относительно долго продержаться в условиях однопартийной авторитарной системы без поддержки партийного руководства Хорватии и главы союзного государства И. Броз Тито. Инициативность хорватских коммунистов, их заверения о готовности как можно быстрее провести намеченные реформы, решить внутренние проблемы вызывали у главы государства большую симпатию. И. Броз Тито долго наблюдал за их деятельностью, поддерживал ее и устранился от резкой критики. Он даже защитил хорватов от обвинений в связях с усташеской эмиграцией, не потребовал от них объяснений в связи с информацией спецслужб о существовании в Хорватии некоего нелегального контрреволюционного комитета. Рубежом стал 1971 г., когда И. Броз Тито увидел в «массовом движении» реальную угрозу целостности партии, страны и, наконец, личной власти. Ответной реакцией главы государства стали решительные меры по свертыванию движения, в том числе и силовыми методами.

Причинами свертывания хорватского «массового движения» стали сепаратистский и националистический характер проводимой в Хорватии политики, спровоцировавшей рост межнациональной напряженности, конфликты с остальными югославскими республиками, союзными органами и Югославской Народной Армией, а также нежелание молодых хорватских лидеров идти на компромисс, то есть изменить взятый политический курс, провести аресты представителей националистических кругов. Поражению хорватского движения способствовали и конфликты внутри руководства СКХ, закончившиеся расколом среди коммунистов на «молодых» и «старших», их прямым противостоянием поколений, которое угрожало разделить население республики на два враждующих лагеря. Окончательно судьба «массового движения» была решена руководством СФРЮ тогда, когда появилась информация о связях хорватского руководства с усташеской эмиграцией и существовании в Хорватии контрреволюционного нелегального комитета «пятидесяти», в список которого попали почти все крупные политические и общественные деятели Хорватии.

Рассматривая последствия хорватского «массового движения» можно констатировать, что в который раз в хорватской истории была озвучена хорватская национальная идея на сей раз в условиях социалистического режима. Начавшись в форме движения за права хорватского литературного языка, она постепенно приобрела

националистический, а впоследствии и антиконституционный характер.

Для СФРЮ хорватское «массовое движение» явилось источником политической нестабильности и межнациональной напряженности. В результате, из-за боязни распада страны произошел всплеск идеологической работы в СКЮ, создание коллективного органа управления страной, но в тоже время и усиление самостоятельности республик, закрепленное в Конституции 1974 г., которую рассматривали, как возможность достичь компромисса мирным путем.

Для самой Хорватии «массовое движение» стало показателем того, что хорватская национальная идея не утратила своей актуальности и была способна в определенных исторических условиях стать основой для сплочения заинтересованных в ней сил. Для многих хорватских политических деятелей события конца 1960-х — начала 1970-х стали хорошей школой и мотивом для дальнейшей борьбы за создание независимого государства. В начале 1990-х гг. они успешно применили опыт «массового движения», его отработанные методы и средства, налаженные каналы связи с хорватской эмиграцией для создания независимого государства.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Архивные материалы

Архив Сербии и Черногории

1. F. 142, Savezna konferencija socijalističkog saveza radnog naroda Jugoslaviji (1947–1990)
2. F. 507, CK SKJ, III-152
3. F. 507, CK SKJ, III-153
4. F. 507, CK SKJ, XXVI-K2
5. F. 507, CK SKJ, IV/88, Prl.1
6. F. 507, CK SKJ, IV/92, Prl.1
7. F. 507, CK SKJ, IV/101, Prl.1
8. F. 507, CK SKJ, IV-K.18, 41
9. F. 507, CK SKJ, VIII/VII-2b, 218

Архив Республики Словении

10. F.1589, IK CK SKS. Š. 60
11. F. 1589, IK CK SKS. Š. 66
12. F. 1589, CK SKS. Š. 27
13. F. 1589, Predsenikova dejavnost. Š. 22
14. F. 1589, IK CK SKS. Š. 37
15. F. 1589, IK CK SKS. Š. 38
16. F. 1277, Rodbinski fond Edvard Kardelj. Š. 4
17. F. 1931, Republiški Sekretariat za notranje zadeve SRS. Š. 1404

Хорватский государственный архив

18. F. CK SKH. Zavod za Migracije i naronosti. Kraci osvrt programa neprijateljske emigracije prema SFRJ. — D 4351 16
19. F. CK SKH. Magnetofonski zapisnik sa 28 sjednice Centralnog komiteta Saveza kimunista Hrvatske 8/05/1972.- D 6004
20. F. CK SKH. Prijedlog zadataka i mjera koje na sastanku sa pokitickim rukovidstvom hrvatske za SKH proizlaze iz unodnig I zavesnog izlaganja druga Tita i zakjucaka na 21 sjednici Predsjednistva SKJ. Kao i na osnovi govora druga Tita.—D 6023

21. F. CK SKH. Komisija CK SKJ za pitanja društveno- političkih odnosa. – D 3228
22. F. CK SKH. Autorizovane stenografske beleške sa 21 sednice Predsedništva SKJ 1.12.1971, – Str. pov. 363
23. F. CK SKH. Izvodi iz uvodnog izlaganja Eme Dorosi na Petoj sjednice Konferencije SKH, – D 363/3,4
24. F. CK SKH. Izvodi iz govora V. Bakarića na sjednice MOK SKH, Bjelovar 7.12.1971 – Pov.D 864/2
25. F. CK SKH. Reč predsendnika Tita na kraju sastanku sa rukovodstvom SKH. – D 363
26. F. CK SKH. Izvodi iz razgovora V. Bakarića s redakcijom „Komunista“ 30.12.1971 – Pov. 864/1
27. F. CK SKH. Sjednica PSSH poslje početka studentskog štrajka 30.11.1971 – Str.pov. 867/9
28. F. CK SKH. Reč druga Tita na sastanku sa Izvršnim komitetom u Vili „Zagorje“ u Zagrebu 4.07.1971 – Str.pov. 867/4
29. F. CK SKH. Magnitofonska zapis razgovora u CK SKH 21.02.1972 – Str. pov. 867/3
30. F. CK SKH. Neki elementi političke procene prisutnosti nacionalista u Savezu komunista i drugim strukturama općine Split – D 6118
31. F. CK SKH. Javno mnijenje stanovništva SR Hrvatske u 1971 g. – D 5328
32. F. CK SKH. Javno mnijenje stanovništva SR Hrvatske u lipnju 1970 g. – D 4823
33. Reagiranje jednog djela hrvatske emigrantske štampe na X plenum CK SKH, 11.03. 1970. – D 4092
34. F. CK SKH. Redžić E. Birokratija, centralizam i jugoslavenstvo. Sarajevo 15.02.1966. – D 5258, Odjek 4. S. 1,4–5
35. F. CK SKH. Govor predsednika SKJ J. Broza Tito na nitingu 10.10.1969 u Zagrebu // Bilten službe za informaciju. Zagreb. okt. 1969, – D 3843
36. F. CK SKH. Savetovanje “Odnos kasnog i nacionalnog u suvremenom socijalizmu“ 19–21 marta 1970 g. – D 4290
37. F. CK SKH. Planinc M. Izvori i snage kontrevoljucije u našoj zemlje.- D 5893
38. F. CK SKH. Informacija o raspravama o Matice hrvatskoj u prosincu 1971 g.- D 5817
39. F. CK SKH. Materijal komisije za društveno-politički sistem i međjunacionale odnose CK SKH.- D 5781
40. F. CK SKH. 24 sjednica CK SKH 25.12.1971 g.- D 5762
41. F. CK SKH. 19 sjednica CK SKH 5.11.1971 g – D 5716
42. F. CK SKH. Informacija o predavanju Dr. M. Veselice u Makarskoj 6.04.1971 g. – D 5481

43. F. CK SKH. Komisija za društveno-politički sistem i međunacionalni odnose CK SKH. — D 4781
44. F. CK SKH. Sastanak za grupom kulturnih radnika koji je održan u CK SKH 19.06.1969 g. — D 4349
45. F. CK SKH. Sastanak sa knježevnicama u CK SKH 12.05.1969 g. — D 4348
46. F. CK SKH. Sastanak sa lingvistima u CK SKH 13.05.1969 g. — D 4347
47. F. CK SKH. Priprema za II sjednicu Konferencije SKH 1970 g. — D 4306
48. F. CK SKH. CK SKH. Razgovor S. Dabčević-Kučar sa novinarima, radio i televizija Zagreba u CK SKH. 1969 g. 27. maja. — D 3678
49. F. CK SKH. Bilten Predsedništva Saveza komunista Jugoslavije № 5. 1969. — D 3999 49
50. Личный архив Лиляны Булатович предоставлен д.и.н. Гуськовой Е.Ю.

Опубликованные сборники документов

51. Babić G. Jugoslavija u Hrvatskoj. Beograd: 2000. 215S.
52. Bošković J. NDH drugi put. Beograd: 1999. 468 s.
53. Blečić M., Dolenc I. Slučaj Zanko. Beograd: 1986. S.
54. Britance odušeli Titova odluka da slomi Hrvatsko proljeće // Режим доступа: Tajni britanski dokumenti o Hrvatskom proljeću. Urednik M. Dilas // <http://nacional.hr/hr/articles/view/12886>
55. Dabčević-Kučar S. SKH u političkoj akciji. Zagreb: 1971. 111 s.
56. Deveti Kongres SKJ. Dokumenti. Beograd: 1969. 447 s.
57. Jedanaesti Kongres saveza komunistov Jugoslavije. Dokumenti. Beograd: 1978. 542 s.
58. Geneza maspoka u Hrvatskoj. Kesar J., Bilbija Đ., Stefanović N. Beograd: 1990. 1202 s.
59. Korsky I. Hrvatski nacionalizam. Zagreb: 1991. 400 s.
60. Nacrt izvještaja za XXII izbornu konferenciju SK Hrvatske. Zagreb: 1973. 24 s.
61. Osnovni zadaci i programi rada Sabora SR Hrvatske, Vjeća Sabora, odbora i komisija Sabora, Zagreb: 1970. 145 s.
62. Petranović. B., Zečević M. Jugoslavija 1918–1984. Zbirka dokumenata. Beograd: 1985. 1144 s.
63. Savez komunista Hrvatske. Centralni komitet. Sjednica (28, Zagreb, 1972), Izvještaj o stanju u Savezu komunista Hrvatske u odnosu na prodor nacionalizma u njegove redove (usvojen na 28 sjednici CK CKH, 8. svibnja 1972). Zagreb: 2003. 314 s.
64. Savez komunista Jugoslavije i politika nacionalne ravnopravnosti na osnovama socijalističkog samoupravljanja. Izbor tekstova. Beograd: 1989. 319 s.
65. Savez komunista Hrvatske. Izborna konferencija. Zagreb: 1973. 96 s.

66. Sjeća Hrvatske u Karađorđevu 1971: 21 sjednica. Autorizarani zapisnik. Glavni odgovorni urednik Pišković M., Zabreb: 1994. 363 s.
67. Uvodna reč predsednika Tito i autorizavane stenografske beleške sa Sedamnaeste sednice Predsedništva Saveza komunista Jugoslavije — 28–30 aprila 1971 g. // Prilog biltenu Br. 31, Beograd: 1972. 223 s.
68. Конституции социалистических государств: Сборник. В 2-х томах / Под ред. Б.А. Страшуна, Б.Н. Топорнина, Г.Х. Шахназарова, Т. 2. — М.:1987 // Режим доступа: <http://www.sovetika.ru/sfrj/konstst.htm>
69. Тито Броз И. Избранные статьи и речи. М.: 1987. 617 с.

Материалы периодических изданий и информационных агентств

70. Бакарич В. Выступление в Загребе, опубликованное в газете «Виесник» // ИТАР — ТАСС. 17.09.1970 г.
71. Басара Д. Ђодан, Веселица — друга страна барикаде // НИИ. 1.08.1971. С. 15–16
72. Басара Д. Ђодан, Покрет оставки // НИИ. 26.12.1971. С. 13–15
73. Басара Д. Покрет и опозиција // НИИ. 14.10.1971. С. 11–13
74. Даутовић С. Ко је у праву о правопису // НИИ. 10.10.1971. С. 15–17
75. Джилас М. Ослабнет ли Југославија после Тито”. Њу-Јорк Тајмс в Белграде // ИТАР — ТАСС. 30.10.1970 г.
76. Живковић Р. Старе и нове конфронтације. Студенти // НИИ. 29.08.1971. С. 12–15
77. Ковачевић В. Афирмација републичке и националне државности // Вјесник. 27.11.1970. С. 6
78. Милатовић В. Manipuliranje nacionalnim za druge ciljeve // Вјесник. 29.12.1970. С. 5
79. Милетић В. Акција уместо оставки // НИИ. 02.01.1972. С. 18–20
80. Милетић В. Пуч који то није // НИИ. 11.04.1971. С. 14–16
81. Мишковић М. Puna podrška politici СК СК Хрватске // Вјесник. 21.11.1969. С. 4
82. Мишовић М. За кога ради време // НИИ. 11.07.1971. С. 9–10
83. Мишовић М. Хрватска опредељења // НИИ. 17.10.1971. С. 13–15
84. Мишовић М. Јасне границе // НИИ. 25.07.1971. С. 9–10
85. Мишовић М. Јединство и разлике // НИИ. 11.07.1971. С. 9–10
86. Мишовић М. Од национализације до федерализације // НИИ. 18.04.1971. С. 13–14
87. Мишовић М. Републике у државном костиму // НИИ. 3.10.1971. С. 9–11
88. Стојановић П. Арифметика једног фонда // НИИ. 07.06.1970. С. 10–11

89. Стојановић П. Плус и минус у каси федерације // НИН. 05.04.1970. С. 11–12
90. Ђорђевић Ж. Амандмани и национализам // НИН. 11.04.1971. С. 13–14
91. Ђорђевић Ж. За и против // НИН. 16.03.1971. С. 9–10
92. Ђорђевић Ж. На чврстом тлу // НИН. 23.07.1972. С. 9–10
93. Ђорђевић Ж. Од АВНОЈА до амандмана // НИН. 1.08.1971. С. 9–12
94. Ђорђевић Ж. Политички инвентар // НИН. 1.08.1971. С. 13–14
95. Ђорђевић Ж. Разговор о федерацији // НИН. 21.06.1970. С. 5–6
96. Остојић С. Две матице — два речника // НИН. 29.11.1970. С. 11–14
97. Остојић С., Басара Д. Хрватска у променама // НИН. 11.07.1971. С. 10–11
98. О настроениях в Хорватии. Сообщение Франс Пресс // ИТАР — ТАСС. 23. 02. 1970 г
99. Ситуация в Хорватии. Сообщение Нью-Йорк Таймс // ИТАР — ТАСС, 5.02.1970 г.
100. Шта значи: «национално неопредељен»? // НИН. 05.04.1970. С. 9–10
101. Bakarić V. Promene osnovnih faktora društvenog sistema dat će novog zamaha i poleta razvoju bratskih odnosa naših naroda. Izlaganje na VII plenumu СК СК Хрватске // Борба, 29.04.1967, С. 4–5
102. Ribičić M. Zbunjenost nacije ili zbunjenost komunista // Ekonomska politika, 08.04.1967, С. 423–424
103. Тито Броз И. Интервью газете “Виесник” // Югославия — актуальные проблемы общественного развития. М.: 1977. 236 С.
104. Тито Броз И. Политика неприсоединения выражает интересы всего человечества // Югославия — актуальные проблемы общественного развития. М.: 1983. 264 С.
105. Tripalo M. Odlučno razgraničenje s etatistima, separatistima i tehnokratskim snagama // Vjesnik, 23.8.1971. С. 3
106. Tripalo M. Osnova bratstva i jedinstva u zajedničkom klasom socijalističkom interesu svih radnih ljudi Jugoslavije // Vjesnik. 7.11.1970. С. 3
107. Tripalo M. Ovaj naš pokret izravno je nasljednik i nastavak masovnog pokreta iz NOV i socijalističke revolucije // Vjesnik, 26.08.1971. С. 5
108. Haramija D. Naša platforma je platforma SKJ čiji smo sastavni dio, a ne izvojeno i s nekom posebnom linijom // Vjesnik. 20.01.1970. С. 4

Мемуары

109. Baletić M. Hrvatska simultanka: prsinac sedamdeset prve. Zagreb: 2003. 366 s.
110. Bilanžić D. Povijest izbliza. Memuarski zapisi 1945–2005. Zagreb: 2006. 738 s.

111. Bilandžić D. Propast Jugoslaviji i stvaranje moderne Hrvatske. Zagreb: 2003. 580 s.
112. Bilić J. '71 koja je to godina. Zagreb: 1990. 328 s.
113. Булатовић Л. Исповести. Београд: 1995. 315 С.
114. Gotovac. V. Moj slučaj. Ljubljana; Zagreb: 1989. 208 s.
115. Dabčević-Kučar S. '71 hrvatski snovi i stvarnost. Zagreb: 1997. 2 sv.
116. Ђађић П. Нова усташка држава? Од Анте Старчевића до Павелића и Туђмана. Београд: 1991. 78 s.
117. Kastratović D. Proljeće moderne Hrvatske. Zagreb: 2002. 330 s.
118. Миладиновић И. Тајна и опомена: 1968.: тридесет пет година касније: Све модрице студентске револуције. Београд: 2003. 179 С.
119. Nikezić M. Srpska krhka vertikala. Beograd: 2003, 343 s.
120. Perović L. Ljudi, događaji i knjige. Beograd: 2000. 250 s.
121. Тетро Вукмановић С. Зашто се и како распала Југославија. Београд: 1996. 389 с.
122. Tripalo M. Hrvatsko proljeće. Zagreb: 1990. 267 s.
123. Tripalo M. Bez kompromisa u ostvarivanju samoupravnog socijalizma. Zagreb, 1969
124. Tripalo M. S poprišta. Zagreb: 1971. 404 s.
125. Tuđman F. Nationalism in contemporary, Boulder: 1981. 293 P.
126. Šentija J. Razgovori s Mikom Tripalom o hrvatskom proljeću. Zagreb: 2005. 187 s.
127. Šošić H. Slom hrvatskog komunističkog proljeća 1971. Zagreb: 1997. 311 s.
128. Vrhunec M. Šest godina s Titom: (1967–1973): pogled s vrha i izbliza. Zagreb: 2001. 375 s.
129. Ћосић Д. Пишчеви записи (1951- 1968). Београд: 2000. 419 с.

Интервью, доклады

130. Bakrač V. Croatian, Belgrade: 1976. 255 P.
131. Bilandžić D. 1971 godina u Hrvatskoj // В кн.: Prekinuta šutnja: ljudi iz 1971 g. Zagreb: 1990. S. 9–21
132. Bogavac D. Daleko je istina. Beograd: 1971. 87 s.
133. Bosnić P. Sveučilište u burnim danima sedamdesetih godina // Hrvatska obzorja. 1996. № 4. S. 763–764
134. Bošković I. Hrvatsko proljeće i splitski kulturni život // Hrvatska obzorja. 1996. № 4. S. 765–767
135. Bošković I. Hrvatsko proljeće: 1971–1996 // Hrvatska obzorja. 1997. № 1. S. 9–12
136. Budak S. Nije se smjelo reći da si Hrvat // В кн.: Prekinuta šutnja: ljudi iz 1971 g. Zagreb: 1990. S. 171–187

137. Budiša D. Razum i tolerancija // В кн.: Prekinuta šutnja: ljudi iz 1971 g. Zagreb: 1990. S. 239–249
138. Cviić K. Hrvatska 1971 — jedan pogled izvana // Erasmus. 1996. № 15. Str. 28–32
139. Gotovac V. Moj slučaj // В кн.: Prekinuta šutnja: ljudi iz 1971 g. Zagreb: 1990. S. 23–47
140. Gotovac V., Budiša D. Razgovori o slobodnoj Hrvatskoj. Zagreb: 1991. 352 s.
141. Drago T. Hratsko proljeće i Matica Hrvatska // Našički zbornik. 1999, № 4. 274 s.
142. Dujčić A. Hrvatsko proljeće: program i dosezi // Hrvatska obzorja. 1996, № 4. S. 791–792
143. Dabčević – Kučar S. Hteli smo Evropu dovesti u Hrvatsku // Prekinuta šutnja: ljudi iz 1971 g. Zagreb: 1990. S. 279–311
144. Dabčević – Kučar S., Gotovac V., Budiša D. Nakon četvrt stoljeća // Erasmus. 1996. № 15, S. 9–22
145. Dragović M. Hrvatsko proljeće masovni pokret hrvatskog naroda // Hrvatska obzorja. 1996, № 4, S. 781–790
146. Jelavić A. O zbivanjima na splitskom Pravnom i Ekonomskom fakultetu // Hrvatska obzorja. 1996, № 4. S. 797–798
147. Đilas A. Razgovori za Jugoslaviju. Novi Sad: 1993
148. Džeba K., Novak B. Zašto se godila '71 // В кн.: Prekinuta šutnja: ljudi iz 1971 g. Zagreb: 1990. S. 259–278
149. Dodan Š. Kako sam zaveo Savku i Tripala // В кн.: Prekinuta šutnja: ljudi iz 1971 g. Zagreb: 1990. S. 355–367
150. Haramija D. Nisam želio biti statist // В кн.: Prekinuta šutnja: ljudi iz 1971 g. Zagreb: 1990. S. 313–354
151. Kriste P. Titov nezaobilazni poticaj // В кн.: Prekinuta šutnja: ljudi iz 1971 g. Zagreb: 1990. S. 369–391
152. Petrinović I. Hrvatsko proljeće: drugi hrvatski preporod // Hrvatska obzorja. 1996, № 4, S. 811–814
153. Petrić D. Hrvatsko proljeće u Splitu godine 1971 // Hrvatska obzorja. 1996, № 4, S. 807–810
154. Roboteg M. Vrijeme romantike i preporodnog zanosa o hratskom proljeću u Splitu // Hrvatska obzorja: 1996, № 4. S. 821–830
155. Rudolf D. Tisuću devetsto sedamdeset i prva // Hrvatska obzorja. 1996, № 4. S. 831–837
156. Steindorff L. Hrvatsko proljeće socijalni pokret u socijalističkom društvu // Smotra, 1997, № 5/6. S. 147–151
157. Super I. Pobjeda grupe crvenih radikala // В кн.: Prekinuta šutnja: ljudi iz 1971 g. Zagreb: 1990. S. 145–162

158. Tripalo M. *Bilo je to za Jugoslaviju* // В кн.: *Prekinuta šutnja: ljudi iz 1971 g.* Zagreb: 1990. S. 49–84
159. Tripalo M. *Hrvatski nacionalni program – počeci pluralizma* // *Era-smus*. 1996. № 15, Str.23–27
160. Trošelj D. *Hrvatsko proljeće i Matica hrvatska* // *Hrvatska obzorja*. 1996, № 4, S. 71–81
161. Tuđman F. *Hrvatska povijest je moja povijest* // В кн.: *Prekinuta šutnja: ljudi iz 1971 g.* Zagreb: 1990. S. 189–218
162. Šošić H. *Godina 1971* // *Hrvatska obzorja*. 1997, № 5. S. 13–36
163. Šošić H. *Istine o dr- Franje Tuđmane*. Zagreb: 2003, 3sv.
164. Šošić H. *Hrvatski tjednik u 1971 g.* // *Kolo Matice Hrvatske*. 1994, № 11/12. S. 1163–1190
165. Šute I. *Hrvatski književni list – između slobode i zabrane* // *Hrvatski zbornik*. 1999. № 52. S. 71–104
166. Čičak I.Z. *Bio sam dogmatik i manipulator* // В кн.: *Prekinuta šutnja: ljudi iz 1971 g.* Zagreb: 1990. S. 85–116
167. Čutuk D. *Moja sjećanja na 71* // *Hrvatska obzorja*. 1996, № 4. S. 775–780
168. Vesilica M. *Milošević nije srpski Tripalo* // В кн.: *Prekinuta šutnja: ljudi iz 1971 g.* Zagreb: 1990. S. 219–227
169. Vrkić I. *Najmlađi u Karadorđevu* // В кн.: *Prekinuta šutnja: ljudi iz 1971 g.* Zagreb: 1990. S. 163–169
170. Vuić J. *Dokumenti i sjećanja*. Petrinja: 1996. 304 s.
171. Zultikarpašić A., Gotovac V., Tripalo M., Banac I. *Okovana Bosna*. Rasgovor. Zurich: 1996. 170 s.
172. Waller J. *Hrvatsko proljeće u našučka zbivanja godine 1971* // *Našički zbornik*. 1999, № 4, S. 11–111

Историография

173. Antić L. *Nacionalna ideologija jugoslavenstva kod hrvata u dvadesetom stoljeću* // *Znanstveni skup «Hrvatska politika u dvadesetom stoljeću»*. Matica hrvatska 27–29. 04.2004. Zagreb: 2006, 491 s.
174. Antić L. *Hrvatska politika u 20 stoljeću* // *Hrvatska revja*. 2001. № 1. S. 20–36
175. Arzenšek V. *Struktura i pokret*. Sa slovenačkog preveo M. Dorđević. Beograd: 1984. 142 S
176. Bakarić V. *Društvene klase, nacija i socijalizam*. Zagreb: 1976. 250 s.
177. Bilandžić D. *Hrvatska: Zadanosti i usmjerenja*. Zagreb: 1992. 141 s.
178. Bilandžić D. *Hrvatska moderna povjest*. Zagreb: 1999. 836 s.
179. Bjelajac M. *Karakter jugoslavenskog centralizma u svjetlu analize tajne sednice izvršnog komiteta Centralnog komiteta Saveza komunista Jugoslavije*

- marta 1962 godine // Dijalog povjesničara- istoričara, Zagreb: 2002. 20–22 septembra, S. 373–390
180. Boban L. Croatian borders: 1918–1993. Zagreb: 1993. 68 s.
181. Bujan K. Uspion, vrhunac i pad pokreta „Hrvatsko proljeće“ – o njegovim akterima, najvažnijim događajima i utjecaju na kasnija zbivanja u Jugoslaviji i Hrvatskoj – Zagreb: Sveučilište u Zagrebu, Filozofski fakultet, Odsjek za sociologiju // <http://infoz.ffzg.hr> Društveni računi SR Hrvatske. Zagreb: 1974
182. Cenčić V. Titova posljednja ispovijest. Grafals: 2001. 309 s.
183. Džoić D. Federalističke teorije i hrvatska država. Zagreb: 1998. 184 s.
184. Enciklopedija leksikografskog zavoda, Zagreb: 1962. 6 Sv.
185. Enciklopedija Jugoslavije. Zagreb: 1984. 5 Sv.
186. Zdodić E. Titova nacionalna politika: temeljni pojmovi načela i vrednosti. Sarajevo: 2000. 448 s.
187. Istorija Saveza komunista Jugoslavije. P. Morača, Dr. D. Bilandžić, Dr. S. Stojanović. Kratak pregled // Beograd: 1976. 346 s.
188. Jandrić B. Izbor iz inozemnog tiska o studentskih demonstracija u Jugoslaviji 1968 godine // Dijalog povjesničara- istoričara, Zagreb: 2001. 5–7 listopada, S. 297–313
189. Jandrić B. Pogledi na Deklaraciju o nazivu i položaju hrvatskog književnog jezika // Povjesni prilozi. 1999. № 18, S. 325–371
190. Jandrić B. Sveučilišni nastavnici Filozofskog fakulteta u Zagrebu u obrani sastavljača i potpisnika Deklaraciji o nazivu i položaju hrvatskoga knjiženog jezika // Dijalog povjesničara- istoričara, Zagreb: 2000. 20–22 oktobra, S. 393–409
191. Jandrić B. Stajalište članova SKH Filozofskog fakulteta u Zagrebu u povodu studentskih nemira od 3 do 11 lipnja 1968 g. // Časopis za avremenu povjest. 2002. № 1. S. 7–40
192. Knezović M. Štraik hrvatskih sveučilistaraca u jesen 1971 u onodobnom tisku // Zagreb: Radovi zavoda za povjest znanosti FF. 1995. Vol.28. S. 230–241
193. Identitet: srbi i / ili jugoslaveni. Svetlana Ljuboja. Beograd: 2001. 214 S
194. Jandrić B. Uloga Matici hrvatske u događajima 1971 godine // Dijalog povjesničara- istoričara, Zagreb: 2002. 20–22 septembra. S. 415–433
195. Jandrić B. Stajališta hrvatske komunističke emigracije u Hrvatskom proljeću u najznačajnijem emigrantskom časopisu Hrvatskoj reviji // Časopis za avremenu povjest. 2003. № 2. Str.431–461
196. Kujundžić M. Dizdar Z. Hrvatska borba za opstojnost 1918–1998. Zagreb: 2000. 428 s.
197. Kisić-Kolanović N. Andrija Hebrang (1899–1949): iluzije i otrežnjenja. Zagreb: 1996. 244 s.
198. Komarica Z. Uznički zapisi 72. Zagreb: 1999. 332 s.
199. Klasuč H. Hrvatsko proljeće u Sisku. Zagreb: 2006. 218 s.
200. Lopusinski I. Ostati na nogama: sjećanja na 1971–72 gg. // Hrvatska obzorja. 1996, № 4. S. 803–806

201. Marković P. J. Studentski pokret u Jugoslaviji 60-tih godina 20 veka: između nacionalizma i internacionalizma, između reformizma i dogmatizma // *Dijalog povjesničara-istoričara*, Zagreb: 2002. 20–22 septembra. S. 393-413
202. Matković H. Memoarska literatura o hrvatskome nacionalnom pokretu 1971 godine // *Časopis za savremenu povijest*. 2008, br.3. S. 293–306.
203. Matković H. *Povjest Jugoslavije: 1918–1991*. Zagreb: 2003. 444 s.
204. *Nepoznata istina o crnom danu za hrvatske domoljube*. Zagreb: 2002. 260 s.
205. Obad S. *Hrvatsko proljeće godine 1971 // Zadarska smotra*. 2001, № 50, S. 143–452
206. Obradović M. Društveni koreni komunističke partijske elite u Jugoslavije posle Drugoga svetskog rata // *Istorijski zapisi*, Podgorica: 1999. br.4–5. S. 377–389
207. Omrčanin I. *Hrvatska i hrvatski komuniste*. Zagreb: 1976. 134 s.
208. Petrinović I. *Hrvatsko proljeće: drugi hrvatski prepород // Hrvatska obzorja*. 1996, № 4. S. 811–814
209. Perić I. *Godine koje će se pamtiti*. Zagreb: 1995. 188 s.
210. Perić I. *Hrvatska državotvorna misao u XIX –XX stojeću*. Zagreb: 2002. 521 s.
211. Perić I. *Hrvatska i mir u XX stoljeću*. Zagreb: 1996. 219 s.
212. Perić I. *Savremeni hrvatski nacionalizam*. Zagreb: 1984. 318 s.
213. Perić I. *Suverena i samostalna Republika Hrvatska. Kronika važnih zbivanja*, Zagreb: 2007. 315 s.
214. Perić J. *Ideje «Masovnog pokreta» u Hrvatskoj*. Zagreb: 1974. 274 s.
215. Pirjevec J. *Jugoslavija 1918–1992. Nastanak, razvoj ter razpad Karađorđevićeve in Titove Jugoslavije / Jože Pirjevec*. Koper: 1995. 462 s.
216. *Političko angažovanje u jugoslavenskom društvu*. Urednik Z. Sekulić. Beograd: 1985. 325 s.
217. Ponoš. T. *Na rubu revolucije- studenti '71*. Zagreb: 2007. 219 s.
218. *Privreda SR Hrvatske*. Beograd: 1985. 996 s.
219. Pušić V. *Korijeni hrvatskog političkog identiteta // Erasmus*. 1996. № 15. S. 3–8
220. Radelić Z. *Hrvatska seljačka stranka:1941–1950*. Zagreb: 1996. 256 s.
221. Radelić Z. *Hrvatska u Jugoslaviji 1945–1991.: od zajedništva do razlaza*. Zagreb: 2006. 702 s.
222. Sirotković J. *Hrvatsko gospodarstvo privredna kretanja i ekonomska politika*. Zagreb: 1996. 289 s.
223. Sirotković J. *Hrvatsko gospodarstvo: privredna I ekonomska politika*. Zagreb: 1996. 287 s.
224. *Socijalistička Republika Hrvatska*. Zagreb: 1982. 96 s.
225. Spehnbjak K. *Izbori u Hrvatskoj 1967 i 1969 // Časopis za savremenu povijest*. Zagreb: 1998, № 30, S. 317–346.

226. Spehnjak K. Javnost i propaganda. Narodna fronta u politici i kulturi Hrvatske 1945–1952. Zagreb: 2002. 725 s.
227. Spehnjak K. Većeslav Holjevac u političkim događajima u Hrvatskoj 1967 godine // Časopis za savremenu povijest. Zagreb: 2000. № 32. S. 567–593.
228. Starčević F. 1971 i oko nje. Mrkopalj: 2004. 81 s.
229. Strižić J. Hrvatski portreti. Zagreb: 1996. 406 s.
230. Supek I. Promošaji i nade. Zagreb: 1997. 152 s.
231. Supilo F. Politika u Hrvatskoj. Zagreb: 1953.
232. Šute I. 1971 g. kao uvod u 1991 g. // Znanstveni skup «Hrvatska politika u dvadesetom stoljeću». Matica hrvatska 27–29. 04.2004. Zagreb: 2006. 491 s.
233. Šuvar S. Ideje “masovnog pokreta” u Hrvatskoj. Zagreb: 1974.
234. Šuvar S. Nacije i međunacionalni odnosi u Socialističkoj Jugoslaviji. Zagreb: 1970. 169 s.
235. Šuvar S. Nacionalno i nacionalističko. Split: 1974. 397 s.
236. Tuđman F. Bespuča povijesne zbiljnosti. Zagreb: 1989. 508 s.
237. Tuđman F. Misao hrvatske slobode: od nacionalne ugroženosti do državne samostalnosti. Zagreb: 1997. 567 s.
238. Tuđman F. Nacionalno pitanje u suvremenoj Europi. Zagreb: 1996. 397 s.
239. Tuđman F. Nationalism in contemporary. Boulder: 1981. 293 P.
240. Tuđman F. Povjesna sudba naroda. Zagreb: 1996. 524 s.
241. Tuđman F. Velike ideje i mali narode. Zagreb: 1970. 559 s.
242. Velika podvala: Cenčić podmeće Titu izmišljene stenogramе: zbornik radova i dokumenata / redakcioni odbor Anić Nikola. Beograd: 2003. 472 s.
243. Vukov V. Tvoja zemlja: sjećanja na 1971 g. Zagreb: 2003. 104 s.
244. Vuković Z. Od deformacija SDB do maspoka i liberalisma: Moji stenoografski zapisi 1966–1972 godine. Beograd: 1996. 400 s.
245. Višnić F. Slom srpskih liberala, tehnologiji političkih obračuna J. Broza. Zagreb: 1990. 330 s.
246. Vučić P. Politička sudbina Hrvatske: geopolitičke i geostrateške karakteristike Hrvatske. Zagreb: 1995. 447 s.
247. 25 obljetinica boljševičkog udara i sjećanje na hrvatsko proljeće. Zagreb: 1997. 180 s.
248. Затирање срба у Хрватској. Приредио др. Б. Златар, Београд: 2008. 364 с.
249. Зечевић М. Прошлост и време: из историје Југославије. Београд: 2003. 582 с.
250. Историја Савеза комуниста Југославије. Аутори Ј. Плетерски, Д. Кецић, М. Васић, Б. Петрановић, Д. Биланђић. Београд: 1985. 487 с.
251. Косово и Метохија у великоалбанским плановима 1878–2000. Београд: 2001. С. 136
252. Милић Б. Велика Хрватска на српском тлу. Београд: 1992. 86 с.

253. Нова историја српског народа / приредио Душан Т. Батаковић. Београд: 2002. 381 с.
254. Перишић М. Развалине идеолошког раја. Београд: 1995. 333 с.
255. Продановић Ј. Први сукоби са хрватским националистима (сећања: живот и смрт др. Милоша Жанка) // Политика. 08.02.2000. С. 13
256. Продановић Ј. Критика Декларације о хрватском књижевном језику (сећања: живот и смрт др. Милоша Жанка 2) // Политика. 09.02.2000. С. 19
257. Продановић Ј. Политичка ликвидација у телевизијском преносу (сећања: живот и смрт др. Милоша Жанка 3) // Политика. 10.02.000. С. 17
258. Продановић Ј. Највећи фајаско у Титовој каријери (сећања: живот и смрт др. Милоша Жанка 4) // Политика. 11.02.2000. С. 17
259. Симоновић Ј. Веселин. Визионарство др. Милоша Жанко // Политика. 25.02.2000. С. 12
260. Срби у Хрватској: насељавање, број и териториални размештај. Уредник Рудић В. Београд: 1993. 278 С.
261. Темро Вукмановић С. Зашто се и како распала Југославија, Београд: 1996. 389 С.
262. Филип Ј. Подводни гребни на политика та: разговори со Крсте Црвенковски. Скопје: 1993. 167 с.
263. Аникеев А.С. И. Броз Тито — национальный герой? Аберрация идеологизированного сознания // В сб. Человек на Балканах в эпоху кризисов и этнополитических столкновений XX в. СПб.: 2002. С. 107–118.
264. Аникеев А.С. Как Тито от Сталина ушел: Югославия, СССР и США в начальный период «холодной войны» (1945–1957) . М.: 2002. 312 с.
265. Венедиктов Г.К. Языковой вопрос у славян на Балканах в недалеком прошлом и в настоящее время // В сб. Человек на Балканах в эпоху кризисов и этнополитических столкновений XX в. СПб.: 2002. С. 377–385.
266. Гуськова Е.Ю. Дискуссия о конституционной реформе в СФРЮ: взаимоотношения федерации, республик и краев — с. 103–126 \\ В сб. Югославия — актуальные проблемы общественного развития. М.: 1990. 175 с.
267. Гуськова Е.Ю. История Югославского кризиса (1990–2000). М.: 2001. 720 с.
268. Дурнев В.П. Национальный вопрос в партийно-государственных документах и специализированной литературе СФРЮ, с. 129–158 \\ в сб. Югославия — актуальные проблемы общественного развития. М.: 1983. 264С.
269. История южных и западных славян: в 2 т.: Учебник Т.2: Новейшее время / Под ред. Г.Ф. Матвеева, З.С. Ненашевой. М.: 1998, 272 с.
270. История южных и западных славян. Курс лекций. — М.:МГУ, -1979, -590 с.
271. История Югославии I –II тома, М.: 1963. 430 с.

272. Каменецкий В.М. Политическая система Югославии. М.: 1991. 120 с.
273. Кузьмичева Л. А. Проблемы функционирования югославского валютного рынка и формирования курса динара // в сб. Югославия: Актуальные проблемы общественного развития. М., 1986, Вып.8. 230 с.
274. Кузьмичева Л. А. Сия семейная вражда // Режим доступа: http://www.istrodina.com/rodina_articul.php3?id=181&n=11
275. Митрович М. Югославская действительность в анонимных посланиях Йосипу Броз Тито (1956–1966 годы) // Славяноведение. 2008. №3. С. 48–59.
276. На путях к Югославии: за и против. Очерки истории национальных идеологий югославянских народов. Конец XVII — начало XX вв. / Отв. редактор И.В. Чуркина. М.: 1997. 416 с.
277. Национальная политика в странах формирующегося советского блока (1944–1948) / Отв. ред. В.В. Марьина; Институт славяноведения. М.: 2004. 551 с.
278. Романенко С.А. Национальное сознание югославян Австро-Венгрии (конец XIX — начало XX века) // Институт экономики. Центр политических исследований. Москва. Режим доступа: http://eprints.tversu.ru/3569/1/3-22_%D0%98%D1%81%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%B8%D1%8F_2011_3.pdf
279. Романенко С. А. От Дуная до Адриатики // Режим доступа: http://www.istrodina.com/rodina_articul.php3?id=207&n=11
280. Романенко С.А. Типология процессов национального самоопределения // С сб. Общественные науки и современность, М.: 1999, №2. С. 66–74.
281. Романенко С.А. «Хорватская весна» и советско-югославские отношения на рубеже 1960–1970-х годов // Славяноведение. 2008, №3, С. 60–75.
282. Ромов Р.Б. Усташи: теория и практика борьбы за национальные интересы // в Сб. Югославянская история в новое и новейшее время. Материалы научных чтений, посвященных 80-летию со дня рождения профессора В.Г. Карасева (1922–1991). М.: С. 223–233.
283. Сизоненко В. Я. Этапы развития теории экономической системы самоуправления // в сб. Югославия: Актуальные проблемы общественного развития. М.: 1985. Вып.7. 211 с.
284. Силкин А.А. Королевство сербов, хорватов и словенцев: на пути к диктатуре. 1918–1929 гг. СПб.: 2008. 200 с.
285. Социалистическая Федеративная Республика Югославия / Гл. ред. О.Т. Богомолов. М.: 1985. 320 с.
286. Фрейдзон В.И. История Хорватии. Краткий очерк с древнейших времен до образования республики (1991 г.). СПб.: 2001. 318 с.
287. Чуркина И.В. Некоторые особенности славянского возрождения // В сб. Межрегиональная конференция славистов: Российское славяноведение в начале XXI в.: задачи и перспективы развития, М.: 2005. С. 151–164

288. Фрейдзон В.И. Нация до национального государства. Историко-социологический очерк Центральной Европы XVIII- начала XX. Дубна: 1999. 96 с.
289. Фрейдзон В.И. Далмация и хорватское национальное возрождение XIX в. К истории югославизма и его неудачи. М.: 1997. 164 с.
290. Croatia between war and independence / V.Čović, Dr.G.Nikić, J.Šentija. Zagreb: 1991. 91 P.
291. Gazi S. A history of Croatia, H.Y. New York:1973. 362 P.
292. Lampe R. John Yugoslavia as History. Twice there was a country. Cambridge: 1996. 421 s.
293. Nations and nationalism // ASEN, Journal of the Association for the study of ethnicity and nationalism. 2003, No 9 (1). S. 55–82.
294. Ramet P. Jugoslavia in the 1980s. L.: 1985. 354 P.
295. Ramet S.P. Nationalism and federalism in Yugoslavia: 1962–1991. Bloomington: 1992. 346 s.
296. Historijski mitovi na Balkanu. Zbornik radova. Sarajevo: 2003. 330 s.
297. Čuvalo A. Croatian nacionalism and the Croatian national movement (1956–72) in Anglo-American publications. New York: 1990. 20 s.
298. Čuvalo A. The Croatian national movement: 1956–72. New York: 1990. 275 s.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АВНОЮ – Антифашистское вече народного освобождения Югославии

АСЧ – Архив Сербии и Черногории

БиГ – Босния и Герцеговина

ИИРД – Институт истории рабочего движения

МС – Матица сербская

МХ – Матица хорватская

НГХ – Независимое государство Хорватия

НРХ – Народная республика Хорватия

ОПХ – Общество писателей Хорватии

СИВ – Союзное исполнительное вече

СКХ – Союз коммунистов Хорватии

СКЮ – Союз коммунистов Югославии

СКМЮ – Союз коммунистической молодежи Югославии

СМИ – средства массовой информации

ССТНЮ – Социалистический союз трудового народа Югославии

СФРЮ – Социалистическая Федеративная Республика Югославия

лавия

УГБ – Управление государственной безопасности

ХГА – Хорватский государственный архив

ХКП – Хорватская крестьянская партия

ХНКП – Хорватская народная крестьянская партия

ХПП – Хорватская партия права

ХРКП – Хорватская республиканская крестьянская партия

ЦК – Центральный комитет

ФНРЮ – Федеративная народная республика Югославия

ФРГ – Федеративная республика Германия

ЮНА – Югославская народная армия

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Анхард 23
- Бабич В. 99
- Бабич Г. 76
- Багрянородный К. 23
- Бакарич В. 6, 15, 52, 53, 63, 73, 75, 76,
80–82, 88, 101, 102, 105, 109–111,
113, 121, 123, 124, 127, 128, 131,
136, 141, 142, 145, 148, 149, 154,
156, 157, 161, 162, 166, 167, 168,
169, 174, 180, 182, 185, 193, 194,
195, 196, 198, 200–202, 206, 208,
209, 215, 218–221, 225, 227, 232,
233, 238, 239, 241–244, 254, 256,
257, 261, 263, 266, 267, 268, 274–
279, 283, 288, 291, 306, 314
- Бакрач Б. 122, 139, 284
- Балетич М. 15, 17, 219, 250, 257, 259
- Балтич М. 83, 110, 206, 238, 256, 263,
267
- Барбариго А. 24
- Белинич М. 73, 116
- Берус А. 73, 75, 110
- Биелац С. 222
- Биелич С. 83, 128, 263, 266
- Биланджич Д. 9, 17, 18, 84, 101, 110,
124, 132, 134, 136, 140, 167, 198,
230, 242, 243
- Билич Ё. 17
- Билич М. 116
- Билич Ю. 83, 84, 102, 202, 206, 221, 222,
239, 251, 256, 264, 268, 275, 279
- Бильбия Д. 13
- Бичанич Р. 90
- Блажевич Я. 83, 104, 142, 145, 146,
167, 206, 215, 241, 263, 268
- Блажевич Ё. 235
- Блашкович В. 90
- Богомоллов О.Т. 11
- Божич М. 110
- Бошкович Ё. 14
- Брандт М. 98, 99, 112, 113, 173, 174
- Брежнев Н.С. 227, 228
- Бркич З. 62,
- Бркич Д. 76
- Брозович Д. 99
- Будак М. 45
- Будиша Д. 18, 133, 204, 248, 249, 250,
253, 254, 255, 257, 258, 260, 280,
282, 292
- Булат Р. 207, 239
- Булатович Л. 13, 81
- Булиц М. 220
- Бурич Ю. 133
- Бушич Б. 77
- Ваупотич М. 113
- Велич М. 201
- Веляк Л. 248
- Венедиктов А. 229
- Веселица М. 14, 18, 129, 130, 137, 141,
169, 174, 175, 200, 202, 204, 206,
208, 209, 242, 252, 267, 281, 292
- Видович М. 171

- Влахович В. 53, 81, 166
Вранич Ш. 129, 131
Вранчич В. 90
Вркич И. 83, 263
Врховец Ђ. 83, 206, 215, 241, 256, 264, 268, 275, 281
Врхунец М. 17, 134, 221, 239
Вукманович С. 123
Вукович З. 17
- Гай Л. 27, 301
Гиздич Д. 105, 106
Глибот А. 137, 169
Готовац В. 18, 103, 153, 176, 199, 202, 206, 207, 281, 292
Гошняк И. 279
Грегорић П. 75
Грбич Ч. 256
Грубиша Д. 179
Груич М. 76, 202
Гуськова Е.Ю.58
- Дабчевич-Кучар С. 16, 82, 83, 114, 122, 124, 128, 131, 134, 141, 142, 144–145, 148–153, 156–162, 164–166, 168, 170, 171, 180, 193, 195, 196, 198, 199, 207, 209, 212, 214, 216, 220–225, 229–232, 235, 237, 238, 240–243, 246, 250, 252, 253, 256, 257, 263, 265, 266, 268–270, 272–279, 284–286, 288, 305, 308
- Далан Т. 99
Джаджич П. 107
Джеба К. 18, 217
Джерджа Ђ. 242
Джилас М. 14, 51
Джодан Ш. 14, 15, 18, 98, 129, 130, 136, 143, 154, 155, 169, 174, 200, 202–205, 233, 237, 238, 242, 252, 253, 271, 281, 308
Джуранович В. 166, 177
- Девчич И. 90
Диздар З. 10
Додиг Г. 280
Доланц С. 224, 269, 276
Дороси-Биелац Э. 83, 222
Драгович М. 253
Драгославац Д. 83, 84, 101, 105, 136, 202, 206, 210, 235, 236, 256, 263, 275
Драшкович М. 41
Драшкович Я. 27
Дрндич А. 220
Дрогович М. 242
Дубаич С. 104
Дубчек А. 222
Дуганджуге Н. 177
- Елачич Ђ. 30, 76, 114
- Жанко М. 10, 13, 103–106, 109, 115–117, 138–140, 142–146, 148–151, 153–162, 165–167, 178, 184
Жидовец З. 15
Жичиг Р. 62
- Зчевич М. 15
Звонимир Чичак И. 178, 179, 208, 246–248, 253, 280, 292
- Ивезич Ю. 139
Ивекович М. 75, 114
Ивекович Х. 174, 176
Ивич С. 86, 263
Ивичевич Ђ. 174, 253
Исакович А. 106, 107
Ђелич Б. 219
Ђеловић К. 284
Ђеркович М. 161, 167, 241
Ђованович Д. 275
Ђонке Л. 98, 112, 113, 118, 174
Ђосипович А. 83, 84, 264, 268, 284
- Кавчич С. 80, 123, 124

- Калєб В. 99
Капитар Е. 26
Караджич В. 27, 30
Кардель Э. 53, 57, 65, 7284, 87, 123,
162–164, 192, 198, 241, 243, 272
Кастратович Д. 18, 115, 118, 229
Катич Д. 82, 110, 122
Кєкич Д. 123
Кватерник Э. 31, 32
Класич Х. 10
Кнезович М. 9
Ковачевич В. 143, 284
Ковачевич Д. 284
Комарица З. 169, 174, 281
Корошец А. 39, 40
Корски И. 15
Корптла М. 83, 84, 263, 284
Крайгер Б. 61, 66
Крижанич Ю. 26
Кристе П. 18, 197
Крлежа М. 111
Крневич Ю. 90
- Ладан Т. 118, 180
Ланг С. 179, 248
Ласич Л. 112
Лучич И. 25
- Маджор М. 83, 252
Мандич В. 117
Марина А. 117
Маркович П. 9, 65, 66
Маткович Х. 10
Мелчич М. 250
Мештрович И. 136, 144
Мештрович М. 136, 137
Михалич С. 100
Махнич А. 39
Машич М. 135
Мачек В. 42, 44, 50, 74
Микулич Б. 143, 160
Микулич Ф. 169
- Миладинович И. 18
Милославски С. 79
Мичунович В. 228
Мишетич Р. 90
Мишкович Р. 169, 228
Миятович С. 160, 166
Мразович М. 35
- Никезич М. 271
Новак Б. 15, 18, 101, 283
- Обрадович М. 56
Опачич С. 62
Орбини М. 25
- Павелич А. 41, 43, 45, 46, 219
Павечич С. 99
Павлетич В. 98, 106, 135, 136, 169, 281
Палаич Ж. 206
Пантарич Д. 219
Параджик А. 133, 249, 250, 283, 308
Пашич Н. 39, 40
Перич И. 7, 10
Пернар И. 90
Перович Л. 17, 79, 271
Петранович Б. 15
Петрич Д. 176
Пинтер К. 156, 161, 162, 165
Пиплиц И. 161
Пиркер П. 83, 84, 109, 110, 122, 125,
128, 136, 142, 145, 146, 148, 209,
225, 226, 232, 248, 263, 266, 275–
278, 283–285, 305
Планинц М. 83, 109, 139, 202, 222,
235, 241, 264, 267, 268, 278–280
Понош Т. 10, 101, 123, 132, 150
Попит Ф. 272
Попович В. 53
Попович М. 53
Прибичевич С. 37, 40
Проданович Й. 10
Пушич Е. 10

- Равлич Я. 99
Раделич З. 10, 288
Радич А. 36
Радич С. 36, 37, 41, 42, 77
Радица Б. 91
Радойчевич Й. 122, 235, 264
Радосавлевич Д. 131
Рамет П. 8, 9, 138
Рамляк И. 169
Ранкович А. 87, 88, 92, 100, 129, 164, 165, 178
Раух Л. 31
Рачки Ф. 31, 35
Релич С. 116, 206
Рендич С. 202
Рибар И. 69
Рибичич М. 100, 224, 225
Риттер-Витезович П. 26
Романенко С.А. 11, 12
Рукавина И. 75, 76, 102, 114, 207
- Сакцински И. 28
Сарич Ю. 169
Спехняк К. 9, 10
Стамболич П. 53
Старчевич А. 31, 32, 35, 39, 40, 46
Стефанович Н. 13
Стюарт Д. 275
Супек И. 132, 133, 178, 245, 248
Супило Ф. 38
- Темпо В. 81
Тито Броз И. 6, 13–15, 17, 18, 49–55, 57, 58, 64–67, 72, 73, 80–82, 86–88, 90, 105, 108–111, 121, 124, 131, 133, 134, 139, 140, 142, 144, 145, 148–150, 154, 157–162, 164, 167, 168, 171, 177, 180–182, 184, 185, 192, 198, 212, 218, 220–223, 226–246, 249, 251, 252, 254, 263–270, 273–280, 282–284, 288, 289, 291, 292, 295, 305–307, 309
- Тодорович М. 123, 142, 271
Томчич З. 135, 143, 170
Трипало М. 13, 15, 16, 18, 80–83, 102, 107, 109–111, 122, 123, 128, 129, 131, 132, 134, 136, 140–142, 144, 145, 148, 154, 155, 157, 158, 161, 164, 165, 168–170, 180, 193, 195, 199, 209, 216, 219–222, 226, 228–236, 240, 241, 243, 246, 250, 254, 256–258, 263, 264, 268, 272, 273, 276–280, 284, 285, 288, 305, 308
Трумбич А. 39
Туджман Ф. 18, 74, 77, 89, 98, 103, 104, 113, 114, 133, 136, 174, 175, 201, 202, 204, 281, 288, 292
- Филиппович В. 174
Франгеш И. 109, 113
Франк И. 36–41, 43
Фрейдзон В.И. 11
- Харамия Д. 18, 78, 83, 84, 142, 155, 156, 221, 222, 236, 263, 267, 283
Хебранг А. 51, 52, 68, 74, 193, 275
Холевац В. 10, 75, 76, 80, 89, 106, 109, 113
- Цар И. 212, 213
Цветкович Д. 44, 74, 80
Црвенковски К. 79, 216, 272
Чизмир-Марович Д. 247, 248, 258
Чичак И.З. 18, 178, 179, 208, 238, 246–248, 253, 280, 283, 292
Чолакович Р. 69, 73, 75
Чосич Д. 17, 60, 144
Чувало А. 8
Чулафич Д. 272
- Шарич Ю. 83
Шегедин П. 98, 136, 202205, 233
Шемякин А.Л. 40
Шенович Ш. 74

Шентия Й. 106, 109, 114

Шибл И. 75, 83, 102, 105, 109, 114,
222, 235, 237, 238, 263, 266

Шошич Х. 18, 136, 203, 204, 254, 281,
286

Шпиляк М. 82, 102, 123, 124, 142

Штадлер И. 39

Штросмайер И. 31, 35

Шубашич И. 50, 90

Шувар С. 136, 284–286, 291

Шупе Я. 133

Шуте И. 9

Юкич И. 90

Юрас Ю. 248, 249

Яндрич Б. 9

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
<i>Глава 1.</i> Предпосылки хорватского национального движения	23
§1. Основные этапы развития хорватской национальной идеи	23
§2. Итоги развития Хорватии в составе Социалистической Югославии до начала 1960-х гг.	49
§3. Условия возникновения хорватского национального движения в 1960-е гг.	71
<i>Глава 2.</i> Бунт национального самосознания	97
§1. Матица хорватская во главе языковых батальонов в Республике в 1967–68 г.	97
§2. Подъем «массового движения» в 1968–69 гг.: от лингвистики и истории к экономике и политике	121
§3. X пленум СКХ и новый курс Хорватии в 1970 г.	149
<i>Глава 3.</i> Массовое движение к национализму	192
§1. «Хорватский отпор своей трагической судьбе»	192
§2. «Массовое движение» в Хорватии и позиция руководства страны и партии.	218
§3. Волнения университетской молодежи как кульминация протестного движения	245
§4. Поражение «массового движения» и его последствия	263
Заключение	304
Список источников и литературы	311
Список сокращений	325
Указатель имен	326

Научное издание

Ирина Владимировна Руднева

ХОРВАТСКОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ
в конце 1960-х — начале 1970-х годов

Текст настоящего издания приводится в авторской редакции

Выпускающий редактор *М.В. Беглецова*
Оригинал-макет *Л.Е. Голод*
Дизайн обложки *И.А. Тимофеев*

Подписано в печать 20.05.2014. Формат 60×90 ¹/₁₆
Бумага офсетная. Печать офсетная
Усл.-печ. л. 20,75
Тираж 500 экз. Заказ № 3816

Издательство «Нестор-История»
197110 СПб., Петрозаводская ул., д. 7
Тел. (812)235-15-86
e-mail: nestor_historia@list.ru
www.nestorbook.ru

Отпечатано в типографии издательства «Нестор-История»
191119 СПб., ул. Правды, д. 15
Тел. (812)622-01-23

Замеченные несоответствия

№ стр	Следует читать
С. 2, Рецензенты	кандидат исторических наук <i>П.А. Искендеров</i>

